

Человеку всегда чего-то не хватает. Хочется приключений, когда наскучивает размеренный быт. Хочется власти, когда неумогу становится выполнять чужие приказы. Хочется славы, когда опостылевает собственноручно избранный жизненный путь... Сколько подобных и куда более простых желаний ежеминутно рождаются и умирают, так и не находя воплощения? Не сосчитаешь. А в конце концов остаётся всего одно. Самое страстное. Самое глубокое. Самое выстраданное. Самое... неосуществимое?

Добро пожаловать в мир, где каждому хоть раз в жизни выпадает шанс исполнить своё заветное желание! Если в Ночь синих звёзд повезёт встретить демона.

Или не повезёт — это уж как посмотреть.

---

*Тебя учили быть плечом.
Тем самым, преданно-надёжным.
Тебя учили быть мечом,
До срока прячущимся в ножнах.
Тебя учили быть спиной,
Подставленной под все удары.
Тебя учили быть виной,
Самоотверженно и даром.
Тебя учили быть щитом
Попутчиков, с любого бока,
Но не учили жить потом,
По истечении всех сроков.
Тебя учили быть вдвоём,
Но ловко и невинно лгали
О том, что прячет окоём
Законов, уложений, правил,
Дрожащий где-то впереди,
И узнавать придётся с боем,
Что перед миром ты — один,
А мир един перед тобою.*

Звено первое

Где-то...

Он приближается.

Ещё месяц назад казалось, что время еле дышит, еле ползёт, словно предчувствуя перемены и благоразумно страшась их, а сейчас, в самый канун, то ли ополоумело, то ли в отчаянии махнуло рукой и понеслось вскачь. Хотя, есть ли у времени руки?

Есть. Лапы, когти, тиски, объятия которых крепче дружеских и неистовее любовных. Мы не можем выбраться из них. Всё, что нам остаётся, это, обманываясь призраком свободной воли, настойчиво убеждать себя: в любой миг, сегодня утром или завтра вечером, когда душа устанет корчиться в бесконечной агонии, нужно будет только потянуть посильнее за нить жизни и...

Приятно верить в несуществующее, ведь оно никогда не случится, не покажется на глаза, не ухмыльнётся редкозубым ртом, круша хрустальный замок фантазии. В неминуемую реальность не верит никто. Напрасно? Нет. Чем выше и толще строишь заборы, отгораживающие тебя от напастей, способных произойти, от напастей знакомых и привычных, тем дольше проживёшь безмятежно. А если повезёт, и помрёшь в заслуженной тяжким трудом благодати духа и тела.

Вот только от Него не укрыться за стенами и решётками.

Он всё ближе и ближе.

Сев.

Это всегда случается ночью. Кажется, звёзды покидают небосвод, чтобы припасть к земле в страстной попытке обрести невозможное, но желанное. И обретают. Не все, благодарение Богу и Боженке, не все. Но даже одного-единственного проросшего Семени бывает достаточно, чтобы вздёрнуть сонный мир на дыбы. Каков будет нынешний раз? Я ничего не знаю о прошлом Севе, да и не мог узнать, потому что ещё не встретил тогда своего наставника и не попал в ученичество, но уж сейчас не упущу ни единого мгновения. Ни одного да-йна. Иначе зачем столько всего было потрачено и приобретено?

Он уже почти на пороге.

Не моём, правда: меня-то Сев пугливо обойдёт стороной, но в мире слишком много дверей, ожидающих тихого стука. И они откroются, можно быть уверенным. Откroются, проложив тысячи путей от добра ко злу и обратно. Придётся ли мне пройти каждым из них? Возможно. Ну и пусть. Всего-то и нужно, что справить пару лишних сапог и посох покрепче.

Он нетерпелив в своём предвкушении, но и я тоже. Наши силы равны, однако исход войны неизвестен заранее никому из нас, потому что мы всего лишь полководцы, а поле боя всегда остаётся за солдатами...

Здесь...

Прежде чем в последний раз прильнуть к ворсистому бумажному листу, кончик гусяного пера тщательно потёрся о бронзовые завитки крышки, предназначенные как раз для избавления письменного прибора от чёрных прилипчивых комочков, и только потом окунулся в тёмные глубины чернильницы. Ноллон со-Логарен задержал дыхание, как делал всякий раз, заканчивая работу, и медленно вывел под ровными линиями то цепляющихся друг за друга, то разрывающих объятия букв: «Писано в двенадцатый день весны года 735 от

обретения Логаренского Дарствия».

Ноллон со-Логарен служил городским писарем и честно трудился с утра до ночи, за скромную плату составляя горожанам письма, по большей части управные и распорядительные, однако ничуть не реже встречались послания одного любящего сердца другому. Пожалуй, лишь за возможность прикоснуться к хрупким чувствам других людей Ноллон и прощал своей службе унылую незавидность. Впрочем, воспитанник дарственного приюта даже в самых смелых мечтах не помышлял о большем, чем уже достигнутое.

Преждевременно осиротевшее дитя, брошенное гулящей девицей на стороннее попечение, а может быть, жертва междоусобиц, время от времени вспыхивающих костерками то здесь, то там, хотя не дай тебе Бож вслух усомниться в шаткости мира, наполняющего пределы благословенного Дарствия! Ни роду, ни племени, одно только короткое со-Логарен, удостоверяющее, что человек признан подданным его милости Дарохранителя. Но и такую подачку тоже нужно было заслужить, ведь Дарствию необходимы не одни лишь вольные жители.

Дарохранитель. Не посланник иных сил, а человек, принявший на себя заботу о тысячах миль и тысячах душ. Человек, чьё смирение настолько велико, что даже имя, данное при рождении, отставляется в сторону и ждёт часа, когда будет торжественным прощанием высечено на надгробной плите. Хотя как можно по доброй воле отказаться от драгоценности наследственного имени? Этого Ноллон не понимал. Единственное, чем он мог себе объяснить столь беспечное поведение управителя Дарствия, — древний и славный род, обросший столькими добавлениями к изначальному имени, что нести их груз труднее, чем решиться сбросить с плеч. Правда, поговаривали, будто никакого Дарохранителя и не существует вовсе, а есть несколько ненасытных знатных дворян, правящих страной под маской красивой легенды. Однако писарь, повидавший на своём веку многих пытливых и неугомонных искателей правды, хорошо запомнил, чем обычно заканчивались их поиски. И добро бы прилюдным наказанием или обличением, так нет. Молчание и забвение провожали в последний путь любого, вознамерившегося проникнуть в государственные тайны. Забвение на все последующие времена.

Ноллон промокнул строки только что составленного письма, убирая излишки чернил, и положил лист бумаги на невысокую пока стопку уже исполненных заказов. Все они были вечерние, принятые после вчерашнего обеденного часа. Почему-то до полудня всегда тихо и почти скучно, единственное развлечение — наблюдать за приходящими в харчевню посетителями, но и их поутру ещё очень мало, одни лишь служивые люди, подкрепляющиеся перед началом или возвращением к трудам на благо Дарствия и Дарохранителя.

Вот те двое, к примеру, выбравшие стол рядом с писарским, тоже у окна. Чтобы греться в пока ещё скупых лучах солнца, постепенно, однако же вполне заметно с каждым новым днём весны набирающегося теплоты и силы раздвигать плотные белесые облака? А может, чтобы без помех видеть улицу и проходящих по ней горожан? Ноллон близоруко сощурился, вглядываясь в поблёскивающую бляху на левой стороне камзола того, кто сидел к писарю лицом.

Так и есть, Недремлющее око. А второй, стало быть, сопроводитель, потому что хоть и сидит сейчас здесь, совсем близко, но словно и нет никого на занозистой скамье. Гладкие тёмные волосы растворяются в туманной дымке смеси солнечного света и харчевенных сумерек, а серо-жёлтая ткань форменной одежды сходна по цвету с каменной кладкой всех без исключения столичных домов, и кажется, что не человеку в спину смотришь, а стене.

Правда, стены бывают разные, а какова эта, тёплая и дышащая, понять невозможно. Защищающая или всё же преграждающая?

Ноллон со-Логарен моргнул, избавляясь от наваждения, и трусливо опустил глаза к чистому листу бумаги. Ну его к Боженке, сопровождаителя этого, хлопот и без него хватает.

Кончик пера скользнул по густой глади чернил, снова на недолгое время попрощался с блеском тщательно начищенного металла и начал выводить: «Милостью Дарохранителя, да незыблемым будет...»

И сейчас...

— Ты скучный человек, Ханнер.

Слова стекали по мареву застоявшегося воздуха на липкий пол, капли пива — в кружку, надкусанную неизвестным, но, вне всякого сомнения, буйным выпивохой, а я терпеливо пережёвывал вместе с полоской сыра желание встать, повернуться, уйти и навсегда забыть о красной сеточке лопнувших сосудов в глазах Атьена Ирриги со-Намаат, Серебряного звена Малой цепи надзора, в миру благосклонно позволявшего называть себя эрте Атьен, а за глаза именуемого подчинёнными просто Ать, прозвищем, которое почти всегда сопровождается закономерным дополнением. И если из какого-то закутка Наблюдательного дома раздавалось приглушённо-недовольное: «Ать его!», не было нужды подходить ближе и интересоваться, кем или чем обижен человек, в сердцах помянувший моего сотрапезника. Почти постоянного, надо сказать, и именно сие постоянство, длившееся уже более полугода, удерживало меня от каких-либо решительных действий, ибо, как говорят старые, мудрые люди, тот, кто силён терпением, всегда добивается цели.

Моя цель оказалась чрезмерно капризной любовницей, не снисходящей ни до силы, ни до хитрости, ни до покорного ожидания. Изредка она показывала край своей одежды, манила пальчиком, а то и дарила мимолётную улыбку, но всякий раз ускользала, не давая даже прикоснуться. А годы... Годы шли, неторопливым, но ни на мгновение не сбивающимся с ритма походным маршем, и не далее как сегодня утром, собираясь на службу, я обнаружил, что складка над поясным ремнём уже состоит не из одной только ткани рубашки, стало быть, дни срока, отпущенного на раздумья и действия, истекают. Жизнь не закончится, разумеется, с чего бы ей вдруг так поступать? Вот только если раньше выбор принадлежал мне, теперь выбирать будут другие. И не в мою пользу.

А самое мерзкое не ощущение, что тебя загнали в угол, а то, что это известно всем вокруг. Тот же Атьен, лукаво посматривающий на меня поверх редко скучающей на столе глиняной кружки, я уверен, еле сдерживает презрительные смешки. Вот если бы мы уже возвращались с докладом об исполнении дел, мой собеседник непременно дал бы волю гнусным и двусмысленным шуткам, так что можно вознести хвалу Богу и покуда дышать спокойно, ибо никто, находясь в здравом уме, не станет ссориться с сопровождаителем на половине пути, потому что...

— Ты скучный человек, — тоном судьи, оглашающего приговор, повторил счастливец, удостоенный чести называться Серебряным звеном.

— Да, эрте, — тщательно избегая поспешности, согласился я, чтобы избавиться от необходимости в третий раз выслушивать одно и то же.

Атьен хитро прищурился, однако не стал томить напряжённым ожиданием новой каверзы, заключив:

— С тобой скучно, зато спокойно.

Пояснения не последовало, словно Ирриги со-Намаат предоставлял мне возможность обратиться к нему с вопросами. Впрочем, на подобную уловку я уже давно не попадаю: добродетель сопровождаителя состоит прежде всего в немногословности, поскольку мы — тени, идущие след в след и обретающие плоть лишь в том случае, когда должны стать каменной стеной, защищая Ведущего. А пустые разговоры, пусть даже в минуты короткого отдыха, недопустимы ни уставом, ни благоразумием, которое в своё время и добавило главу о предпочтительном молчании. Сразу после того, как особо болтливый сопровождаитель стал причиной многочисленных смертей. Что именно он ухитрился натворить, нам не рассказали ни на церемонии присяги, ни потом, но причин усомниться в правильности решения Начальственного совета за всё время службы почему-то не возникло.

— Спокойно... — Атьен сделал мрачную паузу и хохотнул: — Как в могиле!

Я тоже позволил себе улыбнуться, но только мысленно, чтобы не вспугнуть красногрудую голубицу удачи.

Неужели сереброзвенник по-настоящему доволен моей службой? Наверняка. Иначе бы разговор не зашёл о покое, потому что мужчина, разменявший пятый десяток лет, а заодно обзаведшийся проседью в некогда густо-чёрных волосах и бороздами морщин на покатоном лбу, давно уже осознал истину, к которой жизнь подвела меня в последний год.

Покой. Вот и всё, что становится нужно, когда проходишь срединный рубеж на пути от рождения к смерти.

Сражения и страсти хороши для юнцов, не обременённых планами на будущее, заходящими дальше завтрашнего утра. Не спорю, мне тоже когда-то доставляло удовольствие чувствовать затылком дыхание смерти, от которого кровь вскипала и пускалась вскачь, прогоняя все мысли, кроме одной. Мысли о победе в очередном поединке. То, что главный враг, стоящий за плечом каждого следующего противника, неодолим, я начал понимать, когда впервые проснулся от боли в спине. То ли крутанулся во сне, то ли натянуло сквозняком, то ли... Именно долгий перебор причин меня как раз и ужаснул. Вечером в постель лёг беспечный юноша, а утром встал, надо сказать, с превеликим трудом, человек, незаметно перешедший в следующую пору существования. Зрелость неплоха сама по себе, грешно посылать ей проклятия и укоры, но она потребовала взглянуть на прошедшее время и принесённые им плоды трезво. Настолько трезво, чтобы увидеть: за моей душой ничего нет.

Справиться с безотчётным ужасом, охватившим меня в тот день, удалось не сразу и не быстро, понадобилось много часов, проведённых в тяжёлых раздумьях, чтобы решить, куда и как двигаться. Собственно говоря, особого разнообразия выбора не было ни в целях, ни в средствах. Полагаться на счастливый случай показалось мне глупостью, и ставка была сделана на терпение и упорство, в полнейшей точности с завещанием отца, наставлявшего меня «служить со всем возможным тщанием и прилежанием».

Что ж, вот лишний повод убедиться в мудрости возраста: я почти добился своего. Ещё десяток-другой совместных походов по городу, и Атьен наверняка замолвит за скромного сопровождаителя словечко перед своим начальством. Разумеется, самое большее, на что я могу рассчитывать, это Стальное звено, но недаром же все двенадцать последних смен со-Намаат таскает с собой именно меня!

Теперь важно не сделать ни малейшей ошибки. Осталось совсем немного, совсем чуточку потерпеть, и можно будет больше не волноваться о будущем. Ещё пара-тройка шагов и...

— По коням: работа зажалась! — Атьен с заметным сожалением провозгласил

завершающий трапезу тост и опрокинул в рот остатки пива.

*****

Малая цепь надзора на то и была малой, что вмещала в себя всего три дюжины Звеньев, каждому из которых на кормление была отдана своя горсть торговых домов. Плодоносящие поля Ирриги со-Намаат простирались от Третьей дуги до Четвёртой: место не самое прибыльное, но зато населённое стоворчивым людом, а чем меньше сил прикладываешь к исполнению службы, тем она завиднее. По крайней мере, так считал я. Как мой Ведущий оценивал беспечную лёгкость своих прогулок, происходящих ровно раз в три дня, мне было доподлинно неизвестно, а степенно застывшие в выражении благости черты лица Атьена не поддавались изучению.

Впрочем, если бы кто-то узнал, что я не способен каждую минуту определять с необходимой точностью чувства и намерения того, кого сопровождаю, меня без вопросов и сожалений выгнали бы. Взашей. С другой стороны, может быть, именно тогда мне и удалось бы вздохнуть спокойно?

Последним в списке назначенных к посещению стоял дом Лоса Ренно со-Ремет, купца, уже много лет снабжающего столицу пушистыми шкурами зверей с северного побережья. Не сказать чтобы сей товар пользовался большим и настойчивым спросом в Веенте, где по наступлении зимы на каждой улице выставлялись с промежутком в пять десятков шагов общественные жаровни, позволяющие согреться городскому люду, как имущему, так и побирающемуся. Меха требовался господам, предпочитающим проводить морозную зимнюю пору в загородных имениях. Что же касается слуг, то те успешно довольствовались шкурами обитателей здешних лесов, ведь когда тебя гоняют в хвост и гриву с утра до вечера, впору, наоборот, скидывать всё лишнее, потому что скорее сопреешь от усердия, нежели застынешь.

Часть 1.2

Медленно, но верно в столицу Дарствия шла весна, стало быть, сегодняшнее посещение купца было последним перед долгим перерывом до первых осенних заморозков. Оно и к лучшему: успею отдохнуть от пыльно-приторного запаха шкур, которым пропитан весь купеческий дом. А ещё любопытно будет поглядеть на Атьена, станет ли тот искать повод для лишнего приработка или благосклонно отпустит купца восвояси и с нетронутым золотым запасом, так сказать, порежет цыплят или оставит на разведение. За время сопровождения я видел в исполнении сереброзвенника и строгость, и щедрость, но, пожалуй, до сих пор не мог сказать точно, что служило причиной принятия того или иного решения. Случалось, Ирриги со-Намаат выжимал последние деньги из небогатых купцов, благодушно прощая прегрешения тем, кто мог бы заплатить втрое и не обеднеть, а случалось и наоборот. И иногда мне вдруг начинало казаться, что Атьен просто забавляется, поступая ровно в противовес моим ожиданиям: мол, смотри-смотри, всё равно ничего не выглядишь, потому что не ровня мне и ещё долго ровнёй не станешь.

— Проходите, проходите, эрте, милости прошу!

Лос Ренно, заметно нагулявший за зиму жирка, расплылся в подобострастной, но всё же тревожной улыбке. Чувствует подвох? Вполне возможно, ведь у него куда более запоминающийся опыт общения со Звеньями Цепи надзора, чем у меня. Я всего лишь сопровождаю, не получая ни удовольствия, ни лишней монеты к жалованию, а купец должен быть прозорливым и понятливым, чтобы не потерять доброе имя и доходы.

Ирриги со-Намаат ответил на приветствие не менее умильной гримасой, напоминая при этом кота, когтистой лапой прижимающего пойманную пташку к земле и лениво думающего, поиграть с ней немного для вида или сразу оторвать голову.

— Доброго дня, эрте Лос, доброго весеннего дня!

Ага, всё же намекнул на завершение надзорных посещений. И так, предстоит полное выворачивание карманов и кошельков? Что ж, остаётся только учиться, тем более если вскорости мне предстоит заняться тем же самым, но уже в качестве Ведущего.

Атьен сел в пободострастно пододвинутое самим хозяином дома кресло, а прислужник — худенький паренёк с коротко стриженными по купеческим обычаям волосами — успел поставить на стол перед Серебряным звеном кружку с подогретым вином ровно за мгновение до того, как объёмистый зад Ирриги коснулся затейливо вышитой кресельной подушки. Неужели и меня скоро будут привечать с подобным усердием? Даже не верится. Впрочем, в лучшее мне не верилось никогда. Не было повода.

Тень, невнятная и незаметная. Молчаливый призрак, стоящий за плечом то одной, то другой чиновной персоны. Сопроводителей не видят, даже если смотрят в упор, и сие есть величайшая загадка, помогающая мне скоротать тягучие минуты ожидания очередного приказа.

В чём секрет? В покрое одежды? В цвете волос? В чертах лица? Да, по большей части мы похожи друг на друга, как горошины одного стручка, но взгляды прохожих, словно нарочно обученные, скользят мимо нас, взятых и вместе и по отдельности. А ведь когда-то я почитал счастьем и большой удачей стать одним из Межзвенных... Понадобилось несколько долгих лет, чтобы понять: то, что находится между Звеньями, называется пустотой. Да, она необходима, чтобы цепи оставались гибкими и подвижными, и всё же, о ней вспомнят лишь

в крайнем случае. Когда её не станет. Пустота, по велению службы наполняющаяся материей, разделяющей и соединяющей...

Меня и вправду нет, потому что сейчас я — это комната со всяческой утварью и два человека, занятых общим делом.

Я состою не из мяса и костей, а из тропок от шкафов к креслам. Тропок, огибающих меховые холмы выставочных стоек, бегущих от угла до угла, стелющихся напрямую и наискосок, затоптанных и покрытых нетронутым слоем пыли.

Я дышу в такт хитроумному торговцу и коварному сереброзвеннику, которые и не подозревают, что есть сейчас в этом мире место, где они находятся ближе друг к другу, чем сросшиеся до рождения близнецы. Но это и к лучшему, иначе очередной вдох разорвал бы мою грудь пополам.

— С чего изволите начать? — нервно потирая ладони, спросил Лос.

Мой Ведущий сделал вид, будто напряжённо раздумывает, а потом изрёк фразу, остающуюся неизменной в любое время года:

— Милостью Дарохранителя и праведностью его... Последний обоз, на который было получено разрешение, уже пришёл?

— Намедни, эрте. Только-только успели разгрузить.

— Напомните мне, что прибыло с ним в столицу.

Купец довольно резво для своего возраста и веса метнулся к шкафу, стоящему тут же, в лавочной комнате, взял с полки приходную книгу в самом ярком, не успевшем ещё потускнеть от многочисленных прикосновений переплёте, торжественно положил её на стол перед Серебряным звеном и раскрыл на последней исписанной странице. Атьен углубился в изучение мелкобуквенных строчек, а я получил несколько мгновений передышки.

От скуки можно было тоже вчитаться в подробнейший перечень шкур и уплаченных за их ввоз податей: находясь за левым плечом Ведущего, я ясно видел почти всю страницу книги, за исключением того участка, по которому медленно скользила, подпирая очередную строчку, ладонь Атьена. Однако сопроводителю полагалось наблюдать за тем, что происходит вокруг купли-продажи, а не внутри неё, и я никогда не нарушал установленных правил.

Лавочная комната, в которую попадаешь прямо с порога, — самая большая в купеческом доме, ведь она служит для ублажения покупателей и должна быть просторной, да к тому же светлой, дабы ничем не повлиять на результат сделки. Раньше, до введения «Свода рекомендаций торгующим и покупающим», купцы часто шли на хитрости с масляными лампами и свечами, но подобные каверзы сходили торговому люду с рук, пока обманутым не оказался вздорный и склочный, зато приближённый к власти человек. Его обидчика сурово наказали, а дабы всем прочим впредь неповадно было искать выгоду в мутной водице уловок, придумали несколько сотен предписаний, ущемляющих права купцов. Правда, лишь с одной стороны, ведь теперь любая сделка, совершённая в соответствии с требованиями закона, не могла быть расторгнутой, как бы страстно покупатель ни желал обратного.

Лос Ренно, по моим наблюдениям бывший в меру послушным исполнителем спущенных сверху приказов, ни на букву не уклонился от строчек Свода: в лавочной комнате было светлее, чем на улице, потому что к высоким окнам, между которыми, казалось, и стен-то не остаётся, прилагались светильники, горящие пронзительно-белым пламенем.

Однако... В прошлый раз в моих глазах пытались танцевать совсем другие блики.

Лювенное масло? Значит, купеческие дела идут на зависть многим. Правда, при таком свете мех выглядит богаче, чем в действительности. Вроде и законопослушный человек перед нами, а на деле всё же лукавит. Не даст тебе спуска Атьен, ох не даст, когда заметит! А может, уже заметил, потому что удовлетворённо откинулся на спинку кресла, оставив приходную книгу в покое.

— Я смотрю, на сей раз в списках нечто новое?

— Да, эрте, вы совершенно правы! Я взял на себя смелость предложить столичным покупателям снежную лису. Вот, извольте сами взглянуть, не правда ли, замечательный товар?

Жестом ярмарочного фокусника, допущенного до услаждения знатных взоров, Лос сдёрнул со стойки даже на вид почти невесомую шкуру, искрящуюся, как снег ясным морозным утром, и протянул Атьену. Тот с видимым удовольствием провёл тыльной стороной ладони по пушистым ворсинкам.

— Хорош, ничего не скажешь. Но как бы ни был хорош товар, подати за него всегда намного лучше, верно?

Купец натужно улыбнулся любимой шутке серебрязвенника и поспешил заверить:

— Всё уплачено, не извольте беспокоиться.

— Вижу, вижу. Вы ведёте свои дела с достойным прилежанием, эрте. И светятся они, можно сказать, яснее, чем само солнышко...

Ну вот мы и подобрались к самому важному. Сейчас мой Ведущий начнёт долго и скучно говорить о погодах, пришедших на столичные дворы, пока попавшийся с поличным нарушитель закона не сообразит, сколько монет нужно положить в кошелёк и молча придвинуть к ласково поглаживающим стол пальцам. И надо думать, ждать придётся недолго, потому что в выражении лица Лоса уже проступило явственное облегчение. Есть ещё грешки за душой, да позатейливее? Всё может быть. Но мы удовольствуемся тем, что лежит на поверхности. Хотя бы потому, что день перевалил за середину и нет ни нужды, ни желания задерживаться дольше необходимого в сём гостеприимном доме.

— Одно мгновение, эрте, всего одно мгновение! — Купец скрылся за дверью, ведущей на жилую половину дома.

Не держит деньги на виду? Разумно. А в лабиринте клетушек и самый умелый вор не сразу отыщет купеческую казну. Что ж, ждём.

— Хороший товар... — Атьен сцепил пальцы замком, не сводя глаз с мерцающего меха.

Польстился на шкурку? Или осторожность всё же перевесит? Нет примет лишь у монет, как говаривал наставник, обучающий меня и ещё сотню юношей искусству сопровождения. Но тогда Лосу не позавидуешь, ведь стоимость останков убиенной лисы будет добавлена к общей сумме, позволяющей избежать заслуженного наказания.

А мех и впрямь хорош. Как бы он смотрелся на нежных женских плечах... Уж всяко лучше, чем на лакированном полу.

На...

Полу?

Белое пятно стало заметным, лишь когда до него добрался круг света от ближайшей лампы. А вернее, когда добралось само пятно, потому что оно... Двигалось.

В следующее мгновение у пятна обнаружили тёмные бусины глаз, пуговка носа и крохотная тёмно-розовая пасть, раскрывшаяся в весёлом звонком тьяканье. Лиса. Совсем махонькая, можно сказать, щенок. Такая же молоденькая, как и её хозяйка, вбежавшая в

комнату.

— Пушистик, вот ты где! А я уже думала, что на улицу сбежал.

Незваной пришелице было лет шесть или семь на вид, а нарядная одежда и белокурые косы, двумя баранками уложенные вокруг висков, говорили о том, что наше уединение нарушила отнюдь не служанка. Должно быть, младшая дочь, к счастью, ничем внешне не напоминающая отца, давно сменившего кровь на льстивое масло. Беззаботная и бесстрашная. Или, быть может, просто успевшая привыкнуть к чужим людям в доме, потому что, увидев незнакомцев, не поспешила прочь, а, взяв лисёнка на руки, счастливо улыбнулась:

— Доброго дня!

— Доброго дня, красавица! — Атьен вдруг решительно отодвинул мех в сторону, спешно поднялся на ноги и приблизился к девочке. — А что это у тебя за зверёк?

— Папа привёз. Он совсем ручной!

Отец-то? Разумеется, если балует свою дочь подарками.

— И давно привёз?

— Дня два как. Обоз пришёл, а с ним и Пушистик приехал.

— Славный зверёк, славный... — задумчиво произнёс мой Ведущий и поднял руку, видимо намереваясь почесать лисёнка за настороженно поднятым ухом, но пальцы вдруг остановили движение в нескольких дюймах от серебристого меха.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

А дальше? Что-то комком забило горло, заставляя время вокруг и внутри споткнуться. Привычный ход событий нарушился, и мы вступаем на другую дорогу?

Да.

Совсем скоро.

Прямо сейчас.

— Я уже здесь, эрте! — возвестил купец, появляясь на пороге, и его лицо, ещё мгновение назад сияющее надеждой на скорое избавление от общества сереброзвенника, застыло безжизненной маской, едва Лос увидел посреди комнаты девочку, сжимающую в объятиях не давно убиенного и опшуренного, а вполне живого зверя.

— Здесь и останетесь. Надеюсь.

— Я... эрте...

— Гроза на дворе. Рановато ещё для гроз, а что поделать...

Он продолжал говорить, но я всё равно не слышал ничего, кроме самого первого слова. Потому что после него ничего уже не существовало. Ни для меня, ни для остальных.

«Гроза». Приказ к действию, которое мне давным-давно не доводилось выполнять, но которое я не мог исполнить иначе, кроме как исправно.

Ещё не отзвучало протяжное «...за», а моё правое колено на выдохе коснулось пола, пальцы потянули из сапожных ножен коротенькое веретено, рука размахнулась и всадила между половицами жало Соединяющего жезла. На вдохе же я снова стоял за левым плечом Ведущего, положив ладонь на бархатисто-тёплый бок бракка, предвкушающего работу.

Жезл за нашими спинами вздрогнул, и не надо было даже смотреть в его сторону, чтобы понять это, потому что под ногами прошла ясно осязаемая волна, заставившая паркет скорбно скрипнуть. Все замки и запоры, имеющиеся в купеческом доме, отныне утратили

своё первозданное естество и запечатали входы и выходы не хуже сургуча, неважно, сталь, бронза или дерево помогало купцу прежде защищаться от нежелательных гостей. Ни одного промежутка, ни одной щели толщиной больше человеческого волоса, теперь нет ни поодаль от нас, ни на нас самих. Слава Богу, форменные мундиры сопровождаителей скроены так, что даже в крайнем случае вроде наступившего не сковывают движения, а вот остальным людям, находящимся в комнате, сейчас не позавидуешь. Впрочем, кроме Серебряного звена пока ещё никто не понял главного: из этого дома выйдут только два человека. Всех прочих... Даже не вынесут.

— Эрте... — Лос растерянно покачнулся вместе с последним приступом дрожи, крысой метнувшейся по полу.

Атьен отступил на шаг назад, оказываясь на одной линии со мной, и ласково улыбнулся:

— Признаться, память у меня давно уже не та, что в юности, когда я мог наизусть повторить от начала и до конца «Уложение о безмятежности», но одна из его глав, как на грех, припомнилась. Та, где строжайше запрещается доставлять в пределы столицы любых живых тварей, в том числе и рода человеческого, избегая тщательного осмотра. Сами знаете, в какой Цепи. Или напомнить?

— Эрте... — Купец сглотнул, но слюна не смочила вмиг пересохшее горло, и следующие слова оказались больше похожи на карканье, чем на прежнюю масляную речь. — Я ни в коем разе... Сегодня ввечеру и собирался...

— Вечер? — усмехнулся Атьен. — Увы, он слишком далёк. А вам до него и вовсе будет не добраться. Вам всем.

Последние слова прозвучали с редкостно искренним сожалением, и именно оно помогло купцу понять всю глубину бездны, на краю которой он вдруг очутился.

— Эрте... — Лос упал на колени, пряча взгляд. — Боженкой милосердной заклинаю...

Трясущиеся пальцы попытались что-то нащупать в складках длинного домашнего кафтана, может быть, нож, а может быть, туго набитый кошелёк, но наткнулись на ставшее цельным полотно, целый вдох оставались испуганно неподвижными, а потом потянулись к Серебряному звену. Потянулись слишком резко и угрожающе, чтобы оставаться на свободе.

Конец бракка описал короткую дугу, скользнул по шее купца, вынудив того опереться об пол, чтобы не упасть, и прижал одну из ладоней к половице. Без боли, всего лишь как бы намекая: лучше оставайся на месте, — но лицо Лоса исказилось таким страданием, что купеческая дочка испуганно вскрикнула:

— Папа!

Она выпустила лисёнка, тут же радостно попрыгавшего в угол, бросилась к отцу, но платье, минуту назад ставшее коконом, сбило ребёнка с ног. Девочка упала, непонимающе дотронулась до чудесным образом склеившихся складок, отдёрнула пальцы и переспросила, уже тише:

— Папа?

Купец поднял затравленный взгляд на сереброзвенника:

— Что будет с ней?

— Вы знаете.

— Она... Она ещё совсем малышка! Я заплачу любые деньги, слышите? Всё, что у меня есть, только... Пусть она останется!

Хорошее предложение. Нет, просто замечательное предложение! И что же ответит мой Ведущий? Вот шанс безбедно прожить остаток дней, каким бы долгим он ни был. Да и мне

перепадёт с господского стола... По крайней мере, есть надежда.

Итак, эрте, каково будет ваше решение?

Атьен неопределённо качнул головой, повернулся к купцу спиной и вздохнул:

— Вы знаете закон. А закон это такая скучная штука... Невыносимо скучная и ни на волосок не отступающая от однажды избранного пути. Как и его служители.

Я не поверил собственным ушам. Он отказывается? Быть того не может! Впрочем, пока не произнесено последнее слово, развилка не пройдена. Очень заманчивая развилка.

— Пусть она останется... — обречённо повторил Лос и вдруг дёрнулся в мою сторону, однако прижатая к полу ладонь не позволила купцу сдвинуться с места. — А ты? Ты ведь не такой, как он, правда? Ты не такой! Ты же можешь...

Да, я не такой, как Атьен Ирриги со-Намаат. Но я хочу стать таким. Хочу, сыто отдуваясь, неторопливо шествовать от одной торговой лавки до другой, собирая дань, предназначенную дарственной казне и собственному карману. Хочу видеть в глазах смотрящих на меня людей подобострастие и с трудом сдерживаемую ненависть. Плевать, чего будет больше, но зато оно будет! Хочу...

— Ханнер. Пора.

Хочу отправлять людей на смерть?

Сознание протестующе закричало: «Нет!», но тело не смогло послушаться приказа. Большой палец лёг в одно из углублений покрывающего древесину резного узора, и вены бракка начали набухать ядом.

Требуется всего лишь несколько мгновений. Достаточно сосчитать до трёх, чтобы оружие, призванное защищать, превратилось в смертоносное, а его обладатель приготовился стать палачом. Но крови не будет, ведь яд надёжнее и чище справляется со своей задачей. Хватит одного-единственного прикосновения к не прикрытому ничем участку кожи, чтобы смертный приговор оказался исполненным. Сначала человек ощущает что-то вроде ожога, очень быстрого и почти безболезненного, а потом постепенно перестаёт вообще что-либо чувствовать. Онемение распространяется от того места, через которое введён яд, по всему телу, причём по поверхности быстрее, нежели внутри, и, если порция оказалась маловата, какое-то время отравленный представляет собой большую опасность для противников, потому что не обращает внимания на болевые позывы нанесённых ран. Если, конечно, решит вступить в бой. Но мне бой уж точно не нужен, а значит, придётся быть щедрым.

Я сжал серединную фалангу.

Мгновением позже купец охнул и невольно затряс рукой, стараясь унять жжение. Рукой, получившей свободу, потому что бракк уже нежно касался бледной щеки ребёнка...

Всего в доме находилось трое слуг и пятеро купеческих помощников. Сопротивления не оказал никто. Попросту не смогли, схваченные в плен собственной одеждой. Не говоря уже о том, что любое оружие, находившееся в ножнах, оказалось намертво спаяно с ними: Соединяющий жезл сработал, как ему полагалось. Правда, нанеся ущерб не только преступившим, но и исполняющим закон.

— Всё добро пропало... — Атьен толкнул одну из висящих на стойке шкур, больше не струящуюся между пальцами, а превратившуюся в неподатливый, как застывшая смола, кусок порченого меха.

Это верно. Пропало. Даже монеты большей частью склеились между собой и теперь годны лишь в переплавку. Сколько всего потеряно... Неужели оно стоило того?

Но я никогда не решился бы вслух задать вопрос, вертящийся у меня на языке и отчаянно рвущийся на волю. Не решился бы произнести всего одно слово, вмещающее все возможные оттенки моего удивления.

Почему?!

— Закон подлежит исполнению, — ответил Атьен, поймав мой взгляд. — И особенно в тех случаях, когда его хочется обойти. Чумная весна ведь тоже началась с послушания одного-единственного человека. К несчастью тысяч невинных душ, облечённого властью.

***

Пожалуй, никогда раньше коридоры Наблюдательного дома не казались мне такими длинными.

Повороты, переходы, галереи, ступени, ведущие то вверх, то вниз. Бесконечные стены. То наполненные людьми островки проходных залов, то пустынные... Я всегда преодолевал их вереницу за одно и то же время, сейчас же никак не мог дождаться окончания заученного пути. Мучительно хотелось сделать глубокий вдох, но обручи рёбер, казалось, от минуты к минуте сдавливали лёгкие всё сильнее и сильнее, так, что ещё немного, и можно было вовсе потерять сознание, мешком рухнув под ноги кому-то из служек или мелких чиновников, снующих по коридорам.

Воздух.

Где он, Бож его прокляни?!

Отпустить начало только за сотню шагов до места назначения, к которому я стремился и которое, будь такая возможность, обходил бы стороной. Полагаю, Атьен чувствовал себя намного хуже, и лишь это хоть немного примиряло меня с мыслью о том, что могила для моего личного упокоения уже вырыта. Мной самим.

Нет, все полагающиеся на мою долю обязанности были исполнены безупречно, вне всяких сомнений. Ни вдоха не было потрачено на промедление, разумное или безрассудное, за каждым приказом следовало действие, каждое движение достигало намеченной цели. Но когда всё было кончено и мёртвенный покой воцарился там, где ещё недавно звенел детский смех и скрипели отчаянные мольбы, я совершил преступление.

В «Уложении о проступках, намеренных и нечаянных», оное называлось «недоверием к чиновному лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей» и почиталось одним из наиболее тяжких, когда совершалось нижестоящим по должности. Проще говоря, я должен был смиренно и тупо ожидать дальнейших распоряжений, а не задаваться вопросами, тем более не позволять им явственно проступить во взгляде.

Конечно, Атьен не станет предоставлять Цепи внутреннего надзора соответствующий доклад, и вовсе не потому, что на допросах могут вскрыться не слишком приглядные обстоятельства повседневной службы Серебряного звена. Он всего лишь откажется от намерения рекомендовать меня своим сотоварищам, и вот это будет страшнее, чем прочие наказания.

Он просто оставит меня гнить в моём болоте.

С виду всё красиво, богато и благородно, особенно если никогда не покидать надолго Сопроводительное крыло. Чисто выметенные килосские плитки на полу, пусть не поражающие взгляд разноцветьем, но не менее добротные, чем те, что устилают покои Дарохранителя. Каждый фут каменной кладки стен затянут гобеленами, прославляющими величие Логаренского Дарствия, а заодно защищающими местных обитателей от коварных сквозняков. Своды потолков белы, как первый снег, ладошки оконных стёкол прозрачны, любая дверь откроется перед вами и захлопнется за вашей спиной без малейшего скрипа. Благолепие, куда ни глянь. И люди, вдыхающие жизнь в эти комнаты и коридоры, подобраны один к одному. Ни низкие, ни высокие, подтянутые, похожие друг на друга чертами лица, одевающиеся и действующие по единым правилам. Иногда кажется, что, переступая привычный порог в глубине Наблюдательного дома, попадаешь в муравейник, где пропажа кого-то из мурашей останется незамеченной, потому что его место сразу же займёт другой, ничем не отличимый от прежнего. А вот Гирма Лое со-Майлан заменить хоть и возможно, но трудно, потому что редко какое Медное звено даже Большой цепи

одушевления по доброй воле соглашается на грязную работу с Межзвенными.

— Ты за часами следишь? — зевнул Гирм, отпирая дверь в ответ на требовательный стук.

— Прошу прощения, эрте. Непредвиденные обстоятельства.

Намётанный взгляд меднозвенника прошёлся по вороту моего камзола, и бритая голова кивнула: мол, заходи, коли пришёл. Вернее, коли успел прийти самостоятельно, а не волоком притащили.

Поговаривали, что многие из Цепи одушевления предпочитали выводить с лица и тела всю возможную растительность, дабы та не мешала творить служебные чудеса, но я все десять лет бытности сопровождателем виделся только с Гирмом, поначалу производившим жутковатое впечатление, а потом ставшим столь же обыденным явлением, как необходимость вставать по утрам в один и тот же час вне зависимости от желаний и ощущений. Гладкая кожа головы диковинкой не была. И среди работного люда, и среди вельмож находились противники пышных шевелюр, зато отсутствие бровей и ресниц придавало Медному звену поистине зловещий и почти нечеловеческий вид, мешая взглянуть в остальные черты. Впрочем, кого волновало, красив или уродлив мужчина, день за днём снабжающий всех без исключения сопровождателей орудиями их труда?

— Сколько времени действовал жезл?

— Почти час.

Гирм хмыкнул, зашёл сбоку, положил левую ладонь мне на грудь, правую — на спину и резко надавил, словно собираясь сделать хлопок. Рёбра протестующе хрустнули, но остались целы, раскрываясь подобно цветочному бутону и наконец позволяя вдохнуть как следует.

— Сейчас всё пройдёт.

— Спасибо.

— Было бы за что... Один с жезлом забавлялся? — В руках Медного звена тускло сверкнуло тонкое острое лезвие.

— Нет. Со мной был чинуша из Надзорных.

— Молодой?

— Наоборот.

Гирм скрипуче хихикнул.

То, что Цепи недолюбливали друг друга, не было секретом, но между отдельными Звеньями иногда шли настоящие войны, в которых гибло много нечаянных участников, а я таковым становиться вовсе не жаждал, поэтому сделал вид, что не заметил ехидного смешка, тем более швы сковавшего меня панциря начали расходиться, и только теперь стало понятно: дышать мешал не один лишь клейкий воздух, задержавшийся в лёгких.

— А ты начинаешь матереть, парень.

Наблюдение, высказанное вскользь, резануло не хуже ножа. Наверное, всегда больно, когда сокровенная тайна становится известна кому-то, кроме тебя самого, но можно пропустить чужие слова мимо ушей, сохраняя спокойствие, а можно вздрогнуть, открыто выказывая свой стыд. И надо признать, второе получилось у меня намного лучше.

— Эй, стой спокойно, а то лезвие сорвётся!

Спокойно! Где уж тут быть спокойным, когда будущее висит на волоске? Если Атьен промолчит, то Гирм смолчать не может, ведь по ему чину ему положено совсем иное.

Бракки, жезлы и прочие хитрые штуки, помогающие сопровождателям исполнять свои обязанности, были только одной стороной монеты, а другая касалась того, что вложено не в

наши руки, а в нас самих. Зелья, хранящие от холода и жары, добавляющие зоркости глазам, крепости костям и гибкости связкам, оберегающие наши жизни и жизни тех, у кого мы стоим за плечом. Нас много, а количество капель, которое нужно принять перед выходом на службу, одно и то же, недаром мы одинаковые. Любое изменение в росте или весе потребует долгих тщательных опытов того же Гирма, а то и десятка других Звеньев Цепи одушевления. Правда, до определённого момента все мелкие грешки плоти прощаемы и исправляемы, зато потом...

У каждого человека этот опасный возраст наступает в разное время. Кто-то долго остаётся мальчишкой, а кто-то прощается с юностью, едва вступив в её пору. Внешне почти ничего может и не измениться, но опытный глаз, вот как у меднозвенника, сразу поймёт: срок подошёл. Сколько я смогу протянуть? Месяц? Два? Три? В какой из дней зелья Гирма превратятся для меня из целительных в ядовитые? Всё в мозолистых руках Божа. Но умирать по собственной глупости... Нет уж. Хватило и того, что я уже натворил.

Полосы ткани и кожи, некогда бывшие мундиром, мирно улеглись на полу.

Соединяющий жезл стараются использовать пореже, и удивительно, что Атьен рискнул обратиться к его помощи. Мне и вовсе не доводилось использовать на службе это веретёнце, хотя, разумеется, я умел с ним обращаться и знал все последствия наперечёт.

Так почему же?

Почему?

Неужели этот день был назначен днём моего последнего экзамена? Наверняка. Недаром же Ирриги медленно и лениво подводил меня к мысли о том, что купец отделается всего лишь взяткой, а потом при неожиданной смене обстоятельств принял противоположное решение. Он хотел посмотреть, как я поведу себя, чтобы убедиться в правильности принятого решения? Что ж, посмотрел. И увидел многое. Больше чем я хотел бы показать.

Конечно, можно было бы сомневаться и питать надежду, но последние слова сереброзвенника отрезали все пути к отступлению. Чумная весна. Она унесла с собой жизни очень многих горожан, в числе которых были и мои родители. Раз Атьен упомянул о ней, значит, он читал касающиеся меня документы из архива Сопроводительного крыла. Раз читал, значит, всерьёз подумывал о моём будущем. И надо же мне было так опростоволоситься!

Дур-р-рак. Ну что стоило сохранить хотя бы бесстрастный вид, а ещё лучше — изобразить праведное возмущение беспечностью купца, нарушившего правила? Вот тогда эрте Ирриги замолвил бы за меня словечко, потому что лишь с одной стороны чувства являются брешью в стенах души, а с другой — любая служба, исполняемая при участии чувств, достойна восхищения, как вечно твердили наставники. Память же об отце и матери и вовсе священна. Только, увы, зачастую бесполезна.

Нет, я ничего и никого не забыл. Но что проку горевать теперь? Виновник Чумной весны был выявлен и казнён, уложения ужесточены, надзирающие службы натасканы лучше прежнего. Да и Цепь восстановления с тех пор научилась создавать целебные снадобья так быстро, как это возможно для человеческого разума и рук. Купец совершил оплошность, спору нет, но вместо полного уничтожения можно было пойти другой тропинкой. Скажем, отписать письмецо какому-нибудь мелкому Звену, не гнушающемуся сторонними приработками, попросить осмотреть зверька, а уже в случае если тот действительно чем-то опасен, действовать. И жизни были бы сохранены, и кошельки всех заинтересованных лиц наполнены...

Неужели Атьен догадался, о чём и с какими чувствами я думаю? И всё это представление было исполнено лишь с одной целью: убедиться в собственных предположениях?

Надо признать, он победил. Нашёл уязвимое место в моей обороне и ударил туда, как только появилась удобная возможность. Но всё-таки — ждал он от меня проявления чувств или нет? Жаль, теперь не получится это узнать наверняка.

— Ну всё, сейчас подыщу новую одежду, а ты пока этим оботришься. — Гирм вручил мне резко пахнущую влажную тряпицу.

От первого же прикосновения кожа словно загорелась, и пришлось сжать зубы, шумно дыша через нос, пока каждая пядь тела не оказалась обработанной. Для чего предназначалось очередное снадобье, повода спросить не представилось: спустя пару минут после окончания обтирания выяснилось, что в комнате приятно прохладный и сухой воздух.

— Вот и чудненько! — Лицо меднозвенника осветила довольная улыбка. — А то ещё немного переходил бы и загорелся бы изнутри. Кожу-то всю закупорило чуть не намертво.

Да, что-то припоминаю из объяснений наставников. Но это теперь. А ещё час назад был уверен только в одном: нужно спешно явиться в Дом. Хорошо, что прибывшие к лавке Лоса Звенья Цепи упокоения не стали задерживать ни меня, ни Атьена больше времени, положенного на пяток вопросов и ответов.

— Только смотри, ремешки на прежний лад не затягивай, — посоветовал Гирм, наблюдая, как я одеваюсь. — Ты всё-таки шире стал.

— Намного?

Пятерня меднозвенника задумчиво скользнула по бритому затылку, приглаживая несуществующие волосы.

— Не так чтобы намного, и всё же... Будешь заходить ко мне поутру каждый третий день, ясно?

— Как велите, эрте.

Он кивнул, принимая моё покорное согласие, но всё же добавил:

— Это не мне, парень, это тебе нужно.

***

Ну и ну. Даже не попытался приглушить сочувствие, прозвучавшее в голосе. Хотел уколоть ещё больнее? Да нет, вряд ли. Пусть Гирм и ненавидит всех сопровождаемых разом, но на его веку мы сменяемся так часто, что любая ненависть рано или поздно начнёт притупляться. Сколько лет отведено заплечным теням? Казалось бы, немало. По крайней мере, не меньше дюжины. Но когда от куска времени остаются крохи, понимаешь, что и изначально он был ничтожен.

Впервые сопровождаемый покидает стены Наблюдательного дома вслед за Ведущим только спустя годы обучения, одинаковые для всех. Пять лет и ни днём меньше тратится на освоение различных премудростей, но правильнее было бы сказать — на прощание с самим собой. Изначальным. Сначала происходящее мнится увлекательной игрой, тем более наставники всячески поощряют соперничество, но, едва среди учеников намечается осязаемое разделение по силам, время поворачивается вспять. Теперь уже недавние победители должны, смиряя свою гордыню, протягивать руку помощи отстающим. И так до тех пор, пока не наступит равенство. Каждый сопровождаемый обязан уметь исполнять назначенную ему службу, неважно, нужно ли будет сутки напролёт ходить по скучным купеческим лавкам или залезать в осиные гнёзда не платящих подати торговцев.

Я попал в списки Сопроводительного крыла позже, чем следовало бы, и позже, чем этого обычно добиваются иные соискатели дарственной службы. Хотя если вдуматься, то прошедшие годы — большая удача, ведь они могли бы закончиться много раньше, к примеру, ещё до наступления моего тридцатилетия, и тогда было бы ещё обиднее уходить ни с чем. Но раз уж мне повезло задержаться дольше положенного срока, почему я так и не смог воспользоваться этим подарком судьбы?

Потому, что усваивал науку наставников лучше, чем следовало.

Даже теперь ноги размеренно и чётко несли меня той же дорогой, которую я впервые одолел ещё юношей: по Белой галерее до Круглой залы, в Змеиный коридор и на Внутренний двор, под лучи заходящего весеннего солнца, мутно-белого, но уже достаточно сильного, чтобы нагреть камень перил, по которому рассеянно скользнула моя ладонь.

Дюжина сопроводителей, праздно шатающихся по двору, расслабленно прислонившихся к стене для краткого отдыха и облокотившихся на парапет галереи в ожидании приказа. Раньше я смотрел на них, выходящих в ночную смену, с сожалением, а теперь из глубин души поднимается жгучая зависть. Им ведь всегда легче отличиться, верно? Их служба опаснее, но зато сильнее бросается в глаза Ведущим. И как я раньше не замечал, что новые лица среди «полуночников» появляются намного чаще, чем среди «полуденников»? Надо было присмотреться, надо! Перевестись из одной смены в другую, а там попасть несколько раз в переделки, благо тёмное время суток на них богато, и... Эх, поздно даже мечтать.

Поздно. Ну и Бож с ним! Сейчас приду домой, опорожню кувшин вина и до утра забуду о своих ошибках. Постараюсь забыть.

Жалобное поскуливание, донёсшееся откуда-то справа, ударило по ушам, и голова давно выработанным движением вместе с плечами повернулась в сторону звука. Так и есть, скулит собака, прикормленная нашими кухарями и исправно подьедающая кости, остающиеся от готовки и ни на что более не годные. Псина ростом чуть выше колена, длинноухая, с клочковатой шерстью и страхолюдная, но на самом деле удивительно беззлобная, несмотря на явно нерадостное отрочество и юность. Конечно, проку с животины немного, охранник из неё никакой, да и не нуждается Сопроводительное крыло в такой охране, зато двор с этим комом шерсти вдруг стал живым, потому ни у кого из начальства не поднялась рука выгнать приبلудыша. Но я никогда раньше не слышал, чтобы Корка скулила...

Наконечник бражка возник перед собачьей мордой, как ему и должно, неожиданно, и псина, испуганно присев на задние лапы, снова всхлипнула. Другая бы, может, бросилась на обидчика, но эта предпочитала терпеливо ждать и просить о милости быть пропущенной к кормушке. Правда, тот, кто преграждал собаке путь, вряд ли прислушивался к каким-либо просьбам.

Легир Тенн со-Намаат, соотечественник Атьена, стал сопроводителем всего года три назад, но с самого начала действовал разумно и расчётливо, напрасившись в ночные смены. А ведь совсем ещё юнец... Сколько ему? Двадцать пять или двадцать шесть, только-только вступает в пору расцвета, и все возможные дороги ему доступны. А главное, он уже усвоил, что перед тем, кто слабее, дорогу можно и закрыть. На замок.

Корка попыталась обойти живую преграду с фланга, сунувшись в обманчиво свободное

место, вновь встретила нос к носу брачком и ещё раз всхлипнула, совсем уже тихо. А потом собачьи глаза, по попущению Бога или наущению Боженки, вдруг нашли мой взгляд.

«Помоги... пожалуйста... защити... ты же не такой, как он...»

Не такой. И таким уже стать не смогу, будь оно всё проклято!

Та же мутная мука, с которой смотрел на меня снизу вверх безвременно почивший купец. Ну разве мне есть дело до этой псины? Её и погладить-то рука не тянется, не то что защищать. Да рано или поздно Легир уgomонится, отправится на службу и освободит дорогу! Я это знаю. И Корка знает. Не хуже меня. Так зачем просит? Почему не хочет подождать?

Может быть, потому, что чувствует: и её срок, один из многих на этом дворе, постепенно истекает?

— Нашёл противника по силам?

Бракк Легира остановился, так и не закончив замах.

— Тебе какое дело?

— Оставь животину в покое.

Конечно, просить было бессмысленно: на мои слова сопроводитель Тенн только презрительно ухмыльнулся:

— Хочешь, чтобы я подарил этой твари покой? А что, я могу.

Он снова отвёл бракк в сторону, делая вид, будто готовится к последнему удару. Последнему в жизни Корки.

Мне её вовсе не жаль. И наглеца, сделавшего свой первый вдох на родине Атьена, не жаль. И себя не... Вот на себя я точно махнул рукой уже больше часа назад.

— Что ж, забавляйся. Если не хватает смелости бросить вызов тому, кто скулить не станет.

Верхняя губа Легира приподнялась, как у огрызающейся собаки.

— Любого можно заставить скулить.

О да, кто бы спорил. Я и сам сейчас рад бы повить немного, может, и стало бы легче. Только повода нет. Пока. А что, если...

— Попробуешь?

Невнятно-серые глаза прищурились, словно приглядываясь внимательнее и стараясь определить, шучу я или нет, а потом, уверившись в последнем, азартно блеснули.

— Попробую.

И он начал медленно расстёгивать ремешки камзола.

Поединки между сопроводителями не запрещались, хотя и особого восхищения у начальства не вызывали, потому что существовал риск получить вместо двух годных к службе людей, по меньшей мере, одного искалеченного, если страсти разгорятся сильнее необходимого. Но пока нас никто не окрикнул, хотя на второй галерее о чём-то беседовали друг с другом трое наставников, время от времени как бы случайно бросая взгляды на двор... А это ведь тоже шанс! Если удастся показать себя в лучшем свете, можно подать соответствующее прошение и остаться в Наблюдательном доме ещё лет эдак на десять, и, чем Бож не шутит, вдруг этого времени хватит, чтобы ещё раз ухватить удачу за хвост?

Колкий воздух ранней весны коснулся оголённой кожи, но не заставил даже вздрогнуть: снадобья Гирма покуда действовали исправно. И всё же более нельзя терять ни одного часа.

Я отстегнул бракк от пояса и поднёс к лицу, чтобы коснуться губами резного личика, расположенного на срединной фаланге. Широкоскулое, с узкими щёлками глаз и улыбкой, про которую можно было бы сказать «от уха до уха», если бы неизвестный мне резчик

снизошёл до изображения ушей. Но нет, личико погружалось в древесную твердь, начиная со щёк. Человеческое, и всё же чем-то неуловимо искажённое, на каждом бражке оно было разным. Кому-то доставалось больше похожее на мужское, кому-то — на женское, у кого-то и вовсе оказывалось в руках младенческое. Моё оружие было отмечено ликом бесполом, искривлённым в вечно ехидной гримасе, и если раньше я считал это смешливое презрение направленным в сторону моих врагов, то сейчас деревянный паяц словно смеялся надо мной самим. Ну ничего, ещё посмотрим, кто будет сегодня хохотать от души! Хотя противника я выбрал на свою голову не самого удобного.

Торс Легира, гибкий, поджарый, без единой пока жиринки, вызывал отчётливую зависть. Да, костяк у него не уже моего, и спустя несколько лет парня начнёт нести вширь, может, ещё сильнее, нежели меня, однако пока он в куда большем выигрыше.

Согретое прикосновением губ резное личико улыбнулось ещё противнее, и концевые фаланги бражка, повинувшись плавным движениям моих ладоней, разъехались в стороны, обнажая серединную почти целиком и натягивая незаметные ранее жилы. Соединяющий жезл мог лишить смертоносности любое оружие, пребывающее в ножнах, но только не это, потому что деревянный посох, способный становиться втрое длиннее от первоначального размера, не состоял из частей, а был единым целым. Единым и, самое главное, живым.

Прожилки, похожие на те, что испещряют любой древесный лист, всплыли на поверхность, покрывая бражек сеткой причудливого узора, а минутой спустя поменяли свой цвет с тёмно-янтарного на пунцовый, что означало: ядовитые железы готовы к бою. В отличие от приснопамятной бойни в купеческом доме, сопровождаемая яд бражка не мог причинить особого вреда, правда, и удовольствия доставлял мало, вызывая временное, но утомительно зудящее онемение, особенно неуместное в области запястий или кистей рук.

Если удастся добраться до пальцев противника, можно считать, победа у меня в кармане. Но для начала... Для начала нужно проторить туда тропинку.

Легир ударил первым, по серединной фаланге моего бражка, как и предписывалось правилами поединков, тут же отступая на шаг назад и перехватывая посох уже двумя руками. Собственно, способов атаки было всего два, и оба сводились к особенностям оружия, способного выделять яд только на концах: либо бить по широкой дуге, либо колоть, надеясь, что противник не успеет парировать удар. Причём заранее было ясно, что Тенн будет именно колоть в расчёте на сравнительно малую подвижность моего торса, а мне придётся избегать подобных действий и больше полагаться на дуговые атаки, используя силу плеч.

Все вольные и невольные зрители, также вполне осведомлённые о тактике ведения боя в зависимости от физических кондиций, явно ставили на более молодого и подвижного участника поединка, да и я, чего греха таить, затевал очередную глупость, лишь чтобы получить беспрепятственную возможность выплеснуть гнев и обиду. Но раз первоначальная цель перевернулась с ног на голову, придётся тряхнуть стариной и вспомнить уроки того наставника, которого Легир уже не успел застать.

Главное в сражении посохами — держать равновесие. Ногами, руками, телом, самым бражком, опирающимся хотя бы о воздух. В общем, всем подряд. Но надо помнить, что каждая часть тела обладает строгими пределами в свободе действий, и если эти пределы превзойти, скажем, руками, то они потащат за собой плечи, те — спину, за спиной и поясницей последуют ноги, а значит, изменятся площадь и рисунок опоры. Тот старый наставник вообще любил украшать свои уроки многочисленными изображениями, благо умел держать в руках и кисть и перо, а особо недоверчивым предлагал окунать подошвы

сапог в краску и потом самим смотреть на причудливые цепочки оставленных следов.

Выполняя тот или иной удар, бросок и прочие приёмы, нужно точно знать, в каком положении его закончишь, а не полагаться на вдохновение, иначе долго не продержишься. Легир мог верить в собственное везение, мне же теперь надёжнее было полагаться на заученные знания, а они гласили: если своей опоры не хватает, опирайся о противника.

Копьё бракка ринулось на меня не сразу, а спустя пять или шесть пробных ударов начального перестука, но не потому, что мой противник и впрямь нуждался в разведке боем. Нет, Тенн осмотрительно хотел прежде измотать меня, а лишь потом красочно обезоружить. Опасался моего опыта? Скорее, добивался как можно более блестящей победы.

Прямо в лицо... А ты всё же глуповат, парень, ведь тела у меня намного больше, значит, в него легче попасть. За это ответим тебе левым каскадом, потом полуправым, а потом снова левым. Что, не понравилось? Так-то.

Перехваченный в одну руку бракк просвистел в дюйме от груди, вынуждая меня отшатнуться, и вернулся к хозяину. Нет, это пока не страшно. Вот если заденет плечо, будет хуже. Однако парень самоуверен донельзя. Рассчитывает на ловкость молодости? Похоже. Только зря забывает, что, каким бы лёгким ни было оружие, мгновенно изменить направление движения оно всё-таки не сможет.

Скула загорелась. Ухитрился достать и теперь победно скалится. Неужели думает, что я сдамся? А ведь верно! Зачем ему серьёзная победа? Так, посмеяться над старичком-поединщиком, покрасоваться лишний раз, но не более, отсюда и все эти широкие, однако мало полезные в настоящем бою жесты. Вот сейчас снова заносит посох для кругового удара. Ну давай, парень, вперёд!

Пронзительный свист догнал концевую фалангу бракка уже в тот момент, когда она почти долетела до моего виска, но парой минут ранее онемение, разлившееся по скуле,хватило и левое ухо, потому звук, который должен был меня отвлечь, остался незамеченным. Вместо того чтобы сделать шаг назад или прогибать поясницу, я, рискуя получить ещё один удар, просто повернул голову. Ядовитый наконечник пронёсся мимо, а следом за ним взлетел и мой посох.

Взлетел, догнал в крайней точке дуги, ударил, придавая ускорение, и Легир полуудивлённо-полурастерянно потянулся за бракком, вдруг отказавшимся от послушания. Потянулся, теряя большую долю устойчивости, и чуть повернулся, открывая дорогу к своим коленям.

В удар я вложил всё, что у меня было. Пусть не силы, которые были изрядно потрачены, а ярость и обиду, но и их хватило с лихвой: противник рухнул как подкошенный. Остаётся только ещё пройтись бракком по его рукам и...

— Сопроводитель Мори!

Окрик с галереи остановил моё оружие на полпути к исполнению задуманного.

— Эрте?

Управитель Сопроводительного крыла лично вступился за обиженного мальчика? И за что ему такая честь, интересно? Уж не за красивые ли глаза и упругое тело, так нравящееся многим взрослым женщинам, в число которых входит и супруга давно обрюзгшего Ротана Лаолли со-Мерея?

— Никак не найдёте случая и места показать свою удаль, сопроводитель? Так я вам помогу. Городская стража время от времени просит прислать людей для усиления своих патрулей, и сегодня я не вижу нужды отказывать в столь правильной и уместной просьбе.

Надеюсь, до утренней зари вы найдёте где растратить избыток сил. Да, сопроводитель Мори?

***

Караулка встретила меня ароматами прокисшего пота и пива примерно той же степени свежести. Первым же глотком застоявшегося воздуха можно было успешно поперхнуться, но пока ещё исправно действующие снадобья Гирма не позволили дыханию сбиться, задвинув все неприятные ощущения куда-то вглубь и оставив на линии фронта лишь равнодушную отметку о том, что офицеры городской стражи тоже люди, а потому и потеют, и утоляют жажду. В меру предоставленных службой возможностей.

Народу в комнатухе хоть и было немного, но моё появление словно заставило и без того близко придвинувшиеся друг к другу стены сжаться до удручающей тесноты. Разводящий — юнец, только-только удостоенный чести получить офицерское звание, — лихорадочно рылся в многочисленных записях, видимо стараясь сообразить, все ли патрули вернулись с дневного обхода, а если не все, то где, Бож их побери, до сих пор пропадают. Командир ночного патруля, ожидающий сбора своей команды — мужчина лет сорока, — заняв последний из двух имевшихся в караулке колченогих табуретов, почёсывал коротко стриженую, на зависть многим удивительно густую бороду, благодаря которой, похоже, не нуждался в высоком вороте и прочей защите шеи от морозного воздуха надвигающейся ночи. Третий из присутствующих, долговязый парень чуть моложе меня, с простодушным лицом, но цепким взглядом селянина, подпирал стену неподалёку от дверного проёма, одновременно переминаясь с ноги на ногу.

— Чем могу служить? — пробормотал разводящий, растерянно оглядев моё обмундирование.

Вместо ответа я положил перед ним на стол четверть часа назад полученное в канцелярии предписание: листок бумаги в кожаных корочках. Содержание послания из Сопроводительного крыла привело представителя городской стражи в некоторое недоумение, но после сверки с собственными документами удостоилось понимающего кивка.

— В патруль, значит?

— Именно так.

Разводящий потёр подбородок, то ли нащупывая редкие волоски, то ли пытаясь выдрать их с корнем.

— Собственно... Выбор невелик. Все патрули, кроме одного, уже отправлены.

— Как угодно.

— Возьмёте? — Обратился разводящий к бородачу.

Тот провёл по мне ничего не выражающим взглядом снизу вверх, потом сверху вниз и лениво кивнул.

Любопытное дело. Если верить заявлению эрте Лаолли, стражники сбиваются с ног на своей службе и слёзно молят о пополнении, неважно из каких источников, а меня встречают полным отсутствием интереса. Кто-то соврал или причина кроется в извечном нежелании делить с чужаком охотничьи угоды? Не удивлюсь, если верно и первое и второе. В любом случае, даже если требования моего предписания не будут исполнены, придётся провести всё время до утренней зари отнюдь не в постели, старательно согретой женой.

— Почему бы не взять? — Командир патруля потянулся, поднимаясь с табурета. — Лишних рук и ног не бывает.

Ясно, в «лишней голове» мне отказали. Но если вдуматься, так оно спокойнее, да и мне привычнее: не надо будет действовать самостоятельно.

— Сейчас ещё одного дождёмся, и в путь. А ты накинь пока. — Мне протянули тёмно-красную короткую накидку.

Она не закрыла камзол полностью, зато теперь я был временно принят в ряды городской стражи, что подтверждала медвежья морда в середине башенного щита, вытканного на передней и задней части накидки. Цеховой знак, пожалованный кем-то из первых Дарохранителей в те давние времена, когда у престола ещё толком не было опор, а Цепи ещё не опутали все пределы Логаренского Дарствия, и у живущих в стенах города была одна-единственная надежда на защиту.

— Я не опоздал? — С улицы в караулку ввалился ровесник разводящего, с юношески розовыми щеками, не привыкшими к прикосновению бритвы, а потому украшенными свежими царапинами.

Командир патруля посмотрел на вновь прибывшего с той же тоскливой ленью, что и на меня, но в голос всё же подпустил побольше ехидства:

— Куда уж тут опаздывать? Стояли городские улицы семь веков и ещё полчаса точно простоят. Да и люди у нас гораздо терпеливее камня.

Юноша слегка покраснел, от чего царапины на щеках, вмиг налившиеся белизной, стали ещё заметнее. Впрочем, оправдываться не стал: может быть, знал, что это положения не улучшит, а может быть, понял, как и я, что командиру патруля, в сущности, глубоко плевать на морозный вечер, маршрут обхода, час отправления и состав команды.

— Раз все в сборе, наконец-то... Пора приступать к исполнению священного и па-ачетнейшего долга по охране покоя подданных его милости, проживающих в пределах града, именуемого Веентой, — прогнусил бородач, нарочно коверкая слова: видимо, эту самую фразу он произносил день за днём или вечер за вечером на протяжении уже не одного года. — Выступаем. И пусть Боженка не обольётся слезами при нашем возвращении.

А вот это мне уже не понравилось. Упоминание слёз слишком явно означало, что служба стражников не отличается скукой и безмятежностью. Интересно, сколько их в самом деле не возвращается с патрулирования? И от чего они гибнут, если просят о пополнении?

Маршрут патруля, с которым мне так удавалось отправиться в ночное, пролегал по Сальным кварталам. Я в окраинной части столицы не бывал никогда, зная лишь по отрывочным рассказам наставника, посвящавшего нас в городскую историю, что прежде сия местность была заполнена небольшими островками не домовладений, а салотопильных хозяйств, поставлявших свой товар всяческим дарственным службам, излишки же свечей и вязких ламповых масел продавались горожанам, пока столица ещё не стала блестящей и величественной. Когда же Веента окрепла и возмужала, потребность в чадящих и мерзко пахнущих изделиях стала пропадать, зато понадобилось расширить городские пределы. Вот тогда Сальные кварталы наполовину снесли, наполовину перестроили, предназначив их под проживание не слишком богатого люда, от вида и запаха которого богачи кривят свои ухоженные лица, но вовсе обходиться без него не удаётся, потому что господам всегда нужны слуги. А некоторым даже очень много слуг.

Впрочем, несмотря на прошедшие века, можно было легко определить, откуда взялось название кварталов: приторно-горькие ароматы так и не выветрились из стен чудом сохранившихся домов-старожилов. Казалось, мутные струйки, заставляющие ноздри брезгливо сжиматься, проступали даже сквозь брусчатку, надёжно укрывавшую далёкое прошлое, а сами камни маслянисто поблёскивали в свете жаровен и перекрёстных фонарей. Да и взгляды людей, которые попадались на пути патруля, были липкими и тягучими, как переплавленное сало.

Воспользовавшись тем, что двое других патрульных остались чуть позади, командир вполголоса поинтересовался:

— Проштрафился чем, раз сюда прислали?

М-да, подчиняться правилу выжидательного молчания куда приятнее, нежели быть вынужденным отвечать пусть и на вполне невинный вопрос. Но полной немоты человек, определённый мне в начальники нынешней ночью, явно не одобрил бы, так что пришлось приподнять завесу столь интересующей его тайны. Причём стараясь не допустить продолжения ненужных расспросов:

— Подрался. Со своим.

— За дело или так?

Я многозначительно промолчал, предоставляя собеседнику возможность по собственному разумению истолковать тишину.

— Ты не думай, я не против тебя и всего прочего, вот только... — Командир перешагнул через подозрительно выглядящую кучку грязного снега. — Проку от таких, как ты, здесь не будет. Беды бы не было, и то хорошо.

— Беды?

— Ты среди нас, да и здешнего люда, как белошвейка среди нищенок.

Слишком заметен? С этим ничего не поделаешь. Вернее, я сам ничего не хочу предпринимать, чтобы стать похожим на своих спутников. Наверное, остатки гордости не позволяют. А может, злость? Растворяться в тумане Сальных кварталов я не собираюсь. Пока особой надобности нет.

— Не знаю, как и чему вас учат, только ходить по грязным переулкам — не то что топтать ковры зажиточных домов.

Верно. С радостью согласился бы и подтвердил, если бы это от меня требовалось. Только командир имеет в виду одно, а на деле трудность совсем иная.

Суть действий сопровождаителя состоит в постоянном наблюдении за окружением и сравнении увиденного, услышанного, прочувствованного с воспоминаниями о том, как всё выглядело вчера, десяток и сотню посещений назад. Конечно, если в самый первый раз тот же купец мялся и жался или лебезил, выторговывая снисхождение, а потом успокаивался, уверившись, что больше какого-то предела податями его не обдерут, трудно принять за образец и первую, и вторую, и даже третью встречи. Сопроводитель нарабатывает опыт постепенно: при поступлении на службу он знает только то, чему его научили наставники, а в расцвете сил способен за несколько минут составить представление о совершенно незнакомом месте и населяющих его людях. Пусть не полное и не проникновенное, но достаточное, чтобы уберечь Ведущего от какого-либо вреда.

Что же касается улиц, всё намного сложнее. Прохожий с перекошенным от злости лицом не обязательно что-то злоумышляет, а притулившийся у стены нищий вовсе и не спит, как может показаться на первый взгляд. Впрочем, со временем я бы выучил назубок и все местные особенности, но... Зачем? Второй раз в Сальных кварталах мне побывать не доведётся. И потому, что слишком мало времени осталось носить камзол сопровождаителя, и потому, что ещё одной глупости, подобной вечерней, допущено не будет.

— А правда, ваш брат ни жары, ни холода не боится? — встрял в разговор долговязый.

— Правда.

Опять же с целым возом оговорок. Но героев, равных мне, в понимании вопрошающего мне, конечно, найдётся мало.

— И голыми руками может, скажем, с волком справиться?

— Может.

Хотя и не полезет без особой надобности сопровождаитель без оружия в пасть ни к волку, ни к другому зверю, особенно двуногому.

— И...

— Тебе заняться нечем, Еме? — грустно спросил командир, и пыл патрульного резко поуменьшился.

Жара, холод... Их не нужно бояться, пока твоё тело напичкано изнутри и снаружи странно пахнущими и ещё страннее действующими зельями и притираниями. Благодаря трудам Цепи одушевления о сопровождаителях и впрямь ходят легенды, но без своих хитрых уловок мы самые обычные люди, не сильнее и не выносливее простых пехотинцев. А стоит лишь перестать пользоваться снадобьями Гирма, и...

Мрачная картинка, возникшая в воображении, заставила меня содрогнуться. Ведь как-то пара недель, самое большее месяц, и я лишусь всех чудесных свойств, к которым привык, как к родным. Что тогда? Нет, беспомощным младенцем не стану, разумеется, но прежний отпор противникам дать уже не смогу. Кому тогда буду нужен? Разве что городской страже. Вот только староват я уже, чтобы начинать с низов. А если вспомнить, что юнцы любят задираться по поводу и без, становится совсем печально. Надо срочно за что-то цепляться или... Или хотя бы остатки могущества потратить с толком.

Очередной открывшийся взгляду переулочек напоминал собой вертлявую змею, невесть зачем извивающуюся между домами, и был заполнен людьми, собравшимися в группы и оживлённо переговаривающимися в ожидании броска костей либо в попытке предсказать, что ждёт игроков под прижатым к раскладному столику щербатым стаканчиком.

— Мы идём туда?

— Если понадобится, — ответил командир, прислушиваясь к людскому гомону.

И словно оправдывая его ожидания, поверх голов вдруг пролетело истошное, но едва-едва выделившееся из общего гула:

— Обокра-а-а-али! Держи вора!

— Вот теперь идём. Только не все и сразу. Еме, возьми сопровождаителя и дуйте на следующую улицу: воришка туда выйдет, больше ему податься некуда. А мы отсюда его погоним.

Разделение сил показалось мне странным, потому что юный патрульный вряд ли был способен быстро пробраться сквозь плотные ряды игроков, и разумнее было бы отправить его в засаду при участии более опытного стражника. Но приказ командира — закон для подчинённых, и вскоре мы с долговязым уже стояли на брусчатке следующей улицы, безлюдной и тревожно тихой. А спустя те несколько минут, что понадобились бы второй половине патруля на достижение середины игорного переулка, я понял, чем было вызвано столь непонятное мне командирское решение.

Долговязый Еме вдруг начал приплясывать на месте, но только не от холода: слоёв шерстяной ткани под мундиром было вполне достаточно для согрева при бодрой ходьбе от одной жаровни до другой.

— Слышь, друг, я того... Живот у меня скрутило, сил нет. Я мигом, а ты пока тут постой, подожди! — бормочущей скороговоркой выпалил мой напарник и юркнул в проулок, исчезая среди ночных теней.

Вот оно что. Трус. Жалкий. И обыденный, как умывание по утрам. Ну что ж, пусть прячется, только я тоже не буду стоять столбом посреди улицы.

Даже ночная темнота никогда не бывает одинаково непроглядной. Где-то она припорошивается пеплом лунного света, где-то разбивается бликами факельных огней, превращаясь в узорчатый ковёр, частью которого очень легко стать, если чуточку плотнее вжаться в чехарду причудливых пятен.

Сделать шаг вперёд и в сторону, поближе к стене дома, но не прислоняться, чтобы тень на каменной кладке не оказалась гуще, чем должна быть. Замедлить дыхание, чтобы облачка тёплого воздуха, вырывающегося из ноздрей, не висели вокруг мутной кисеёй. Расслабиться, отбросить прочь все мысли и просто... ждать.

Шаги шуршали совсем тихо, словно тот, кто шёл, стопой обнимал каждый камень брусчатки, на который наступал. Осторожно и малозвучно, но не настолько, чтобы не было заметно: прохожий мечется от одной стороны улицы к другой, стараясь, впрочем, не покидать пятна теней.

Тот самый воришка? Наверняка. Спина согнута дугой и напряжена, руки чуть расставлены в стороны, а не прижаты к телу, что выглядело бы в холоде ночи куда естественнее. Не теряет бдительности? Молодец. Но он пройдёт мимо меня, даже не вздрогнув.

Так, может, и позволить ему пройти? Одним ничтожным преступником больше, одним меньше — никакой разницы. Всё равно у Боженки этого добра никогда не переводится. В лице и голосе командира патруля не читалось особого рвения, когда он отдавал приказ. Да и отправляя меня вместе с Еме, он знал заранее, что долговязый трус никого ловить не станет, а я...

— Торопишься сбыть украденные деньги?

Воришка застыл на месте, услышав вопрос, прозвучавший отовсюду и ниоткуда, и крутанул головой, пытаясь определить моё местоположение. Впрочем, зря: звуки, затейливым эхом отразившиеся от стен домов, укрывали меня не менее надёжно, чем тени.

— Ты кто?

Отсвет далёкого фонаря заискрился на серебряной медвежьей голове, когда я шагнул навстречу невысокой фигурке. Мальчишка. Или девчонка, что, в общем, не так и важно. Голос юный, слегка простуженный и... смелый.

— Городская стража.

— Ты непохож на стражника.

Отодвигает правую пятку назад. Готовится к бегству или нападению? В любом случае если и побежит, то в объятия командира патруля. А если решит прорываться с боем...

— Зато ты очень похож на вора.

Он оттолкнулся и прыгнул, стараясь проскользнуть у меня под руками, но наткнулся на моё колено и откатился назад. Следующий бросок последовал без паузы, как и следовало ожидать от молодого, не чувствующего пока ещё усталости тела, и теперь отступил уже я, но не от натиска, а заметив стальной отблеск рядом с кистью правой руки воришки.

Что-то небольшое и, похоже, искривлённое. Всё верно, незнатым горожанам запрещают носить ножи, лезвие которых длиннее, чем две трети ладони. Правда, в соответствующем уложении ничего не сказано о том, имеется в виду лезвие прямое или изогнутое, которое как раз уместится в заданные размеры, но вреда способно причинить намного больше.

Решив, что я осторожничаю, не желая напороться на клинок, воришка угрожающе рассёк воздух крест-накрест, наступая на меня, и замахнулся снова, но закончить движение не успел, потому что наперерез его оружию рванулось моё предплечье, где под шерстяным полотном мундира был закреплён чешуйчатый наруч, отлично подходящий для ловли кривых ножей. Коготь клинка попал между стальными пластинами и потерял свободу на короткое мгновение, которого мне хватило, чтобы увлечь противника вслед за его же рукой, благо воришка использовал, как и многие горожане, эдакую смесь ножа и кастета. Спору нет, выбить такое оружие трудно, но временами бывает куда разумнее отпустить, чем продолжать удерживать.

Он крутанулся на месте, оказываясь спиной ко мне и с рукой, вывернутой так, что любые дальнейшие движения привели бы только к приступу острой боли в связках, но не растерялся, затараторив:

— Эй, ну я ж пошутил, я ж резать тебя и не собирался! Отпусти, а? А я тебе всё, что набрал, отдам. Вот Боженка свидетельница, отдам! Только отпусти...

Свободной рукой он залез за пазуху, доставая кошель, но я, не зная наверняка, что прячется в складках воровской одежды, надавил на вывернутую руку сильнее. Ловкие в деле обирания беспечных прохожих пальчики скрутило судорогой, быстро спустившейся к плечам, и монеты глухо зазвенели, рассыпаясь по брусчатке. Медные, поистёршиеся кругляшки. И это весь улов? Негусто. И недостаточно много, чтобы польститься на откуп.

— Отпусти-и-и-и... Ты же не такой, как они, я же вижу! Ты не такой...

Не такой.

Я не брезгую деньгами, но не могу, как командир патруля, всё же добравшийся до нас с воришкой, сказать: «Отпусти его», подождать, когда перестук шагов убегающего парнишки затихнет в проулке, наклониться, собрать просыпавшиеся монеты, затянуть завязки

покрепче, спрятать кошель в кармане мундира, а потом как ни в чём не бывало пожурить трусливого Еме. Не могу поставить всем пива, расплачиваясь дважды сворованными деньгами и старательно удерживая на лице маску равнодушия, через которую всё же пробивается неудовольствие тем, что шальные деньги не обрели единственного хозяина. А как же иначе? Слишком много глаз сосчитало медяки от первого до последнего, стало быть, надо залить чужие взоры поскорее да пощедрее.

Командиру было откровенно жаль тратить даже эти гроши, но неписанные правила требовали поделить добычу поровну между всей стаей. Поделить и бросить на меня слегка укоряющий взгляд: мол, ты же мог прибрать весь кошель, так почему медлил? Целых одиннадцать монет. Не состояние, конечно, но на пяток дней сытного столования хватило бы, а так всего каждому по кружке да по неясному воспоминанию, выветривающемуся быстрее хмеля.

Целых одиннадцать монет.

Ещё несколько часов назад я мог получить не меньше, только полновесным серебром, а то и с примесью золота, если бы из лабиринта головы Атьена вдруг не выбралось на свет божий желание в кои-то веки исполнить все буквы закона. И что от меня требовалось? Лишнюю минуту подержать в себе неуместные чувства, а потом смело подниматься на ступень, навсегда возносящую над необходимостью думать о днях завтрашних и прошлых. Жалкую минуту...

А пиво оказалось дрянное. Разведённое настоем бражника, чтобы надёжнее бить в головы, горькое, зато дармовое и тем искупляющее прочие свои недостатки. Долговязый трус опорожнил свою кружку быстрее всех, юнец втихаря оставил наполовину недопитой, когда настала пора выбираться из-под низкого потолка трактира на вольный воздух. Я вливал в себя слабо пенящуюся жидкость понемногу, командир о чём-то надолго задумался, а потом, словно спохватившись, единым глотком допил остатки. Но ни один из нас не захмелел достаточно, чтобы отмахнуться от пожилой женщины, визгливо верещавшей о своих беспокойных соседях:

— И добро бы днём только буйствовали, так нет же, по ночам спать не дают, всё то кричат, то стонут, аж душа дрожит! Вы уж посмотрите, господа стражники, да хоть шугните их поостроже, может, они чуть поутихнут?

Вламываться посреди ночи в чьё-то жилище казалось занятием не особо умным, но старуха висела на рукаве командира всю дорогу к столь неудобному ей дому и причитала, перечисляя, сколько успокоительных капель вынуждена ежедневно закупать у лекаря, чтобы не тронуться рассудком. В конце пути мы уже готовы были прописать ей успокоение от каждого лично, но прислушавшись к звукам, доносящимся сквозь щели рыхлой каменной кладки, скрепя сердце признали правоту жалобщицы. За оградой, отделяющей дом от улицы, действительно кто-то плакал. Тихо и в то же время пронзительно. Плакал, как несчастный ребёнок.

На требовательный стук калитка распахнулась почти тотчас же, являя хмурую небритую и припухшую от возлияний рожу. Впрочем, разглядев знак городской стражи, рожа умильно просветлела.

— Чем могу, господа хорошие?

— Шумно у вас, любезный. Жалуются люди.

Хозяин дома высунулся из калитки, стараясь разглядеть за нашими спинами сварливую соседку, но та заблаговременно отступила подальше в тень.

— Жалуются? Да Бож мне свидетель, разве ж я шумлю?

— А вот мы и посмотрим. Вы же не будете возражать?

Если мужчина и хотел воспрепятствовать, то не сейчас и не страже, потому что закутался в плащ, накинутый поверх исподнего, и пропустил нас во двор.

Часть 1.6

Долго искать причину ночных беспокойств не пришлось: она была повсюду. Вдоль почти всех дворовых стен стояли низкие полузагоны-полуклетки, сквозь прутья которых на нас разом взглянули несколько десятков собачьих глаз. Командир взял из рук хозяина дома лампу, поднёс к одной из клеток и сморщился:

— Почему за животинами нет ухода?

— Так, господин хороший... — Мужчина услужливо подобрался поближе к командирскому уху. — Я тем на жизнь зарабатываю. Кормлюсь, можно сказать, милостью людей щедрых да благостных. Собачки мои, глядишь, иной раз и слезу вышибают, а вместе с ней и монетку лишнюю.

Между тем пальцы уличного попрошайки ткнулись в ладонь командира, и как видно, не порожняком, потому что дальнейших расспросов не последовало.

— Вы, любезный, по ночам-то пыл поумерьте.

— Как прикажете, господин хороший, как прикажете!

Собаки, замолчавшие при нашем появлении, снова начали поскуливать, и хозяин зло пнул ногой по ближайшей клетке:

— А ну, угомонитесь, твари!

Перебитые лапы, измождённые голодные морды, лишайные проплешины, по всему двору раскидан мёрзлый крысиный помёт пополам с собачьим. Ради пушистого зверька можно было убить десяток человек, а здесь, на городских окраинах, никому не интересен даже известный рассадник заразы? Разве это правильно? Вряд ли. Вот только никто из Цепи надзора и шага не сделает в Сальные кварталы. Побрезгует. В первую очередь слишком малой мздой.

— Я вас догоню.

Командир патруля обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

— Живот скрутило.

Отговорка, прямо скажем, глупая, но всё же мало-мальски естественная, если вспомнить вкус прогорклого пива.

— Хорошо. Будем ждать у жаровни на углу.

Калитка захлопнулась. Хозяин дома, потеряв ладони одна о другую, заискивающе спросил:

— Показать вам отхожее место, господин?

Я обвёл двор скучающим взглядом:

— Зачем? Кучей дерьма больше, кучей меньше — и заметно не будет. Верно?

Попрошайка насторожился, но, видно, откупные запасы на сегодня были полностью исчерпаны, поэтому оставалось только продолжать переговоры, охотно поддакнув:

— Как скажете, господин.

— У тебя есть наследники?

— А как же! Двое.

— Что так мало?

— Да не сложилось... — Он развёл руками и скорчил скорбную гримасу, молниеносно преобразившись в вызывающего неподдельную жалость нищего.

— Лучше б ты правду рассказывал, больше монет бы кидали, — заметил вышедший на

крыльцо юноша и смачно сплюнул, обновляя ковёр дворовой грязи. — Откусили ему хозяйство, вот и все дела. Собака и откусила, которую он палкой охаживал.

— Не лезь в дела старших, когда не спрашивают! — осторожно огрызнулся хозяин дома.

Не будь меня, упомянутая палка, скорее всего, тут же пошла бы в ход, только уже не по собачьей спине.

— Сам скоро старшим стану. Или ты, батяня, всё забываешь, сколько лет с моего рождения набежало?

— Иди в дом!

— В дом так в дом. Освежусь немного и пойду.

— Ни в грош отца не ставят, чуть только усы пробиваться начнут, — горестно вздохнул попрошайка, то ли стараясь вызвать моё сочувствие, то ли разучивая новую роль.

— Не ставят, говоришь? Но на улице-то помогают?

— Если бы, господин хороший, если бы! Сами видите, здоровьем пышет, дубина этакая! А в моём деле чем щёки тоньше, тем доходы больше. Вот помру в одночасье, на кого всё это останется? Всё тяжким трудом заработанное...

— Помрёшь сейчас — мне проку не будет. Казна всё опечатает и заберёт. Да может, и к лучшему... — Юноша косо посмотрел на клетки. — Спать будем спокойнее.

— И как скоро совершеннолетие? — спросил я.

— Как весна закончится.

— А до той поры, значит, почитать и любить отца надо?

— Значит так. — Последовал новый плевок.

— И в здравии и в болезни?

— Да уж как водится.

Я подошёл к одному из загонов. Собаки при приближении человека, да ещё незнакомого, испуганно разбежались по углам, а когда в моих руках оказалась увесистая палка, казалось, и вовсе затаили дыхание, ожидая чего-то ужасного даже по их искалеченному соображению.

— В здравии и болезни, стало быть... В первом твои дети явно преуспели. А как насчёт второго? Не желаешь проверить?

***

Утренняя заря означала для меня не окончание службы, а возвращение на оную, потому что позволить мне отоспаться никто не собирался. Снадобья помогали обходиться без сна и гораздо дольше, это правда, но не было никакой нужды, кроме злобной обиды, отправлять меня с очередным Ведущим в унылое странствие по городским улицам, хорошо хоть не столь убогим, что принимали меня ночью.

Намерение подать прошение в городскую стражу, и до сего дня не слишком чёткое и согревающее душу, полностью рассеялось вместе с утренним туманом. Странно, я ведь не увидел ничего нового: мздоимцев полно на любой службе. Так почему с отвращением коснулся серебряного шитья, снимая накидку? Потому, что всю ночь напролёт словно смотрел в кривое зеркало.

Не длинноворсы ковры купеческих лавок, а грязная мостовая и дворы, на которых по щиколотку проваливаешься в дерьмо. Не угодливое понимание, а подчас искренний страх и безотчётное желание откупиться, только бы протянуть ещё один лишний день среди отбросов. Не кошель, округливший лоснящиеся бока, а истончившиеся от бесконечных прикосновений медные монеты, пропитанные трудовым потом протягивающих их ладоней.

Всё то же самое, если заглянуть на изнанку, но... Кому она нужна? Меня вполне устраивает то, что я вижу с лицевой стороны. Уж лучше оставаться служкой в чистеньких коридорах Наблюдательного дома, чем хранить покой Сальных и прочих засаленных кварталов!

Впрочем, место служки ещё нужно заработать, но тут придётся постараться совсем немного. К примеру, пойти сейчас к Лаолли и повиниться со всем прилежанием, на какое только способен. И будет у меня бело-жёлтая курточка, на которой никогда не осядет уличная пыль, а ещё будет гнусавый голосок, сообщающий...

— Сопроводителя Мори требует к себе эрте управитель!

Что ещё за новость? Рапорт Гирма уже дошёл до начальства, и меня выгонят взащей прямо сейчас? Непредвиденное развитие событий. Хотя с другой стороны, бумагу об увольнении мне вручили бы и так, а если вызывают пред светлые очи, значит, желают увидеть какое-нибудь представление. Предпочтительно покаянное.

В кабинете управителя Сопроводительного крыла я за все годы службы побывал, как и многие мои соученики, лишь один раз — на принесении присяги, поэтому входил в двери, предусмотрительно распахнутые служкой, со странной смесью волнения и тревоги. Причём смесь эта колыхалась одновременно между рёбрами и по центру живота, что тоже не способствовало удерживанию невозмутимого вида. Но я старался. Видимо, старался чрезмерно, потому что Лаолли, поднявший на меня недовольный взгляд, скривился ещё больше:

— И прекратите наконец строить из себя невинную овечку!

— Эрте?

— Что это такое, я вас спрашиваю?! — Он потряс в воздухе над столом листами бумаги, скреплёнными печатным шнуром Цепи внутреннего надзора. — Как всё это понимать?!

Принявший изысканно-скучающую позу рядом со столом управителя худощавый мужчина в чёрном камзоле с бронзовым медальоном на груди поморщился и коснулся правого уха, словно проверяя, осталось ли оно в целостности и сохранности после того, как приняло в себя визг Лаолли.

— Думаю, эрте, нужно сначала поставить в известность, а потом уже спрашивать.

— В известность?! А то он ничего не знает! Может, это и вовсе всем нам приснилось?

Бронзовозвенник Малой цепи внутреннего надзора сделал глубокий вдох и продолжил как ни в чём не бывало, словно управитель перестал существовать на этом свете ещё минуту назад:

— Сопроводитель Мори, прошлой ночью вы находились в составе патруля городской стражи.

Вопроса во фразе не чувствовалось, но на всякий случай я кивнул:

— Да, эрте.

— И как проходило патрулирование?

— Как ему и следовало, эрте. Если и случилось что-то неместное, мне о том неизвестно.

Надзорный вздохнул ещё глубже:

— Во время патрулирования вы отлучались примерно на четверть часа. По какой причине?

— По нужде, эрте.

Конечно, он мог начать рассуждать, что человек может и потерпеть, а вот служба никогда не терпит, или вспомнить, что сопроводители легко могут сдерживать все свои

потребности, в том числе и естественные, но, видно, Бронзовому звену не хотелось терять драгоценное время попусту.

— А у Цепи надзора есть другие сведения. — Он забрал у Лаолли листки и прочитал, позёвывая: — Здесь указано, что под предлогом справления нужды вы отстали от патруля, задержавшись в доме Уса Мерте со-Веента, известного городской страже собирателя милостыни. Упомянутым Усом были получены тяжкие побои, результатом коих стали множественные переломы всех конечностей, настолько значительные, что, учитывая возраст пострадавшего, по заверению лекаря, заживут они уже только после смерти.

Собственно, на это я и рассчитывал, правда, бил по суставам, а не по костям. Сынок расстарался уже после моего ухода? Проявил, так сказать, любовь к отцу, а потом поспешил настроичить донос?

— Вы видели, как пострадавший получал побои?

Стойте-ка. Меня не обвиняют? Ерунда какая-то.

— Эрте?

Надзорный ласково улыбнулся:

— Да, я вполне догадываюсь, что и как происходило на том дворе, особенно учитывая характер ранений, оставшихся в глубине плоти, можете не сомневаться. И да, я не называю вашего имени в обвинении, потому что единственный возможный свидетель заявляет, что ничего не видел и не слышал, хотя даже соседи уверяют: крика было много. Но бумага, она, знаете ли... — Пальцы Бронзового звена любовно коснулись багряного обреза листа. — Она всегда требует принятия мер.

— Чего же вы хотите от меня?

— Признания. Искреннего и незамедлительного. Возможно, тут же найдутся обстоятельства, смягчающие вашу вину, и наказание, которое непременно впоследствии, куда же без него, окажется вовсе не обременительным ни для вас, ни для вашей службы.

Не голос, а патока. Почти просящий. А вот взгляд Лаолли явственно приказывает. И ведь нет разницы, как поступить. Буду отпираться — только наживу трудностей больше имеющихся, и о месте служки можно будет забыть, как о предрассветном сне. Сознаюсь — самое страшное, что получу, это отстранение от службы на несколько дней, а потом, в зависимости от памяти начальства, Ведущих похуже да поутомительнее. Зато во втором случае поступлю в полном соответствии с желанием управителя, и на чести Сопроводительного крыла не останется ни малейшего пятнышка. Вот только зачтётся ли мне послушание? Нет? Да и Бож с ним. Только если не признаюсь, не смогу узнать имя доносчика, а оно дорогого стоит.

Служба приучает сопроводителей к присутствию надёжной стены за спиной. Со временем это стало казаться мне ошибочным, даже опасным, но если в плотном строю тебя локтями то и дело задевают соглядатаи и стукачи... Быть одному против всех, может, не так уж и плохо.

— Да, я избил того попрошайку.

Надзорный удовлетворённо кивнул:

— Замечательно. Ваше признание будет занесено в дело сразу по окончании нашего разговора.

— Я могу задать вопрос?

— Разумеется.

— Кто меня обвинил?

Пальцы бронзовозвенника пробежались по столу:

— Пострадавший.

— Вряд ли он мог это сделать, потому что, если правильно помню, его челюсть также была повреждена.

— Да, надо признать, состояние достопочтенного Уса не позволяло делать какие-либо заявления, — нервно улыбнулся Надзорный.

— Тогда кто же взял на себя труд ему помочь?

Он ответил, хотя и безо всякого желая, а лишь подчиняясь неписаному закону: «Среди своих чужие всегда занимают последнее место в очереди на снисхождение».

— Тот, кто знал о вашей отлучке, сопроводитель.

Что ж, круг поиска сузился до приемлемого размера. Но так просто меня восвояси не отпустили.

— А теперь, если позволите, я тоже спрошу. Почему вы это сделали? Потому, что не получили желаемого?

И ведь ему интересно. Неподдельно и искренне. Наверное, Бронзовое звено даже не понимает, за что ещё можно поднять на человека палку, кроме как за звонкие монеты.

— Мне не понравилось, как он обращается с собаками.

— С собаками?

— Он калечит их, чтобы использовать для попрошайничества. А я решил, что человеческие страдания вызовут у прохожих не меньшую жалость.

Глаза Надзорного удивлённо округлились:

— Вы хотели защитить собак?

— Да, эрте. А вы считаете, что это дело...

— Благое и праведное, — тоном, не принимающим возражений, заявили у меня за спиной.

***

— Какая честь для нас, сиятельная эрте! — Лаолли резво выскочил из-за стола и согнулся в непривычном для моего взора поклоне.

Надзорный тоже поклонился, пусть и не столь подобострастно. Собственно, с прямой спиной из трёх мужчин остался один я, хотя бы потому, что, поворачиваясь, кланяться весьма неудобно, а посмотреть, кто вдруг выступил на одной стороне со мной, хотелось.

Да, такой поддержке позавидовали бы многие! И потому, что женщина, переступившая порог кабинета, обладала внушительными формами, будучи при этом чуть ли не на голову выше меня, и потому, что на её изумрудно-чёрном камзоле посверкивало золотое звено Малой цепи охранения.

— Эрте Майим, чем обязаны вашему появлению? — с некоторым, впрочем тщательно смиремым, неудовольствием осведомился Надзорный.

— Я всегда присоединяюсь к беседе, если речь заходит о тварях бессловесных, — ответила женщина, нежно поглаживая крохотную кудлатую собачонку, уютно устроившуюся на сгибе мощного локтя.

— Да, собственно, беседа уже закончена... Признание получено, и дело будет закрыто, как только все показания лягут на бумагу.

— Молодой человек оказался настолько смел и решителен, что вступился за несчастных животных. В этом не нужно признаваться, об этом нужно говорить открыто и гордо.

— Блистательная эрте... — Бронзовому звену явно не нравился поворот событий, но

протестовать не позволяло ужасающее несоответствие чинов.

— Наказания заслуживает тот, кто проходит мимо страждущих, не так ли?

Женщина спустила собачку на стол, и та, ни мгновения не думая, выпустила струю прямо на строчки доноса, которые тут же начали расплываться: то ли моча оказалась слишком едкой, то ли чернила в Цепи надзора немилосердно сильно разбавляли.

Лаолли вытаращил глаза, глотая возмущение, Надзорный же, видимо вполне привычный к подобным выходкам вышестоящих Звеньев, пусть и другой Цепи, осторожно взял изгаженные листки и под противный лай собачонки отправил загубленный донос в камин.

Золотозвенная великанша забрала свою любимицу и удалилась, не снисходя ни до объяснений, ни до прощания, оставив всех нас примерно в том же положении, что и в начале разговора, вот только предмета для продолжения беседы больше не было.

— Я могу быть свободен?

Управитель не ответил, брезгливо косясь на влажное сукно столешницы. Тот же, кто ещё минуту назад и впрямь мог распорядиться моей свободой, с деланным безразличием подтвердил:

— Разумеется, сопроводитель Мори. Можете быть.

Вот теперь я не пожалел спины, чтобы откланяться, а заодно скрыть растерянную улыбку.

Заступничество свалилось как снег на голову, и от него точно так же холодело всё внутри и снаружи. Золотое звено приняло участие в моей судьбе? Поверить не могу! Значит, теперь у меня есть шанс напроситься в Цепь охранения, на задворки, конечно, но чем Боженка не шутит? С такой благодетельницей можно подняться и повыше... А пока не взлетел, о делах земных и грешных надо позаботиться.

Давешнего командира патруля я нашёл в уже знакомой караулке и в не менее тоскливом расположении духа, чем прошлым вечером. Зато, судя по тому, что в обращённом на меня взгляде не было ни особого удивления, ни сожаления, можно было понять: донос строчил кто-то другой.

— Что, снова подрался?

— Ещё нет, но зарекаться не буду.

Бородач заинтересованно сощурился:

— И есть повод?

— Да вот сегодня одно Звено из Цепи надзора про мою вчерашнюю нужду расспрашивало. Мол, где, да как, да почему. Не знаешь, кто его по следу пустил?

На лице командира патруля отразились смешанные чувства, среди которых преобладало брезгливое сожаление. Но мне были нужны не гримасы, а кое-что другое.

— Есть всего три ответа на один вопрос. Какой будет правильным?

Он не стал молчать дольше необходимого:

— Малой.

Пожалуй, поверю. Самому командиру доносить не было ни малейшего смысла, тем более что мзду от попрошайки он получил единолично. Трусливый Еме тоже вряд ли отважился бы на подобный поступок, потому что отлично знает: строгого разбирательства не будет, а стало быть, кара неизбежна, и отнюдь не со стороны закона. Что же касается юнца...

— Где он сейчас?

— Да наверняка тут, поблизости. С мамкой небось прощается.

Командир оказался прав: неподалёку от караулки в небольшой нише, образованной стенами домов, пристроенных вплотную друг к другу, я заметил и парня и женщину, кутающуюся в длинную плотную накидку без единого узора. Мешать душевному разговору родительницы и ребёнка было делом несправедливым, но на сей раз, думаю, ни Бож, ни Боженка не стали бы возражать против моих действий.

— Вечер добрый.

От звуков моего голоса юнец вздрогнул и заозирался, чем выдал себя вернее любых признаний. Дальше можно было не продолжать, тем более я толком и не знал, какое удовлетворение хочу получить от обидчика. Ну не драться же с ним, право слово? Хотя бы потому, что убью скорее, чем заставлю о чём-нибудь задуматься.

— Не бойся, по ушам не получишь, а то ещё зашибу ненароком.

И тут я наконец понял, что тащило меня за собой в караулку и дальше. Любопытство. Но не то, что является свойством разума, беспорядочно ищущего сведения о непознанном, а желание поскорее закрыть ящик стола, в котором свалены все подробности минувшей ночи.

— Только скажи: почему?

Он чуть расслабился и даже вызывающе приподнял подбородок:

— Потому что это против правил!

Ясно. Юношеское рвение попросту не нашло лучшего применения.

— Ты их писал, правила эти?

— Офицер не вправе нападать на невиновного и безоружного!

— Ему никто не мешал защищаться. Да и невиновность сомнительная. Ты же видел всех тех собак?

— И что с того?

— Тебе не стало их жаль, хотя бы на мгновение?

— Они всего лишь животные, и хозяин может поступать с ними так, как захочет.

Хороший мальчик. Добрый, правильный. Надёжная молодая смена растёт у старой гвардии.

— Вы его мать? — обратился я к женщине, и та гордо сверкнула глазами:

— Что вам угодно сказать?

Угодно. Какое милое словечко. Но очень верное, потому что я и собираюсь угодить. Самому себе.

— Мне угодно сказать, что вы мало пороли своего сына в детстве. Сейчас, конечно, уже поздно что-то исправлять, но, если пожелаете, окажу всю возможную помощь. Вот только розги раздобуду... Хотя и ремень сойдёт. — Я сделал вид, что расстёгиваю пряжку.

— Да как вы смеете?!

— Так же как вы посмели определить в городскую стражу начинающего доносчика. Думаете, там мало уже поднаторевших в сём славном деле?

Руку парня я поймал за запястье в той близости от своего лица, которая не позволяла усомниться: мне намеревались дать пощёчину. Так мы ещё и из благородных? Человек попроще нашёл бы другой способ устроить драку. Что ж, видит Бож, я этого не хотел...

Но ещё до того, как мои пальцы привычно сжались, принимая одну из форм, рекомендованных в поединке голыми руками, женщина пронзительно свистнула в серебряный свисток и закричала:

— Стража, сюда! Стража!

Звено второе

Где-то...

Сегодня.

Это случится сегодня.

Или уже случилось? Где-то ночь наступает раньше, где-то позже, и, когда мои соседи только будут готовиться ко сну, кто-то уже пустит в свою душу Семя. Не доброе и не злое, а наметившее свои собственные цели, отчаянно чуждое нашему миру и настойчиво старающееся урвать его частичку для себя. Впрочем, это нас и роднит больше всего прочего: желание владеть.

Клок земли или влюблённое сердце — нет никакой разницы, чьим хозяином слыть. Захватить, купить, выиграть, получить в дар и сразу обнести оградой, неважно, видимой глазу или скрывающейся глубоко в сознании. Стать господином. Правителем и распорядителем, чья ладонь, стоит только протянуть и дотронуться, согревается жаром обладания.

Ненасытные и стяжающие. Таковых много, но, насколько бы скверными они ни казались, да-йины выбирают совсем других. Хотя почему демоны должны выбирать худших? Для нашего спокойствия? Как бы не так! Любой поединщик стремится заполучить главный приз, иначе к чему вообще затевать сражение? Души чистые, хрустально-хрупкие, робкие и нерешительные, вот самая подходящая почва для Семени. Души тех, кто, прежде всего прочего, желает стать хозяином самому себе, но иной раз не решается доверить своё желание даже шёпоту.

Говорят, с каждым годом добрые люди на земле переводятся всё больше и больше. Эти бы слова да Боженке в уши! А на самом деле испокон веков всё остаётся по-прежнему. И дверей, у которых падут на землю Семена, слишком много, чтобы надеяться на лучшее.

Здесь...

Гриф лютни притягивал взгляд блеском лакировки и звал пальцы дотронуться до струн, но Лодия пока ещё находила в себе силы отвернуться. Уже стемнело, вот-вот должен возвратиться со службы муж, может быть, тогда и утихнет невесть откуда взявшаяся тревога. Ведь вчера он так и не появился на пороге, потому, наверное, спокойного сна не получилось. Скрип оконных створок под случайным порывом ветра, стук двери где-то внизу, шорох шагов сверху — любого звука хватало, чтобы пробудиться от настороженной дремоты.

Впрочем, Лодию не терзали мысли о том, жив или мёртв её супруг и чем вызвана его неожиданная отлучка. В самый тёмный час ночи, когда глаза закрываются сами по себе, но сознание несколько минут остаётся на удивление ясным, женщине мнилось, что весть о гибели она приняла бы с большей радостью, чем равнодушное: «Я дома».

Семь лет. Семь долгих и суетных лет, капля за каплей вытянувших все силы и мечты. Все, кроме одной.

Лодия и сама удивлялась, почему до сих пор не выбросила из головы давнее детское желание, родившееся осенними ярмарочными вечерами под треньканье струн лютни заезжего музыканта. Играл он из рук вон плохо, но маленькой девочке звуки, заставлявшие душу дрожать в такт, показались прекраснейшими на свете. Матушка не стала противиться увлечению дочери, тем паче в благородных домах умение музицировать привечалось не

менее, чем покладистый нрав и рвение в исполнении господских поручений. Но если для опалённой солнцем и припорошенной степной пылью Кейханы годилось и то, чему Лодии удалось научиться, то Веента встретила провинциалку без малейшего интереса. И первый, и третий, и десятый распорядитель музыкальными услугами ответили ей одно и то же. Старательная, достаточно обученная, послушная, а значит, готовая трудиться, просительница была лишена главного. Того, что называют искрой божьей.

Талант нельзя купить или выпестовать на пустом месте, это женщина усвоила твёрдо. И всё же, каждый вечер старательно отводя взгляд от грифа-искусителя, не понимала, почему так до сих пор и не оставила надежд.

Семь лет назад, отчаявшись воплотить в жизнь детские мечты, Лодия отправилась туда, где собирались все молодые девушки, не желающие несолоно хлебавши возвращаться к родительскому очагу — в Дом знакомств. Подобные заведения существовали лишь в больших городах, исполняя ту же самую роль, с которой счастливо и успешно справляется любая деревенская сваха. Мелкий чиновный и мастеровой люд, коему по цеховым уложениям и прочим условиям нужно было обзаводиться супругой, отправлялись в означенный Дом, чтобы уйти оттуда уже с аленной. Временной, или, как ещё её называли за глаза, походной женой.

Такие браки хоть и были подтверждены соответствующими бумагами, но вроде их и не существовало, потому что в любой день и час муж был вправе отказаться от продолжения временного супружества, а женщина возвращалась в давно покинутое прошлое, если... Если не успевала использовать дарованный судьбой шанс. Лодия с уверенностью могла сказать, что свой шанс не проворонила.

Приглядывая за соседскими детьми, она время от времени наигрывала им на лютне напевы своей родины, непривычные уху столичного жителя, и неудивительно, что, когда в дом к Медному звену Цепи сообщений заглянула, дабы в личной беседе осведомиться о кое-каких подробностях, сопровождающих переписку, одна благородная дама, домашние уроки не прошли втуне. Тоненькая, словно высушенная солнцем и ветром молодая женщина с гладко уложенными блестящими чёрными волосами и глазами, горящими как угольки, но чей взгляд было очень трудно уловить под смиренно опущенными ресницами, приглянулась посетительнице. В первую очередь тем, что не подходила ни под один столичный канон красоты. Скромная, неприметная, послушная, знающая своё место — что может быть лучше? Детей у благородной дамы, правда, не народилось, зато имелись многочисленные подруги, обожающие проводить полуденные часы в разговорах под тихую музыку...

Лодия не выдержала и провела кончиками пальцев по гладкой полировке грифа. Следовало бы ещё хоть раз повторить ту пьесу, ведь завтра у хозяйки ожидается какой-то важный гость, как говорят, ценитель хорошей музыки и музыкантов. Если бы только удалось завладеть его вниманием! Но играть уже поздно, к тому же, не ровен час, муж всё же вернётся, а он ничего не смыслит в музицировании и только морщится, когда слышит звуки лютни.

Семь лет назад Лодия не выбирала — выбирали её, но, можно сказать, и тут ей повезло. Мужчина, пожелавший назвать южанку аленной, тогда ещё совсем молодой, но удивительно бесстрастный для своего возраста, оказался не таким уж плохим супругом. По крайней мере, не поколотил ни разу, как поколачивали многих её подруг. Она даже могла бы его полюбить... Если бы он хоть чуточку больше минут смотрел в её сторону. Но нет, для Ханнера Мори со-Веента временная жена была чем-то вроде коровы или лошади, без

которых в хозяйстве не обойтись, но которые не заслуживают лишнего тёплого слова. Впрочем, Лодия не осуждала супруга, ведь она и сама видела в нём только возможность оставаться в столице. Видела поначалу. А когда вдруг решила, что временный брак вполне мог бы стать и постоянным, сразу же поняла: опоздала. Ханнер, и до того не особенно разговорчивый, вовсе замкнулся в себе, на любой вопрос лишь рассеянно или недовольно приподнимая брови.

Очень скоро её нехитрое счастье закончится, и надо будет что-то предпринимать. Если бы только завтра утром всё получилось! Но сможет ли она? Наберётся ли достаточной смелости и страсти, чтобы родные напевы обожгли души слушателей тем самым степным жаром, что приходит в Кейхану каждую осень?

Жар... Здесь тоже бывает тепло, но совсем не такое. Уже наступила весна, а по утрам мостовая и стены домов всё ещё покрываются инеем. Сверкающим, прекрасным, но обжигающе холодным и колким. Да и прямо сейчас что-то серебрится на подоконнике. Словно капля воды упала откуда-то с крыши и застыла драгоценным камнем.

Лодия подошла к окну и взгляделась в мерцающее пятнышко. При близком рассмотрении у искорки не нашлось граней, как у бриллианта, наоборот, края странного светлячка казались пушистыми и манили не хуже грифа...

Пальцы наткнулись на оконное стекло, и женщина зябко отдернула руку.

Холодно. Слишком тут холодно. И люди холодные как лёд. Они не желают слышать музыку, которая звучит в душе южанки, и с каждым днём звуки из далёкого детства становятся всё тише. Скоро я и сама не услышу себя, вдруг подумала Лодия. Так, может быть, чем скорее, тем лучше? Не будет больше бессонных ночей и безотчётной тяги к лоснящемуся грифу. Не будет стремлений, но не будет и терзаний. Останется один лишь холодный морозный узор, в центре которого пульсирует синеватый огонёк. Раньше Лодия не замечала этого странного оттенка. Он словно бы стал сильнее? Быть того не может.

Пальцы сами потянули щеколду вниз.

За окном не чувствовалось ни дуновения, словно воздух остановился, чем-то напуганный, а может быть, восхищённый. Молчаливая ночь, самая верная подружка из всех, сколько раз они были вместе! Сколько раз слушали тихое дыхание друг друга, надеясь найти в нём упокоение, чтобы забыться сном...

Лодия вдохнула морозную сырость так глубоко, как только смогла, и сразу же ощутила то, что сначала полагала подарком судьбы, а потом нарекла проклятием.

Музыка. Она снова раскрывала свой бутон где-то в костяной клетке рёбер. Протяжная, гулкая, еле слышная, а потом неуклонно набирающая силу. Можно было взять в руки лютню и попробовать сыграть то, что рвётся наружу, но Лодия знала наверняка: не получится. Все звуки, извлекаемые её пальцами, всегда появлялись на свет уже лишёнными жизни. Как будто она боялась отпустить на свободу дитя своей души и собственноручно раз за разом убивала.

Только она больше не хотела становиться убийцей. Будь что будет, но этот младенец, самый выстрадавший из всех, заслуживает рождения! Нужно лишь набраться смелости для первого удара по струнам. Или не смелости, а... Да. Ощущения холода затянувшейся весны. Пальцы должны быть столь же мёрзлыми, как земля, иначе ничего не получится.

Мёрзлыми.

Лодия потянулась к мерцающей, уже густо-синей, искорке, не думая, что снег такого цвета никогда не падал с небес этого мира. Потянулась, чтобы набраться холода, а

наполнилась огнём. Пальцы словно попали в костёр, окутались языками бурно полыхнувшего синего пламени и на мгновение потеряли всякую чувствительность, чтобы тут же ощутить всё сразу.

Щербинки подоконника, в которых застыли струйки воды, стёкшие с крыши. Шов на запястье, в сотый раз залохматившийся и слегка натирающий кожу. Свист ветра, снова начавшего свой разбег. Горьковатый дым, потянувшийся из камина: должно быть, среди поленьев попало одно сырое. Струны, впервые встретившие пальцы как друзей, а не как врагов. Мир, огромный и тысячекий. Но главным было совсем другое.

Лодия чувствовала себя.

Заколка лопнула, тяжёлые чёрные локоны рассыпались по узким плечам. Стен темницы больше не существовало, и душа замерла, выбирая, по какой дороге продолжить свой путь.

Женщина улыбнулась, склонилась над лютней, словно над ребёнком, и раздался крик.

Первый крик пришедшей в мир музыки.

И сейчас...

Был ли я неудачником? В течение прошедших суток — определённо нет. Ровно столько же раз, сколько меня настигало поражение, вслед за ним снисходило и своего рода вознаграждение, которым мне, правда, не удавалось воспользоваться. По причине собственной же дурости.

Что потянуло мою упрямую голову выяснять личность доносчика? Мне и делить с ним было нечего, да и встретиться, возможно, не пришлось бы больше ни разу в жизни. Тогда зачем? Затем чтобы узнать нечто новое. Ещё одну причину старого как мир поступка. Привычка сработала? Она самая. Если тебя много лет подряд учили наблюдать и сопоставлять увиденное со всеми возможными объяснениями, в какой-то миг перестаёшь осознавать, что не нужно пытаться понять всё на свете. И конечно же забываешь себя вовремя одёргивать.

Да и кто мог предположить, что юнец окажется внебрачным отпрыском управителя городской стражи, не без стараний настырной мамочки начавшим карьеру в отцовских владениях? Обвинение прозвучало смехотворно, никаких телесных повреждений, кроме гневного румянца на щеках юноши, осмотру патруля не предстало, зато дама топала ногами, потрясала грудями и медальоном, обеспечивавшим исполнение любых капризов, потому вечер закончился тем, чем и должен был. Безмятежным сном в городской тюрьме.

Пожалуй, моё настроение по сравнению с мыслями и чувствами, посетившими стражников, можно было назвать вполне радужным. Задерживать далее, чем случится разбирательство, меня не станут, более того, как только я не явлюсь к утренней поверке, начальство начнёт искать нерадивого сопровождающего, и горе чадолюбивому управителю, если я отыщуся в камере, а не на свободе. Стражники и так расстарались, поместив меня в то крыло, где обычно коротали дни заключения люди, повинные в растратах, а не кровопролитии: здесь было тихо и скучно, совсем по-домашнему. Камеры слева и справа пустовали, так что моему спокойному сну не мешало ничего, кроме шаркающих шагов ежечасного обхода. Правда, ближе к утру проснуться всё-таки пришлось, по причине того что за решёткой, отделяющей мою камеру от соседской, появился постоялец.

Прибыл он в беспамятстве либо в сильном опьянении, поскольку его втащили под руки и не подающим признаков жизни кулем сгрузили на лежанку. Стражники удалились, я прикинул, что в следующий раз они появятся не ранее чем через полчаса, а стало быть, у

меня есть возможность задремать, и уже хотел повернуться к стене, пряча лицо от света коридорного факела, но не успел даже притвориться спящим, как куль зашевелился.

— Э-это что за место?

Следовало бы промолчать, но я вдруг живо представил себе, как не получивший ответа узник начинает кричать, и решил, что любопытство нужно давить в зародыше.

— Тюрьма.

Осмыслив услышанное, парень переспросил:

— Настоящая?

— А разве другие бывают?

Он задумался на предложенную тему, минут пять ворочался, пытаясь то ли пытаться подняться, то ли устроиться поудобнее, потом всё же сел.

— А как я здесь очутился?

У кого-то в памяти возникают пробелы, у кого-то провалы, и, хотя меня работа лекаря никогда не прельщала, парня почему-то стало жалко. Совсем немного, однако достаточно для того, чтобы продолжить разговор.

— Тебя сюда принесли.

— Почему?

— Потому, что ты не мог идти сам.

Он растерянно посмотрел на свои ноги.

— Не мог?

Я пожал плечами, не надеясь, впрочем, что собеседник разглядит этот жест и поймёт сопровождающее его настроение, но другого ответа у меня всё равно не нашлось.

Парень тряхнул головой и поднялся с лежанки. Стоять у него вполне получалось, а вот ходить — не слишком: едва смог добраться до разделяющей нас решётки и вцепился в неё, как в последнюю надежду.

Ещё один юнец на мою голову... Этот, правда, вроде бы потише. Невысокий, тощий, как соломинка, про таких в народе говорят: непонятно, в чём душа держится. Впрочем, ещё нарастит мяса на костях, ему, скорее всего, и восемнадцати ещё не исполнилось. Одет недурно, почти зажиточно, хотя пуговицы с курточки чудесным образом куда-то исчезли, оставив о себе воспоминание в виде обрывков ниток. Стражники пошуровали? С них станется. Хорошо, что меня по голове никто не прикладывал, иначе тоже очнулся бы обобраным. А шишка у него знатная будет, когда до конца вздуется...

— Хоть что-нибудь помнишь?

Он снова тряхнул серыми вихрами, словно это должно было помочь прояснить мысли.

— Помню, что не спалось. Вышел на двор вроде... Задумался о чём-то. А потом Турк пришёл. — При упоминании имени лицо парня болезненно скривилось.

— Приятель твой?

— Да какой он мне приятель! Пользуется тем, что силы много, и никому прохода не даёт.

— Стал задираться?

— Стал... — Парень страдальчески наморщил лоб. — А меня вдруг такое зло взяло, что я ему и ответил. — Он удивлённо вслушался в эхо своих же слов. — Ответил... — Юное лицо вдруг просветлело. — Вспомнил! Всё вспомнил! Я теперь тоже сильный! Как Турк. Нет, сильнее, чем он!

Видно, в моём взгляде проступило закономерное сомнение, потому что парень

мгновенно обиделся:

— Не веришь?

— Ну почему же, — неопределённо ответил я.

— Не веришь... Ну так сам сейчас увидишь! — Костяшки пальцев, вцепившихся в прутья решётки, начали белеть. — Смотри-смотри!

Я хотел было сказать, что не вижу ничего достойного внимания, однако что-то в голосе парня меня остановило. Что-то вроде одержимости и отчаянной уверенности в собственной правоте. Согнуть кованое железо в два пальца толщиной вряд ли смог бы и настоящий силач, но я всё-таки не отводил взгляда от худосочного наглеца, словно сам вдруг поверил в возможность чуда. И оно произошло, вот только вовсе не такое, каким виделось парню в его мечтах.

На одном из настойчивых рывков тонкие запястья лопнули. Разорвались, оставляя кисти рук вцепившимися в железные прутья и отбрасывая парня, тщетно пытающегося схватиться за воздух оставшимися обрубками, прочь от решётки. А ещё мгновением спустя хлынула кровь. Целые фонтаны.

Несколько капель долетело даже до меня. И пока я брезгливо оттирал алые брызги с лица, парень упал на колени, а потом вовсе завалился на сторону, крича так, что в скором явлении стражи можно было не сомневаться.

Но ещё до того, как в коридоре раздался стук кованых подмёток, и кровь и крик закончились. Оставшихся сил парня хватило только на то, чтобы разочарованно прошептать:

— Так всё это было... обманом?

Часть 2.2

Как стало понятно из недоумённого: «Боженка милостивая!», что сорвалось с губ первого же стражника, узревшего вцепившиеся в решётку кисти рук, случившееся если и не ужаснуло, то весьма удивило даже людей, успевших многое повидать на своём веку. К тому же вопреки моим представлениям о любознательности и известной самостоятельности городской стражи в делах разного рода к истекающему кровью узнику никто не кинулся. Более того, даже не приблизился. Вместо оказания помощи или добывания — кому что по душе — тюремные охранники разделились: двое из них остались в коридоре у двери камеры, а третий бодрой рысцой умчался куда-то вдаль, видимо с докладом начальству. Зная расторопность служек Сопроводительного крыла, я предположил, что продолжения представления стоит ожидать не менее чем через час, однако всё случилось намного быстрее.

Примерно четверть часа спустя в коридоре вновь раздались шаги, причём множественные, и доселе почти безлюдное место оказалось заполнено народом, причём не самым простым. Но если густо-синие камзолы Звеньев Цепи одушевления были мне знакомы, то увидеть на расстоянии вытянутой руки багряно-белые одежды удалось впервые, и я почему-то сразу же усомнился, что это можно назвать везением.

Цепь мироудержания. Самая неприступная и самая грозная из всех остальных. Находящаяся на таком вершине, о котором я мог лишь мечтать, но, как и многие другие жители Дарствия, мечтать благоразумно не пытался. Власть, не ограниченная практически ничем, право поступать по собственному разумению, только бы достало умения объяснить, что радеешь о службе, а не о себе. Про «багряных» ходили разные слухи, и все они сводились к одному: не стоит оказываться поблизости от места, где появляются красно-белые камзолы. Впрочем, страшно не было. Бояться надо было начинать раньше, когда прямо перед моими глазами разорвались руки, а теперь люди, постепенно украшающие своим присутствием соседнюю камеру, вызывали у меня лишь неподдельный интерес.

Первым на залитый кровью пол ступил мужчина средних лет с благообразно причёсанными длинными пегими волосами. Медальон, при каждом шаге лукаво поблёскивающий в складках камзола, ясно указывал: именно этот пришелец будет заправлять всем, что случится далее. Тенью за Золотым звеном следовал молодой человек, телосложением походящий на солдата тяжёлой пехоты, нодвигающийся ловко, как давешний юный карманник, и держащий правую ладонь на предмете, знакомом мне едва ли не лучше, чем всем остальным присутствующим.

Брак. Немного другой длины и очертаний, чем принадлежащий мне, но вполне узнаваемый. Если для простого люда наш брат-сопроводитель казался чем-то непостижимо-легендарным, то у нас самих зависть и восхищение вызывали те, кто хранил жизнь и благополучие Звеньев Цепи мироудержания. Хотя вряд ли его Ведущий так уж сильно нуждается в защите, ведь он, в отличие от чиновников, за которыми ходим мы, строен, подтянут и явно также напичкан под завязку всевозможными зельями, потому что двигается по-юношески легко, разве что чуть более скуп.

Пока я ёрзал на лежанке и прислонялся к стене, чтобы было удобнее наблюдать за происходящим, золотозвенник подошёл к искалеченному парню, присел на корточки и всмотрелся в искажённые болью черты. Потом поднял голову и печально произнёс куда-то в

пустое пространство:

— Будем стоять или будем действовать?

Из-за спин стражников раздалось недовольное:

— Ишь понабежали тут... А ну, расступись!

Женщина, вошедшая в камеру третьей, своей шириной напомнила мне давешнюю любительницу собак, однако росточка во вновь прибывшей было намного меньше, и синяя мантия окутывала собой этакий колобок, но не плотно скатанный, а весьма рыхлый и колыхающийся при малейшем движении. Волос на голове Серебряного звена Цепи одушевления по традиции не было, но, видимо, дама, в отличие от Гирма, не нашла в себе достаточных сил, чтобы отказаться от бровей и ресниц, а заодно и густо их накрасила.

— При всём уважении к вам, эрте... — Вместо окончания фразы золотозвенник придал своему лицу выражение заинтересованного ожидания, а вовсе не строгого сожаления, и спустя вдох я понял, почему вышестоящий чин предпочёл поощрить опоздавшую, а не пожурить.

С резвостью, удивительной для роста и веса, женщина метнулась к лежащему телу, изогнулась над ним, словно принохиваясь, потом в мгновение ока оказалась уже у решётки, на которой всё ещё висели скрюченные кисти рук.

— Так-так-так...

Серебровзвенница, прикрыв глаза и мечтательно улыбаясь, нежно потёрлась щекой о бледный покров обескровленной плоти, лизнула запёкшиеся капли, склонила голову набок, словно о чём-то думая, повернулась к золотозвеннику и решительно заявила:

— Ничего не осталось.

— Эрте уверена?

— Эрте знает своё дело.

В словах женщины помимо скучного спокойствия прозвучало что-то вроде игривого вызова померяться силами. По губам пеговолосого скользнула улыбка:

— Что-нибудь расскажете?

— Увы, тут и говорить не о чем. Вытеснение не завершилось, как должно было: похоже, несчастный слишком поторопился. Впрочем, если бы он оказался терпелив и выдержан, мы с вами не стояли бы тут и не знали самого главного.

— Всё-таки прошедшая ночь?

Слово «прошедшая» золотозвенник выделил особо. Женщина ещё раз посмотрела на пальцы, обвившиеся вокруг прутьев решётки.

— Думаю, да. Но точное время вы установите и сами, а я скажу только то, что знаю наверняка: это случилось.

В её голосе не прибавилось ни единой нотки тревоги или озабоченности, но мне почему-то стало вдруг не по себе. «Это»? Что именно? Пришла новая чума, принёсшая с собой повальное безумие?

— Теперь попрошу не мешать мне, разлюбезные эрте, — сказала женщина, возвращаясь к бездыханному телу.

Жив был парень или уже мёртв от потери крови, похоже, не волновало никого. По крайней мере, если его не попытались спасти сразу же, он или был заведомо обречён, или... Если это болезнь, она может быть заразной. А что, если те капли крови, долетевшие до меня...

— А его сосед? — в такт моим мыслям спросил золотозвенник, всё это время ни разу не

взглянувший в сторону соседней камеры.

— Он пахнет кровью, — чуть раздражённо ответила женщина. — Но только мёртвой.

«Багряные» вышли в коридор и направились к месту моего теперешнего обитания, задержавшись лишь для того, чтобы узнать, не прибыли ли на допрос патрульные, доставившие ночного драчуна в тюрьму. Я не стал вскакивать на ноги, ни когда незваные гости переступили порог, ни когда оказались совсем рядом, нависая надо мной грозными глыбами. Золотозвенник едва заметно кивнул сопроводителю, и у моего горла с тихим свистом остановился наконечник раздвинутого бракка, вопреки ожиданиям набухающий не тёмными ядовитыми прожилками, а нитями искорок, сбегаящими по бокам и собирающимися в один большой огонёк, повисший в воздухе на расстоянии дюйма от наверхия.

— Встать.

Огонёк начал угрожающе потрескивать, и одна из слетевших с него искорок больно ужалила мою щёку.

Опасная штукавина. Похоже, действует на значительном удалении, не то что мой посох. И как бы мне ни было любопытно узнать о принципе действия этого оружия, испытывать его на себе что-то не хотелось, поэтому я выполнил обращённый ко мне приказ.

Мои глаза оказались примерно на одном уровне с глазами золотозвенника, чем тот не преминул воспользоваться, уставившись на меня немигающим взглядом.

— Сколько времени ты находишься в этой камере?

— Если скажете, который час идёт, мне будет проще ответить.

Он криво усмехнулся:

— Скоро пробьют утреннюю зорю.

— Я оказался здесь ещё до вечерней.

— Значит, этого парня привели уже при тебе?

— Да, эрте.

Золотозвенник, казалось, вдобавок к застывшему взгляду перестал ещё и дышать.

— Он что-нибудь говорил? Рассказывал о чём-нибудь странном, что с ним приключилось?

— Он ничего не помнил. Если вы хорошо смотрели, то наверняка заметили шишку у него на лбу с правой стороны. Так вот, парня кто-то от всей души стукнул по голове, почему он впал в беспамятство.

— Но решётку он дёргал не во сне, ведь так?

— Да. Очнулся вскоре после того, как его принесли. И долго не мог понять, что происходит, а потом...

— Потом? — Пеговолосый напрягся, как охотничья собака в стойке.

— Потом кое-что всё же вспомнил.

Золотозвенник, приготовившийся к обстоятельному рассказу, сердито фыркнул, наткнувшись на простодушное молчание, и огонёк бракка приблизился к моему лицу почти вплотную.

— Что именно?

— Вспомнил, что вышел ночью во двор. Гулял там. Встретил давнего неприятеля и подрался с ним. А подрался, потому что стал таким же сильным.

Тёмные глаза всё же мигнули.

— Дальше!

— А дальше всё было просто. Он решил, что я сомневаюсь в его силе, и вцепился в решётку. Итог вам известен.

Золотозвенник ещё раз пристально прищурился:

— Больше тебе нечего рассказать?

— Нет, эрте.

Последние слова умирающего, сколь бы важными они ни были, именно в силу своей необъяснимой значимости показались мне опасными в первую очередь для меня самого, поэтому я предпочёл промолчать.

— Всё готово! — окликнула из-за решётки женщина, и «багряные» отправились обратно.

Что именно творила сереброзвенница Цепи одушевления во время моего допроса, я не видел, но, когда она отошла от тела, мне почудилось, будто мертвецу стало чего-то недоставать. Может быть, части лица, может быть, отдельных кусочков плоти: света факелов, задерживаемого спинами стражников, не хватало, чтобы всё ясно разглядеть. Зато я смог увидеть то, что и в самом деле выглядело поразительно и пугающе.

Женщина подошла к решётке, положила свои ладони на оторванные кисти, начала поглаживать, всё настойчивее и настойчивее, а в какой-то момент скользнула в них, как в перчатки, и медленно разжала скрюченные пальцы, словно те вдруг стали её собственными. Потом руки, живые и мёртвые, то ли разделившиеся, то ли ещё слеплённые друг с другом, спрятались в складках мантии. Бритоголовая, поворачиваясь, чтобы уйти, поймала мой удивлённый взгляд, насмешливо подмигнула, и в следующий миг посреди камеры взвились языки костра, охватившего мёртвое тело. Очень странного костра, бросающего на стены не жёлтые или красные, а синеватые отблески.

Пламя взлетело, протрещало от силы с минуту и упало вниз, исчезая в швах между каменными плитами пола. Брагк вновь вернулся в поясные ножны, а сам проводитель — за спину своего Ведущего, который, прежде чем покинуть тюремный коридор, повернулся ко мне и сказал:

— Тебе было бы безопаснее забыть всё, что ты видел. Но ты не имеешь на это права.

* * *

С прибытием сонного тюремного начальства пришла и моя свобода: стражники вернули изъятые при аресте вещи, к которым, судя по всему, разумно предпочли не прикасаться больше необходимого, и препроводили навстречу начинающемуся дню, морозному и празднично ясному, словно вознаграждающему взгляд яркими красками за мутную тревогу минувшей ночи. Времени до утренней поверки оставалось совсем немного, но не успел я ускорить шаг, намереваясь как можно скорее добраться до Наблюдательного дома, меня догнал оклик:

— Сопроводитель Мори!

Таким тоном ко мне всегда обращался лишь один-единственный человек моего мира, ограниченного городскими стенами. Вот только этому человеку полагалось поутру находиться вовсе не на узкой улочке, а в просторном кабинете.

— Эрте?

Ротан Лаолли со-Мерея не растерял умения прятаться от любопытных взоров: я бы прошёл мимо него, не заметив или в лучшем случае рассеянно подумав, что один из выступов каменной кладки имеет чуть большие размеры, нежели его соседи.

— Направляетесь на службу?

— Да. Как и должно.

— Не торопитесь. — Он ещё глубже спрятал лицо в капюшон плаща, однако это странным образом никак не отразилось на чёткости долетающих до меня слов. — Мои ноги уже не те, что в юности, да и бежать вам... некуда.

Забавное совпадение. Когда «багряные» ушли из тюремного коридора, я подумал о том же самом. Правда, так и не смог понять, откуда взялось навязчивое желание оказаться как можно дальше от всего случившегося, самое лучшее — в другой жизни.

— Что вы хотите сказать, эрте?

Лаолли вздохнул:

— Я полагал вас, Мори, одним из наиболее разумных и надёжных сопровождаителей. Да-да, знаю: среди нас нет ни лучших, не худших, как гласит «Уложение о нерукотворных стенах», но все мы люди, а значит, временами бываем слабы... Так вот, мне казалось, что на ваше усердие можно рассчитывать. И поначалу мои надежды оправдывались.

М-да, начало запутанное и многообещающее. Причём обещающее много дурного, а не приятного.

— Вы не задумывались, почему я направил в патруль городской стражи именно вас? Ведь многие, в том числе и я сам, видели, что зачинщиком драки был сопровождаитель Тенн.

Всё любопытнее и любопытнее. Только почему-то не хочется разматывать этот клубок.

— По правилам следовало бы наказывать его, а не вас, верно? И если бы вы стали возражать... Но вы не стали, как я и предполагал. Вы исполнили приказ, что мне и требовалось. Хотите узнать истинную причину, по которой оказались в патруле?

Честно говоря, нет. Но моё молчание, равно как и любое моё слово, не остановило бы назидательную речь Лаолли:

— Вы были нужны там в своём обычном качестве. Для защиты.

Кажется, теперь все части головоломки заняли предписанные места. И получившийся рисунок мне отчаянно не понравился.

— Хотите спросить, почему вам не было сказано всё это заранее? Потому, что вам и не нужно было знать ничего лишнего. Чем больше сведений, тем больше сомнений, а значит, и больше уязвимости. Вы должны были просто действовать, но...

Тут управитель вздохнул ещё печальнее, а мне подумалось: лучше бы он визжал, как давеча в кабинете, топал ногами или творил прочий беспредел.

— Вы привлекли к себе внимание. Один из самых неприметных даже в наших рядах, и вдруг такое! Нет, меня не беспокоит участь того нищего. Пусть вы бы даже убили его и ещё десяток, ни одного слова упрёка вы бы не услышали. Но можно было дать волю своим желаниям иначе? А ведь Надзорные вообще не должны были знать, что той ночью вы входили в состав патруля.

— Эрте?

— Да-да, сопровождаитель Мори! Это была личная просьба дамы, с которой я имею честь быть знакомым.

Мамочка настолько опасалась за безопасность своего чада, что вытребовала для него дополнительное охранение? Влиятельная женщина, ничего не скажешь.

— Возможно, вы отправились бы в патрулирование и на следующую ночь, и ещё... некоторое количество раз. И если бы были исполнительны и неприметны, как все предыдущие десять лет службы, вам была бы выказана благодарность. Думаю, вы понимаете какая.

Разбежаться, что ли, и воткнуться лбом в стену? У меня, оказывается, был ещё один шанс устроить будущее, причём шанс надёжный, как крепостная стена. И я опять же собственными руками... Неужели Бож меня проклял? И когда только успел?

— Но вы вдруг повели себя иначе, чем я ожидал. Совсем иначе!

Захотелось оправдаться, пусть и с запозданием:

— Донос настрочил тот, кого я должен был охранять.

Лаолли махнул рукой:

— Разве это имеет какое-либо значение? Он, кто-то другой... Доноса вообще не должно было появиться, понимаете?

— Никто другой не стал бы доносить.

— Нужно было действовать иначе, — повторил управитель, делая вид, что не расслышал мои слова. — Но даже пусть бы с ним, с доносом... Что вы устроили потом? Зачем вам понадобилось возвращаться? Вы искали справедливость?

— Я просто хотел знать, эрте.

— Что знать?

— Почему он так поступил.

— Видимо, узнали. Но расстроили даму настолько, что мне стоило большого труда замять эту историю.

Если бы подробности были известны мне заранее, никакой истории не было бы. А с другой стороны... Полагалось всего лишь исполнить приказ, действуя в рамках строгих правил, и участники событий остались бы довольны. Особенно я сам.

— Я получил рапорт об изменениях, начинающихся в вашей плоти, сопроводитель Мори.

Ещё одна нерадостная весть. Может быть, хватит на сегодня?

— Это должно было произойти, рано или поздно. Конечно, я мог бы оставить вас на службе до крайнего срока, но, думаю, вы понимаете... Я этого не сделаю. В течение ближайших дней вас пригласят в Наблюдательный дом в последний раз, а пока можете отдыхать.

Вот так. На одной ноте, рассеянно-печальным тоном. Зачем только было ради разговора покидать кабинет и с утра пораньше ждать на морозе? Я мог бы всё то же самое выслушать в Сопроводительном крыле. Хотя у тамошних стен ушей явно больше, чем у здешних, а Лаолли всё же требовалось выговориться.

— Как прикажете, эрте.

Он не стал прощаться, повернулся и неторопливо пошёл вверх по улице. А я отправился вниз, причём во всех смыслах сразу.

Часть 2.3

Терпение было качеством, вложенным в меня стараниями родителей ещё в самом раннем детстве, а потом развитое и мной самим, не по доброй воле, но усердно. Так почему же оно вдруг покинуло меня? Всего-то и требовалось: подождать. Не предпринимать ничего, а плыть по течению, которое вот-вот должно было прибить мою утлую лодку к блистательному берегу. Утешает лишь то, что изначальные намерения оказались верными, и прилежное исполнение службы принесло свои плоды, увы, теперь недозрелыми валяющиеся у меня под ногами.

Несколько дней ожидания, и пинок под зад. Остаётся надеяться, что моё имя не попадёт в списки тех, кто вовсе негоден на дарственной службе, тогда проще будет повеситься, чем продолжать жить. И надо придумать, что делать дальше, а для начала... обрадовать жену, тем более ноги уже принесли меня к порогу.

Порогу, который я переступил, как чужой.

Дома пахло степью. Вернее, тем, что я знал о степи со слов Лодии. Пахло травой, сожжённой солнечными лучами, пахло пылью, медленно оседающей на дорогу, оставшуюся за спиной, пахло свободой бескрайних просторов. А над облаком горьковатого, но не освежающего, а останавливающего дыхание аромата плыла музыка.

Я часто слышал, как жена терзает струны своей лютни, и ещё чаще просил её не играть при мне. О нет, она была вполне сносной музыканткой, на улицах города приходится слушать куда большую мерзость, но звуки, вылетающие из-под пальцев Лодии, ничего не будили в моей душе. До сегодняшнего дня.

Это непременно должно было стать песней, протяжной, нарастающей по силе с каждым перебором струн, но пока это ещё оставалось мелодией. В ней слышался топот копыт, бряцание стали и клёкот стервятников, кружащих над полем будущей битвы. В ней звенела смертная тоска юного воина, ни разу ещё не лишавшего жизни своего противника, вдохновлённая буйным воображением и рассказами ветеранов, надрывная, наигранная и в то же время предельно искренняя. Скоро начнётся бой, и первыми погибнут фантазии, но их смерть заметят намного позже, чем на орошённую кровью землю упадут тела, и бездыханные, и ещё дышащие...

— Я дома.

Привычные слова показались неуместными, словно захватчики, вторгшиеся в чужую страну.

— Хорошо.

Она ответила, не прекращая играть. Сегодня меня не будут встречать у порога? Мир перевернулся с ног на голову?

Лодия сидела у окна, чуть склонившись над лютней, поглощённая своим занятием так глубоко, что даже её спина словно говорила: «Не мешай». Но если раньше это показалось бы робкой просьбой, то теперь мне почудился приказ.

Волосы были небрежно сколоты на затылке длинной шпилькой, стекали из-под неё на спину тремя густыми ручьями, в которые мне вдруг до безумия захотелось погрузить пальцы. Странно, жена никогда прежде не носила такой причёски, даже перед сном заплетая тугую косу, словно стыдилась неукротимости своих локонов. И узкие плечи выглядят по-прежнему хрупкими, но вовсе не беззащитными, а дерзко ошетилившимися острыми костями.

— Тебе сегодня никуда не нужно идти?

— Я ждала тебя.

Ни оттенка чувства. Страстностью Лодия не отличалась никогда, но последний раз, когда я разговаривал с ней, голос моей аленны звучал совсем иначе, а теперь кажется, будто всё, что трепетало в её душе, досталось струнам. Или моё воображение просто решило вдруг не на шутку разыгаться?

— Я мог задерживаться и дольше.

Она молча кивнула, но не соглашаясь с моими словами, а всего лишь подавая знак, что слышала их.

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

Мелодия с видимым неудовольствием умерила свою силу.

— Скоро меня уволят со службы.

Вместо ответа раздался рассеяннo-насмешливый перелив.

— И я пока не знаю, чем займусь дальше.

Музыка равнодушно пожала плечами вместо Лодии.

Ничего не понимаю. Ей совсем неинтересно узнать о том, что спустя несколько дней нам придётся покинуть дом, оплачиваемый из дарственной казны? Странно. Аленна цеплялась за столицу руками, ногами и зубами, проявляя удивительное упорство, а теперь спокойно принимает весть, означающую крушение надежд, совместных и каждого из нас по отдельности. Может быть, не спала всю ночь, потому и находится в бесстрастной полудрёме?

— Ты понимаешь, о чём я говорю?

Мелодия взлетела и прервалась, уступив место словам:

— Да. И мне тоже нужно кое-что тебе сказать.

* * *

Провести гребнем требовалось ровно сотню раз в каждом из пяти направлений, чтобы разглаживающая мазь превратила шевелюру любой кудрявости в совершенно прямую и плотную настолько, что та могла бы противостоять даже ураганному ветру. Я делал это каждые три дня, и за столько лет совсем забыл, какого цвета мои волосы на самом деле. Ничего, скоро вспомню. Как и многое другое.

Лодия ушла тем же утром. Надела лучшее своё платье, закуталась в зимний плащ, взяла в руки лютню и ушла. Если то, о чём она рассказала, соответствовало истине хотя бы наполовину, моей аленне более не нужны вещи из прошлого. В том числе и я.

Соглашение о расторжении временного брака ближе к вечеру принёс прыщавый бумагомаратель, отмеченный Медным звеном Цепи единения. Получил мою подпись, привычно спрятав листок в кипе ему подобных, засунул папку под мышку и откланялся, скучно позёвывая, а я, закрывая за ничтожным чиновником дверь, понял, что завидую. Не его службе, нагоняющей тоску ещё до пробуждения ранним утром, а знаку на чахлой груди.

Если ты в Цепи, ты никогда её не покинешь. Обречённость на то, чтобы занимать своё место? Да. Но, какой бы страшной она ни казалась, всё же чувствовать своими плечами чужие как-то... спокойнее.

Ремешки, шнурки, пряжки. Впервые получив на руки одеяние сопровождающего, я подумал, что никогда не научусь справляться с бесчисленными застёжками. Потом, сосчитав их, ужаснулся ещё больше. Но понадобилось лишь время, и не особенно долгое, чтобы натренировать память пальцев. Память, которая больше не представляет никакой ценности.

Сегодня завершится всё, чему я отдавал силы, к чему прилагал старания и направлял стремления. Десять беззаботных лет, избавлявших меня от необходимости принимать решения, потому что впереди всегда шёл Ведущий, а моим делом было лишь наблюдать, предугадывая приказы, необходимые к исполнению. И действовать в полном согласии с чужой волей.

Бракк, заметно потускневший без подпитки снадобьями и покрывшийся сеточкой морщин, качнулся на перевязи. Попадёт ли он к другому сопроводителю или будет пылиться в хранилище, пока не умрёт собственной смертью от истощения? Помню, у всех моих соучеников посохи были новенькие, только-только вышедшие из-под резца мастера. Значит, и от меня не останется ничего, кроме упоминания в архивных списках Сопроводительного крыла.

— Сопроводитель Мори? Следуйте за мной.

Это я умею делать лучше всего прочего. Следовать. Последний раз идти через путаницу коридоров Наблюдательного дома, краем глаза не отпуская сутулую спину служки, а остальную часть внимания рассеяв по сторонам.

Вверх, вниз, направо, налево. Шаг всё ещё лёгок и упруг, но мне осталось совсем недолго наслаждаться послушной мощью собственного тела. Как только остатки зелий вымоет из крови, мяса и костей, я стану тем же, кем был много лет назад. Просто человеком.

— Прошу вас.

Двери распахиваются, пропускают меня внутрь и бесшумно закрываются, отрезая путь к отступлению. Лиловый кабинет? Лаолли снизошёл до оказания прощальных почестей? Впрочем, радости от созерцания тяжёлых бархатных занавесей, раздвинутых ровно настолько, чтобы я, войдя, оказался в узкой полосе слепящего солнечного света, нет никакой.

— Присаживайтесь.

Женщина, сидящая за огромным письменным столом и кажущаяся в чёрном мундире Цепи внутреннего надзора ещё тоньше и изящнее, нежели на самом деле, указала на стул, поставленный всё в той же ярко освещённой части кабинета. Мне не оставалось ничего другого, как занять предложенное место и, шуря глаза, дожидаться продолжения беседы.

Коротко стриженные пушистые светлые волосы, на солнце сияющие золотом, а на груди — отблески совсем другого металла. Серебряное звено. Надо же, такая юная, а уже облечена немалой властью.

— Полное имя: Ханнер Мори со-Веента...

Она не спрашивает, я не поддакиваю. По тону голоса кажется, что сереброзвенница зачитывает сведения обо мне для кого-то третьего, присутствующего в кабинете, но остающегося невидимым.

— Место рождения: Веента, столица Логаренского Дарствия...

И если в детстве я гордился этой приставкой к имени, то, повзрослев, почти возненавидел.

Мой давний предок жил в той Веенте, что ещё и не помышляла становиться столицей. Крохотная деревушка у подножия замка, пожалованная будущим первым Дарохранителем Логарена Рорвику Мори за верную службу. Прошли многие десятилетия, прежде чем замок разросся до размеров города, поглотив окрестные земли и приняв имя исчезнувшего поселения. А ещё век спустя пышное «со-Веента» начало появляться в именах столичных

жителей без разбора и быстро обесценилось, указывая лишь на то, что его обладатель сумел очутиться в столице и всеми правдами и неправдами остаться в ней.

— Год рождения: семьсот третий от обретения Логаренского Дарствия...

Да, давненько я появился на свет. Жаль, что не в самом начале века, а то было бы куда легче считать прожитые года.

— Отец: Лоран Мори со-Веента. Мать: Илана Этели со-Ронна...

Спокойные, умеренные во всём люди. Супружеская пара, вызывающая удивление у соседей, ни разу не услышавших отголосков ни одной ссоры. Отец вообще не любил дома повышать голос, отшучивался, что ему и на службе надоедает драть глотку, командуя подчинёнными. Мама тоже была молчалива, но своей тихой улыбкой, почти никогда не покидающей губ, искупала и этот, и прочие недостатки, которых я, правда, не помню. Уже не помню.

— Умерли весной семьсот двадцать третьего года...

Чумной весной. Были ли они больны или попали под горячую руку Звеньев Цепи упокоения, я так и не узнал. Хотя признаться честно, не слишком и старался. В те дни меня и прочих будущих сопроводителей не выпускали из стен Наблюдательного дома, пока чума не пошла на спад, а наши тела не оказались напичканы всеми необходимыми для борьбы с недугом зельями. А когда весна вступила в свои права по-настоящему и в каменные лабиринты городских улиц пришло тепло, было уже поздно о чём-то сожалеть. Единственное, что я мог сделать, это постоять несколько минут на пепелище родного дома, повернуться и отправиться обратно в ясную чистоту Сопроводительного крыла.

Уничтожено было всё. Вещи, мебель, драгоценности, стены, крыша, люди. «Они умерли быстро», — успокоил меня кто-то из служек, собирающих жирный пепел в полотняные мешки. Может быть. Скорее всего, солгал. Но для меня тогда не было никакой разницы, а верить хотелось в лучшее.

— Поступил на обучение в Сопроводительное крыло осенью семьсот двадцатого года...

По настоянию отца. Лоран Мори считал, что именно таков самый надёжный путь в высшие сферы служивых людей. Впрочем, я вряд ли исполнял бы обязанности сопроводителя более года или двух: отец, будучи Серебряным звеном Цепи градоустройства, собирался воплотить моё будущее в собственном ведомстве. Вот только Чумная весна успешно спутала все планы.

— Получил должность сопроводителя осенью семьсот двадцать пятого года...

И ухватился за неё. Больше попросту не за что было. Хотя осознание происходящего пришло несколько позже, а первые годы я словно плыл в тумане, подчиняя свою жизнь сторонним указаниям. Ещё очень долго, к примеру, не мог изжить обиду на отца, вздумавшего умереть, оставив меня ни с чем, как говорят в народе, с одним только добрым именем. Были бессонные ночи, на исходе которых голова звенела, как пустой котёл. Были костяшки пальцев, разбитые до крови в попытке вырваться из круга злобы.

Я любил своих родителей. И я ненавидел их за то, что они покинули меня. Всё, что я вспоминал, шепча их имена, это наставления о необходимости старательной и прилежной службы, приносящей благо прежде всего Дарствию, а уже только потом тебе самому. Терпение и усердие добиваются не меньших высот, чем отвага и дерзость, учили меня. Не всем дано быть героями, и не всегда жертвование жизнью достойно похвалы. Умереть легко — жить, изо дня в день исполняя свою службу, гораздо труднее и тем почётнее...

Он всё говорил верно, мой отец. Жаль, что цепочка его советов оборвалась слишком

рано, намного раньше, чем я смог оценить и осознать их простодушную правоту.

— Заключено временное супружество с Лодией Лакк со-Кейхана в семьсот двадцать восьмом году. Расторгнуто в семьсот тридцать пятом году...

Это тоже был шаг к намеченной цели, потому что начальство благоволило женатым подчинённым больше, чем холостым, и негласно принуждало заключать супружеские союзы, пусть и временные.

Я не собирался делить с худосочной южанкой всю оставшуюся жизнь. В сущности, мне было даже всё равно, как выглядит аленна, как звучит её голос: служба отнимала большую часть суток, и оставшегося времени едва хватало на то, чтобы закрыть глаза и провалиться в бессодержательный сон. Впрочем, надо признать, Лодия старалась. Следила за порядком в доме, а вернее, в тех нескольких комнатухах, что были отведены нам для проживания Сопроводительным крылом. Готовила ужины, вкуса которых я чаще всего не чувствовал, проглатывая не жуя. Согревала постель, хотя и тут следовала лишь моим пожеланиям, не навязываясь, но и не прекословя.

Она была хорошей женой, а главное, вольно или невольно поддерживала иллюзию правильности происходящего. Позволяла мне верить, что я являюсь главой хоть чего-то на этом свете.

— За время службы нареканий не поступало...

Да, и я горжусь этим. Хотя, с другой стороны, если бы во мне было поменьше старания и смирения, пребывание в Сопроводительном крыле могло закончиться намного раньше и, может быть, мне удалось бы начать всё заново. В той же городской страже, к примеру. А что? Поступи я туда, глядишь, к нынешнему году уже протирал бы штаны в каком-нибудь кабинетном кресле. Или собирал бы мзду на улицах, что тоже неплохо.

— Представлен к увольнению в связи с необратимыми изменениями телесной плоти...

Если бы я знал заранее, что меня ожидает, не согласился бы исполнять отцовскую волю. Ни за какие посулы. Понимаю, почему Лоран Мори умолчал о неминуемом исходе сопроводительского века: рассчитывал успеть перевести меня на другую службу. Понимаю, но простить не могу. И добро бы каждый из нас уходил в одно и то же время, так нет, кто-то ухитрялся задерживаться едва ли вдвое больше положенного. Везение, Боженка его раздери! Простое везение. Будь у меня больше дней в запасе, разве я упустил бы все представившиеся шансы? Да никогда в жизни!

— Приказ об увольнении подписан управителем Сопроводительного крыла нынешнего дня семьсот тридцать пятого года от обретения Логаренского Дарствия. Вам будет выдана заверенная печатью Наблюдательного дома копия.

— Не стоит утруждать писарей.

Женщина оторвала взгляд от бумаг.

Что проку в свидетельстве о бездарно потерянных годах? Личное удовлетворение и только. Любой мало-мальски сведущий человек не примет на достойную службу сопроводителя, уволенного по указанной причине. Всё, о чём ходят легенды, присутствует в нас лишь благодаря стараниям Цепи одушевления, а когда подходит срок и тело больше не может принимать в себя усиливающие зелья, мы перестаём чем-либо отличаться от прочих людей. Если говорить строго, скоро тот же капитан патруля городской стражи будет выглядеть в поединке предпочтительнее, чем я, потому что хорошо изучил пределы своих возможностей, дарованных от рождения и возвращённых долгими занятиями.

Да, меня тоже учили. Но учили в расчёте на повышенную гибкость и прочность связок,

на остроту зрения, превышающую обычную в несколько раз, на способность держать удар столько, сколько потребуется, а не сколько может выдержать нежная человеческая плоть.

Я встал, отстегнул от пояса ножны и положил бракк на стол.

— Имеющиеся при вас вещи не обязательны к сдаче, эрте Мори, — предупредила серебровенница.

— Я не хотел бы оставлять их себе.

Она рассеянно кивнула, но вопрос всё же прозвучал. Хотя и не из её уст.

— Позвольте узнать почему?

Часть 2.4

Я с самого начала предполагал наличие в кабинете некоего третьего лишнего, но не видел этому разумного объяснения. Что может быть обиднее и бесполезнее, чем проводы отслужившего своё сопровождающего? Он ведь больше не представляет собой ценности как воин, единственное стоящее качество, которое осталось при нём, это умение наблюдать, только соглядатаев на дарственной службе и так чересчур много, а разведчику всё же потребны большие телесные возможности, чем остаются в распоряжении уволенного. Однако когда невидимый ранее участник беседы вышел из кабинетной тени на свет божий, одна причина его появления наведальась мне в голову быстро и без колебаний.

Даже в отсутствие багряно-белого мундира пеговолосый узнавался сразу, наверное, по впитанной в кровь привычке оказываться центром внимания и почитания независимо от места и заполняющих его людей. Казалось бы, явление золотозвенника без всех регалий не сулило какой-либо особой опасности, но явственно обозначенное намерение оставаться в стороне от происходящих событий настораживало не менее сильно. Он не мог узнать, что перед смертью безрукий калека успел проронить несколько слов. Не мог. Но если узнал...

Интересно, какое наказание полагается за утаивание сведений?

— Ведь в вашей жизни не случилось ничего такого, что хотелось бы забыть.

Он верно угадал мотив отказа. Впрочем, если бы ещё пару дней назад подобная пронизательность в отношении моих поступков показалась бы мне странной и обидной, после случая с Атьеном Ирриги я больше не питал слепых иллюзий. Всё, о чём я думаю, написано крупными буквами у меня на лице? Пусть. Но тогда к чему вы задаёте всё новые и новые вопросы?

— В ней не было ничего, что хотелось бы помнить.

Пеговолосый криво улыбнулся, и только сейчас я понял, что мышцы его лица, видимо, когда-то были повреждены, потому что в коротком взгляде, брошенном в мою сторону, мелькнула отнюдь не ехидная улыбка.

— Эрте?

Рука золотозвенника в ответ на почтительное обращение неопределённо качнулась, словно взбалтывая воздух, однако для женщины в чёрном мундире этот жест означал вполне чёткое приказание, потому что блондинка аккуратно сложила бумаги в папку, дёрнула подбородком, обозначая поклон, и покинула кабинет.

Пеговолосый расстегнул верхние пуговицы камзола, лилового в цвет мебельной обивки и занавесей, опёрся о краешек стола и катнул бравок вперёд-назад по сукну.

— А я-то удивлялся, почему вас не испугало подобное оружие... М-да. Нужно было навести справки заранее.

— Можно задать вопрос?

Он подумал и кивнул:

— Можно. Единственный и последний. Потом спрашивать буду только я.

Собственно, после такого предупреждения можно было и промолчать, но глупо не воспользоваться предоставленной возможностью.

— Я смогу быть свободным по окончании этого разговора?

Пеговолосый снова улыбнулся:

— Чем Боженка не шутит? Но лично я надеюсь на обратное.

Вот оно. Именно то, что я и хотел знать. То ли события странной ночи подтвердили свою важность, то ли в привычку «багряных» входило тщательно прибираться за собой, а значит, избавляться от всех возможных свидетелей, способных разнести вредную молву. В сущности, меня не успокаивало ни первое, ни второе, зато знать источник злоключений всегда полезно. На будущее. Если, конечно, оно наступит.

— Да, у вас нет причин доверять мне и моим словам. А как насчёт желаний?

И это он знает. Должно быть, участвует в подобных беседах ежедневно и еженощно. Может, даже в этом самом кабинете.

— Хочу ли я доверять?

— Да, хотите?

Трудный вопрос. Лукавить, а тем более нагло врать не стоит. Но в чём заключается моя правда? Я долгие пятнадцать лет, включая годы обучения, следовал наставлениям и приказам, не подвергая их сомнению, а в конце концов и вовсе едва не разучился сомневаться. Чувствовал ли я себя при этом несчастным? Нет. Исполнять приказы легко, хотя и не всегда приятно. Возможно, я и дальше согласился бы на послушание, но... Золотозвонник спросил совсем о другом.

— Да.

— А верить?

— А я и так верю.

Он чуть наклонил голову, словно это позволяло лучше взглядываться в моё лицо.

— И во что же? Поделитесь, будьте любезны.

— В справедливость Бога и ветреную милость Боженки. В рассветы и закаты. Верю что вы скажете мне лишь то, что захотите. А ещё верю, что отвечу на все ваши вопросы, но только то, что смогу.

Пеговолосый расхохотался:

— Вам слишком долго приходилось молчать, верно?

— Да, но...

— Только человек, вынужденный большую часть своей жизни слушать, а не говорить, не сможет устоять перед приглашением побеседовать.

— Разве это было приглашение?

Конечно, он не ответил, следуя собственному, ранее оглашённом правилу. А я вдохом спустя понял, что сморозил очередную глупость.

Ни мундира, ни медальона, ни приказа, отданного начальственным лицом или изложенного на бумаге. Передо мной сидит просто человек, и если бы нашей встречи в тюрьме не состоялось, я бы и понятия не имел, с кем разговариваю. Но с другой стороны, почему-то кажется: не было бы встречи, не появилось бы нужды в разговоре.

Что ему от меня понадобилось? Уличить во вранье? Вынудить признаться? Вряд ли, иначе давно бы уже перевёл беседу в требуемое русло, а мы продолжаем говорить на темы, касающиеся... Вернее, почти ничего не касающиеся. Может быть, спросить прямо? Хотя в ответах мне ведь всё равно отказано.

— Если у вас есть вопросы, спрашивайте, а не ходите вокруг да около.

— Вы куда-то торопитесь?

Нет. Наоборот, с ужасом жду момента, когда мне придётся встать и шагнуть за порог кабинета. Шагнуть в неизвестность. В «никуда», которое превратится в «где-то», лишь когда я там окажусь.

— Не тороплюсь. Но чем быстрее закончится эта жизнь, тем скорее может начаться другая.

— Вы так недовольны прошедшими годами?

Недоволен. Правда, не годами, а собой. Время как раз было проведено с пользой, а шансов вступить в лучшее будущее оказалось с избытком. И кто всё испортил? Я сам.

— Они прошли.

— Мимо?

Никак не могу понять, до чего он пытается докопаться. Постичь глубины моего разума? Так там доньшко просвечивает, даже пятки не намочишь. Ищет умыслы и намерения? Умысел только один: жить спокойно и сытно.

— Со стороны виднее.

Пеговолосый хмыкнул:

— Виднее. Хотя смотрю я на вас и, как ни стараюсь, кое-чего разглядеть не могу.

— Может, не туда смотрите?

— Может быть... Что ж, спрошу прямо. Чего вы хотите от жизни?

Или я совсем отупел на сопроводительской службе, или меня желают завербовать. Именно ответом на прозвучавший вопрос открываются Двойные врата Боженкового лабиринта.

— Немногого.

— Например?

— Покоя.

Я бы на его месте непременно пошутил, предложив обеспечить мне покой из разряда вечных, но золотозвенник почему-то остался совершенно серьёзен.

— Вы уверены?

— Да.

— И вам не будет скучно после стольких лет, проведённых в постоянном напряжении, вдруг оказаться вдалеке от шумной и переменчивой жизни?

А ведь в самом деле... Те два дня, что я ждал послания из Наблюдательного дома, не заполненные ничем, кроме вынужденного ожидания, показались мне почти вечностью. Правда, особой скуки я не испытывал, скорее наоборот, словно провалился в какую-то пустоту, не приносящую ни тепла, ни холода, но главное, не заставляющую двигаться и думать. Блаженную пустоту.

— Не будет.

— Подумайте хорошенько, эрте Мори. Это только ваше решение.

Интересно, почему он так настойчив? Старается обезопасить собственный зад на случай, если я вдруг заартачусь? Очень странный разговор. Очень туманный. Но, несмотря на всю его неясность, страха так и не возникло. Впрочем, меня и не пытались напугать, скорее, отговорить, сбить с толку, подёргать за ниточки, торчащие из спутанного клубка души. Пеговолосый очень хочет быть уверенным. Но в чём? Или... в ком?

— Я устал, эрте. Можете верить, можете не верить, ваше право. Я десять лет следовал за Ведущими всех рангов и мастей, постепенно переставая понимать, зачем это делаю. Я честно исполнял свою службу, но даже мундир со временем изнашивается, а люди ничем не лучше мундира, который носят.

— За подобные слова вас следовало бы продержать в тюрьме весь остаток дней.

— Вы кликните стражу сейчас или чуть позже?

Золотозвенник подошёл ко мне вплотную, но снова в его движениях и в тоне голоса не оказалось и намёка на угрозу:

— Вы хотите чего-нибудь по-настоящему? Подумайте ещё раз. Закройте глаза, всмотритесь в картинку, которую увидите вокруг себя, и скажите: чего вы хотите?

То ли он был удивительно убедителен от природы, то ли в ход пошли особые снадобья, которые никто не мешал «багряному» рассеять в воздухе кабинета, но я подчинился настойчивому требованию, хотя в глубине души рассмеялся его детской наивности.

Что можно увидеть за закрытыми веками?

Оказалось, многое.

Тёмную пелену вдруг прочертили лучи света: это чья-то рука тронула занавеску на высоком окне и сдвинула в сторону, освобождая путь солнечному теплу. Женщина. Уже немолодая, но всё ещё прекрасная. А может, мне так только кажется, потому что... я люблю её. И она любит. Черты лица расплываются в дымке на границе тени и света, но глаза, смотрящие на меня, спокойны и счастливы. За окном видны всполохи красных и белых пятен, разбросанные по густой зелени. Сад? Должно быть. Цветущий летний сад. И я обязательно прогуляюсь по нему, только не сейчас, потому что на стуле, выдвинутом из-за украшенного затейливой резьбой стола, меня ждёт форменный мундир, цвета которого я никак не могу разобрать, но в складках ткани определённно что-то мерцает, словно звёздочка посреди ночного неба...

— Я хочу оказаться в лучшем месте, чем бывал прежде.

Пеговолосый удовлетворённо выдохнул, как будто мой ответ, добытый с таким трудом, стоил по меньшей мере половины сокровищ всего мира.

— Такое место есть. И оно уже ждёт вас.

* * *

Коридор, по которому мы шли, был настолько узким, что едва позволял двум не особенно широким мужчинам идти рядом друг с другом, не соприкасаясь плечами.

— Я не скажу всего, что вам должно знать, у меня слишком много других дел, требующих внимания. Но часть разъяснений вы получите уже по прибытии, а часть найдёте сами, если хорошенько поищите. Хотя буду откровенен: возможно, вам хватит и уже подготовленных сведений.

— О каком месте вы говорите?

— Помните? Никаких вопросов с вашей стороны, — лукаво улыбнулся пеговолосый. — Место... спокойное. Вы ведь хотели покоя, не так ли? Он у вас будет в полной мере, если понадобится. Там, где вы окажетесь, ваша судьба будет в ваших руках, а уж как вы ею распорядитесь, даже и Бож не знает.

Я подумал и высказал своё первое впечатление от услышанного, а первое, как водится, всегда самое верное:

— Слишком много тайн.

Золотозвенник на ходу пожал плечами:

— Не больше, чем есть на самом деле. К тому же ещё совсем недавно вы были согласны на что угодно, лишь бы обрести желанный покой. Почему же теперь любопытствуете?

Потому, что покоем в таинственном предложении и не пахло, скорее, от слов «багряного» веяло пылью сожжённой степи. А может, просто бессловесная песня Лодии никак не хотела стираться из памяти.

— Я всего лишь собирался покинуть старую жизнь.

— И покинете, обещаю. Конечно, новая будет чем-то на неё походить, как и вообще бывают неуловимо похожи любые жизни, но отголоски старой туда не долетят.

— На другой край света?

Он снова уклонился от ответа, мечтательно вздохнув:

— Я бы и сам, будь такая возможность, бросил бы здешнюю суету и... Сюда, прошу вас.

За поворотом коридора в рисунке узорчатой стены обнаружились контуры двери, больше похожей на бойницу. Интересно, кому бы могло понадобиться держать оборону в подвалах Наблюдательного дома?

Если весь наш предыдущий путь, как и проход в место назначения, были тесными, словно зажатыми в тиски обстоятельств, то помещение за дверью оказалось полной противоположностью ожидаемой узкой клетушке. Не сказать чтобы огромное, но весьма просторное, семиугольной формы, гранённое выступами стен и потолочными балками. Только на полу не было заметных возвышений и углублений, одни лишь цветные паркетины, видимо, чтобы не сбивались с шага деловито снующие по странной комнате Звенья.

Два Бронзовых и одно Серебряное. Цепь одушевления, как можно заключить из цвета мантий, даже если не приглядываться к рисункам медальонов. Все трое — женщины, довольно молодые, может быть, привлекательные, но бритые головы по-прежнему слишком отчаянно спорили с моим представлением о красоте. По мне скользнули ничего не выражающими взглядами, впрочем, «багряный» вызвал лишь немногим больше интереса у одной из синих мантий, той, к которой обратился с вопросом:

— Отправление можно произвести прямо сейчас, эрте?

Серебровзвенница утвердительно кивнула:

— В любое время. Мы готовы с той минуты, как получили приказ.

— Тогда дайте мне немного времени на завершение разговора.

— Как пожелаете.

Она снова вернулась к прерванной работе над склянками на высоком столе, а пеговолосый пояснил:

— Поскольку между столицей и тем местом довольно большое расстояние, я договорился о том, чтобы поспособствовать вашему скорейшему перемещению. Правда, в самом Блаженном Доле порталных мастеров никогда не было и не будет, поэтому вас перенесут в ближайший к нему место.

Итак, у него всё же существует имя, у места, где я должен обрести покой? Что ж, оно вполне соответствует ожиданиям. Блаженный Дол. Никогда раньше не слышал о таком. Должно быть, жутчайшая захолустная провинция.

Но насколько бы оно ни было удалено от Веенты, использование услуг Цепи одушевления наверняка стоит много дороже, чем путешествие с попутным обозом. Золотозвенник спешит избавиться или избавить? Если первое, то к чему вообще было затевать опостылевший разговор? А если второе... Всё равно ничего не понимаю.

— При том портале вас уже ожидают. По крайней мере, должны ожидать, — почему-то вдруг поправил самого себя пеговолосый, чем породил во мне ещё большую тревогу.

— Но я всё ещё не знаю, что должен буду делать.

— Все необходимые разъяснения будут даны вам на месте. Не волнуйтесь, ничего сверх того, на что вы способны, от вас не потребуется. Да-да, я имею в виду ваше теперешнее состояние, а не прежнее.

То есть в скорейшем будущем почти полностью беспомощное. Интересно, зачем так

утруждаться, чтобы поместить бесполезное существо в бессмысленное место?

— Я всё-таки хочу спросить.

— Помните уговор?

— Да. Но поскольку совсем скоро эта жизнь прервётся безвозвратно... Приговорённому ведь полагается последнее желание?

Золотозвенник широко, хотя и чуть укоризненно улыбнулся:

— Вы сами выбрали свой приговор. Впрочем... Спрашивайте.

— Причина, по которой всё это происходит, имеет большое значение?

Он на мгновение сощурил глаза, похоже, чтобы скрыть от меня всю серьёзность положения.

— Да. И, если Бож будет милостив, вы никогда её не узнаете.

Ясно? Сиди там, куда посадили, радуйся жизни и не задавай лишних вопросов, чтобы не тревожить собственный желудок.

— Спасибо.

Пеговолосый удивлённо приподнял брови, и я пояснил:

— Спасибо, что были честны.

— Если бы вы однажды оказались к моей службе поближе, поняли бы, что мне выгоднее говорить правду, нежели врать. А вот были ли честны вы?

— Это важно?

Очередной вопрос сорвался с языка и, разумеется, пропал втуне.

— Честность поможет или помешает вам получить то, чего вы хотели, — наставительно заметил мой провожатый и повернулся к синим мантиям: — Благодарю, я закончил.

— Останетесь до завершения? — спросила серебрязвенница.

«Багряный» шуточно поёжился:

— Нет, увольте! Ничего увлекательного всё равно не будет, а само действие я видел и снаружи и изнутри. Пусть Боженка отведёт свой взгляд в сторону!

С этим пожеланием удачи человек, имени которого я так и не узнал, закрыл за собой дверь, оставляя меня наедине с тремя серьёзно настроенными женщинами.

— Вы ранее пользовались порталами? — поинтересовалась одна из бронзовозвенниц.

— Ни единого раза.

На гладком личике появилась и пропала недовольная гримаска. Впрочем, подозреваю, что моё лицо искажалось не менее, когда я получал в Ведущие только-только назначенных и едва сведущих в своей службе людей.

— Тогда запомните несколько правил. Первое: не пугайтесь того, что произойдёт, пока оно будет происходить. Потом — сколько угодно, но во время ни-ни!

Занятное правило. Значит, во время путешествия будет чего испугаться? Но раз уж через порталы странствуют и отважные воины, и трусливые чиновники, от страха я точно не умру.

— Второе. Не барахтайтесь. Особо беспокойных приходится даже связывать, но ваш вес и так близок к предельному, а перемещаться голышом, поверьте, не слишком приятно.

Ещё капелька сведений, позволяющих предположить, что я попаду в нечто похожее на воду и, вполне вероятно, холодное. А может быть, колючее.

— И третье. Постарайтесь либо ни о чём не думать вовсе, либо выберите какую-нибудь сильную и важную для вас мысль. Перемещение продлится очень недолго, так что устать вы не успеете.

Вот эта женщина точно ехидничает, в отличие от пеговолосого. Но если в её словах всего половина правды, к ним всё равно стоит прислушаться, если я хочу добраться до Блаженного Дола целым и, по возможности, невредимым. Хотя уточнить не помешает:

— Больше указаний не будет?

Бронзовозвенница вопросительно посмотрела на старшую по чину. Та равнодушно качнула головой, мол, и сказанного достаточно.

— Камзол всё же лучше снять. И сапоги тоже, — после некоторого колебания велела моя наставница. — Да, и ослабьте все тугие завязки, которые имеются.

Когда я выполнил последний приказ, мне велели занять место в середине зала, там, где сходились в одну точку синие полосы паркета, и бронзовозвенница поднесла глиняную чашку, до краёв наполненную какой-то жидкостью, похожей на кисель.

— Выпейте. Не обязательно делать это быстро, но не останавливайтесь дольше необходимого.

На вкус питьё было едким, как скисшее вино, и всё внутри, начиная с языка, немилосердно зашипало.

— Теперь опуститесь на колени, сядьте и обхватите себя руками. Да, вот так. И пусть Боженка отведёт свой взгляд от вашего пути!

Она отошла в сторону, оказавшись последним углом треугольника, уже образованного её напарницами. Каждая из женщин сложила ладони перед грудью, а потом медленно начала разводить их в стороны. Сначала я вертел головой, но, когда понял, что все трое повторяют одни и те же движения, сосредоточил внимание на серебряннице, находящейся прямо передо мной, благо смотреть мне никто не запрещал. Правда, довольно скоро смотреть стало не на что.

Чем дальше оказывались друг от друга ладони женщины, носящей синюю мантию, тем заметнее становилось, что воздух между ними начинает отчётливо густеть. И чем пристальнее я всматривался в пространство перед собой, тем сильнее дрожали, оплывая,

очертания предметов.

В какой-то миг, словно подчиняясь неслышимому, но грозному приказу, последние точки, едва соприкасающиеся друг с другом, но всё ещё позволяющие угадать наличие линий, разорвали свои объятия, вокруг повисла непроглядная пелена, пол вдруг ушёл из-под ног, и я бултыхнулся вниз головой куда-то в...

Пустотой оно точно не было, потому что ни тело, ни сознание не ощутили свободы. Скорее наоборот, что-то сдавило меня со всех сторон, пытаюсь то ли вытолкнуть прочь, то ли поглотить, и стало понятно, о каком страхе говорила бронзовозвенница. Если странное место, в которое меня выбросил портал, не было живым само по себе, то оно явно было населено существами, имеющими цели и намерения. Враждебными? Дружелюбными? Я бы затруднился с ответом. Угрозы неминуемой смерти не чувствовалось, однако и помощь не приходила. Больше всего было похоже, что меня кто-то обнюхал мокрым собачьим носом и оставил в покое.

О чём меня ещё предупреждали? Не барахтаться? Да тут и шевельнуться вряд ли получится, потому что тело кажется туго спелёнатым. Разве что попробовать подвигать пальцем? Э нет, лучше не буду испытывать судьбу. Кто знает, не ринутся ли местные сторожевые псы на малейшее движение и хватит ли сил у влитого в меня зелья, чтобы отвадить их ещё раз?

Кружение, еле заметное в самом начале моего путешествия, вдруг начало нарастать, вызывая к жизни тошноту. Я старался сглатывать подкатывающие к горлу комки, но они с каждой минутой явно обретали всё больше нетерпения и в конце концов рванулись наружу, объединив свои силы. Однако оставлять путешественника вывернутым наизнанку среди неизвестного мира, похоже, не входило в планы троицы синих мантий: слизь, разжавшая мои губы, пролилась на вполне привычный пол.

Чистило меня не слишком долго. Ровно до тех пор, пока весь проглоченный кисель не оказался на каменных плитах, а заодно и на мне самом, повисая белесыми соплями. Зрелище наверняка было малоприятным, но глаза, постепенно переставшие болезненно слезиться от попытки разобраться в смещении линий и красок, не углядели вокруг ни одной живой души.

Комната, в которую я прибыл, походила на подвальную. По крайней мере, окон в стенах не наблюдалось. Также не было здесь ни простора, ни столов, заставленных разноцветными склянками, да и вообще, если бы я не знал точно, что некоторое время назад покинул столицу посредством портала, решил бы: очнулся после попойки в каком-то из трактирных погребов. Не хватало лишь бочек на стояках, но всё остальное, в том числе и заметные клоки паутины по углам, и скудно горящая масляная лампа, и запах, было на месте. Впрочем, запах скорее принадлежал разлившейся вокруг слизи.

Я опёрся ладонями о плохо выметенный пол, поднялся на ноги, ещё раз осмотрелся вокруг и наконец-то поймал за хвост ту самую мысль, которую мне настоятельно рекомендовалось думать ещё во время путешествия.

Почему я всё это делаю?

Не «зачем» — мне же всё равно нужно было куда-то подаваться, — а «почему». Незнакомый человек, не пожелавший или не посчитавший необходимым представиться, наговорил непонятных речей, наведших в моей голове дурной туман, потом чуть ли не силой пихнул в руки Звеньев Цепи одушевления и безмятежно откланялся, а я, как послушная овечка, отправился... хорошо бы не на заклятие. Хотя смысла протестовать уже нет. Да и от барахтанья меня предупреждали.

Почему я слушал его? Потому что он умеет говорить так, будто каждое слово, слетающее с губ, стоит не меньше морской жемчужины.

Почему послушался, даже не понимая, о чём идёт речь? Ответ прост. Потому, что меня натаскивали на подчинение. Да, в разумных пределах, но по большей части беспрекословное и немедленное. Впрочем, даже если вся многолетняя сопроводительская служба была заблуждением, которое рано или поздно закончится полнейшим крахом, надо признать: в жизни порой возникают случаи, когда сомневаться и раздумывать попросту некогда.

Догадывался ли я, чем закончится водружение Соединяющего жезла в купеческой лавке? Разумеется. Но не позволил своей догадке принять осознанную форму. А ведь можно было помедлить, возразить, предложить иной выход. И допустить, чтобы животные и люди успели убежать. Мог ли тот крошечный лисёнок причинить зло жителям столицы? Сейчас уже не узнать. Но даже если один шанс из ста кричал об опасности, всё произошедшее было оправданным. Словами закона конечно же. Человеческие слова, способные описать весь тот ужас и скорбь, ещё надо было бы поискать.

Золотозвенник действовал чётко и бил метко. Он знал, что я привычно подчинюсь любому приказу, поскольку всё ещё не осознавал: со службой сопроводителя покончено. Правда, оставался один неудобный вопрос, который можно на время отодвинуть в сторону, но от этого не становящийся менее колючим.

А удастся ли мне когда-нибудь осознать, что прошедшая жизнь прошла? Закончилась, рассыпалась прахом, разлетелась на осколки. И портал сыграл роль материнского чрева, исторгнув меня словно рождённым заново. Вот только крика не было. Запоздал. Зато когда раздался из распахнувшихся дверей, у меня заложило уши:

— Добро-добро-добро пожаловать!

***

Мантя вертлявого коротышки, волчком закрутившегося вокруг меня, тоже была синей. Когда-то. А теперь на ней в великом множестве присутствовали пятна, застиранные и вполне свежие, свидетельствующие о том, что кушают Звенья Цепи одушевления хоть в столице, хоть в провинции сытно и обильно.

— Как себя чувствует эрте? Руки-ноги-голова на месте? Благодарение Богу! Путешествия через портал совершенно, ну просто совсем-совсем безопасны, однако столько жалоб возникает, столько жалоб...

Он тараторил, делая краткие паузы, только чтобы наполнить лёгкие воздухом, и, надо сказать, ритмом дыхания не уступал хорошему пловцу. Но меня в эти минуты больше занимали не чужие трудности, а собственные. Начиная с испорченной одежды.

— Не извольте сомневаться, одежду мы вам справим! На два счёта справим! — поспешил заверить коротышка, уловив направление моего взгляда. — А сейчас прошу последовать за мной для небольшого, но настоятельно необходимого омовения!

Действительно небольшого: лохань, наполненная не слишком горячей водой, позволяла уместиться в ней только сидя, да и то при малейшем неосторожном движении упираясь локтями, коленями и всем чем придётся в грубо оструганные доски. Единственным достоинством омовения было то, что меня оставили в одиночестве. Правда, причиной тому, скорее всего, было не соблюдение приличий, а необходимость отдать портному соответствующие распоряжения. Нет, на новый костюм я не надеялся. Десять шансов из десяти, что возьмут пока ещё сносный старый и перешьют. Да и Бож с ними, только бы с сапогами на такую же хитрость не сподобились.

Слизь отмывалась легко, гораздо труднее было снять с волос остатки разглаживающей мази. А когда я наконец, справился со своими делами и потянулся за полотенцем, коротышка снова вихрем ворвался в комнату.

— Доброго здравия, эрте, доброго обновлённого здравия! Хороша была водичка?

Впрочем, я даже не успел кивнуть или, наоборот, выказать неудовольствие, потому что мне тут же было вручено полотенце, цветом подозрительно напоминающее одеяние моего радушного хозяина, да и при близком рассмотрении оказавшееся именно мантией.

— Чем богаты, тем и рады, эрте! Вы уж не побрезгуйте, накиньте пока, портняжки-то у нас не чета столичным, с иглой хоть и управляютя ловко, да только спешить не любят... А мы для вас уже и местечко приготовили, дабы с дороги отдохнуть да прочими всякими вещами заняться!

Комната, куда меня проводили, судя по расположению и убранству, изначально была предназначена для посетителей, которым требовалось ожидать своей очереди для собеседования со Звеньями того Малого наблюдательного дома, куда вывел меня портал. Но похоже, надобностей у местных жителей было немного, потому что длинные кушетки по стенам комнаты были покрыты довольно толстым слоем пыли.

— Вы присаживайтесь, присаживайтесь! — Коротышка, взмахнув рукавом, расчистил мне место под седалище. — Тут вас никто посторонний не потревожит.

Он метнулся в коридор и, как подсказали удалившиеся до полной тишины шаги, бодро ушёл едва ли не в другой конец, потом тут же вернулся, торжественно вручил мне небольшую шкатулку и, пятась, снова скрылся за дверью, которую беззвучно, но тщательно притворил.

Те самые разъяснения, что я должен был получить по прибытии? Ну-ка, взглянем.

На багряном сургуче, заливающим замок, был отпечатан знак «Вскрыть без свидетелей», и, судя по целости всех его линий, никто не пытался интересоваться содержимым. Из страха быть уличённым или, что называется, от греха подальше? Кто бы мне рассказал...

Под крышкой лежал листок бумаги, достаточно пожелтевший, чтобы понять: если он и ждал именно меня, то делал это на протяжении по меньшей мере двух десятков лет. Но для ответов на все возникшие вопросы его явно не хватит, он и сложен-то всего вдвое, а внизу не заметно ничего, похожего на документы.

Я поднял бумагу и едва не уронил обратно. На мягком сукне внутренней обивки шкатулки лежал овальный медальон с рисунком, никогда не виденным мной «живьём» ни на чьей столичной груди: рукоять кинжала, из перекрестья которой на меня то ли строго, то ли насмешливо, а может, и так и сяк одновременно смотрел глаз.

В иерархию «багряных» означенный чин не входил, оставаясь в стороне от Звеньев Цепей мироудержания, но, какой бы протяжённой ни была Большая цепь, она не могла оплести собой все пределы Дарствия, особенно отдалённые и не представляющие торгового или иного интереса. Вот в такие затерянные глубины страны и отправлялись Смотрители. Сами себе и надзор, и охранение, и упокоение.

Ну и удружил мне тот золотозвенник! Мало того что отправил невесть куда и невесть зачем, так ещё и оставил один на один со службой, которая...

— Позвольте войти? — осведомились из-за приоткрытой двери.

Или тут слишком хорошо смазаны петли, или собрались одни шпионы, умеющие всё делать бесшумно, Боженка их подери!

На всякий случай я снова прикрыл содержимое шкатулки листком и разрешил:

— Войдите.

Серо-зелёный мундир Цепи сообщений весьма подходил своему владельцу — израстающему юнцу, похожему на ивовый побег, явно кушавшему хоть и вдоволь, но пока неспособному наесться досыта и остановиться в росте. Зато звено бронзовое, значит, меня посетил не последний человек в здешнем ведомстве.

— Послание для эрте Ханнера Мори со-Веента. Примете?

Ещё одно? Не слишком ли много сразу? А к тому же можно и отказаться? Какой большой выбор!

— Приму.

Я ожидал, что мне будет вручена очередная бумага или другой подобный предмет, предназначенный для утомления зрения, но парнишка вместо того чтобы рыться в карманах мундира, откинул назад длинные пряди рыжеватых волос, закрыл глаза и прижал пальцы обеих рук к теперь ставшим заметными припухlostям за ушами.

— Надеюсь, дорога не доставила вам особых хлопот.

Голос остался прежним, хриловато ломающимся мальчишеским, зато интонации явно принадлежали совсем другому человеку.

— Уговор о вопросах остаётся в силе. Тем более нет никакого смысла задавать их тому, кто всего лишь передаёт вам мои слова.

Уверен, где-то там, на другом конце невидимой нити, связывающей сейчас Веенту и неизвестное мне захолустье, пеговолосый не удержался от смешка.

— По моим расчётам, вы уже получили главное, что вам предназначалось. Могу представить, насколько вы удивились. Ещё лучше представляю, какими чувствами вы сейчас пылаете ко мне.

Если говорить честно, чувств толком и нет. Золотозвенник хотел найти во мне послушного исполнителя своей воли? Ему это удалось. Более того, протестовать и возражать не буду. Лучше сложу руки и подожду, пока «багряный» не убедится, что совершил ошибку, ведь тот, кто привык следовать приказам, не умеет действовать сам по себе.

— Скажу сразу: цель, необходимая мне, уже достигнута, и, будете ли вы тихо сидеть в своём углу или устроите бурю, неважно. Я не приду проверять вашу службу. И никто другой не придёт. Теперь вы один решаете, что делать и делать ли вообще.

Это-то и плохо. Очень плохо. Пусть Смотритель в отведённом ему поселении и Дарохранитель, и Бож, да ещё и Боженка одновременно и единолично, но ведь живёт он там не в одиночестве. Хотя получив очередное доказательство коварства золотозвенника, не поручусь, что, прибыв на место, увижу что-то отличное от безлюдного пепелища.

— Да, вы ничего не знаете о службе Смотрителя. Могу вас успокоить: никто из получающих эту должность никогда не обладал всеми требуемыми знаниями. Бывали люди и намного менее сведущие, нежели вы.

Может быть. Но когда пятнадцать лет находишься в строю, где нет лучших и худших, а каждый способен выполнить любой приказ, как-то не хочется оказаться неумёхой в новом деле. Вернее, о хотении речь даже не идёт. Меня охватывает безотчётный ужас при одной только мысли о прыжке в открывшуюся неизвестность. Честное слово, проваливаться в портал было намного спокойнее!

— Запомните главное. Как бы вы ни поступили, это и будет правильным. В минуту действия. Потом всегда наступает прозрение, но прошлое не изменишь, так что не гадайте, ошиблись вы или угадали верный ход: победа в игре всё равно останется за вами. Правда, она

не будет вам нужна. Вы ведь больше не игрок, эрте. Вы тот, кто расставляет фигуры на доске и пишет правила.

Не слишком ли почётная служба для скромного сопровождающего? Если на мгновение поверить словам пеговолосого, получается, что я переместился не просто в пространстве и во времени, а попал в какую-то другую ипостась, нежели человеческая. Назначить всем места, определить очерёдность ходов, а что потом? Наблюдать?

Наблюдать. Делать то, чему меня учили тщательнее всего. Золотозвенник руководствовался своими мотивами, пока непонятными, но даже малая часть того, что приоткрылась сейчас, доказывает: он действовал не наобум и не наугад, предлагая мне тот выбор.

— Самая большая трудность, которая вас ожидает, это необходимость рано или поздно останавливать партию и определять победителя. Солгу, если скажу, что все ваши решения будут непременно справедливыми и праведными. Так попросту не бывает. Не получается, как ни старайся. Да, вам будет дурно от некоторых собственных поступков, но вы всё равно их совершите. И всё же вы никогда не должны винить себя, запомните!

Какую бы глупость или гадость ни натворил? Занятный совет. Впрочем, он больше похож на приказ. Ну что ж, не винить так не винить. Однако сама возможность оказаться заслуживающим обвинения настораживает.

— Люди, которые будут вас окружать, легко могут обойтись без вашего присутствия в их жизни, как и вы — без них. Но когда вы откроете двери своего нового дома, преград и замков не останется. Вы станете частью. Звенем цепи, если хотите. Замыкающим звеном. Ваше слово отныне будет последним в любом споре. Но сначала вы должны научиться его произносить.

Вершить чужие судьбы... Не об этом ли я мечтал? Пожалуй. Только не заглядывал так далеко и высоко. Меня куда больше устроило бы скромное местечко посерединке между облечёнными властью и подчинёнными ей.

— Законы знакомы вам, но они лишь устанавливают, как поступить в определённых обстоятельствах, а случились таковые обстоятельства или нет, решаете теперь один лишь вы: если с неба хлынет вода, её назовут дождём не раньше, чем это слово слетит с ваших губ.

Всё запутаннее и запутаннее. Полнейшая вседозволенность в границах закона? Наверное, «багряные» именно так и живут, но я, умом понимая, о чём говорит пеговолосый голосом Бронзового звена, никак не могу осознать. Голова кружится.

— Я не буду желать удачи и прочих глупостей: в вашей нынешней службе лучше всего прочего пригодится терпение. Сначала оно понадобится вам, чтобы понять, потом — чтобы принять, и наконец — чтобы не отступить. Прощайте, эрте Мори. Даст Бож, свидимся!

Когда отзвук последних слов стих, парнишка отнял руки от головы, открыл глаза и посмотрел на меня мутноватым взглядом:

— Желаете что-нибудь передать в ответ?

В ответ? Вопросы не будут услышаны, благодарить пока не за что, посылать проклятия тоже рановато.

— Нет.

Он кивнул и, пошатываясь, ушёл восстанавливать силы после проделанной работы. Я прежде не видел особые возможности Звеньев Цепи сообщений в действии и не верил восторженным историям о них, но, получив послание от золотозвенника, больше не сомневался: чудеса существуют. Правда, те, что случаются в моей жизни, происходят по

приказу или просьбе, а не по собственной воле.

Я расправил листок бумаги, которым прикрывал знак Смотрителя от чужих взоров. Мда, негусто: всего несколько коротких строчек, написанных чьей-то бесстрастной рукой. «Для лучшего и скорейшего запечатления держать сей знак при себе, согретый теплом плоти». Странное указание. Но если уж так положено...

Несмотря на внушительный вид, он оказался вовсе не тяжёлым, зато прохладным. Правда, не как камень или металл, а при ближайшем рассмотрении на гладкой поверхности с обеих сторон обнаружились тоненькие чёрточки трещин, замысловатой сетью покрывающие знак. И ни единого намёка на застёжку или прочие приспособления для крепления на одежду. В кармане его носить, что ли, или в кошеле? Ладно, разберусь потом, а пока, как советует записка, нужно найти тёплое местечко для моего приобретения.

Я пристроил знак на груди, под складками мантии, потом подумал и закинул ноги на кушетку. Глаза закрывались сами собой, и это означало, что остатки зелий постепенно перестают оказывать влияние на моё тело, а стало быть, надо поскорее привыкать не к необходимости сна каждые сутки, а к тому, что он будет приходить. Причём без спроса.

Веки опустились, разливая по сознанию спокойную темноту, пропустившую сквозь себя только скороговорку вновь заглянувшего в дверь коротышки:

— С дальней дороги отдых — самое милое дело! Отдыхайте, эрте, а уж мы мешать не будем.

Звено третье

Где-то...

Пламя свечей, водружённых в столовых канделябрах. Отсветы огней в сдавленных морщинистыми веками глазах.

— Вы знаете, зачем я пришёл.

Не спрашиваю, скорее утверждаю. Можно было бы и вовсе не произносить ни слова, но так велит обычай, родившийся намного раньше меня и человека, сидящего на другом конце стола. Впрочем, человека ли?

— Знаю.

Его плоти более семи десятков лет. Той, что осталась нетронутой. Кокону из дряхлой кожи. А под изношенным платьем прячется новое, полное силы. Осталось лишь определиться с желанием.

— Вы знаете, когда я уйду.

Он не боится моих угроз. Улыбается.

Чего-чего, а страха в да-йнах не бывает вовсе, не то что в людях. Это мы способны легко захлебнуться в собственном воображении, представляя ужасы возможного будущего, стоит лишь подать правильный намёк, а пришедшие с изнанки мира не знают чувств, подобных нашим.

— Знаю.

Рука, потянувшаяся к бокалу, движется медленно и слегка подрагивая, как и полагается руке старца. Хорошо играет свою роль, ничего не скажешь. Сам научился или нашёл услужливого подсказчика? Не расскажет ведь. И под страхом смерти не проронит ни словечка.

— Вы готовы?

Единственный вопрос, который я себе позволяю задать. Иногда. Только избранным демонам: остальные получают своё без лишних разговоров.

— Я был готов с того мига, когда открыл эти глаза.

Они почти все отвечают именно так, словно там, в потустороннем мире, заранее заучивают текст наизусть. Почти все из тех, кого я спрашиваю.

— Сколько лет назад?

Он задумывается, проводя длинным жёлтым ногтем по боку хрустального бутона.

— Летом пойдёт двадцатый год.

Неужели так долго? Быть не может. Я бы узнал раньше. Я бы узнал. Разве только...

— Чего он желал, впуская вас?

Складки век вздрагивают. Человек мог бы заплакать, вспоминая прошлое, а демоны лишены такой способности. Всё, чему они успевают научиться, это скалить зубы в улыбке.

— Забвения.

Как просто. Старик, уставший от жизни, а быть может, и от тех, кто его окружает, попросил синюю звезду подарить ему вечный покой. Отдал почти всю плоть в обмен на достижение цели, позволил да-йину оказаться в нашем мире и... намертво застрять в безыскусной ловушке.

— И вы разделили его желание.

Разводит руками, растягивая губы в улыбке, настолько грустной, насколько это

доступно гримасничающему демону.

— Я слишком поздно понял, что оно означает.

Пойми ты раньше, всё равно ничего бы не изменилось. Вы заглядываете в наш мир на одну только ночь, искрами загораясь в темноте, но, если не попадаете на готовый к воспламенению хворост, с рассветом обязательно угасаете, возвращаясь в долгое ожидание. Зато если рядом оказалась хоть одна иссохшая от желания веточка, не можете устоять.

Вы не выбираете свою участь. Выбираем мы.

— Слишком поздно, — добавляют сухие бледные губы.

Наверное, это можно было бы назвать сожалением, но в нём нет печали по потерянным годам или необрётённому могуществу, есть только осознание неизбежного. А ведь он может жить ещё очень долго. Пока оболочка не рассыплется прахом и плоть демона не погибнет, лишённая защиты перед нашим миром.

— Вы хотите уйти.

И снова не спрашиваю. Пусть да-йины не знают страха смерти, гибель бывает разной. Можно быть отсечённым от увядающей плоти и возвращённым домой, а можно раствориться по малой капле, теряя целостность сознания и памяти, чтобы воскреснуть беспомощнее младенца. Вот что по-настоящему страшит демонов: слабость. И тот, кто сидит передо мной, наверняка готов дорого заплатить, только бы вырваться из ловушки, которую сам и захлопнул.

— Хотел.

Что это значит? Он не станет просить о последней милости?

— А сейчас? Что-то изменилось?

Веки вновь сдвигаются, пряча угольки глаз и мешая понять, какую игру затеял да-йин.

Он знает, что встреча с охотником сулит только один исход. Он знает, что просьбы или угрозы не остановят меня и не изменят моё решение. Решение, которое я пока никак не хочу принять.

— Я приходил сюда раньше. И приду снова. Но... Пусть этот новый раз станет таким же, как первый.

— Повторяющим прежние ошибки?

— Позволяющим начать заново.

Он снова смотрит на меня, и его зрачки греют жарче, чем огоньки свечей на углах стола.

— Вас ждёт медленная смерть.

— А вы знаете, о чём говорите.

Удивляется? Похоже на то. Но я и в самом деле знаю. Потому что умирал. Много-много раз вместе с такими, как он.

— Хотите пройти через страдания?

Крючковатые пальцы впиваются в подлокотники кресла, помогая старику подняться на ноги.

— Кажется, вы, люди, верите, что перенесённые муки помогают вашим душам стать чище? А насчёт своей я знаю это наверняка. — Рука, поднимающая бокал, не вздрагивает ни разу. — Мы непременно встретимся!

Встретимся. Только и не узнаем друг друга. Хороший тост. Не вижу повода, чтобы не присоединиться к нему, а потом благочинно заметить:

— Время уже позднее.

— Да. Вы, молодые, лучше нас чувствуете, когда нужно отходить ко сну. Я если и задремлю, то далеко за полночь.

— Добрых снов.

Демон кивает, опускаясь в кресло и придвигая графин, ещё наполовину наполненный тёмным рубином вина. Я могу ударить в любой миг, незаметно для своего противника или ожидаемо. Как сам того пожелаю. Когда пожелаю.

Наниматель ждёт меня у лестницы, почти под самыми дверьми кабинета. Капельки пота на затылке, выступающих из-под накладок парика, взгляд, выжженный неутолёнными страстями. Старший сын, так и не вступивший в права наследства, потому что никак не похоронит отца. Проклятый старик всё не хочет и не хочет умирать, а когда имеющиеся средства испробованы, остаётся последнее: я.

Не всегда доносы оказываются правдивыми, ой не всегда. Но если бы их вовсе не существовало, мне было бы затруднительнее выбирать дорогу. А на сей раз доносчик не ошибся.

— Вы говорили с ним? — Чуть ли не приплясывает на месте от нетерпения.

— Да.

— Вы... заберёте его?

Сколько ему? Уже за сорок? Перезревший плод, который всё никак не упадёт с родительского дерева. Подгнивший плод.

— Не сейчас.

— А когда?

Делаю вид, что думаю. Хотя тут и без притворства есть над чем поразмыслить.

Пока жив глава рода, жив и сам род. А сможет ли истосковавшийся по власти мужчина, заискивающе заглядывающий мне в глаза, стать таковым? Мне нет ровно никакого дела до будущего, стоящего на пороге этого дома, но, каждый раз делая вдох, я сожалею о скором наступлении рассвета, потому что здешний воздух пока ещё напитан степенной мудростью.

Не знаю, заслуга ли в том да-йна или его предшественника по оболочке дряхлой плоти, однако он — словно связующий раствор, не дающий камням замка оторваться друг от друга и рассыпаться на бесформенные кучи. Пусть даже имя этому раствору «ненависть».

Сын — другой. Растерявший терпение, живущий одной лишь надеждой на смерть отца. В его душе не осталось почти ничего, кроме горячего желания заполучить право хозяйничать в доме. Тоже своего рода кокон, выеденный личинкой изнутри, вот только бабочка из него уже не вылупится.

— Я отблагодарю вас.

Конечно. Отсыплешь горсть монет. Не ты первый, не ты последний просишь ускорить ход времени.

— Не нужно.

— Так вы... сейчас?

Смотрю в чёрные провалы зрачков. Ни единой искорки. Глаза да-йна были намного теплее.

— Нет. Не сейчас. — Чуть медлю и произношу, смакуя слово, как хорошее вино: — Никогда.

— Что?! — Почти кричит, забыв о том, что его могут услышать и внизу, и в соседних комнатах.

— Он умрёт сам. От старости.

— Через сколько лет?

Не могу удержаться от улыбки:

— Возможно, похоронив вас.

Он отшатывается. Исказившееся злобой и отчаянием лицо сейчас куда больше напоминает демона, чем благообразное спокойствие, поселившееся в чертах его отца.

— Безродный пёс!

Короткий посох, на который так любят опираться при ходьбе пожилые и старающиеся казаться важными люди, взлетает над правым плечом обиженного сына, метя кованым наконечником мне в лицо. Но я не гордый, могу и поклониться. Особенно когда от вовремя сделанного поклона зависит жизнь.

Он промахивается. Делает поспешный шаг, увлекаемый тяжестью посоха. Поскальзывается на ковре, обтекающем ступеньку, и, кувыркаясь, падает, затихая лишь у подножия лестницы.

Я безродный, это правда. Но не пёс, а охотник.

Я выслеживаю и убиваю демонов.

А иногда просто убиваю.

Здесь...

Левая половина резного лица смотрела с отеческой суровостью, правая загадочно улыбалась. Но если у любого из людей подобное смещение чувств вызвало бы перекашивание всех черт, то лик статуи, изображающей Бога и Боженку, оставался непостижимо прекрасным.

Нелин всегда удивляло, как мастера в самых удалённых от столичного света селениях, едва умеющие держать резец и способные вырезать разве что корявые четырёхлистники на крышке утварного короба, Божий Промысел всегда исполняют одинаково умело и достойно на протяжении долгих лет. Изваяние, водружённое в домашней кумирне, было заказано ещё дедом нынешнего хозяина поместья по случаю дня рождения любимой и крайне набожной супруги, значит, появилось на свет раньше Нелин не менее чем на век с четвертью, а выглядело как будто только что доставленное из ремесленной лавки. Даже лак, которому немало доставалось от детских забав наследников Мейена, обожавших прятаться в складках божеского одеяния, не потрескался и не потускнел.

На статую пошёл нижний отпил лиорнского дуба, цельным куском, но при всей основательности и громоздкости фигура размером в человеческий рост и весила лишь немногим более человека. Нелин хорошо помнила, как сама ещё девочкой играла здесь с братом в догонялки, и Корин, будучи старше на десять лет, а сильнее — на целую вечность, задел полы резной мантии и чуть не утянул за собой на пол обитателя кумирни.

Корин.

Заливистый смех. Ясные глаза, без вопросов обещавшие защитить сестрёнку от всех невзгод. Горячие ладони, прикосновение которых всегда было болезненно-сладким... Как давно это было.

Лик, разделённый пополам и всё же нераздельно единый. Жрецы утверждают, что такое единение символизирует супружеский союз мужчины и женщины, но Нелин с детства была уверена, что брат и сестра нераздельны не меньше. Так было до вчерашнего вечера. Осталось ли так сегодняшним утром?

— Ты здесь? — спросил хрипловатый голосок, не скрывающий нетерпения.

Нелин поёжилась, хотя в кумирне, как и во всём доме, было натоплено по-зимнему, несмотря на всю владычествующую весну. Можно было бы не отвечать, но надеяться, что Лорин уйдёт, оставив поиски, не приходилось.

— Да. Я здесь.

В узкую, да ещё и лишь наполовину приоткрытую дверь кумирни протиснулась фигурка с заметно округлившимся животом. Если надеть платье попросторнее, ещё можно скрыть от любопытных глаз скорое прибавление в семействе Мейен, но Лорин нравилось выставлять свой живот напоказ. Мол, смотрите все, хоть я и аленна, а понесла от временного мужа.

— Не передумала часом?

Только это и тревожит братнину жену. А ведь хочется передумать. Ой как хочется!

— Лорин, мы же не знаем, как всё было на самом деле.

— И что? — Капризные губы вдовой аленны приподнялись, обнажая ровные зубы. — Кому поверят, ему или нам? Особенно если мы будем вместе.

Нелин почувствовала ладони на обнажённых плечах. Холодные как лёд.

— Мы же будем вместе?

Бож нахмурился своей половиной лица ещё суровее. Боженка оскалилась, совсем как Лорин.

Память брата нельзя предавать. Особенно если она — всё что осталось, и другой уже не будет.

Ты ведь не пыталась отговорить его. Ты молчала и слушала, не в силах справиться с робостью. Корин хотел вырвать тебя из этого болота, пусть и насильно, пусть преступая человеческие законы. Он был смелым и любящим братом. Братом, которым можно гордиться, какой бы сильный стыд одновременно ни наполнял душу.

— Да, мы будем вместе.

И сейчас...

Я проснулся совершеннейшей развалиной.

Не нужно было засыпать прямо под окном, выходящим на восток, и не нужно было делать этого на продавленной кушетке, но даже задним умом крепок не каждый. В итоге первые же лучи солнца ударили мне в лицо, разбудив надёжнее петухов, я вынужден был зажмуриться, попробовав отвернуться от горячих ласк восходящего светила и теперь уже проснуться окончательно. От боли в затёкших мышцах.

Но как бы рано ни вздумалось встречать рассвет мне, кто-то в Наблюдательном доме встал ещё раньше: на стуле была аккуратно развешана новенькая одежда, а на столе стояла плошка с водой, над которой поднимался отчётливо видимый пар. Значит, надо встать, умыться и одеться? Выходит, что так. Впрочем, главной причиной для незамедлительного поднятия на ноги было то, что лежать тоже оказалось больно.

Протирая глаза и путаясь в полах не подвязанной поясом мантии, я добрался до стола, плеснул на лицо тёплой водой и уставился в зеркало, любезно одолженное мне для бритвенной процедуры. Боженка милостивая, я ведь теперь тоже... почти весь пегий.

Открытие не порадовало. Ещё меньше удовольствия доставило то, что волосы, более не удерживаемые на положенных местах мазью, лезли в глаза, в нос, в рот и щекотали шею в самые неподходящие моменты. Покончив с оскабливанием подбородка, я, не чувствуя ни малейших угрызений совести, той же бритвой укоротил особо надоедливые пряди, от чего те дерзко приподнялись над своими соседками, придавая мне вид мужа, получившего взбучку

от сварливой жены, но, по крайней мере, больше не закрывали обзор.

Одежда, справленная разговорчивым коротышкой, вопреки опасениям оказалась не перешитой из старья, а именно новой, хотя и явно собранной из залежавшихся на складе запасов, потому что от сукна рубашки удушливо пахло соответствующим сенным сбором. Но хоть всё по размеру, и то благо. Особенно сапоги. А стёганая куртка с шерстяной подбивкой ещё на вырост сойдёт, в поясе уж точно, и это не может не радовать, ведь там меня разнесёт вширь быстрее всего, если вспомнить отцовскую фигуру.

Закончив одеваться, я, заметив открытую шкатулку, вспомнил события вчерашнего вечера, удалённое напутствие золотозвенника, а главное, торжественно врученный мне знак. Знак, который должно было держать в тепле тела и который...

В складках мантии ничего не было. В пролежнях кушетки тоже. Я посмотрел по всем углам, под немногочисленными предметами мебели, ещё раз перерыл тряпьё и растерянно потёр лоб. Кто-то заходил в комнату ночью и украл знак? Но для этого нужно было лезть ко мне за пазуху, что вряд ли возможно осуществить, не разбудив. Конечно, медальон мог и сам выскользнуть из складок мантии, он ведь достаточно гладкий, а подобрать вещицу с пола способен и ребёнок. Ну я и растяпа! Хотя... Может, оно и к лучшему? Попрошу сообщить моему благодетелю о пропаже, пусть придумывает мне новую службу. Правда, гораздо вероятнее каторга за утрату дарственного имущества.

Я как раз стоял посередине комнаты, прикидывая, сразу идти с повинной или попробовать расспросить местных обитателей на предмет пропажи, когда с потолка прямо над моей головой раздался стрекот. Примерно так пели цикады в родительском саду, когда он ещё не был сожжён Цепью упокоения. Но цикады появляются летом, а никак не по сходу снега.

Стрекот повторился, став ещё назойливее, но переместившись чуть вперёд. А, должно быть, здесь живёт сверчок! Вот этого жучка-червячка мне видеть не доводилось, хотя с детства хотел поймать и рассмотреть, откуда рождается уютный треск. Может, на сей раз удастся? Я поднял голову и удержался от громкого возгласа только потому, что не знал, удивляться или ужасаться.

Знак Смотрителя полз по потолку, расчерчивая пыльную побелку затейливыми узорами, а благодаря тому, что стены комнаты были довольно низкими, я мог рассмотреть, что передвигаться знаку помогают самые обыкновенные жучиные лапы. Наверное почувствовав устремлённый на него взгляд, жук остановился и стрекотнул снова, как мне показалось, вопросительно. Мол, и что ты дальше собираешься делать? Только придвинуть стул, влезть на него и попытаться скovyрнуть насекомое на пол, хотя дотрагиваться до вдруг ожившего знака не хочется. Но прежде чем я сдвинулся с места, знак начал движение сам.

Часть 3.2

Крылья, образующие рисунок, который вчера казался мне кованым, расправились, затрепетали, и жук отправился в полёт. В отличие от мух и прочих своих собратьев, летал он совершенно бесшумно, и уследить за ним можно было лишь по колебаниям воздуха да тени, проносившейся перед глазами. Поймать тоже не представлялось возможным, но этого и не потребовалось: совершив несколько почётных кругов, жук ткнулся в моё плечо и, цепко перебирая лапками, прополз на то самое место, где и должен был находиться знак Смотрителя. К сердцу, напротив которого замер, сложив крылья и вновь превратившись в медальон, оторвать который если и было возможно, то потерять — вряд ли.

В горле основательно пересохло, и я шагнул за дверь, надеясь встретить какого-нибудь служку и раздобыть с его помощью хотя бы подобие завтрака. Однако коридоры здешнего Наблюдательного дома были куда менее многолюдны, нежели столичного, потому, когда после нескольких минут бесплодных поисков где-то впереди раздались голоса, я поспешил добраться до их обладателей.

— Да пойми же ты-ы-ы! — подвывал молодой человек в мундире предзвенника, глядя в дюжюю грудь рослого мужчины. — Не могу я сам. Не могу и всё! Послушать могу. Запись сделать. А тебе же совсем другое нужно!

— Так помер хозяин-то, — скорбным басом прогудел второй.

— Да понял я, понял! И ты пойми: ну нету никого сейчас, нету. Вот вернётся эрте Дожан и будет с вами разбираться!

— Так помер хозяин-то. — Бас верзилы стал удивлённее и одновременно чуточку грознее. — Мне хозяйки сказали, чтобы без толку не воротался. Так я и не вернусь.

— И будешь хвостом ходить за мной весь день, — обречённо простонал предзвенник. — А то и осьмицу кряду.

Тут его взгляд, ищущий спасения, наткнулся на меня. Вернее, на рисунок жучиной спины.

— Вот! Вот кто вам поможет!

Он ловко обогнул громоздкую фигуру своего упрямого собеседника и ринулся ко мне.

— Вот видите? — Тощий палец ткнул в знак Смотрителя. — Вот он может сделать всё то же, что и эрте Дожан. Вот его просите!

— Мне хозяйки велели человека из городской управы везти, — не отступил верзила. — Я и привезу.

Предзвенник поманил меня пальцем и, когда я наклонил голову, зашептал мне прямо в ухо:

— Выручайте, эрте! Знаю, знаю, что всё это не ваше дело, но у меня уже голова звенит от этой орясины, а сделать всё равно ничего не могу. Да и к тому же... — Его взгляд радостно просветлел. — Вы же в Блаженный Дол назначены, верно?

Чем меньше людей заняты на службе, тем скорее между ними распространяются любые сведения, так что попусту удивляться не стоило, и я согласно кивнул.

— А Мейен как раз по пути! От него-то до Дола почти рукой подать. Вы туда только заглянете и отправитесь дальше, вот и все дела!

— А почему нельзя подождать возвращения вашего начальства?

— Да подождать можно, — вздохнул предзвенник. — Только потом жалоб будет целый

короб. Я бы и сам туда поехал, да, увы, чином не вышел. Не получил ещё Звено.

Скорее всего, его ожидает медь Цепи изыскания, если речь шла о смерти, заверения или расследования которой требуют какие-то «хозяйки». Мне доводилось пару раз присутствовать при действе, по службе полагающемся ищейкам, но в таинство происходящего меня, разумеется, никто не посвящал.

— Жалобы? Откуда?

— Йе-е-ех! — махнул он рукой. — Это у вас в столицах любое Звено может свысока на простых людей посматривать, а нам большую часть жалованья местный совет платит. И не дай Боженка, по первому требованию не прибежишь...

Ясно. Парень желает выслужиться перед начальством, потому и готов втянуть в свои сумасбродства первого попавшегося, лишь бы подходил по внешнему виду. И что же мне делать? Отказаться, сославшись на усталость после дороги и прочую ерунду?

Предзвенник, видимо прочитав в моих глазах напрашивающееся окончание беседы, вцепился мне в руку:

— Вы уж не откажите, эрте! Вам главное будет головой кивать да с важным лицом сидеть, а всё остальное я сам сделаю!

* * *

Настырность будущего Звена Цепи изыскания хоть и была убедительной, на моё согласие повлияла вовсе не она, а возможность получить разъяснения в том деле, которым мне предстоит заниматься согласно назначенной должности. Поэтому не прошло и четверти часа, как я уже трясся в скрипучей коляске по размытой весенними паводками дороге, а рядом со мной, видимо предвкушая блестящее будущее, нетерпеливо ёрзал по сиденью и время от времени поправлял сползающую на брови вязаную шапку длинноносый молодой человек лет двадцати трёх.

Кучер, укрывшийся от утренней мороси под толстым плащом, забыл о нашем существовании сразу же, как только тронул поводья, поэтому на особенно резких поворотах приходилось судорожно хвататься за борта коляски. Торопливость слуги можно было понять: смерть, хотя и является конечной точкой жизни, промедления не терпит. Вернее, не терпят те, кто получил на руки мёртвое тело.

— Вам что-нибудь известно об этой семье?

Предзвенник, отзывающийся на имя Киф Лефер со-Литто, кивнул в такт очередному ухабу:

— Глава — старикан, всё никак не отдающий Богу душу. У него двое детей, сын уже лет сорока с гаком и дочь на десять лет моложе. Дочь незамужняя, сын год назад обзавёлся временной женой.

— А раньше был женат?

— Нет, ни разу.

Странно. Чего-то ждал, а потом устал или отчаялся? А может, женился по требованию отца? Но и тогда не совсем ясна причина столь долгого промедления.

— Живут тихо, — продолжал предзвенник. — В город наезжают, как водится, по праздникам или по надобности.

— Богаты?

— Да уж не бедны.

Тем понятнее, почему тебя так тянет туда, Киф Лефер.

— И кто умер?

— Я так понимаю, старик всё же скопытился. От этой дубины разве можно чего-то добиться?

Я посмотрел на ссутулившуюся спину кучера и признал:

— Ничего ровным счётом.

— Вы не беспокойтесь, эрте, вам главное при всём присутствовать и потом бумаги заверить.

Бумаги. Как там говорил сереброзвенник из Цепи внутреннего надзора? Строчки букв весьма требовательны к людям.

— А что будет написано в тех бумагах?

Простодушный, можно сказать, невинный вопрос застал предзвенника врасплох: шапка снова сползла на рыжеватые брови, но теперь Киф не спешил возвращать её на место.

— Что написано будет? Да что положено, то и будет... Вы ж сами знаете.

Вот мы и добрались до главного рубежа, который надо преодолеть. Или от которого придётся отступить назад.

— Не знаю.

Почувствовав в ответе серьёзный подтекст, Киф всмотрелся в моё безмятежное лицо и пошёл красными пятнами.

— Вы... не знаете, что и как... должно...

— Не имею представления. Совсем.

— Но как же... — Он перевёл взгляд на узор жучиной спинки. — Как же тогда вам вручено...

— О причине нужно спрашивать не у меня.

Правда, тот, кто мог бы ответить, заранее отказал всем возможным любопытствующим в праве задавать вопросы.

— Ого.

Предзвенник откинулся на спинку сиденья и закутался в плащ, словно пытаясь спрятаться от неминуемой печальной развязки.

— Так что и в самом деле всё будешь делать ты.

— О-го-го.

— Не справишься?

Он неопределённо повёл плечами:

— Да справлюсь, конечно, деваться-то уж некуда... Только я же говорил: не получил ещё Звено. Экзамен не сдавал, да после экзамена под наставлениями не служил. А вы ж знаете: чему за столом учат, в жизни обычно с ног на голову перевёрнуто...

Да. И не просто перевёрнуто, а ещё три раза само вокруг себя закручено.

— Может, хоть расскажешь вкратце, как мне нужно себя вести?

Киф почесал межбровье.

— Да как вести... — Похоже, предзвенник попробовал вспомнить своего непосредственного начальника. — Откуда ж я знаю? Я со Смотрителями лоб в лоб не сталкивался. Как Звенья носы задирают, видел. А что ваш брат на службе делает, уж простите, эрте, мне не ведомо.

Значит, придётся полагаться на краткое напутствие пеговолосого. Что он говорил? Я — звено, замыкающее цепь? Окончание всего. Тогда я заранее должен знать, что все дороги сойдутся у моих ног, а стало быть, ни торопиться, ни тревожиться нет смысла. Итак, спокойствие. А ещё? Равнодушие? Доброжелательность? Строгость? Отеческое

снисхождение? Нет, выбирать буду уже на месте. Самый яркий образец поведения, задержавшийся в моей памяти, — почтенный эрте Ирриги, Боженка его подери. Можно попытаться скопировать его манеры. Если получится: наблюдать-то я умею, а вот лицедействовать, признаться, не пробовал. Единственная роль, которой меня учили, бессловесная тень за спиной чинуши.

— Ну и Бож с ними. А вот сама служба? Тебя же наставляли, как она должна исполняться?

— Наставляли.

— Так будь другом, расскажи. А то я по незнанию могу такого наделать, что одними жалобами ваш Наблюдательный дом не отделается.

Предзвенник вздохнул. Видимо, его воображение достаточно чутко отозвалось на мой намёк.

— Да если послушать, ничего трудного нету. По порядку излагать?

— Как запомнил.

Киф начал загибать пальцы:

— Сперва нужно выслушать заявителя. Ну, того, кто нас вызвал.

Разумно. А то мы так и не знаем пока, зачем набиваем синяки, торопясь куда-то по размытой дороге.

— Потом осмотреть того, кто пострадал, и всё вокруг него.

Осмотреть — это всегда пожалуйста. С таким заданием точно справлюсь.

— Опросить свидетелей и участников, если были. — После третьего загнутого пальца предзвенник выжидательно умолк.

— А дальше?

— Ничего дальше. Когда станет ясна причина исследуемого случая, надо выносить решение.

— Вот просто так взять и вынести?

— Чтоб справедливое было и строго по букве закона.

Ну да, а то вынесут нас. Вперёд ногами.

— А откуда оно берётся?

Киф досадливо ткнул полусжатым кулаком в шапку, снова съехавшую на лоб:

— Из головы, откуда же ещё!

Если в голове хоть что-нибудь имеется. М-да. И в самом деле, ничего трудного в деле изыскания не наблюдается. Осмотреть, опросить, подумать и решить заданную задачку.

— Ты уже пробовал так делать, как учили?

Ответом послужило качание головой, которое можно было трактовать любым понравившимся образом.

— Не пробовал?

— Так меня ж когда ещё до самостоятельного изыскания допустят! Года через три, если удача улыбнётся. А может, и до седых волос в подручных прохожу.

— Тогда какого... Зачем ты уговаривал меня во всё это ввязываться?

Предзвенник виновато шмыгнул носом:

— На подхвате-то быть я умею. А если бы за меня кто доброе слово замолвил, глядишь, и начальство бы подобрело.

***

Когда коляска въехала в низкие ворота поместья Мейен, я в полной мере оценил

преимущество пустого желудка перед полным. Если бы мы задержались на завтрак, он покинул бы нас уже к середине пути, а так лёгкая мусть в голове и горле осела, едва под ногами снова оказалась твёрдая и не склонная к крутым поворотам и прыжкам земля.

Фасад главного здания явно раньше был частью дорожной крепости, которую потом, по истечению надобности, разобрали на камешки, чтобы сложить заново, но уже по другим правилам. Массивная стена, окаймлённая башенками, ворота в ней да герб над воротами — вот и всё, что было оставлено в память о славном доблестном прошлом рода Мейен, а к старой каменной кладке льнули с обеих сторон флигели, выстроенные с размахом столичных предместий. Я задрал голову, пытаюсь разглядеть изображённый на щите рисунок, но копыта везущей нас лошади уже цокали по плитам внутреннего двора, и затею погадать на чужом гербе пришлось отложить.

Стены, выходящие во двор, были мокро-чёрными от мелкого, но густого дождя, начавшегося вскоре после нашего выезда из Литто, словно дом по собственной воле надел траур. Впрочем, более ничего напоминающего о посетившем поместье горе мы не увидели: ливрейный лакей, пригласивший пройти за ним, даже не был отмечен соответствующей случаю ленточкой.

В придверном зале, первом на пути гостей и недругов, попадающих в дом, нас ожидали две молодые женщины, похожие друг на друга как сёстры. Впрочем, понять, кто из них дочь хозяина, а кто — аленна, было нетрудно, потому что живот стоявшей слева недвусмысленно намекал на не столь давние заботы мужчины о продолжении рода. Обе темноволосые, темноглазые, пожалуй, одинаково огорчённые, но мужняя жена картинно сжимала в ладонях кружевной платок. И снова ни на одной из хозяек я не нашёл и следа траура: правая была одета в тёмно-жёлтое платье с лиловым кантом, левая в незабудково-голубое. Странно. Если умер глава дома, домочадцам полагалось бы...

— Рады видеть вас так скоро откликнувшимися на наше печальное приглашение, — приветствовала нас та, что явно была дочерью.

Итак, нужно выбирать, кем притворяться и кому подражать. Как поступил бы сейчас многомудрый Атьен Ирриги? Удивлённо приподнял бровь и переспросил:

— Печальное? Тень скорби можно заметить разве что на ваших лицах.

Аленна оскорблённо поджала нижнюю губу, а её спутница сухо заметила:

— Траур надевается по умершим своей смертью, а убиенные ждут отмщения.

Вот сейчас уместно было бы воспользоваться примером Кифа и растерянно пробормотать «о-го-го». Но пришлось спросить, показывая непростительную неосведомлённость:

— И кто убит?

— Корин Певено со-Мейен. Первый наследник рода и мой брат.

Весело, ничего не скажешь. Мало того что помер не старикан, а только вступивший в пору зрелости мужчина, так ещё и не своей смертью.

— Где это произошло?

Сестра умершего повернулась, указывая на двери за своей спиной:

— В лестничном зале. Извольте проследовать за...

Осмотр, осмотр, осмотр. Мёртвые тела меня не смущают, но и не вызывают желания торопиться на встречу с ними. Особенно когда живот собирается требовательно заурчать.

— Не так сразу.

Женщины слаженно хлопнули ресницами.

— Я и мой юный помощник откликнулись на зов вашего горя, едва только наступило утро, и поспешили сюда, отказывая себе даже в малой трапезе. Но раз уж теперь все на месте... — Я постарался придать своему голосу знаменитое атьеновское равнодушное благочестие. — Ваш брат, да не откажет ему Бож в милости своей, а Боженка закроет глаза, умер и более не чувствует земных нужд, а мы, дабы приложить все силы к исполнению службы, сначала должны таковых сил набраться.

— Ну вы и завернули! — восхищённо шепнул Киф.

Главное, самому бы не запутаться. А вот хозяйки хоть и с нескрываемым неудовольствием, но ясно поняли, к чему я клоню.

— Прошу проследовать в трапезную, эрте, — пригласила аленна, а сестра убиенного быстрым шагом направилась к одной из дверей, явно ведущей в места обитания слуг.

Завтрак подали быстро, даже излишне: по крайней мере, куски мяса в жарком горчили свежими угольками, причиной появления которых был, скорее всего, чересчур большой огонь. Женщины так торопятся всучить нам мертвеца? Любопытно — почему? В конце концов, от лишнего полчаса ему хуже уже не станет.

Дождавшись, пока Киф промокнет губы, испачканные подливкой, запьёт обильную трапезу ягодным морсом и разложит на спешно освобождённом столе письменные принадлежности, я предложил начать разговор:

— Теперь, утолив наши скромные потребности... Мы полны внимания, эрте, и слушаем вас.

— Вчера ввечеру... — начала было сестра умершего, но предзвенник прервал её вопросом:

— Заявителем будете выступать вы?

Женщины невольно переглянулись, однако всё, видимо, было договорено заранее, потому что аленна даже не попыталась возразить.

— Да.

— Ваше имя?

— Нелин Певено со-Мейен, вторая наследница рода.

— Имя погибшего?

— Корин Певено со-Мейен, первый наследник рода, — послушно повторила женщина, подчиняясь правилам опроса.

— Вы присутствовали при его гибели?

— Нет.

— Кто-то другой присутствовал?

Нелин подумала и отрицательно качнула головой. Киф записал в очередной строке: «Прямым свидетелей происшедшего не имеется».

Хорошо, что парень знает хотя бы последовательность и содержание вопросов, и мне не нужно ничего придумывать. По крайней мере, пока.

— Вы обнаружили погибшего?

— Я, — вступила в разговор аленна и, предвосхищая вопросы предзвенника, представилась: — Лорин Леви со-Литто, супруга. Временная. — Последнее слово она процедила сквозь зубы.

— Когда, где и в каком положении находилось тело?

— Поздно вечером, вчера. Он лежал ничком. У подножия лестницы.

— Он был мёртв?

Вместо ответа женщина решила всплакнуть. Прозвучало не особенно искренне, зато позволило спрятать лицо в кружевах платка.

— Его гибели что-нибудь предшествовало? — продолжил Киф. — К примеру, шум?

— Когда человек катится по лестнице, он не делает это, соблюдая тишину, — резонно заметила Нелин.

— Он кричал? Что-то определённое?

— Нет, — признали обе, из чего можно было заключить, что находились они или порознь на равном удалении от места гибели, или рядом друг с другом.

— Но до того, как упасть, Корин кое-что сказал достаточно громко, чтобы можно было разобрать, — гордо заявила аленна.

— И что же именно?

— «Безродный пёс».

Похоже, теперь разговор становится вполне конкретным.

— Ваш брат имел привычку разговаривать сам с собой? — спросил я.

— Нет, эрте.

— Значит, его слова были обращены к кому-то?

Нелин позволила себе улыбнуться, хотя и чуточку брезгливо:

— Слуги по моему приказанию задержали этого человека.

Замечательно. Мертвец есть, убийца есть. Поставить точку и дело с концом? Но я так пока и не изучил все тонкости службы, а другого случая потренироваться может и не представиться.

— Что ж, давайте взглянем теперь на место.

Нелин, как старшая из хозяек, прошла вперёд, показывая дорогу, аленна замкнула нашу процессию, идя следом за Кифом, пристроившим новый лист бумаги на переносной доске для походных записей.

В отличие от придверного зала следующий был уже новостроем. Никакой грубой каменной кладки: оштукатуренные и выбеленные стены, лакированный многоцветный паркет, резные перила широкой лестницы, двумя соединёнными под углом пролётами ведущей на высокий второй этаж. Из невычурной, но более чем достойной обстановки выбивался только куль мёртвого тела неподалёку от последней ступеньки.

— Мы не двигали его с места, как только поняли, что он мёртв, — услужливо пояснила аленна.

— А до того? Вам же нужно было убедиться в смерти.

— Я пыталась послушать его дыхание, — признала Нелин.

Похоже на правду: пол рядом с телом словно выметен, а женские юбки делают это не хуже метлы.

— Подходили только вы? — уточнил Киф.

Нелин кивнула. Лорин, внимательно слушавшая нашу беседу, и не подумала напомнить о своём существовании. Трогательная же у них была пара, хоть и временная... Не думаю, что Лодия долго горевала бы обо мне в подобном случае.

Мертвец являл собой трагическое зрелище: лицо искажено последней судорогой, а со спины он походил на сломанную куклу, измазанную белилами со щёк рыдавшего над ней кукловода. Хм... Ну да, на колючей шерсти камзола рассыпаны белесые пятна. Есть они на плече, на боку и на полах. А если подняться по лестнице, приглядываясь к стене, можно заметить проплешины.

— Есть запасной грифель? — спросил я у предзвенника.

Тот с готовностью протянул уже начатый, а сам полез в сумку за новым. Я очертил все места на стене, где побелка была заметно повреждена, и получил цепочку следов, ведущих наверх.

— Похоже, он упал с самого верха.

— Убийца стоял именно там, — подтвердила аленна, хищно шурясь.

Убийца... Ага. Верхняя площадка покрыта ковром, на котором видны отпечатки ног. Ну да, слуги ещё не прибирались, не поднимали давно потерявший упругость ворс, поэтому следы и сохранились. Но сколько человек тут прошло?

— Убийцу задерживали здесь?

— Нет. Он... спустился сам.

Забавно. А я думал, что безутешная жена сразу же завизжала, на крик прибежала сестра, позвавшая слуг и... Значит, всё случилось как-то иначе. Или время было на что-то потрачено.

— И его схватили уже внизу?

— Да.

— Наверх кто-нибудь поднимался?

— Только я, — ответила Нелин.

— Зачем?

— Проводывала отца. Там отцовский кабинет и спальня, по правую руку от вас.

Дверь? Вижу.

— Он согласится поговорить с нами?

— Не сейчас. Шум взволновал его, пришлось дать успокоительное. Батюшка спит.

Нежная забота о старшем родственнике или попытка убрать с глаз долой, чтобы чего-нибудь не испортил своей болтовнёй? Старички обожают посплетничать, в этом даже я не раз убеждался за время сопровождения.

— Хорошо, поговорим позднее.

Значит, юбки побывали и тут, слегка ероша ворс. Впрочем, следы каблучков хорошо заметны. Как и вот эти круглые отпечатки ближе к перилам.

— Я немного испачкаю ковёр. Не возражаете?

По лицам женщин было понятно, что мои действия им глубоко безразличны, важен лишь результат. Я наскрёб пряжкой запястного ремешка куртки горстку мела со стены и обрисовал на ковре примерные места расположения особенно вдавленных в ворс следов, предположив, что именно здесь люди, сколько бы их ни было, провели достаточно длительное время. Получилось два неровных круга с явно разными отпечатками.

— Убийца стоял у стены или у перил?

— Ближе к стене, вот почти как вы, — подтвердила аленна.

Значит, напротив меня стоял бы как раз убиенный. Стоял и... Что же это за кругляшки?

— У вашего брата был посох?

— Да, — кивнула Нелин. — Он любил опираться на него, хотя никогда не хромал.

Отлично. Пользовался он им и вчера, когда... допустим, разговаривал здесь с кем-то или, скорее, чего-то ожидал, потому что посох и располагающиеся рядом с ним отпечатки башмаков оставили в ворсе ковра куда более глубокие отметины. Но рядом с телом никаких палок не было. Или я не заметил?

— А где же он?

Женщины растерянно переглянулись и снова посмотрели на меня.

— Посох?

— Ну да.

— Это важно?

Я нарочито глубыкомысленно сдвинул брови:

— Может быть важна малейшая мелочь.

Нелин крикнула:

— Эй, кто-нибудь!

На её зов в лестничный зал из придверного проворно юркнула служанка.

— Чего желаете?

— Поди найди посох хозяина.

— Это которого? У старого-то он при себе всегда.

— Молодого! — не по-женски сурово рявкнула сестра умершего.

— А, так... Нечего его и искать. На месте он. Я ещё утром отнесла.

— Милейшая, отнесли куда? — Управление беседой перехватил я.

— Так в покои хозяйские, — ответила служанка.

— А где вы его взяли?

— Так здесь. На ступеньке лежал. Мертвеца-то сказали не прибирать, а палка зачем под ногами будет валяться? Ещё оступится кто.

— Не сочтите за труд, принесите его обратно и положите на то место, откуда взяли, — попросил я.

— Да быстро! — цыкнула Нелин.

Спустя пару минут посох был возвращён, и с высоты лестницы передо мной открылась замечательная картина, показывающая, что если погибший и держал в руках палку, то отнюдь не всё время своего падения.

Я спустился, отметил остатками мела место приземления палки и поднял приспособление для подпираания слабых ног.

Увесистое. Наконечник кованый, мало того что не сбивается, так ещё и можно в случае чего ткнуть противника так, что тому мало не покажется. Да, пожалуй, замахиваться им вполне удобно. Следов мела нет, значит, стенку не задевал. Зато... Есть свежие потёртости на лаке. Даже сколы. А ещё что-то похожее заметно и на перилах. Видимо, посох попал между ними, тогда погибший и был вынужден его отпустить. Хм.

— Ваш брат пользовался правой рукой при письме и прочих делах?

— Да, только правой. Левая была сломана ещё в юности, а потому не так сильна.

Опирался на посох, стало быть, тоже правой. И как же, интересно, палка застряла меж столбиками перил, которые идут слева от того места, где стоял эрте Корин?

М-да, голова уже забита под завязку, а я исполнил ещё только половину положенных действий. Что ж, не будем откладывать: чем быстрее осознаю, что зашёл в тупик, тем быстрее смогу понять, что делать дальше: сдаваться или прорываться с боем.

— Я хотел бы взглянуть на убийцу.

***

Нелин Певено со-Мейен ответила мне взглядом, который короче всего описывается словами: «Хочешь? Смотри».

— Где он?

— В одном из погребов. Где запоры понадёжнее.

На дворе, конечно, весна, и солнце, если тучи наконец-то раздвинутся, даже припечёт немного, но желания идти в мёрзлый подвальный сумрак всё равно нет.

— В этом доме найдётся комната, свободная от проживания и прочих надобностей?

Сестра убиенного указала рукой на дверь неподалёку от подножия лестницы.

— Пусть убийцу приведут туда.

Моя просьба, наверное, была высказана не с должной требовательностью, потому что вызвала явное неудовольствие, а не стремление поскорее её выполнить. Пришлось спросить:

— Вас что-то беспокоит?

Нелин на мгновение отвела взгляд, видимо, чтобы изгнать из него неуместные чувства.

— Вы не думаете, что он... слишком опасен, чтобы водить его по дому?

Э, признаться, я тоже не отважного десятка, но в холод и сырость идти по-прежнему не хочу.

— Насколько я помню, ваши слуги уже один раз смогли его задержать и препроводить в погреб. Наверняка справятся с подобным делом снова, не так ли?

Хозяйке дома пришлось проглотить прочие заготовленные возражения и отправиться раздавать поручения слугам, а мы с Кифом в сопровождении аленны, также мало довольной происходящим, расположились в предложенной комнате. Судя по всему, здесь женщины и находились, когда слышали предсмертные крики: в одном из кресел, поставленных поближе к окну, лежало скомканное полотно с незаконченной вышивкой, выскользнувшее из пальцев.

— Тебе хватит места для ведения записей? — спросил я у предзвенника.

Тот, оглядев предложенное рабочее место, с сомнением почесал нос, вздохнув, кивнул и придвинул к столику одно из кресел. Я изначально нацеливался было на второе, но в нём уже восседала, гордо выставив свой живот, аленна. Ну и ладно. Ноги меня, благодарение Богу, ещё держат, и вполне крепко. К тому же иногда полезнее посмотреть на вещи и события с некоторой высоты.

Появилась Нелин, прошла в комнату, встала за спиной у беременной вдовы и приказала: — Ведите его сюда!

В следующую минуту я совершенно по-детски обрадовался, что успел одну из рук поднести к лицу с намерением помять зудящий подбородок: она помогла мне заслонить удивлённо приоткрывшийся рот.

Меж двух дюжих молодцов, напоминавших внешностью и статью давешнего кучера, предполагаемый убийца не производил особого впечатления, но, как только слуги отошли на шаг назад, поближе к дверям, вместе с изменением окружения преобразилось и увиденное. Пожалуй, самым справедливым было бы сравнить вошедшую троицу с парой тяжеловозов по бокам от боевого скакуна.

Мужчина, молодой, но, похоже, близкий к размену четвёртого десятка лет, действительно вызывал опасения. Правда, вовсе не те, что тревожили хозяйку дома. В бытность свою сопроводителем я, может быть, и осмелился бы бросить вызов этому человеку, но сейчас заранее признавал беспспорное поражение и, странное дело, не чувствовал себя при этом оскорблённым.

Достаточно высокий, с чуть более длинными, чем установлено канонам красоты, руками и ногами, широкоплечий и на зависть многим подтянутый, хотя всё в движениях мужчины говорило о том, что как раз в эти минуты он спокоен и расслаблен. Открытое, несмотря на некоторую хищность чуть заострённых черт, лицо тоже выглядело умиротворённым, карие глаза глядели на присутствующих в комнате с заметным искренним интересом. А я в свою очередь смотрел на человека, объявленного убийцей, решая, что же меня больше удивляет в его облике: странный цвет волос, пряди которых разделялись на пепельно-русые, рыжеватые и красновато-чёрные, или то, что пленник семьи Певено одет только в рубашку и штаны.

— В ваших погребках стоит летняя жара?

Нелин непонимающе нахмурилась:

— Простите?

— Этот человек. Убийца, как вы говорите. Почему он одет так... легко?

— Ах вот вы о чём! — Она выдохнула с чуть большим облегчением, чем требовалось. — Я велела забрать его верхнюю одежду и прочие вещи.

— Во избежание побега? — подсказал Киф.

— Да-да! — радостно согласилась Нелин.

Что ж, звучит правдоподобно. Всё, кроме одного. Мужчина выглядит так, что я не понимаю, каким чудом слугам вообще удалось его схватить.

— Велите принести его вещи сюда.

Моя новая просьба доставила хозяйке дома ещё меньше удовольствия, но, поскольку не противоречила законам и правилам приличия, была исполнена. Вещей оказалось немного, правда, среди них было то, что чуть не заставило меня снова открыть рот. Поясная перевязь с двумя... скажем, кинжалами, хотя больше они напоминали охотничьи ножи. Судя по ножнам, длина лезвия каждого примерно в полторы ладони. На первый взгляд оружие больше защиты, нежели нападения, но при обстоятельствах, допускающих ближний бой нос к носу... М-да. Я не стал брать их в руки, просто повесил перевязь на спинку кресла за спиной Кифа и спросил:

— Оружие было при нём вчера вечером?

Вообще-то можно было не спрашивать, потому что застёжки ножен ясно показывали: либо кинжалами в последнее время не пользовались, либо успели привести их в походное состояние. Впрочем, в последнее верилось с трудом. Ведь если вдуматься, убийца, обладающий подобными вещицами, но почему-то даже не пустивший их в ход, не позволил бы захватить себя, раздеть и связать, если только... К примеру, никого не убивал.

— Нет, — признала Нелин, подтвердив одно из моих предположений.

Значит, он был безоружен, когда встретился с погибшим на лестничной площадке. Уже интересно. Но не настолько, чтобы забыть кое-что важное.

— Развяжите его.

— Вы же не думаете... — попробовала возразить хозяйка дома.

— Мне нужно осмотреть его руки.

Хотя что можно увидеть на запястьях, которые были стянуты волосяной верёвкой несколько часов кряду? Ничего интересного. И всё же я честно обшарил взглядом натёртую путами кожу, попутно убедившись, что других синяков и повреждений на ней нет, а потом протянул мужчине сапоги и куртку:

— Оденьтесь.

— Но...

— Какие-то трудности? — Я повернулся к охнувшим от изумления женщинам.

— Вы не знаете, что это за человек! В его одежде может быть столько всяческих...

— Столько — чего?

— Смертоносных орудий! — выпалила аленна.

— Неужели?

— Он же охотник на демонов!

* * *

Я сдвинул брови, приподнял, снова опустил и вопросительно взглянул на Кифа. Тот чуть виновато пожал плечами.

— Что сие означает?

— То и означает, — ответил предзвенник. — Он охотится на демонов.

Прожив на свете тридцать два года, я впервые в жизни слышал подобные речи. Демоны?

Откуда? Зачем? Почему? На столичных улицах такому слову места не было. Впрочем, здесь отнюдь не просвещённая Веента, а далёкая провинция. Со своими странностями.

— Можно чуть подробнее?

Киф поковырялся ногтем в уголке глаза:

— Есть древнее поверье, что на другой стороне мира живут демоны и что в урочные часы они могут пробираться на нашу сторону, где вселяются в людей, пожирая их души.

Хорошая история. Из тех, что уместно рассказывать тёмной полночью после обильных возлияний.

— А он, стало быть...

— Ищет тех, в кого вселились демоны. Находит и...

— И?

Прездвенник развёл руками:

— Откуда ж я знаю? Я и демона-то никогда в жизни не видел.

— Нахожу и убиваю, — ответил мужчина, неспешно закончивший одеваться.

И ведь ему веришь, каждому слову, как бы нелепо они ни звучали. Демоны какие-то...

Вот чушь!

— Каким же образом?

— Будет случай, сами увидите, — пообещал охотник, приглашающе улыбнувшись.

Может быть, он сумасшедший? Но тогда не расхаживал бы с оружием на свободе. Хотя это в больших городах за благоразумием жителей есть кому наблюдать, а здесь от Цепи надзора если и присутствует, то всего несколько мелких Звеньев.

— Оставим другие случаи на потом. Ваше имя?

— Иттан со-Логарен.

А вот на приютского он не похож. Не те повадки, что называется. Не та выучка.

— Имя рода?

— Оно мне не нужно. Я не желаю детям своей жизни.

Что ж, его право. Но если он сам отказался от принадлежности к роду и своего продолжения в потомках, последние слова погибшего могли бы быть сочтены оскорблением, за которое... В простонародье бьют. По лицу, и сильно.

— Вы присутствовали при смерти Корина Певено со-Мейена?

— Да.

Коротко ответил и замолчал. Странно. Наверное, он должен был сказать что-то вроде «я не убивал его».

— Как она наступила?

— Парень упал с лестницы и свернул себе шею.

Это мы и так знаем.

— Почему он упал?

— Не удержался на ногах.

— Вы ему помогли?

Карие глаза вспыхнули сначала недоумением, потом горьким смешком.

— Нет. Я ему не помог.

Или мне кажется, или я слышу сожаление? Но по поводу чего? Неужели хотел убить, но не смог или не успел?

— Он врёт! — заявила Нелин. — Брат был здоровым и сильным мужчиной, он не упал бы с лестницы без причины.

— Не волнуйтесь, эрте. Я тоже думаю, что причина была. И весомая. Но сейчас меня интересует совсем другое.

Несколько пар глаз уставились на меня с вопросительной надеждой, и только одни — с внимательным ожиданием. Карие.

— Люди убивают друг друга, такое случается. Но вряд ли они решаются совершить душегубство без причины. Зачем охотнику на демонов вдруг понадобилось убивать вашего брата? Он был одержим демоном?

— Нет! — возмущённо выдохнула хозяйка дома. — Как вы можете такое говорить?

— Я просто ищу причину. Да, любезный, — обратился я к охотнику, — когда вы выполняете свою... работу, что происходит с человеком, бывшим, так сказать, пристанищем демона? Он умирает?

— Очень редко.

— А в эрте Корине демон присутствовал?

— Нет.

И на сей раз мне чудится сожаление в его голосе. Или это воображение разыгралось?

— Значит, его смерть никоим образом не связана с вашей охотой. Хорошо. Что ещё могло заставить вас убить человека?

— Деньги.

О, это зло выплюнула уже аленна. Кажется, она чувствует себя не слишком хорошо, не будучи в центре всеобщего внимания.

— Деньги?

Нелин положила ладонь на плечо беременной, словно успокаивая ту, и взяла слово сама:

— Ему заплатили за убийство.

— И много? Я не заметил тяжёлого кошелька в принесённых вещах.

— Или пообещали заплатить, — быстро исправилась женщина.

Наёмное убийство? Совсем интересно. Ещё чуть-чуть, и я запутаюсь окончательно.

— Вам известен заказчик?

— Да.

— И кто же он?

Повисшее молчание длилось недолго.

— Мой отец и отец убитого. Гуэр Певено со-Мейен.

Старик, который спит наверху, если верить её же словам? Но у него-то точно должна быть причина!

— Вам известно наверняка?

Она чуть поколебалась:

— Нет. Но всё говорит именно об этом.

— Всё?

— Вчера вечером убийца долго беседовал с отцом в его комнате, а потом, когда вышел, это и случилось.

— А зачем ваш брат там находился? Ждал завершения разговора?

— Должно быть.

— Вы забыли упомянуть... Каким образом охотник вообще оказался в вашем доме?

Нелин куснула губу, но ответила:

— Его вызвал брат.

— Для чего?

— Для исполнения его работы, для чего же ещё! — выкрикнула аленна.

— Это правда?

Иттан кивнул:

— Да. Эрте Певено захотел воспользоваться моими услугами.

Если принять во внимание род занятий обвиняемого в убийстве, вывод можно сделать только один:

— Где-то здесь в доме живёт демон?

Я ожидал, что женщины вздрогнут или хотя бы сделают вид, что испугались, но они остались равнодушны к моим словам, словно, как и я сам, ни капельки не верили в демонов.

— Демоны живут в людях, — поправил меня охотник.

— И в ком именно?

— Эрте Певено полагал, что в его отце.

Всё, я поплыл. Последний раз подобное ощущение посещало меня на уроках в Сопроводительном крыле, когда голова отказывалась принимать слишком много новых знаний. Нужно передохнуть, но сначала довести эту беседу до конца.

— Поэтому он ждал вас наверху. И каков итог осмотра?

Иттан улыбнулся, как улыбаются взрослые на слишком смелые либо преждевременные вопросы детей:

— Итог всегда остаётся между мной и тем, кто меня нанял.

Тупик? Похоже.

— О чём вы говорили с эрте Гуэром? Это-то вы можете рассказать?

— О жизни и смерти.

Ясно, откровенничать он не будет. То ли потому, что здесь много лишних ушей, то ли просто не хочет.

— Хорошо. Сказано и так было предостаточно, чтобы... Мне нужно время подумать, эрте. Время и тишина. По крайней мере, чтобы дождаться пробуждения вашего батюшки. И... уберите тело. Негоже ему больше там лежать.

Нелин кивнула слугам, снова стянувшим запястья охотника верёвкой, аленна тяжело поднялась с кресла, и длинная процессия покинула комнату, подарив мне долгожданное, хотя и несколько напряжённое спокойствие. Я плюхнулся в согретое беременной женщиной кресло, с наслаждением вытянул ноги и спросил предзвенника:

— Ну и что ты обо всём этом думаешь?

Часть 3.4

Киф закончил последнюю строчку в своей писание, положил грифель и откинулся на спинку своего кресла:

— Я вообще не думаю. У меня уже рука затекла.

— Ты меня втянул в эти семейные дразги, так уж будь любезен! Хоть посочувствуй.

— О, это я завсегда! Сочувствую. Весьма и весьма. Вам, как вы и пожелали.

Шутник. Впрочем, пока есть возможность посмеяться, ей не надо пренебрегать.

— Дурацкая история. Сын нанимает охотника на демонов, потому что считает отца больше не отцом, а невесть кем. Отец, видя у себя на пороге охотника, конечно, сразу понимает что к чему и... возможно, выдвигает подобное обвинение уже против сына. Или действительно обещает охотнику деньги, чтобы избавиться от неблагодарного отпрыска.

— Не-а, — покачал головой Киф. — Проще найти душегуба потом, втихую.

— Разумное замечание. Значит, охотник уходит восвояси, у лестницы встречается с Корином, тот, конечно, спрашивает, мол, прав я или неправ. И вот вопрос: что ему отвечает охотник?

— Этого мы не узнаем.

— В точности — нет. Но если вспомнить слова про безродного пса, Корин услышал совсем не то, что ожидал. Он был чем-то разозлён, и сильно.

— Так сильно, что...

— ...упал, — закончил я фразу за предзвенника, и мы посмотрели друг на друга с сомнением, потому что даже на непритязательный вкус от подобного предположения разило нелепостью.

Если бы я мог хотя бы увидеть, как он летел... Многое стало бы ясным. По крайней мере, в отношении способа убийства, если оно вообще произошло.

— Будь добр, выгляни наружу и позови кого-нибудь, — попросил я Кифа.

На наше счастье поблизости оказалась та же служанка, что прибрала посох.

— Милая, скажи, есть ли в этом доме старый сенник, который уже отслужил своё?

— Как не быть, йерте, — покраснев от того, что с ней разговаривает городской чиновник, ответила девица.

— Пусть его принесут сюда. Да прихвати с собой пару своих подружек и старые наволочки.

Служанка зарделась ещё больше, отправившись выполнять поручение, а предзвенник вытаращился на меня:

— Целых трое? А не многовато ли будет?

— Для того, что я задумал, нет.

— Ну, как знаете... Ещё и меня небось помогать заставите?

— А как же! Один я не справлюсь. Или справлюсь? — Я задумчиво прикинул возможный вес сенника. — Нет, тяжеловато будет.

Теперь краснеть начал Киф, и только тут до меня дошло, какие мысли посетили голову моего юного помощника.

— Да сенник мне нужен вовсе не для забав со служанками!

— А для чего?

— Хочу отправить его в полёт.

Брови предзвенника доползли бы до края лба, если бы не скорое появление девушек со всеми требуемыми принадлежностями.

— Иглы и нитки у вас найдутся?

Три чепца послушно кивнули.

— Шили в детстве кукол?

Ещё один кивок.

— Так вот. Мне нужна кукла, только большая. Ростом с вашего умершего хозяина и примерно его веса. Думаю, этого сенника как раз хватит. Нужно только смастерить ему ноги и голову да пришить руки. За работу, красавицы!

Если служанки и рассчитывали на иное времяпрепровождение в обществе чиновных людей, то быстро распрощались с возможным разочарованием и принялись за работу. Получаса не прошло, как в нашем с предзвенником распоряжении оказалось подобие человеческой фигуры, ощетинившееся кончиками торчащих из ткани сухих травинок, посмотрев на которое я невольно улыбнулся. Потому что вспомнил юность.

Если в Литто и далее от столицы применение кукол для разных служебных надобностей было в диковинку, то в Сопроводительном крыле без набитых сеном, опилками и прочей трухой чучел не обходились ни дня. С самого первого занятия нам были вручены боевые бражки, а не их безобидные копии, и, если бы нас сразу выставили в парах друг против друга, до выпуска не дожил бы ни один из учеников. Поэтому большую часть учебных лет я и все мои товарищи имели дело как раз с бессловесными «сенниками для битья». И для отработки ударов, и для изучения откликов человеческого тела на различные воздействия.

— Благодарствую, красавицы! Больше не смею вас утруждать.

Служанки вышмыгнули прочь из комнаты, но не ушли совсем и смогли увидеть, как я вытаскиваю к лестнице сенного болвана. Пришлось сказать чуть строже:

— Попрошу освободить помещение на время проведения следственных действий. — И добавить после многозначительной паузы: — Зашибить можем.

Поверили они или нет, не знаю, но скрылись за дверью, ведущей на половину слуг. Хотя судя по приглушённому хихиканью, какое-то время девицы всё же подсматривали за нами.

— Ну хватит расслаживаться. Потасили!

— Кого и куда? — спросил Киф, выглядывая из комнаты.

— Куклу наверх.

— Зачем?

— Дотащим — увидишь.

Предзвенник посмотрел на меня с очень большим сомнением в моей разумности, но, вздыхая и кряхтя, помог поднять сенного болвана по лестнице, в конце подъёма резонно заметив:

— Если ничего и не пойму, так хоть согреюсь.

Я придерживался примерно той же точки зрения, разве что не хотел говорить о ней вслух. К тому же меня всё ещё терзало желание увидеть случившееся. По крайней мере, в виде самодельного представления.

— А теперь давай определим, как он мог упасть.

— То есть? Головой вперёд, конечно.

— Я не об этом. Он мог сам поскользнуться, зацепиться за ковёр или по другой причине не удержаться на ногах. Это раз. И мог полететь с чужой помощью. Согласен?

Киф пожал плечами:

— И что с того?

— Вот я и хочу взглянуть, куда бы тело упало в обоих случаях.

— А! — Он наконец-то понял моё намерение. — Думаете, так удастся доказать, был парень убит или умер сам?

— Доказать...

Я вспомнил напутствие золотозвенника. Доказательства обычно нужны окружению, а мне требуется гораздо меньшая штука. Уверенность. Потому что, если я не буду уверен хоть в чём-то, ничего и никогда не смогу решить.

— Итак, случай первый. Упал сам по себе.

Я поднял куклу на ноги и поставил, поддерживая, на то место, где меловым кругом были отмечены отпечатки ног и посоха умершего. Пожалуй, далековато для того, чтобы простое пошатывание заставило упасть. Ну ладно, допустим, он сделал ещё шаг в сторону лестницы. Уже перед самым падением. Я отпустил подмышки сенного болвана, слегка подталкивая вперёд. Кукла пару раз перекувырнулась, шурша по ступенькам, но не долетела до пола.

Любопытно. Значит, усилие всё же было, и немаленькое. Неужели охотник?

— Потащили обратно!

Киф больше не стал возражать, хотя и всем видом показывал, сколько страданий причиняет ему моя странная прихоть.

— Теперь держи ты.

— Это ещё зачем?

— Поставь сюда, а я встану... Вот здесь.

И опять расстояние хоть и не чрезмерно большое, но не благоприятствующее рукопашному бою. А могло ли оно быть иным? Ведь мужчины разговаривали, прежде чем что-то произошло. Нет, всё равно попробовать надо.

Я с некоторым трудом дотянулся до грудков куклы и попробовал сбросить её на лестницу. Получилось лучше, чем в предыдущий раз, и всё же место падения оказалось совсем другим, нежели у Корина. Странно. Может быть, охотник действовал как-то иначе? Скажем, подсёк ноги? Нет. Тогда полёт походил бы на первый. Да и нечем было подсекать-то, у него же не было палки.

Палка...

— Ещё раз тащим!

Киф вознёс небу беззвучную молитву и послушно взялся за уже начинающего трещать по швам болвана.

У Корина была палка. Посох. Который тоже упал, но упал куда страннее, чем тело. А что ещё мы знаем о том злополучном вечере? Корин был рассержен. Может быть, взбешён. Назвал собеседника «безродным псом», что говорит о сильном раздражении. А на собаку поднимают не руку, а...

Я попробовал представить, как мог проходить замах. Если бы эрте Певено попал по охотнику, падения могло и вовсе не случиться, ведь тогда у посоха была бы точка касания, она же точка опоры. И если бы охотник вздумал ответить, то скорее отбросил бы обидчика назад, на лестничную площадку, а не к ступенькам. Но если посох не встретил сопротивления...

Итак, он замахнулся с явным намерением ударить.

— Дай сюда посох.

Я отвёл правую руку болвана с привязанной палкой в сторону, а потом с силой попробовал ударить невидимого противника, одновременно отпуская куклу, чтобы не улететь следом за ней. Поскольку никаких преград на пути посоха не наблюдалось, он описал широкую дугу и потянул сеник вслед за собой, но не по прямой, а опять же по дуге. Влетел между столбиками перил, оторвался под гнѐтом немалого веса куклы, и та, более ничем не задерживаемая, покатила по ступенькам дальше. Почти до того самого места, что белело меловыми пятнами на ковре у подножия лестницы.

— О-го-го, — сказал Киф, озадаченно глядя на итог моих усилий.

— Ага, — ответил я.

Предзвенник задумчиво почесал переносицу:

— Ну и что это нам даёт? Упал по собственной дурости? Но не это же главное!

Верно. Главное совсем в другом. В обвинении.

— Чем вы занимаетесь, эрте? — спросила Нелин, видимо потревоженная шумом и решившаяся взглянуть на его источник.

— Я уже закончил. Вы куда-то направлялись?

— Посмотреть, как там отец.

— Будьте так любезны!

Она поднялась по лестнице, настороженно посматривая на нас с Кифом, слегка запыхавшихся, но довольных, прошла в отцовские покои и тут же вернулась, сообщив:

— Он всё ещё спит.

В голосе хозяйки дома послышалось неприкрытое удовлетворение увиденным. Мол, и пусть спит. Пусть и вовсе больше не просыпается.

— Что ж, не будем его будить.

— Вы приняли решение?

Она ждала и уже теряла терпение, это было видно по чертам миловидного, но осунувшегося и утомлённого волнениями лица.

— Скоро приму. Но мне понадобится присутствие всех вас.

***

Четверть часа, понадобившаяся для сбора всех действующих лиц на месте недавней гибели, не помогла мне набраться уверенности. Честно говоря, я хоть и чувствовал, что все необходимые козыри пришли в мои руки, путался в собственных картах и, когда глаза зрителей взглянули на меня от подножия лестницы, решил для верности повторить всё, что знаю. С самого начала.

— Вчера вечером Корин Певено со-Мейен принимал в своём доме Иттана со-Логарен, так называемого охотника на демонов. Причиной столь необычного выбора гостя послужило желание узнать, вселился ли демон в главу рода Певено.

Зачем это понадобилось Корину, я до конца ещё не понимал, но рассчитывал прояснить позже, а потому продолжил:

— Охотник отправился на разговор с Гуэром Певено, а наниматель ожидал его возвращения здесь. Киф, займи, пожалуйста, место Корина.

Предзвенник встал в меловой круг, опираясь на посох.

— Не знаю, сколько времени занял тот разговор, но он рано или поздно закончился, и охотник вышел из кабинета. — Я прошёл короткий путь от дверей покоев главы дома до второго мелового круга. — Далее, судя по всему, состоялась ещё одна беседа, в ходе которой Корин Певено оказался чем-то сильно разозлѐн. Разозлѐн настолько, что назвал своего

собеседника «безродным псом» и попытался ударить посохом.

Киф медленно повторил предполагаемые движения погибшего, и я наклонился, пропуская палку над головой.

— Не буду утверждать, но, возможно, охотник сделал то же самое, что и я. Как вы видели, посох никого не задел. Но именно это и послужило причиной случившегося. Корин Певено потянулся вслед за орудием своего гнева и... Киф, покажи, как он падал.

Предзвенник ещё раз размахнулся, благо я уже успел отойти в сторону, спустился по ступенькам, отмечая остановкой место, где посох на мгновение застрял в перилах, положил палку туда, куда она отлетела бы, а сам дошёл до подножия лестницы. Туда, откуда на меня смотрели хозяйка дома, вдова погибшего и охотник в сопровождении прежних дюжих слуг.

— Примерно так всё происходило.

— Что вы хотите показать нам этим... балаганом? — нарочито бесстрастно спросила Нелин.

— Только то, что сказал. Никакого убийства не было. А кто, собственно, вообще решил, что случившееся — убийство? Кто нашёл тело первым?

Аленна, грозно выставляя живот, вышла вперёд и двинулась вверх по лестнице.

— Я нашла. Корин лежал у лестницы без движения, а тот... — Она кивнула головой в сторону охотника. — Тот стоял наверху и смотрел на моего мёртвого мужа. Смотрел так, как смотрят на раздавленную колёсами телеги жабу.

Интересное сравнение. Правда, лично мне оно ни о чём не говорит.

— Что другое я могла подумать?

Лорин была хороша в исполнении праведного негодования пополам со скорбью, но у меня ещё оставались вопросы, требующие ответа.

— И всё же, вы думали. Недолго, признаю, но достаточно для принятия решения. Лишь потом вы закричали, зовя на помощь.

Она промолчала, сверля моё лицо напряжённым взглядом.

— Что же вы надумали в те минуты, эрте?

Юбки прощуршали, приближая аленну ко мне ещё на пару ступенек.

— Вы хотите знать?

Пожалуй, уже не хочу. Не нравится мне настроение, нарастающее в лестничном зале.

— Моему мужу было уже сорок три года. Зимой отпраздновали очередной день рождения. И всё это время он жил под отцовской пятой.

Тогда как ты сама желала бы водрузить на сердце, голову и прочие части тела Корина свою пяту? Могу понять.

— Проклятый старикан должен был умереть давным-давно! Ещё двадцать лет назад, когда, говорят, у него случился удар. Так нет, он всё ещё держится за жизнь... не позволяя жить своим детям.

Я невольно перевёл взгляд на Нелин, как-то внезапно уступившую право переговоров женщине, которая, если принять во внимание шаткость её положения в этом доме, должна была бы молчать старательнее всех остальных. Хозяйка дома смотрела прямо перед собой, на место, где ещё недавно громоздился куль мёртвого тела, а теперь распластался сенной болван. Смотрела не отрываясь, словно зачарованная.

А аленна продолжала:

— Вдруг он проживёт ещё десять лет? А если двадцать? Да, он когда-то заслужил свой почёт и достаток, но... Разве те, кто молод, не достойны жить полной жизнью?

Старик был домашним тираном? Почему бы и нет. Очень многие люди, перешагнувшие середину отпущенного им века, черствеют душой. Но значит ли это, что от них необходимо избавляться, да ещё столь изощрённым и несправедливым способом?

— Вы сказали: «достойны». Не подскажите, с каких пор огульные обвинения стали считаться достойным делом?

— Огульные? — Лорин хохотнула. — Вы не сможете доказать, что старый пенъ не поручал убить Корина.

А она права. Охотник молчит, глава рода пока что тоже, а может быть, и вовсе не откроет рот: я ведь не знаю, каким успокоительным напоила его собственная дочь.

— Зато я доказал другое. Пусть эрте Гуэр и велел охотнику за демонами убить своего сына, никакого убийства не случилось. Ваш муж пострадал по собственной неосторожности, дав волю гневу.

— О да... — Алена вытянула губы в презрительную линию. — Он часто злился. И в последние дни всё чаще.

— И в конце концов обозлился настолько, что решил избавиться от отца?

Нелин вздрогнула и оторвала взгляд от мешка с сеном.

— У нас не осталось другого выхода. — Она зябко спрятала пальцы в кружева манжет. — Корин... Он пробовал поговорить с отцом. Он просил. Хотя зная брата, даже мне было трудно поверить, пусть я и сама слышала их разговор. А отец лишь отмахнулся. Сказал, что его беспокоят какие-то другие вещи. Наверное, более важные, чем родные дети.

Могу представить отчаяние, охватившее сорокалетнего мужчину, которому уже своих наследников нужно всю растить, а всё никак не удаётся встать на крыло, вырвавшись из родительского гнезда. Но таковы традиции Логарена: первый сын всегда остаётся с отцом и матерью, пока те не дадут благословения. Вместе с изрядной долей семейного состояния, разумеется. Но если Корин был связан старинным законом, то его сестра... Уж она-то могла убраться из Мейена, только бы нашёлся подходящий жених!

— Почему вы оставались здесь, эрте?

— Я должна была остаться.

Нелин ещё сильнее стиснула переплетённые пальцы. Наверное, её фигура должна была дышать скорбью и негодованием, но вместо этого я вдруг увидел осиротевшую девочку. Кем был для неё брат? Только родным и близким человеком? А может быть, любовником? Впрочем, сейчас это уже не имело ни малейшего значения. Она поделила судьбу Корина по доброй воле. И по доброй воле обвинила отца в вымышленном злодеянии.

Вымышленном, что самое любопытное, аленной, которая вновь пыталась прожечь моё лицо неистовым взглядом:

— Вы ведь понимаете, Смотритель... Виновен старикан или невиновен, убит был Корин или упал сам, неважно. Совсем-совсем-совсем. Есть труп, и есть бумага, пока чистая, как снег. А строчки, что на неё лягут, могут быть любыми. Понимаете?

Хочет, чтобы я подтвердил все их нелепые фантазии и обрѣк на казнь сразу двух человек? Жестокая женщина, однако. Пожѣстче многих мужчин. Тот же Атьен Ирриги по сравнению с ней — пушистый ягнёнок.

— Его, — Лорин обернулась и небрежно указала на охотника, — его мы повесим на воротах сразу после того, как я засвидетельствую, что своими глазами видела драку, случившуюся на лестнице. А старикан... Он ведь может скончаться от волнения. Когда ему предъявят обвинение в убийстве.

Она всё основательно продумала. В предложенной последовательности действий нет никаких изъянов, вполне правдоподобная история, которую можно дополнить подробностями вроде тех, что глава рода выжил из ума, потому и решил вдруг прикончить домочадцев. Есть только два слабых места. Я и предзвенник.

Аленна угадала направление моего взгляда и улыбнулась:

— Да, если делить деньги на двоих, каждый получит меньше, чем получил бы кто-то один без дележа. Что касается вашего помощника, он может героически погибнуть в схватке с убийцей. Как вам такой расклад?

И одновременно со словами Лорин слуги, стоящие по обе стороны от охотника, понимающе осклабились, сосредоточив своё внимание на Кифе. Предзвенник сглотнул, отодвигаясь на пядь подальше от неожиданно возникших противников, а я, вынужденный во все глаза смотреть на то, что происходит у подножия лестницы, вдруг поймал себя на мысли, что упустил из вида одну простую истину. Это Атьен Ирриги мог вести себя сколь угодно бесцеремонно, беспечно, нагло и самоуверенно, обладая полнейшей свободой решений и действий. Потому что у него за спиной всегда стоял сопроводитель. А пространство позади меня было пустее пустоты.

Зачем я вообще устроил это представление с разоблачением? Увлѣкся. Захотел самостоятельно попробовать разобраться в неизвестном предмете. Захотел доказать самому себе и золотозвеннику, что смогу быть если не лучшим, то и не худшим в порученном мне деле. Справился с поставленной целью? Ясно вижу, что да. Только куда двигаться дальше?

— Конечно, вам придётся немножко подождать, пока чиновники проведут опись имущества и прочую свою дребедень. Но потом вы без промедления получите свою долю, и, поверьте, немалую. — Голос Лорин звучал вкрадчиво и маняще.

Смешно, но меня-то оставят в живых. Чтобы был хоть один сторонний наблюдатель, способный подтвердить свои слова. И мне придётся так поступить, потому что на чудовищных по своей сути бумагах будет стоять моя подпись.

Немалая доля, стало быть? Вот он, ещё один шанс начать восхождение к будущему, которое отвернулось от меня в столице. Сначала деньги, чуть позже влияние, ещё позже — новые деньги, замешанные на... Неважно на чём. Я ведь этого хотел, правда? И всё ещё хочу. Но почему-то не сегодня и не сейчас.

Я обвѣл взглядом всех присутствующих. По очереди.

Аленна приподняла губу в подобии улыбки, выжигая на моём лице очередную дырку. Затылок Кифа ответил взъерошившимися волосами, а пальцы, обхватившие посох, совершили странное, смутно знакомое движение, но мне было не до воспоминаний. Глаза Нелин оказались пусты и покойны, как будто она уже похоронила и брата и отца. Слуги

ожидали приказа, насмешливо поглядывая на предзвенника, застывшего у подножия лестницы сжатой пружиной. И только взгляд охотника задавал вопрос. Настолько понятный и своевременный, что слов не требовалось.

Карие глаза мигнули: «Нужна помощь?»

И я согласно опустил подбородок.

В следующее мгновение Иттан со-Логарен широко шагнул назад, оказываясь позади своих конвоиров, а странным образом вдруг освободившиеся от пут руки взлетели к загравкам верзил и толкнули слуг друг к другу. Висок к виску. Очевидно, удар был весьма силён, потому что надежда и опора хозяек дома рухнула двумя бесчувственными кулями на многоцветье паркета.

— Так вам будет проще принять решение? — улыбнулся охотник.

На лице Кифа, обернувшегося ко мне, было написано не просто удивление, а нечто вовсе выходящее за пределы разумного. Меня произошедшее тоже поразило, но вовсе не умением Иттана справляться с верёвками: подобные штуки учили проделывать и нас.

Он. Решил. Помочь. Мне.

Невероятно. Непонятно. Даже немного пугающе. Как теперь становится очевидным, охотник в любой миг мог покинуть поместье Мейен, и вряд ли какие-то замки смогли бы его удержать. Но он остался, ожидая... Развязки? Девяносто шансов из ста, что на сделанное мне предложение кто-то другой, окажись он на моём месте, ответил бы согласием, и тогда прорыв на свободу потребовал бы многих жертв. Да, скорее всего, человека, убивающего демонов, не особенно страшит необходимость лишать жизни и людей, но Иттан не выглядит злостным душегубом. Так почему же он не предпочёл сбежать сразу, как только очутился в погребе или ещё до того?

— Эрте? — Голос предзвенника вывел меня из тумана размышлений. — Вы готовы?

Да. Всё равно ничего другого уже не придумаю.

— Нелин Певено со-Мейен и Лорин...

Киф услужливо подсказал:

— Леви со-Литто.

— И Лорин Леви со-Литто. Вы виновны... — Как всё это должно звучать-то? А, просто перечислю: — В совместном оговоре двух невиновных людей, а также угрозах и попытке подкупа чиновных лиц.

— Каторга, — подвёл итог предзвенник, записывая мои слова. — Лет десять, самое меньшее. Всё будет зависеть от того, кто выступит заявителем.

— Заявителем?

— Ну да. — Киф привычно почесал свой длинный нос. — Можете выступить вы. Может выступить охотник. А может...

— Я бы не хотел лишний раз тревожить судейские власти, — сказали у меня за спиной.

И хотя говоривший не обладал внушительным голосом и не вложил в свои слова каких-то особых чувств, и Нелин и Лорин вздрогнули, как будто из двери отцовских покоев вдруг вырвался ледяной зимний ветер. Признаться, и мне стало немного неуютно. Ровно до того мгновения, пока я не повернулся и не встретился взглядом с Гуэром Певено.

Тёмные тёплые угольки. Никогда ещё не видел таких глаз. Если их огонь не напускной, а спокойствие старика как раз убеждает в этом, глава рода Певено проживёт ещё очень долго на этом свете. К несчастью своих дочерей, родной и названной.

— Вы не станете заявлять на них?

— Нет, эрте Смотритель. И вас попрошу этого не делать.

— Но...

— Есть много других способов воздать каждому по заслугам. — Старик подошёл ко мне, опираясь на посох куда более массивный, чем у Корина, и при этом держа его легко, как тростинку. — Не знаю, что попутало их разум... И не хочу знать. Но они принесут больше пользы, будучи отправленными в Дом смирения, где смогут трудиться на благо Дарствия, искупая свои грехи.

Лица обеих женщин побледнели.

Дома смирения. Они похожи на тюрьму невозможностью выхода на волю, на каторгу — ежедневным трудом, но всё это сопровождается молитвами и наставлениями, прекращающимися лишь на краткие часы сна. Говорят, даже один год пребывания в подобном заведении сводит человека с ума. Вернее, вкладывает в его сознание покорность и свободу от желаний. Каких бы то ни было.

— Отец, вы не можете... — попробовала возразить Нелин.

— Могу. Но что гораздо важнее, хочу. Ты отправишься туда первой, а она... — Узловатый палец старика указал на испуганно притихшую аленну. — Как только разрешится от бремени. Роду нужен наследник.

— Отец...

— А сейчас вас обеих следует запереть покрепче.

— Думаю, эрте Иттан знает удобное и подходящее для этого место, — рассеянно предположил я.

Охотник усмехнулся и, взяв под локоток обеих преступниц, даже не подумавших сопротивляться, повёл их по направлению к тому погребу, где морозили его самого.

Гуэр Певено начал медленно спускаться по лестнице, на ходу то и дело подбирая полы домашней мантии, расшитой семейными гербами, но тусклая вышивка так и не позволила мне разглядеть рисунок.

Киф закончил запись, захлопнул папку, посмотрел на куклу, из разъехавшихся швов которой уже выползало сено, обернулся ко мне и спросил:

— Может, снова позвать служанок? Всех троих? Я уж поднатужусь, не сомневайтесь!

***

Хозяин поместья подтвердил, что не имеет ни малейших возражений против фантазии моего помощника, но предложил нам для начала отобедать, и мы охотно согласились, тем более часы на башне пробили полдень. И хотя для обеда было ещё рановато, есть хотелось зверски. Наверное, завтрак не пошёл впрок. Сам Гуэр Певено к нам не присоединился, сославшись на необходимость начинать приготовления к отправке дочери в Дом смирения и прочие сопутствующие дела, поэтому в трапезной оказались только я, Киф и охотник.

— А вы молодец, — сказал предзвенник, закончив уплетать мясной пирог, сочащийся крепким бульоном. — Справились с первым же делом, да ещё как!

— Первым? — переспросил охотник, недоумённо косясь в мою сторону.

— Ну да, — продолжил Киф выдавать чужие тайны. — Эрте только-только назначили Смотрителем в Блаженный Дол.

— Вот как? — хмыкнул Иттан.

— Ага. Там, правда, поспокойнее.

— Ты и здесь обещал мне милую прогулку.

— Простите, проштрафился! — Предзвенник шутливо втянул голову в плечи. — Кто ж

мог подумать? А мне выслуга так и так нужна... Кстати, о ней, родимой!

Он смёл тарелки в сторону и раскрыл передо мной папку, в которой лежал лист плотной бумаги с серебряным обрезом.

— Вот, зачитите и, если всё верно, поставьте свой знак.

Строчки выглядели достаточно ровными, но всё же не так, как полагается в документе, вышедшем из-под руки умелого писаря. Впрочем, у меня получилось бы ещё корявее, потому что последнее время перо приходилось держать в пальцах очень редко.

«Решение по случаю в поместье Мейен, дня семнадцатого весны года 735 от обретения Логаренского Дарствия.

Принято в день восемнадцатый после проведения подробнейших изысканий.

Случай: скоропостижная смерть Корина Певено со-Мейен, первого наследника рода.

Обстоятельства: падение с лестницы.

Путём изысканий установлено: погибший упал по причине собственной неосторожности, случившейся от расстройства чувств.

Решение вынесено Ханнером Мори со-Веента, Смотрителем Блаженного Дола, что сим и удостоверяется».

Вот так. Несколько скупых фраз, за которыми не видно трёх загубленных судеб.

— Да, всё верно.

— Тогда приложите руку.

— Как?

Предзвенник вздохнул:

— Уж я бы тому, кто вас сюда отправлял, много хорошего сказал... Почему было не научить хоть этому?

Было бы любопытно взглянуть на разговор Кифа и золотозвенника. Правда, ему всё равно не суждено состояться.

— Положите ладонь на знак Смотрителя и слегка сожмите его, как камень, который вы собираетесь бросить.

Жучиная спинка была прохладной и гладкой на ощупь, но, едва мои пальцы попробовали надавить на неё, в кожу вонзились десятки крохотных иголок.

— Вы уж потерпите немного, — попросил Киф, заметив моё недовольное недоумение. — Так, а теперь приложите руку вот сюда, в самую середину листа. И прижмите посильнее.

Я сделал так, как мне указали. Боль от уколов тут же прошла, а вот оторвать ладонь от бумаги оказалось довольно сложно: она словно оказалась склеенной с листом. Чем-то вроде порталной слизи.

— Осторожнее, осторожнее! Всё, готово. — Предзвенник помахал бумагой в воздухе, потом, видимо для верности, ещё и подул. — Теперь в этом решении не может быть изменено ни единой строчки.

Я всмотрелся в возвращённый мне документ.

Там, где моя рука касалась листа, на бумаге отпечатались кровавый рисунок, повторяющий контуры рукояти кинжала с глазом в перекрестье, а от него во все стороны расплзлись малоприметные, чуть поблёскивающие бесцветные дорожки, опутавшие строчки букв затейливой сетью.

— Вручите потом бумагу хозяину дома. А я... — Киф мечтательно вдохнул полной грудью. — Мне бежать пора: других дел по горло, а то уже и выше понабралось.

Я отстранённо подумал, какие такие дела могут быть у предзвенника, кроме зубрёжки уроков и подготовки к экзаменам, но спросить не успел, потому что мой длинноносый помощник суетливым сквозняком вылетел из трапезной. Охотник проводил торопыгу добродушным, разве чуть насмешливым взглядом и взялся за край стола.

— Да и мне засиживаться некогда.

Один я, что ли, могу до вечера протирать здесь штаны? Хотя... Пока мне не скажут, в каком направлении отсюда Блаженный Дол, или рукой не покажут, всё равно не знаю, куда двигаться. Вот только у кого бы спросить?

— Давненько я не вставал на ноги так рано поутру, — с искренним недоумением, но одновременно и с закономерной гордостью признал Гуэр Певено, входя в трапезную. — Устал с непривычки, однако... — Тут он воздел вверх указующий перст. — Нет времени отдыхать. Это вам, молодым, можно часок-другой предаться безделью, а мне каждую минуту приходится вырывать из глотки у вечности.

Судя по бодрому виду старикана, вечность не досчитается ещё многих своих зубов. Странно и удивительно, но череда неприятных и скорбных событий словно вдохнула новую жизнь в хозяина дома. Тут поневоле задумаешься, что нужнее для воскрешения воли: благодное счастье или роковой удар.

— Не так уж мы и молоды, эрте, — ответил я за себя и охотника.

Гуэр Певено шутливо погрозил пальцем:

— Вот когда сравняетесь со мной годами, тогда и поговорим! Да, за разговорами всё время забывается главное... Эрте Смотритель, что предпочитаете откусывать за ужином?

Я всё ещё остаюсь желанным гостем в этом доме? Спасибо. Но главное достоинство любого гостя — умение вовремя уходить, оставляя хозяев в покое.

— Простите, но ужин я хотел бы откусывать в другом месте, эрте.

Старик вопросительно приподнял брови.

— Не знаю, ждут ли меня в Блаженном Доле, но раз уж я отправился в путь, неплохо было бы его закончить. Здесь ведь недалеко?

— Почти рукой подать, — согласился хозяин дома. — Ну раз так... Я отправляю слугу в ту сторону, и до развилки он вас доведёт, а там уже совсем близко, да и дорога подсохла, ноги не натrudите.

— Благодарю.

— Йерте, йерте! — На пороге трапезной появилась запыхавшаяся служанка.

— Что, милая? — с отеческой заботой спросил старик.

— Там с города прибыли! Цепной тамошний. Говорит, по заявлению.

Гуэр Певено непонимающе моргнул и посмотрел на меня. Я ответил столь же растерянным взглядом.

— Пусть идёт сюда, — решил хозяин дома, и спустя пару минут порог переступил высокий, но давно уже не жилистый мужчина, с груди которого, когда дорожный плащ упал в ловко подставленные руки слуг, сверкнуло серебро.

— Сепе Дожан со-Дилл, Малая цепь изысканий города Лито.

Где-то я уже слышал часть этого имени. Должно быть, из уст предзвенника.

— Чему обязаны, эрте? — спросил старик.

Сереброзвенник вытянул из-за широкой манжеты помятый листок, развернул, сначала пробежал взглядом, а потом зачитал:

— На рассвете поступило заявление о смерти, произошедшей в поместье Мейен. Слуга,

прибывший с вестью, сообщил, что хозяева настаивают на скорейшем проведении изыскания.

— Ах да... — кивнул Гуэр. — Благодарствую за службу, но всё уже разрешилось. При любезном участии вашего соратника.

Я вылез из-за стола, подошёл к Дожану и протянул ему решение, скреплённое жучиной слизью. Сереброзвенник внимательно осмотрел бумагу, перевёл взгляд на Смотрительский знак, переползший с моей груди поближе к плечу, и, несмотря на явное разочарование, улыбнулся:

— Ну что поделать, если тебя опережают? Только порадоваться за быстрые ноги и поблагодарить за исполненную службу.

— Со мной был ваш человек, эрте. Он тоже заслужил добрых слов.

— Мой человек? — Можно было предположить, что Дожан не на шутку удивился.

— Да. Киф Лефер со-Литто, предзвенник. Он вёл все записи и составил эту бумагу.

Сереброзвенник вновь всмотрелся в старательно выведенные строчки.

— Сделано по правилам, без изъянов, — наконец признал он. — Но я не помню в своём подчинении человека с таким именем.

Иногда неожиданное известие, переворачивающее привычный ход событий с ног на голову, сравнивают с ударом молнии. Раньше я почитал этот речевой оборот всего лишь красотой, но сейчас прочувствовал его точность в полной мере. Молния, и ещё какая! Даже уши подожгла. Нет-нет-нет, надо срочно начать отступление!

— Впрочем, не буду утверждать, что его звали именно так. Мне было не до запоминания имён.

Дожан подумал, глядя на жучиную спинку, и кивнул. Видимо, поддельным мог быть кто угодно, только не Смотритель.

— Вы впервые в наших краях?

— Да. Прибыл вчера ближе к вечеру. А утром меня застало это заявление и...

— Из огня да в полымя? Понимаю, — хмыкнул он. — Вы могли не принимать его, но раз уж приняли, да ещё так быстро разобрались, что к чему, скажу спасибо ещё раз. — Потом сереброзвенник повернулся к хозяину дома: — Я сделаю запись о решении в архивной книге. Вы позволите моему помощнику снять копию?

— Разумеется, эрте, разумеется! Вы можете расположиться прямо здесь, к тому же обед ещё не остыл, — расплылся в коварной улыбке Гуэр Певено.

От доброй трапезы не откажется никто, будучи в здравом уме, вот и Дожан, не дожидаясь более внятного приглашения, направился к столу.

— Я присоединюсь к вам, но чуть позже, — пообещал старик. — Только закончу необходимые дела.

— Доброго дня, эрте. До будущих встреч.

Сереброзвенник кивнул, не отрывая взгляда от тяжёлого подноса в цепких руках приближающейся к столу служанки, я также заменил поклон неопределённым кивком, на том и расстались.

Телега была уже запряжена, слуга ждал только повеления господина. Наконец дождался и, с показным старанием запоминая, залез на козлы, хлестнул поводьями влажный от всё ещё сыплющейся с неба мороси лошадиный круп, а минутой спустя стало понятно, что трясти будет столь же немилосердно, как и в коляске, зато можно растянуться во весь рост, а там, дай Бож, ещё и задремать удастся.

— Эта колымага выдержит ещё одну задницу? — спросил охотник, выступивший на дорогу из тени замковых ворот.

— Да уж садитесь, всё равно пока порожние едем, — разрешил возница, хотя и с явной опаской посмотрел, как Иттан со-Логарен одним ленивым прыжком заскакивает на телегу.

— Не помешаю вашим глубоким думам?

Ещё и язвит. Ни о чём я не думаю. Ну, по крайней мере, глубоко.

За оградой поместья стену мороси разорвало плотным ветром, и я снова любопытствующе поднял взгляд к щиту, висящему над воротами. На гербе рода Певено высился неприступный утёс посреди равнины, окаймлённый девизом: «Один перед миром». Какие правильные слова... Они и на меня сели бы как влитые.

Кто же ты такой, длинноносый непоседливый Киф Лефер? Теперь, когда никто и ничто не заставляет меня принимать решения, я вспомнил язык, на котором говорили твои пальцы, скользящие по посоху, как по струнам. Теперь мне стало понятно, почему строчки букв, выведенные пером в твоей руке, всё время норовили сорваться в шкодливый танец. Ты не писарь, Киф, а вот с оружием управляться умеешь. И ты вполне мог справиться с теми верзилами, ведь верно? Но даже не подумал предупредить меня о своих талантах и возможностях, не подал ни единого знака, вместо того заставляя судорожно искать спасение из разверзшейся под ногами ловушки.

Впрочем, я сам виноват. Сглупил. Беспечно перенёс собственный опыт на незнакомого человека и решил: у меня тоже есть сопроводитель. Хорошо, что жизнь открыла мне глаза раньше, нежели подставленной удару оказалась беззащитная спина. Открыла, чтобы я вдруг обнаружил помощника совсем в другой армии.

— Я ещё не успел вас поблагодарить.

Охотник, равнодушно следящий за кромкой леса, ползущей за телегой где-то в миле от дороги, махнул рукой:

— Да не за что.

— Вы очень помогли мне.

— Я обычно всегда делаю то, что не составляет для меня труда.

Значит, схватка у подножия лестницы тоже была безделицей? Пусть так. С другой стороны, даже лучше, если он не считает свои действия бесценными. Счетов выставить не будет.

— Почему вы оставались в поместье всё это время?

Он улыбнулся, всё ещё не отрывая взгляд от леса:

— Поняли, да?

— Трудно было не понять.

— Хотите услышать честный ответ?

— Не откажусь.

— Я хотел посмотреть на вас поближе.

Разве я девица на выданье, чтобы меня разглядывать?

— Почему?

— Вы слишком молоды для своего чина. Прошлый Смотритель Блаженного Дола был старше лет на двадцать, когда здесь появился, а то и поболее. Только без обид, хорошо? Я знаю, что прожитые года ещё не обещают, что их обладатель успел набраться ума. Но всё же они дают кое-что дороже заученных знаний.

Да. Опыт. У меня его очень немного, увы: служба сопроводителя не баловала

разнообразием заданий и поручений. Я всего лишь смотрел, смотрел, смотрел, ожидая неперменного приказа, на который давно был заготовлен нужный ответ.

— Намекаете, что я совершил ошибку?

Иттан снова скривил губы, но по-прежнему беззлобно:

— Те девицы. Вы ведь могли отправить их в суд, а там кто знает... Приговор мог получиться и мягким.

Что ж, возможно. Над беременной уж точно бы смилостивились.

— Мне показалось...

Вот теперь он повернул голову, и в карих глазах я увидел укор.

— Вам было непросто, могу представить. Первый раз решать чужую судьбу всегда трудно. Это забирает почти все силы, что имеются. Вы устали и ухватились за возможность скинуть груз.

Он не спрашивал, а если бы и спросил, я всё равно не нарушил бы молчание. Устал? Наверное. Голова уж точно гудела от непривычной работы.

— Я не должен был давать женщин на откуп старику?

Иттан даже не попытался делать вид, что задумался:

— Вообще-то вы могли делать всё что заблагорассудится. К примеру, могли согласиться меня повесить. — Его голос прозвучал так беспечно, будто охотник не возражал сломать шею в верёвочной петле.

— А вы бы согласились?

Он рассмеялся:

— Думаю, что нет. Хотя...

Это многозначительное «хотя» мне не понравилось. Наверное, потому, что после того крохотного представления я подспудно ожидал теперь от охотника за демонами любого действия, выходящего за границы моих представлений о мире. Он остался, рискуя жизнью, только чтобы посмотреть на творимые мной глупости? Не поверю ни за что. Разве только... Никакого риска для него не было. Даже в случае повешения.

— Меня не умиляют женщины в тягости.

— Это я заметил, — подтвердил Иттан. — А знаете почему?

— И почему же?

— Потому, что они носят не ваших детей. Вот будете ожидать собственного наследника, всё изменится. Увидите!

И детей я не люблю. Чужих. Ещё одно вычитание из суммы достоинств. А осталось ли от неё хоть что-то?

— Да я бы тоже тех девиц не пощадил, не думайте.

А такое признание к чему ещё?

— Зачем вы говорите об этом?

— Затем, что сколько людей, столько и будет ответов на один и тот же вопрос. Только вы всегда особняком стоять будете. Вот как тот утёс на щите.

А он наблюдательный. Заметил мой интерес к гербу Певено.

— Не знаю, как в столицах, а в наших краях слово Смотрителя всегда последнее. Что скажете, то и услышится. — Карие глаза подмигнули, и охотник, ещё мгновение назад расслабленно развалившийся в телеге, уже шёл рядом с ней. — Здесь наши дороги расходятся, так что позвольте откланяться.

Дороги? Я вижу только одну, по которой, переваливаясь с колеса на колесо, едет телега.

— Будет случай, ещё свидимся. А насчёт благодарности...

Всё-таки не смог упустить шанс? Ну ничего, зато так он стал живее и понятнее для меня. Пусть и не особенно хочется платить по счетам.

Иттан со-Логарен надвинул капюшон, пряча разноцветные волосы от порывов любопытного ветра, и шагнул к обочине, бросив напоследок:

— Прибережём её на тот час, когда постучусь в вашу дверь и скажу: нужна помощь.

Звено четвёртое

Где-то...

Мой наставник, давно уже присматривающий за небесными разгильдяями в свите Бога или убажачающий слух Боженки мудрыми беседами, всегда настаивал на том, что промедление в делах приводит к ускорению бега жизни. Проще говоря, каждую остановку мыслей или тела сравнивал с маленькой смертью. А смерть и жизнь, как известно, испокон веков враждуют между собой, так что, когда человек медлит, он прибавляет силу одной из убеждённых противниц. И уж конечно не самой достойной. Правда, с другой стороны, тот же наставник временами вскользь замечал, что торопливость сродни глупости...

Так он и ушёл в лучший мир, не оставив мне точного рецепта снадобья на все случаи жизни. Пришлось разбираться самостоятельно. Хорошо ещё, что я могу позволить себе остановиться там, откуда другим людям нужно бежать со всех ног и без оглядки.

Значит, у Блаженного Дола всё же появился новый Смотритель? Отрадно. Уж слишком долго дарственники тянули с назначением, так долго, что ожидание начало перерастать в тревогу. Не дело, когда люди и земли остаются без присмотра даже на седмицу, а тут место отца всея Дола пустовало аж с прошлой осени. Сколько шалостей успели натворить неприкаянные детки за это время? Представить и то боязно.

Но почему же так тягомотно выбирали-судили-рядили в столице? Увязли в череде неотложных и первостепенных дел? Думается, попросту забыли о кончине старого Смотрителя, а когда спохватились, нужно было вписывать в назначение чьё-то имя, и очень быстро. Что ж, решили. Выбрали. Только, похоже, близко к парню не присматривались.

Нет, в голове у него водятся и знания и умения. В конце концов, не ребёнок. Но, Бож терпеливый, ты-то куда смотрел? Он же не человек. И хорошо, если пока, а не вовсе. Кукла. Кто за ниточку потянет, тот и заставит танцевать. А то и, если силы побольше приложит, разорвёт на разные части.

Этот новорождённый Смотритель легко найдёт в себе упрямство пройти по назначенной тропке от начала и до конца, но, оказавшись на перекрёстке, не знает, куда шагнуть дальше. Словно давным-давно из его головы взяли да и выбили вместо дури всю волю. До крошечки. Скажут, что делать, — он делает. Не скажут — ждёт приказа. Видно, в столице совсем очумели, если выбирают не глядя. Хотя Боженка с ним. Пусть лучше будет такой Смотритель, чем вовсе никакой: найдётся кому и за ним присмотреть. Но вместе с рано поседевшим парнем появился вопрос, над которым и не хотелось бы, а надо задуматься.

Как он прошёл мимо Сева?

Как ему удалось?

Повезло?

Помогли?

Он ведь переполнен желаниями всех мастей. Может, каждое из них по отдельности не особенно сильно, зато, когда их голоса сливаются в единый хор, можно оглохнуть, если попробовать прислушаться.

Он хочет, но и сам не знает, чего именно. Или никак не решается выбрать единственное желание и отдать ему всю свою страсть. Хотя... А вдруг именно это его и спасло? И да-йин, оказавшийся рядом, попросту замешкался, заметался, впервые за свою бесконечную жизнь встретив в одной душе десятки равноярких желаний?

Да, наверняка так и случилось. Но как бы то ни было, демонов в парне нет, чувствую яснее ясного. Следующий Сев пройдёт не раньше чем через двадцать лет, и уж тогда, если новоиспечённый Смотритель всё же справится с неразберихой в своём сердце, сам позабочусь о том, чтобы эта добыча в лапы демонов не попала.

Здесь...

Ньяна распахнула оконные створки и вдохнула ещё не успевший подняться к небу туман. Тёплый, сочный, утоляющий жажду лучше чем любая вода. Вдохнула поглубже, как люди говорят, полной грудью...

Да уж, полнее не бывает. Женщина невольно опустила взгляд, вздохнула и предпочла снова посмотреть на жемчужное мерцание, ещё окутывающее невесомым покрывалом деревья с только-только начавшими набухать почками.

Весна шагает всё быстрее. Не успеешь оглянуться, а она уже войдёт на двор, похозяйски выметет паутину из сонных голов, встряхнёт за шкуру, потянет веки в разные стороны, залиvistым смехом зазвенит в ушах. А потом непременно настанет лето, жаркое и слепящее взгляд радугой цветов. Но к тому сроку, как оно воссядет на трон, взоры, прояснённые весной, уже по привычке к буйству красок, и никто не заметит пересечённого рубежа.

Никто, кроме Ньяны, от которой предстоящее лето было отделено оврагом окончания старой жизни. Жизни, которую хотелось бы забыть, как страшный сон.

Женщина ещё раз взгляделась в туман, медленно расползающийся в стороны от робких пока солнечных лучей. Нет, ей не показалось. Скоро, совсем скоро Дол зазеленеет. Осталось немногим более месяца или около того на всё про всё. И надо же было Боженке смилостивиться настолько, чтобы подарить немного покоя как раз на последнем перепаутье! Ещё с прошлой осени не нужно каждый день с утра пораньше бросать дом и племяшек на произвол судьбы, отправляясь исполнять службу. Хотя чего греха таить, усопший Смотритель был уже так стар, что и сам не спешил браться за работу, если она того не потребует со всей строгостью.

Эрте Ловиг. Забавный сухонький старичок. Сколько годков отстучало его сердце, когда Ньяна приняла самое важное решение в своей жизни? Должно быть, уже за семьдесят. Но он всё равно до самой смерти оставался бодряком и затейником. Весь Дол любил его и почитал, как своего общего дедушку. А главное, старался не утруждать больше необходимого ни Смотрителя, ни его защитницу.

Женщина улыбнулась, вспоминая семь лет, слившиеся в один день, ясный, погожий и добрый. С Ловигом всегда было интересно. Он столько всего знал и умел... Многое из того, что старичок делал, Ньяна не понимала, да и не старалась понять, ведь её делом было всего лишь хранить Смотрителя в целостности и безопасности. Впрочем, ни первому, ни второму ничто ни разу так и не погрозило. И слава Богу!

Ньяна не любила кровь. Даже точно знала день и час, когда будничное равнодушие к красной жидкости, питающей плоть, сменилось отвращением.

То был всего лишь обвал. В горах они часто случаются, правда, никогда без причины, но что или кто стал виновником появления каменного потока, обрушившегося на деревню, так и не выяснили. Перемолотым оказалось всё. Дома. Земля. Изгороди. Скот. Люди. Уцелела лишь горстка жителей Тарки, в том числе Ньяна и двое её малолетних родственников. Да и самой Ньяне было тогда всего шестнадцать. До свадьбы оставался ещё целый год... До так и

не состоявшейся свадьбы.

Он тоже погиб под теми завалами. Возлюбленный. Жених. Она заставила себя забыть его имя. К чему скорбеть над неслучившимся? Да и над случившимся тоже, как сказали ей приехавшие на место обвала дарственники. Надо возблагодарить Бога и Боженку, а потом отправиться по жизни дальше. Куда именно? Всегда найдётся кому показать путь, если сам не знаешь. Один из сереброзвенников, пожилой мужчина с колючими глазами, предложил ей послужить на благо Дарствия. Почему он выбрал её из прочих, так и оставалось для Ньяны загадкой, но слишком долго сирота не раздумывала: нужно было позаботиться о племяшках, да и о себе, а дарственная служба сулила пристойное жалованье. Хотя бы на семь лет.

Из угла с детскими кроватями послышался скрип. Должно быть, Улле опять снится дневная беготня. Надо будет сегодняшним вечером заварить медовый настой погуще, чтобы спалось крепче и слаще. Ньяна подошла поправить сбившееся одеяло, но не удержалась, ласково провела ладонью по золотистым кудряшкам. Красавицей станет, видит Бож. От женихов отбоя не будет лет через шесть. Правда, к тому времени у племянников кроме тёти появится ещё и дядя.

Женщина снова улыбнулась. Дядя. Он-то сам на себя такую роль пока не примерял. Хотя и не откажется, уж это-то точно!

Когда раздался осторожный стук в дверь, мечтательница не отставила в сторону мысли о будущем. Этого не требовалось, потому что тело само выполнило всю работу: чередуя неуловимое сознанием напряжение и расслабление мышц, перенесло хозяйку дома к входной двери быстрее, чем иной человек успеет моргнуть. Сначала Ньяну подобное проворство удивляло и пугало, но она скоро привыкла и даже обрадовалась, что не нужно много задумываться о всяких непонятных вещах вроде той, как обезоружить или обездвижить противника, поскольку тело справлялось и без участия разума.

— Не спится? — сурово спросила Ньяна, приоткрывая дверь, и парень, стоявший у порога, растерянно приподнял брови:

— Так я же с заставы иду. Только сменился.

Ньяна улыбнулась. Конечно же, для неё не было секретом, что Довин возвращается домой после полудневного бдения на граничной заставе. Только мудрые жёны знают: мужа время от времени нужно держать в строгости. Особенно будущего.

— А разве к твоему дому не короче по другой стороне Дола идти?

Довин смутился, однако новость, которой он хотел поделиться с Ньяной, была важнее многих чувств. Даже любви.

— Тут такое дело...

— Какое?

— Смотритель новый пришёл.

Ньяна взволнованно задержала дыхание. Ну что за невезение! Всего ведь ничего до лета осталось, раз уж столько времени никого не присылали, не могли ещё чуть-чуть подождать?

— Ты уверен?

Парень кивнул с самым серьёзным видом:

— Знак у него был. Я сам видел.

Против знака не поспоришь. Женщина вздохнула, покосившись на почти забытый и брошенный ларь. Ох и не хотелось его открывать снова, да только она своей судьбе не хозяйка. Пока весна через середину не перевалит.

— А какой он из себя?

Не то, чтобы Ньяне было любопытно, хотя, как и всякая женщина, она не гнушалась сплетен. Ясно, что второго Ловига в одной жизни не появится. Но может быть, новый Смотритель будет хоть чуточку похож на того милого старика? Однако надежды оправдались не полностью.

— Пошире того, что был. Повыше. Хотя кряхтит и хромает, словно совсем немощный.

— А лет ему сколько?

Довин задумался:

— Откуда ж я знаю? Пегий весь, это я видел. Пегий да перекошенный. И ходит еле-еле. Но уж помоложе нашего прошлого будет.

Ньяна усмехнулась: быть помоложе эрте Ловига несложно. Хотя и тот наверняка был назначен в Блаженный Дол не в глубокой старости... Однако чем старше новый начальник, тем спокойнее.

И она вознесла благодарственную молитву небесам. А там уж кто из двоих местных жителей услышал, неважно.

И сейчас...

Съестного в доме не было ничего. Ни крошечки.

Походило на то, что здесь давным-давно уже никто не жил, а рачительные соседи разнесли всю имевшуюся провизию по своим хозяйствам, дабы и добро не пропадало, и дурные запахи вместе с гнилью не появились. Что ж, своего эти заботливые люди добились: в комнатах не пахло ничем. Или, наоборот, пахло ничем, что в общем-то одно и то же. Однако в доме всё же присутствовало нечто дававшее даже не надежду, а твёрдую уверенность: кормить меня будут. Нечто было большим, расплзшимся в стороны, как перебродившая опара, и ослепительно-белым.

Печь. Таких я не видел никогда в жизни, потому что в городе предпочитали согреваться жаровнями или жаркими объятиями, а если нет в избытке ни того ни другого, то теплом, поднимавшимся по дымоходам с нижних этажей — обиталища кухарей и прочей прислуги. Да и в родительском доме ничего подобного не было, разве что драконья пасть камина в главном зале, но в неё обильная дровяная пища попадала только по дарственным празднествам и важным для моей семьи дням. Кстати, о пище...

Осмотр кухни вверх мой желудок в уныние, но свежий после продолжительного сна взгляд заметил прорезь люка под половицами. Подпол? Несомненно. Там всегда прохладно и сухо, самое удобное место для хранения продовольствия. Впрочем, торжество наполняло меня недолго. Ровно до того момента, как я запалил свечу и спустился по чахлой лестнице вниз.

Да что они, совсем полоумные тут? Выметено чисто-чисто, ни мешка, ни окорока, ни колбасной ниточки! Мой предшественник постарался? Тогда с него станется. Но как давно он отсюда съехал? Совсем ведь не осталось запахов, ни наверху, ни внизу, — значит, проветривали. С другой стороны, сырости тоже не чувствуется, стало быть, открывали дом не по морозцу, а ещё в тёплое время, скажем, не позже середины осени. Что же получается? Место Смотрителя пустует уже так давно? И куда же, интересно, смотрели столичные Звенья? А может, должность не столь завидная, как кажется, когда слушаешь чужие рассказы?

И всё-таки чудо свершилось. Как раз такое, что мне и полагалось. Маленькое, засохшее,

спрятанное в самом тёмном углу подпола. Горшочек с парой ложек засахарившегося мёда на дне. Впрочем, в моём нынешнем состоянии что-то сладкое, а особенно разведённое в воде, было предпочтительнее всего прочего.

Вода, слава Богу, присутствовала в избытке. Рядом с одной из кухонных стен, той, что выходила на улицу, а не в дом, из пола каменным полураскрывшимся бутонем вырастала чаша, вызывающая в памяти картинки столичных питьевых фонтанчиков, но куда более глубокая и широкая, да к тому же наполнявшаяся каким-то иным образом, нежели летняя отрада городских гуляк.

Поверхность воды, чуть желтоватой, но не мутной, а скорее золотистой, стояла на один палец ниже края чаши и, когда я наполнил глиняную кружку, сначала опустилась, но вскоре вновь вернулась в прежние границы. Должно быть, подножие чаши было соединено с неким источником, да так ловко, что питьевые припасы никогда не иссякали. Впрочем, эта странность, пока не нашедшая объяснения, занимала меня меньше, чем другие, расставшиеся с завесой тайны.

Я подвинул один из табуретов к кухонной полке, заменяющей стол, уселся и, пока настойчиво помешивал сладкое питьё, чтобы до конца растворить медовые крошки, невольно начал перебирать в мыслях воспоминания о прошедшем вечере, заставившем сделать несколько неприятных выводов.

Во-первых, следовало дать поправку на местные меры расстояний. Легкомысленное «рукой подать» означало почти полудневное путешествие сначала на телеге, а потом пешком по проезжей, но от того и не слишком ровной дороге. Хотя, к слову сказать, и чрезмерно разбитой она не была: судя по следам колёс, здесь за день можно было встретить пару телег, не больше. Но после зимы подсыпкой и прочими премудростями, видно, никто ещё не занимался, а потому каждый кусочек причудливо извивающейся колеи был заполнен водой. В конце концов пришлось сойти на обочину, что и уберегло меня от купания в холодной жидкой грязи, когда остатки зелий мастеров Цепи одушевления дружно покинули моё тело.

А это будет как раз «во-вторых». Ни одна сволочь ведь не предупредила, нарочно или неумышленно! Шутники Боженковы... Только мне было не до смеха, когда на очередном шаге все мышцы вдруг превратились в текучий кисель, и я безвольно осел на усыпанную мелкими камешками землю. Потом все ощущения вообще пропали, словно ни рук, ни ног, ни всего прочего у меня больше не было. Правда, вместе с тем не было и боли, хоть за это спасибо. Я лежал, глядя в серое небо, постепенно заволакивающееся туманной дымкой, ждал развязки, хоть какой-нибудь, и... думал, потому что ничего другого делать всё равно не мог. Думал в основном нецензурно.

Да, и о смерти тоже приходила мысль. Но здравый смысл сразу заявил: не было никакой надобности отправлять меня умирать за тридевять земель. А золотозвенник не мог не знать, как я буду себя чувствовать в минуты окончательного прощания со... службой. Зато теперь мне хорошо известно, что такое дарственная служба на самом деле! Огромные и безжалостные жернова, перемалывающие любого попавшего в них человека. Жернова, выжимающие из тебя все соки. А оставшийся жмых, ни на что уже не годный, попросту выбрасывается вон. И тут уж можно лишь молиться и надеяться на милость кого-то, кто тебя подберёт. Разумеется, подберёт не из чувства сострадания и человеколюбия, а чтобы выжать последнюю капельку того, что в тебе осталось.

Часть 4.2

Лежал я, наверное, около часа или больше, пока лёгким покалыванием ощущения не начали возвращаться вместе с холодом и ноющей болью в тех участках плоти, которым довелось при падении повстречаться с особенно острыми камешками. А раз на жизнь ничто более не покушалось, захотелось поскорее разогреться и разогнать застоявшуюся кровь по венам, но первый же тренировочный перекат, один из самых простых, памятный ещё по начальному году обучения, убедительно показал: о прошлом следует забыть, и как можно быстрее. Вернее, о победах прошлого, потому что сами по себе движения я мог повторить и теперь. Только совсем в другом ритме.

Нет, обиды не было. Собственно говоря, не было времени обижаться, ведь следовало поскорее привыкать к новому тону беседы с миром и собственным телом. Вот за что можно было искренне поблагодарить наставников, так это за науку «Вхождения в обстоятельства», одну из немногих, казавшуюся в годы обучения особенно скучной, зато, как выяснилось, намертво впечатавшуюся в мою память.

Можно сделать шаг такой, а можно и эдакий, но тогда связки напрягутся сильнее, стало быть, и сил на движение потратится с ненужным избытком.

Можно прогнуться меньше, можно прогнуться больше, но, как только точка, на которую вес тела давит сильнее всего, перемещается вон за ту вполне уловимую границу, с равновесием можно попрощаться.

Можно совершить оборот и плавно и резко, но нужно строго следить за тем, чтобы зрение успевало вернуть себе сосредоточенность в нужном направлении раньше, чем тело, иначе голова начинает кружиться.

Можно...

Всё можно, если действовать осторожно, внимательно и не торопиться, изучая пределы возможностей, оставшихся в распоряжении тела. Впрочем, куда торопиться? Времени у меня достаточно. Вся новая жизнь.

Мёд оказался вкусным. А растворившись в воде, наполнил кухню ароматом цветов, правда, слегка увядших, а не только что срезанных. Жук, унюхав то же, что и я, слетел с моей груди, смешно семенящими шажками подбежал к кружке и попытался встать на задние лапки, чтобы добраться до сладкого питья. Пришлось найти блюдце и разделить трапезу на двоих. Про кормление ведь тоже никто ничего не намекнул... Ну ничего. Постепенно сам пойму, что предпочитает мой многоногий друг.

Я не ждал роскошного приёма, однако зрелище, открывшееся мне утром, чистенькое, пустынькое и безжизненное, на подвиги во имя Дарохранителя и Дарствия не вдохновляло. Дом — едва ли не меньший по размерам, чем жильё, что оплачивал за меня казначей Сопроводительного крыла. Потолки всего на пару ладоней выше моей макушки. На кусочки зеленоватого стекла, чешуёй закреплённые в рамах, домостроители вроде не поскупились, зато количество окон урезали: по крайней мере, на каждой стене легко уместилось бы по два оконных проёма, а вместо того присутствовал всего один. Хотя... Я же не знаю, какие тут зимы. Может, жечь свечи гораздо выгоднее, чем дрова? Точно! Вокруг долины, на которую мне неопределённо указал возница, поднималось некое подобие гор, а значит, местные леса все наперечёт, до последнего деревца. Как и тепло в доме.

Утварь тоже не удивляла и не радовала взгляд ни количеством, ни изысканностью.

Стол, кресло, кровать, сундуки — это в комнате, являющейся одновременно кабинетом и спальней, на кухне и вовсе одни табуреты, а вместо стола длинная широкая полка вдоль стены. Добротная, это да. Коренасто-устойчивая. Даже внушающая нечто вроде уважения своей умиротворённой простотой. Но безлика, как капли воды.

Ни единого следа человеческого присутствия. Ни крошечной зацепки, помогающей понять, каким был мой предшественник. А ведь мне хватило бы всего пары вещей личного пользования, чтобы понять, чем дышал прежний Смотритель... Чтобы решить, как следует себя вести.

За окном неуклонно становилось всё светлее. Должно быть, уходил туман, из-за которого я едва не заблудился и не пропустил граничную заставу, находящуюся на дороге в Блаженный Дол. Хотя назвать заставой то, через что меня пронесли подгибающиеся ноги, было трудно. Так, небольшой домик, почти будка, да два камня по сторонам дороги. Даже если на них и было что-то высечено, в туманных сумерках разобрать надписи не удалось. Как не удалось толком разглядеть и лицо заставного, вышедшего мне навстречу. Зато по голосу парня было сразу ясно: взволнован. Интересно — чем? Меня тут то ли никак не могли дожидаться, то ли не ждали вовсе. Приятнее, конечно, первое, но на правду больше похоже, увы, второе. Ведь в любом сообществе людей всегда есть свой вожак, а ему, как правило, лишние надсмотрщики, с которыми придётся делиться властью, не нужны. Пока не подвернётся какое-нибудь дельце, грозящее запятнать руки и честь.

Питьё закончилось быстро, но своей цели достигло вполне успешно: я немного взбодрился и отправился в новое путешествие по дому. Вчерашнее натягивание на стены и мебель можно было не считать, потому что меня вело желание добраться до постели и растянуться на ней, расслабив тело и разум. А сегодня нужно уже приниматься за работу. Ту, которую за меня никто не сможет сделать.

Хорошо, что посторонних зрителей не было, потому что человек, с полуприкрытыми глазами стоящий посреди комнаты и то глупо улыбающийся, то хмуриющийся в такт своим ощущениям, более всего похож на умалишённого. Однако то, чем я занимался со всей возможной старательностью, являлось крайне полезным действием.

Всякий раз, когда попадаешь в новое, прежде незнакомое тебе место, испытываешь скованность членов и сознания, пока не изучишь всё окружение до малейшей детали и не приспособишься к нему. Одно дело, если тебе нужно всего лишь пройти, пересечь, проскочить, пробежать: тогда можно обойтись беглым осмотром. Но если предписано действовать в новой обстановке время большее нежели пара часов, лучше потрудиться на совесть. Хотя насильно заучивать и запоминать каждую пядь пространства — долгое, а главное, бессмысленное занятие, ведь всё, что находится вокруг, твои глаза уже успели увидеть, значит, и разум уже поставлен в известность. Всё что нужно — лишь позволить ему пройти обратным маршрутом. Сообщить результаты своей работы телу.

Вот там, к примеру, стоит кровать. Непривычно высокая для меня, с упругой, туго набитой периной. Впрочем, будь она рыхлой, задушила бы во сне... До кровати пять шагов от порога, а до стола три шага, только не налево, а направо. Между этими предметами утвари тоже шагов пять или четыре с половиной — как размахнёшься. У изножья кровати к стене притулился сундук, явно предназначенный для хранения одежды, а рядом со столом их аж целых два, один на другом, и тот, что поменьше, скорее всего, прячет в себе бумаги, письменные принадлежности и прочие мелочи, следы пребывания которых явственно читались на затейливо выцветшей полировке столешницы. Половицы пригнаны одна к

другой хорошо, но вон та и та заскрипят, если перенести на них вес всего тела, это определилось ещё ночью, по возвращении с кухни, когда печка сожрала охапку дров и согласилась поделиться теплом со всем домом. Кресло чуть выдвинуто из-за стола, словно мой предшественник покинул комнату не далее как минуту назад, вскорости собираясь вернуться: вчера вечером я стукнулся коленом об изогнутую ножку, сегодня уже не сделаю такой оплошности. Окно смотрит прямо на дверной проём, как и кухонное, а сам проём узковат по сравнению со столичными домами, и не стоит поворачиваться в нём, размахивая руками. Или я со дня прощания с Веентой успел ещё больше раздаться вширь?

Ну вот, с первыми донесениями зрения закончено. Теперь следует обогатить их и закрепить свидетельствами рук и прочих частей тела, а заодно посмотреть, какие сокровища достались мне в наследство. Нет, не любопытство вело меня прямым к припорошенным пылью сундукам. Гораздо громче требовал сунуть нос во все возможные дыры страх, природа которого выяснилась ещё наперед.

Золотозвенник уверял, что я смогу поступать, как заблагорассудится душе или, скажем, левой пятке. Что моё слово будет последним, а значит, главным и решающим в любом споре. И что в моей воле будет и действовать, и равнодушно наблюдать. А как вышло на деле? Вроде все чёрточки и похожи на обещанные, а картинка вырисовывается другая.

Я ничего не решил сам. Почему? Потому, что мне не хватало осведомлённости. Каждый из участников событий знал хоть на кроху, но больше меня. Главное, знал обо мне. Вернее, о Смотрителе. Знал, а потому был свято уверен, что я непременно поступлю неким определённым образом, и в своём поведении отталкивался уже не от происходящего в сей миг, а от этой невидимой мне до сих пор ступеньки! Пока не вскарабкаюсь на неё, буду похож на слепого, тычущегося в стену. Мне нужны знания. Нужны как воздух, вода и пища.

Маленький сундучок оказался не особенно увесистым и не запертым на замок, что меня немного огорчило: там, где нет преград, обычно не присутствуют и важные секреты. Внутри сверху лежала папка в два пальца толщиной с листами бумаги, не все из которых умиляли взгляд чистотой. Впрочем, исписанных оказалось немного, штук десять. Однако сами строки, выведенные старательно и ровно, вызывали... Нет, не вопрос. Напротив, все возможные вопросы пропадали, стоило вчитаться в повторяющийся текст.

«Милостью Дарохранителя и мудростью его я, Ловиг Сенн со-Парна, являющийся назначенным Смотрителем места, именуемого Блаженным Долем, и его окрестностей, заверяю Высокий совет в том, что вверенные моей опеке земли и люди продолжают здравствовать и благоденствовать, как заведено законами людскими и божьими. Писано в последний день весны года 735 от обретения Логаренского Дарствия.»

Угу, последний день весны. Который, вот ведь незадача, ещё не наступил. На следующем листке упоминался последний день лета, потом осени, потом зимы, причём уже года семьсот тридцать шестого, и так далее. Или здесь очень мирная и неизменная жизнь, или тот, кто был Смотрителем раньше, не желал выносить сор из дома. Вернее, из Блаженного Дола. Так какой же ответ принять за правильный?

Впрочем, мне не удалось потратить на размышления, равно как и на дальнейший осмотр содержимого сундука, более ни одной минуты, потому что во входную дверь постучали. Я отправился открывать, одновременно негодуя, что меня прервали на очень важном месте, и немного волнуясь, потому что предстояла встреча с первым из моих, так сказать, подопечных. Если быть совершенно точным, то со вторым, считая заставного, но вчера из меня был не самый лучший собеседник, а вот сегодня... Сегодня я готов.

Вернее, думал, что готов, пока не распахнул дверь и не услышал ласковое:

— Доброго здоровьичка, дедушк...

****

Соломенно-серый взгляд вздрогнул, на мгновение ошарашено впился в моё лицо, удивился, спустился ниже, туда, где топтался, устраиваясь поудобнее после сытного завтрака, жук, и неприятно поскучнел. А следующая фраза, которую я услышал из уст незнакомой женщины, постучавшей с утра пораньше в дверь смотрительского дома, хоть и имела ко мне ещё меньше отношения, нежели первая, самостоятельно расставила по местам вопросы и ответы:

— Ну и олух, прибить его мало!

Да, должно быть, вчерашним вечером я выглядел на пару десятков лет старше, чем в действительности, если заставный — а не возникало ни малейшего сомнения в том, кто стал разносчиком новостей, — принял меня за старика. И он, скорее всего, по недомыслию, нежели из природной вредности или мести, поспешил рассказать... А кстати, почему именно этой женщине? Или она выбрана переговорщиком от всего Дола разом?

Не слишком высокая, но и не маленькая. Ростом примерно мне до уха. Зато шириной... Я невольно усомнился, что она протиснется в дверь, но прищелица двинулась на меня с такой уверенностью и напором, что пришлось отодвинуться и изумлённо смотреть, как пышные формы умещаются там, где я уже немного устал биться плечами.

М-да, даже не все знакомые мне хозяйки колбасных лавок обладали настолько внушительными объёмами. Впрочем, истинная величина становилась заметной лишь в сравнении с той же кухонной мебелью, а вот если бы я встретил эту женщину посреди чистого поля, не сразу бы понял, насколько она упитанна. Наверное, потому что при излишней полноте сохранялись пропорции, наблюдение которых облегчал и непривычный для моего взгляда костюм. В столице женщины так не одевались, предпочитая мёрзнуть под ворохом шуршащих юбок, но не носить что-то более согревающее, чем кружевные штанишки длиной чуть ниже колена. Незнакомка же была одета куда как практичнее и, главное, уместнее по сырой весенней погоде.

Вполне мужские штаны, заправленные в высокие, но, чувствовалось, очень мягкие сапоги. Длинная рубашка из полотна, похожего одновременно на шерсть и лён, подпоясанная разноцветным плетёным шнуром, а сверху что-то вроде кафтана, доходящего примерно до колен, подбитого и отороченного коротко стриженным мехом. Впрочем, кафтан тут же полетел вниз, на один из табуретов, в сопровождении укоризненного:

— А натопили-то... Так на вас дров не напасёшься.

— Слишком жарко?

Мне не ответили: незнакомка занялась переключиванием содержимого принесённой ей корзины на кухонную полку, и в воздухе запахло...

Еда! Настоящая!

— Вы уж простите, йерте, что я вас дедушкой назвала.

Если честно, сейчас я был готов простить светловолосой пышечке всё что угодно, только бы поскорее впиться зубами в один из дивно пахнущих пирогов, однако то, как похозяйски действовала женщина в смотрительском доме, настораживало и отгоняло аппетит. Еле-еле, но достаточно заметно, чтобы понимать: без ответов на вопросы я не получу от угощения должного удовольствия.

— И всё же ты знаешь обо мне больше, чем я о тебе. Верно?

Она медленно подняла взгляд от корзинки.

Всё же миленькая. Даже учитывая полноту. А может, её украшает уверенность?

— Да что мне о вас знать надо? Вы ж Смотритель.

Забывла добавить: и этого довольно. Прямо-таки волшебное слово! И по умолчанию предполагается, что я тоже являюсь приобщённым к сему тайному знанию. Снова та же ловушка? Ну нет, хватит!

— Кто ты?

Женщина водрузила на полку последний свёрток и повернулась ко мне, отряхивая ладони от мучной пыли, просыпавшейся с одного из пирогов.

— Помощница ваша.

Замечательно! А дальше? Мне что, каждое слово придётся из неё клещами вытаскивать?

— И в чём именно ты мне помогаешь?

Она нахмурилась, изучающее вглядываясь в моё лицо. Потом светлые брови растерянно приподнялись, а щёки гневно зарделись:

— В службе вашей, в чём же ещё? А больше ни-ни, вы даже не подумайте!

Решила, что я собираюсь покуситься на её невинность? Нет, пышечка, и в мыслях такого не было. Хотя бы потому, что, глядя на тебя, отчётливо понимаю: не справлюсь. Уж больно ты для меня велика.

— Вот о службе я и хочу поговорить.

— Только о службе?

А ведь она ни капельки не испугалась. Скорее, поспешила заранее избавиться от чего-то нежелательного, неприятного, вызывающего брезгливость. Отпрянуть, чтобы... ну да, чтобы не пачкать руки. Странное ощущение. Как будто эта женщина меня невзлюбила. С первого же взгляда.

— Да. Но может быть, сначала обменяемся именами?

Серые глаза недоумённо вздрогнули. Я опять сказал что-то нелепое? Боженка подери всю эту таинственность!

— Меня зовут Хан...

— Да тут никто вас по имени никогда звать не будет, — простодушно оборвала меня женщина. — Вы ж Смотритель, вам имя ни к чему.

Ну и новость! Все золотозвенники вот так, сплеча рубят чужие судьбы? Вот уж действительно, новая жизнь... Даже без имени: его будет знать только бумага, четыре раза в год отправляемая в столицу.

Часть 4.3

Ладно, будем считать, что Бож всё ещё ведёт меня по пути от рождения к смерти и что ему виднее.

— Но у тебя-то имя есть?

— Ньяна.

— А дальше? Род? Место рождения?

— От моего рода не осталось следа. Как и от селения, где я родилась.

Она сказала всё это без какого-либо выражения, совсем равнодушно, а я всё равно почувствовал себя грубияном, от слов которого краснеют даже уши у любой благовоспитанной женщины. Однако прежде чем мне удалось сглупить ещё раз, и уже гораздо серьёзнее, моя собеседница добавила:

— Но я надеюсь, что в скором времени смогу обрести и то и другое.

Уточнять она, разумеется, не стала, оставив меня теряться в очередных догадках. Минуты эдак на две, пока я не сообразил, что речь идёт о намечающемся замужестве.

— Есть жених на примете?

— Есть. Уж пару годков как.

— Что же до сих пор свадьбы не сыграли?

Серые глаза Ньяны стали похожими на грозовые тучи:

— А то вы не знаете!

Я подумал. Потом подумал ещё раз и ещё. А потом честно ответил:

— Не знаю.

Она собиралась произнести ещё одну укоризненную отповедь, но осеклась, что-то увидев в моих глазах, и пробормотала, глядя уже сквозь меня:

— А ведь молодой он ещё. Очень молодой...

— О чём ты подумала?

Женщина вздрогнула, словно очнувшись от забытья:

— Да ни о чём, йерте. Вовсе ни о чём.

— Тогда, может быть, всё же расскажешь, какова из себя служба, моя и твоя?

— Так я уже сказала. Помогать вам буду. Пока срок не придёт.

— Что за срок?

— Отставки моей.

А вот эти слова были сказаны одновременно и нехотя, будто представляли собой большой секрет, и слегка угрожающе, мол, недолго тебе мною командовать. В любом случае дёргать за натянувшуюся струной ниточку я не стал. Чтобы не выдернуть лишнего из полотна окружающего меня мира.

— Помогать, значит... Во всём? — Ньяна округлила глаза, но промолчала, и я начал перечислять: — Еду готовить? В доме прибираться? Бумаги писать?

— С едой и домом вам Натти поможет. Когда из прогулок своих будет возвращаться. А с бумагами я и не умею, тут уж вы сами.

— А для чего же тогда ты ко мне приставлена?

Она склонила голову чуть набок, в то же время приподнимая подбородок, словно прислушивается к неведомой мне музыке. А в следующее мгновение я кадыком почувствовал сгиб её локтя.

Воздух был и оставался неподвижным, лениво колыхаясь от моего дыхания, а Ньяна, только что глядящая мне прямо в глаза, уже стояла у меня за спиной. И рука, прежде казавшаяся мягкой и рыхлой, вдруг превратилась в жёсткий хомут, сжавший мою шею тщательно наработанным захватом.

Так не бывает... Не бывает! И всё-таки оно есть. Оно случилось, и не где-то вокруг да около, а прямо здесь. Сейчас. Со мной. Но как, Боженка меня задержит?!

— Теперь поняли? — ласково спросила Ньяна, губами почти касаясь моего уха.

Ещё бы не понять! Вот только ни головой кивнуть, ни рта раскрыть. Можно было попробовать пустить в ход и свои локти, но... После произошедшего вступать в сражение с пышнотелой женщиной уже не хотелось. Я и в бытность сопроводителем не мог двигаться неуловимо для глаза. Да и никто не мог из тех, что служили вместе со мной. Так откуда же в светлокосой селянке такая сила?

Хватка ослабла, но чуть ли не раньше Ньяна вернулась на прежнее место, и опять воздух не шелохнулся.

— Значит, ты...

— Ваша защитница.

Хотелось бы знать, от кого. Но ещё больше хотелось бы знать...

— Как ты это делаешь?

Она снова нахмурилась, но сердясь не на мой вопрос, а на себя.

— Меня научили. Но я не помню как. Заснула, потом проснулась. И уже умела всё, что было нужно.

— Нужно кому?

Черты Ньяны исказились от какого-то малоприятного воспоминания, и я услышал в ответ не то, на что рассчитывал, а то, что легко мог угадать и сам:

— Он был Звенком. Серебряным.

Всё, дальше копать в том же направлении не стоит. Конечно, по всем ощущениям я как раз стою на краю ямы, и одного шага хватит, чтобы провалиться в чужую историю, но... Зачем? Эта женщина всего лишь мой телохранитель, тем более временный, как она сама сказала. А если останется после окончания службы жить в Блаженном Доле, не нужно настраивать её против меня больше, чем уже есть.

Правда, одна малость меня всё-таки пугает. Как быть, если защитник ненавидит того, кого защищает?

Я не слишком любил своих Ведущих, если вспомнить. Однако никогда не испытывал к ним сильных чувств, противоположных любви. Скорее, старался не вдумываться и не замечать больше положенного. Помню, это получалось само собой, без какого-либо труда. Хотя кое у кого из моих соучеников и трудности и труд были. В полной мере. Значит, то, что казалось естественным мне, для других могло выглядеть непонятным или даже... пугающим? Точно. Если залезть в память поглубже, можно найти не один и не десять примеров сражений духа и тела, мимо которых я прошёл, не задерживая взгляд. И не всегда те бои заканчивались так, как нужно было наставникам.

И всё же... Никто из учеников Сопроводительного крыла не допускался до несения службы, пока не справлялся с собой. А признавшие поражение и вовсе исчезали без вести. Женщина же, стоящая передо мной, уложит на лопатки любого сопроводителя не моргнув глазом, и тем не менее в её душе мира нет. Как не было мира в моей душе, когда подошёл срок оконча...

Кажется, начинаю понимать. Наконец-то.

Ей тоже очень скоро предстоит проститься с подаренным могуществом, должностью и одна Боженка ведаёт с чем ещё. А я, появившись, по всей видимости, неожиданно, стал препятствием. Вот только на пути куда?

— Ты служила прежнему Смотрителю?

Ньяна кивнула и невольно улыбнулась. Значит, хотя бы в этой части её жизни горестей и бед не случилось.

— Долго?

— Почти семь лет.

Большой срок. А главное, способный принести пользу. Мне.

— Каким он был?

— Эрте Ловиг?

Если верить бумагам, прежнего Смотрителя звали именно так.

— Да.

— Тихим. Говорил всегда так... будто ласково, а на самом деле послушаться его было ну никак не можно. И знал всё на свете, о чём ни спросишь. При нём ни ссор, ни споров не случилось, ни вражды какой. Тихий он был человек. И при нём тихо всё было.

И наверняка его прислали в Блаженный Дол уже обученным и готовым к исполнению порученной службы. По крайней мере, умеющим приказывать.

— А где он сейчас?

Ньяна хлопнула белыми ресницами:

— Так где же ему быть? На кладбище. Помер он, аккурат перед осенью.

— Что же с ним случилось?

— То же, что и со всеми стариками бывает. Устал жить да помер.

— И сколько ему было лет?

Женщина пожала плечами:

— Да кто же, кроме него, точно знает? Но к восьмому десятку дело шло.

Покой, говорите? Мирный и тихий? Что ж, золотозвенник не врал. Если здесь можно дожить до старческих седин на такой должности, как Смотритель, Дол и вправду Блаженный.

— Да вы поешьте лучше, чем разговоры говорить, — сурово полупредложила-полуприказала Ньяна, заметив, что мой рот приоткрывается для следующего вопроса. — Наговориться ещё успеете. Много тут у нас разговорщиков по вашу душу истомилось.

***

Пироги были отменные, даже с поправкой на урчащий желудок. Пока я ел, защитница, как она себя называла, смахнула пыль с кухонной мебели, убрала остатки снеди в подпол, выгребла из печи золу и проделала всё это споро и ловко, но вовсе не по-воински. Не видел я в ней, как ни вглядывался, ту опасную противницу, с которой познакомился чуть раньше. Женщина и женщина. Похожая на трактирных подавальщиц и лавочных служанок. Мягкая и сдобная, как булочка. И всё же если, как говорят в народе, внешность — коварная обманщица, то сейчас я столкнулся с самой большой ложью, какая только существует на свете. А что самое мерзкое, похоже, Ньяна считает, будто мне всё и так известно обо всех её талантах.

— Ты мастерица готовить.

Похвала не достигла цели: женщина даже не улыбнулась.

— Да какое тут мастерство... Вот вы, если в доме эрте Нери отобедаете, попомните мои слова: пальцы не только оближете, а ещё и сгрызёте!

— Там хороший кухарь?

— Не кухарь. Кухарка. Да и сама йерте норовит иной раз к плите встать... Правда, вот тогда лучше за тот стол не садиться.

— Ну меня пока никто к столу и не звал, кроме тебя.

Ньяна задумчиво сдвинула брови:

— А я разве не сказала? Запомнявала, должно быть, как вас увидела. К столу не к столу, а в дом другой сходить надо.

— Зачем?

— Как это? Хоть Довин всему Долу уже о вас разболтал, честь по чести представиться следует. Перед главами всех семей показаться.

Ага, смотрины. Ясно. Жаль, нечем поразить воображение сельских жителей. Знал бы заранее, позаимствовал бы что-нибудь парадное в доме с утёсом на гербе. Хотя, может, ещё не поздно?

— И когда состоится представление?

— Да вот сейчас дожуёте последний кусок, и пойдём, — простодушно ответила защитница.

Я не поперхнулся только потому, что не жевал в этот момент, а размышлял.

— С набитым животом идти?

— Да не бойтесь, пока придём, всё порастрясёте. Хватило бы до обеда наевой сытости.

Спрашивать, как далеко и долго придётся идти, я не стал. Опять скажет «рукой подать», а эта мера длины мне уже знакома.

Ремень застегнулся с трудом, а куртка села на талии подозрительно плотно. Странно, я ведь не так и много съел, по прежним меркам и вовсе, можно считать, остался голодным. Неужели теперь придётся считать каждую ложку и каждый глоток? Я знавал таких людей, что раздавались вширь от одного запаха еды, искренне считал их несчастными и уж точно не желал оказаться одним из них. Впрочем, как сказала Ньяна? Порастрясу жирок за время пути?

При солнечном свете Дол выглядел намного приятнее, чем давешним вечером, только сначала мне показалось, что туман так и не растаял до конца, задержавшись в кронах деревьев, но стоило приглядеться, как становилось ясно: зеленовато-жемчужная дымка не имеет ничего общего с висевшей в воздухе водой. Почки. Набухшие и начавшие раскрываться. А в столице ведь ещё лежит снег... Насколько же это место южнее?

Черепичная крыша дома стала похожа на мохнатую шапку, как только мы с защитницей отошли подальше. Отошли по тропинке, выложенной известняком, белым, пористым и совсем сухим в отличие от окружающей его земли, из которой кое-где уже пробивались тонкие зелёные травинки. Спустя сотню шагов тропинка раздвоилась, моя провожатая уверенно шагнула направо, а я заметил, что каменная рогатка под ногами отмечена цветными пятнами — слева жёлто-синим, справа тёмно-красным. Особые местные знаки? Впрочем, без них обходиться было бы трудно, потому что совсем скоро тропинка снова разделилась, только уже натрое. А вот куда мы шли, было неясно: высокие кусты изгородями закрывали обзор, и даже отсутствие листьев не позволяло толком разглядеть, мимо чего пролегает наш путь. Иногда, правда, кусты расступались, и вдалеке можно было заметить домики, похожие на смотрительский, да фигурки людей, но Ньяна не останавливалась, и я

вынужден был каждый раз отказываться от попытки осмотреться внимательнее.

А потом тропинка вдруг закончилась, уткнувшись в широкую аллею, посыпанную укатанным дроблёным камнем.

— Пришли, — сказала защитница.

Сама аллея вела к дому, приземистому, но всё же двухэтажному, а значит, зажиточному.

— Кто здесь живёт?

— Йерте Нери, помните, я о ней говорила?

— Да. Но зачем мы пришли сюда?

— Её отец, пока не упокоился, был дольинским головой, так что она, пока другого никого нет, вроде самой главной тут.

Женщина. Видимо, незамужняя, иначе главным был бы мужчина.

— Я должен представиться ей?

Ньяна издала звук, очень похожий на смешок, но не ответила. А через минуту, ступив за дверь, которую ещё и самому пришлось открывать, я понял, что именно развеселило мою защитницу.

В любом доме, чьи обитатели претендуют на высокое положение в обществе, обязательно имеется парадная зала, убранная так пышно, как только воображается хозяевам. Строение, в которое меня привели, подчинялось тем же правилам, за исключением одного. Здешняя зала была не роскошна, а вовсе наоборот.

Довольно большая, вытянутая в длину комната, лишённая мебели и любых намёков на неё, кроме одного-единственного кресла в самой глубине. Ни занавесей на окнах, ни gobеленов, закрывающих выбеленные каменные стены, ни ковров на полу, выложенном из того же известняка, что пошёл на устройство тропинок. Печей и жаровен тоже не наблюдалось, а потому в зале было чуть ли не холоднее, чем снаружи: прямо-таки царство Белой вдовы, которой пугают детей в самую длинную зимнюю ночь. И даже люди, двумя рядами окаймляющие проход через залу, казались застывшими ледяными фигурами. Несмотря на поголовно рыжую масть.

Сначала я решил, что мне померещилось. Но солнечный свет, добравшийся до окон, вспыхнул заревом сначала на одной макушке, потом на другой, там позолотил усы, тут зажёл костры бород, и вот уже захотелось зажмуриться, чтобы не ослепнуть от осеннего пожара посреди весны.

Они все были рыжие. И все были мужчинами, моими ровесниками и старше. Но в самом конце зала из глубины кресла на меня смотрела женщина. Вернее, девушка.

Дождавшись, пока стихнет скрип закрывающихся дверных створок, она встала и медленно направилась ко мне. В тишине зала было слышно, как размеренно, словно нарочно заученно шуршит парча её серебристых юбок. И чем ближе девушка подходила, тем яснее было заметно, что она уже не юна, но находится в самом расцвете той поры жизни, когда любую особу женского пола восторженно и заманчиво именуют невестой.

Рослая, но тоненькая, и похоже, не склонная к полноте. Спокойная, как скала, но отнюдь не бесстрастная, хоть и старается казаться таковой: пока расстояние между нами оставалось достаточно большим, чтобы любые взгляды могли считаться пристойными, светло-зелёные глаза чуть ли не обшаривали меня с головы до ног в отчаянном поиске. Что именно она искала? Не знаю. Но, видно, не нашла, потому что, подойдя ближе, успешно придала своему миловидному лицу выражение скучного равнодушия.

— Счастлива приветствовать в своём доме вновь назначенного Смотрителя.

Чего-чего, а счастья в её голосе не звучало, и это отчётливо понимали все присутствующие. Впрочем, возражения или замечания были не к месту и не ко времени.

— Моё имя Нери Соанн. До своего замужества я ведаю всеми радостями и заботами Блаженного Дола.

Королева провинциальной деревеньки, иначе не скажешь. Хотя её наряд сделал бы честь многим столичным модницам, а значит, водятся и деньги в семейной казне, и мысли в рыжеволосой голове. Эй, постойте-ка... Как она сказала? Ведает радостями и заботами? Не это же моя работа. Работа Смотрителя. А глаза глядят так... Подобный мужской взгляд я бы принял за вызов, не колеблясь ни мгновения. А вот как поступить с женщиной? Она явно желает повоевать. За что? За власть конечно же: больше у меня ничего нет. Вернее, она — единственное, что у меня вообще сейчас имеется, да и то не представляю, как воспользоваться этим сокровищем. И уже объявляют войну...

Вторая женщина, встреченная мною в Блаженном Доле, и второй всплеск враждебности. Может, во мне самом что-то не так? Их чувства оскорбляет мой вид или моё поведение? Не спрашивать же напрямую... Воевать как-то тоже не с руки, но другого выхода не остаётся. Смотритель я или нет?!

— Рад знакомству. — Я не стал играть в равнодушие и, не отводя взгляда от прелестей хозяйки Блаженного Дола, спросил: — Должно быть, все эти люди также нуждаются в представлении?

— Или вы нуждаетесь в нём, — ответили мне, с холодной ехидностью подчеркнув слово «вы».

Она прекрасно знает мои нынешние уязвимые места. Откуда? Неужели сама догадалась? Если так, война предстоит тяжёлая и продолжительная.

— Вы возьмёте на себя сей труд или мне самому пройти по рядам?

— Это мой долг. Прошу, следуйте за мной.

И она медленно поплыла обратно, к своему креслу, покачивая бронзово-рыжими локонами, случайно или нарочно выбившимися из высокой причёски. Обманчиво бесстрастная, атакующая при первом же удобном случае, а значит... не особенно уверенная в своих силах, зато упрямая. Почему её до сих пор никто не взял в жёны? Только из-за последнего качества? Но с ним можно было бы примириться, учитывая прочие достоинства. Вот я бы, к примеру, с удовольствием тенью следовал за этой тонкой гибкой фигурой, дыша горьковатым ароматом... Свежей зелени? Ну да, вон там, прямо в её волосах! Веточки, покрытые только-только пробившимися листочками. Любопытная задумка. Помню, моя мать любила ещё по морозу срезать несколько веток, поставить в воду в тёплом месте и любоваться весенней зеленью, когда на дворе ещё задерживается зима. И по всему дому плыл точно такой же пронзительный запах юности...

Мы шли, а вслед за нами по рыжеволосым рядам полз шепоток:

— Какой-то он совсем молодой...

— И почему с назначением так тянули? Нешто не было почтенных людей на примете?

— Не похож он на Смотрителя, ну никак не похож...

— Зато знак при нём, значит, всё по закону сделано!

— А довольно ли он умел? А то видали уж одного, мне ещё дед рассказывал, так от того столько бед приключилось, что еле на место всё вернулось...

Итак, воодушевления вокруг не слышно. Им бы радоваться, что я пришёл, а происходит ровно наоборот. А если бы они догадывались, как именно меня назначили на должность Смотрителя, думаю, разбежались бы по домам раньше, чем под моими ногами закончилась зала.

Девушка изящным движением опустилась в кресло, разложив юбки широким веером, вынудившим меня встать не на одной линии с хозяйкой Блаженного Дола, а заметно позади. Ещё один маленький укол? Для кого-то он был бы крайне болезненным, а меня даже не поцарапал. Зря стараешься, лисичка. Ради крупницы знаний я согласен терпеть и большие оскорбления.

— Все, кто здесь сейчас присутствует, это главы достойных семей, на протяжении многих поколений проживающих в Блаженном Доле и способствующих его процветанию.

Разумеется, разумеется. Случайных людей сюда не пригласили бы.

— Среди них невозможно выбрать достойнейшего, поэтому, с вашего позволения, я начну с ряда по левую руку. Эрте Луран Адитта...

Имена я даже не пытался запоминать сразу. Во-первых, их было много, а во-вторых, от рыжих шевелюр и прочей растительности тех же ржавых оттенков на лице у меня рябило в глазах, и мужчины, выходящие вперёд по знаку Нери, казались мне похожими друг на друга как близнецы.

Зато по мере представления выяснилось, что в Блаженном Доле есть каменоломни, лесопилки, виноградники, поля и сады, приносящие всяческую снедь на столы не только дольинцев, но и их соседей, близких и далёких, стада овец и коз, рыболовные артели и множество прочих хозяйств, без которых немыслима сельская жизнь. Но, предполагая, что эта скучная церемониальная встреча всего лишь дань традициям, я жестоко ошибся.

Когда затихли звуки последнего имени, хозяйка Блаженного Дола заметно напряглась. Не знаю, заметили ли это те, кто стоял в рядах, но я отчётливо услышал тревожный треск парчи, а стало быть, предстояло что-то ещё помимо представления. И это «что-то» не заставило себя ждать.

Сухощавый полуплешивый Луран Адитта, названный первым из всех присутствующих, снова вышел вперёд, но не приближаясь к креслу Нери, а занимая позицию посередине между рядами, словно возглавляя их, и, прокашлявшись, обратился... ко мне:

— Я и все остальные пришедшие поприветствовать вас, понимаем, что вы устали с дороги, и ещё дня не прошло, как вступили в назначение, и всё же... Наверное, сами могли видеть: распутица вот-вот закончится, стало быть, пора начинать собирать обозы, чтобы успеть выставиться на первой же ярмарке.

Я не мог не согласиться с разумностью доводов заботящегося о своём и чужом достатке

старожила и кивнул. Как выяснилось, это тоже было ошибкой, потому что Адитта приободрился и заметно окреп голосом:

— Мы уж и так ждали до последнего дня, йерте, ждали да надеялись... Вы уж уважьте нас, назначьте цены.

Цены? На что? Зачем? И помощи-то попросить не у кого, потому что рядом только насмешливо кривящаяся статуя, закутанная в серебристую парчу, да пожилой мужчина, заглядывающий в мои глаза со странной надеждой.

— О каких ценах идёт речь? Я могу взглянуть?

Мне с готовностью поднесли папку, обтянутую потрескавшейся кожей, видимо, ещё в те года, когда Блаженный Дол только-только начинался. Я напустил на себя глубокомысленный вид и посмотрел на лист бумаги, заполненный длинным списком, в котором известняк колотый сменялся вином прошлогоднего урожая, а пряжа из козьего пуха соседствовала с лососевым балыком. Они что же, хотят, чтобы я указал, почём всё это продавать? Ну и дела!

— А разве вы сами не знаете лучше меня, сколько просить за плоды своего труда?

Адитта жадно сглотнул, но поборол соблазн легче, чем можно было ожидать:

— Да мы ж попросить всякое можем, и мало и много... Да только кто запрошенное даст, коли под ценой не будет стоять печатка Смотрителя?

Какой-то странный обычай. Или, быть может, так написано в каком-то законе? Если бы ещё знать в каком! Но правило разумное, если вдуматься. Получается, что купцы и ремесленники не сами по себе ведут торговлю, а под строгим надзором. С другой же стороны, когда Смотритель ставит свой знак под ценой какого-либо товара, то он и отвечает за качество, и, не дай Бож, кто-то из покупателей останется недоволен... С судейскими разговаривать будет тоже Смотритель. То есть я. М-да, весёленькую должность мне подкинул золотозвенник.

— Прошлой осенью вы справились и без печатки, — слегка оскорблённым тоном заметила Нери.

— Ну так иного-то способа не было, — виновато развёл руками Адитта.

— И назначенные цены были хороши? — продолжила хозяйка Блаженного Дола, упирая на слово «хороши».

— Коли покупатель товары брал, значит, хороши для него были цены.

— А что продавец скажет? — не сдавалась девушка, и по тому напору, с которым она продолжала задавать вопросы, чувствовалось: для неё эта беседа важнее важного.

— Да что продавцу сказать... — Адитта оглянулся на зал, словно ища поддержки, и видимо, нашёл, потому что уверенно заключил: — Продавцу главное, чтоб всё законно было и чинно.

Пальцы Нери, парчовой складкой заслонённые от зрителей, стоящих впереди, но не позади, отчаянно сжались в кулак, мигом побелев на костяшках.

— Ну что ж. И законы и чины — всё у вас теперь имеется. Только потом с обидами ко мне не приходите.

***

Хозяйка Блаженного Дола подобрала длинные юбки, покинула кресло и прошествовала к выходу из зала. Неужели так сильно обиделась, что даже не соблазнилась приближающимся зрелищем моего блистательного позора? Жаль. Могла бы получить истинное удовольствие. Но раз уж отступить не перед кем, остаётся только одно. Держать

оборону, пока противник не соберёт силы для новой атаки.

— Надеюсь, вы понимаете, что я здесь человек новый и многого не знаю?

По рядам рыжеволосых прошла волна кивков, решительных и не слишком.

— И я не могу назначить цены сейчас, в одну минуту.

Адитта мотнул головой:

— Да в одну минуту и не нужно, йерте! Есть ещё время, не менее седмицы.

Очень хорошо. Время — это ценная штука. Вот только я пока не знаю, сколько его потребуется.

— Мне нужно будет подумать.

Зал ответил почтительным молчанием. Мол, на «подумать» мы всегда согласны, если человек думает, значит, есть чем и о чём.

Я ещё раз пробежал взглядом перечень товаров, которые должен был оценить. Славная задачка, ничего не скажешь! Что, к примеру, я знаю о козьем пухе? Или о колотом известняке? Положим, по поводу вина или балыка ещё можно что-то утверждать, но... Любая снедь имеет свой вкус в каждой деревеньке. А у покупателя вкус и вовсе другой, третий, четвёртый, десятый. Как можно назначить цену тому, что видишь первый раз в жизни?

Попробовать посмотреть на него не единожды.

— Я постараюсь справиться за седмицу, любезные эрте, но и вы должны будете мне помочь.

По залу прошёл лёгкий гул, но больше одобрительный, нежели наоборот.

— И потребуется от вас всего ничего: представить мне на рассмотрение товар нынешний, который торговать собираетесь, и товар, скажем, нескольких прошлых лет, буде таковой остался в ваших закромах. Что касается вина, тут, думаю, трудностей точно не предвидится... Да, и помногу не приносите! Довольно совсем небольших кусочков.

Пятерни, как по команде, потянулись к рыжим шевелюрам и проплешинам, покрытым золотистым пушком, а я, воспользовавшись возникшим замешательством, быстро пересёк залу, закрыл за собой дверь и жадно вдохнул воздух, почему-то показавшийся в эти минуты сладким, как мёд.

— Ловко вы справились, — сказала Ньяна, подпиравшая стену дома с левой стороны от двери. — Хотя мужчины завсегда против женщины общий язык найдут.

Ну раз уж ты сама предложила такую тему, давай поговорим.

— Почему против?

Моя защитница хмыкнула, но промолчала.

— Вот что, давай-ка двинем обратно к дому. Сам я дорогу с первого раза точно не найду, а заодно и побеседуем немного. Без лишних ушей.

— А чего её искать? — Женщина явно не была настроена на откровенность. — Там, где на развилке будет синим или зелёным отмечено, туда и сворачивайте. Не заблудитесь.

— А если я попрошу тебя пойти со мной?

Серые глаза напряжённо сощурились:

— А почему не прикажете?

Потому, что не умею, Боженка меня задери! Знаю, как должен звучать приказ, знаю правила его составления и применения, но только с одного бока. Со стороны исполнителя. А с другой стороны...

— И как давно ты сама с рыжей гордячкой сговорилась? Сразу после смерти прежнего

Смотрителя или ещё до неё?

Ньяна задержала дыхание, становясь похожей на изваяние, угрюмо глядящее вдаль. Эдакое слегка недоделанное резчиком, который не успел ещё отсечь от куска камня всё лишнее, а только начал свою работу.

— Я понимаю, тебе нужен дом. Да тем более жених нашёлся. И наверняка достойный. Так почему бы не осесть в милом уютном местечке? Особенно если потрудиться надо совсем чуть-чуть: где словом поддержать, где делом, а где промолчать вовремя...

Она резко повернула голову в мою сторону, и я поразился странному контрасту между по-прежнему ласково-улыбчивыми чертами лица и смертной тоской в серых глазах.

— Клятвопреступницей меня объявите?

Э-э-э... С чего бы вдруг? Или она имеет в виду что-то вроде присяги, которую не могла не давать при вступлении в должность?

— Нет. Ты присягала не мне.

Ага, догадался правильно: в серой пустыне выпал, правда, и быстро высох короткий дождь.

— Мне некуда идти.

А вот тут ты ошибаешься.

— Могу подсказать по крайней мере одну дорогу. И ведёт она к дому, где мне назначено жить.

На сей раз намёк был понят и принят без возражений: Ньяна кивнула и ступила на тропинку рядом со мной, благо ширина известняковой полосы позволяла это сделать.

— Теперь, если ты не против, поговорим о том, чем я не угодил женщинам Блаженного Дола. Вроде пока ни одну не успел обидеть. Или успел?

Защитница бросила на меня быстрый взгляд, словно проверяя, шучу я или нет. Что она разглядела в моих глазах, не знаю, надеюсь, не затравленную растерянность, но беседа всё же началась:

— Обидели. Даже если сами того не заметили.

— Хорошо. Начнём с тебя? Перед тобой чем провинился?

На меня посмотрели с ярко выраженным сомнением, мол, ты, дядя, наверное, совсем глуп, если задаёшь такие вопросы.

— Рано или поздно я или догадаюсь, или узнаю точно. Помнишь, меня назначили Смотрителем, а это значит, что моё пребывание здесь продлится... — Пришлось сделать неумышленную паузу, поскольку о сроке и прочих деталях службы мне никто так и не сообщил. — Достаточное время. К тому же ты сама сказала: очень скоро мы расстанемся, как начальник и подчинённый.

— Да, очень скоро... — с задумчивой надеждой пробормотала Ньяна.

— Так стоит ли хранить молчание?

Она обернулась, словно проверяя, не идёт ли кто следом за нами.

— Если я скажу, вы рассердитесь.

Чем дальше, тем запутаннее. Хотя, как правило, там, где развешивают кружева недомолвок, сама тайна не стоит и ломаной медной монетки.

— Попробуй и узнаешь. Ты же не робкого десятка, верно?

Губы женщины изогнулись в немного грустной улыбке:

— Откуда ж я знаю? Случая проверить не было. Ладно, скажу. Устала я от службы этой. Верите?

Если б ты знала, пышечка, как я тебя понимаю! Семь лет — не десять, но ты и не помышляла в юности заниматься тем, что тебе всучили.

— Верю.

— Не подумайте, я очень жалела йерте Ловига. Хороший он был человек. Только как стало понятно, что из столицы на замену нового Смотрителя присылать не торопятся, мне радостно стало.

— Нет начальника, значит, и службы нет?

— Вроде того. — Она улыбнулась снова, теперь почти виновато, но в то же время дерзко. — Мне месяц осталось служить. А тут вы...

Да, а тут я. Как снег на голову в разгар лета. И ведь никто не виноват, вот беда-то!

— Я не просил о своём назначении нарочно.

— А если и просили, что сейчас переменишь? — разумно заключила Ньяна.

Ничего. Всё решено и скреплено печатями.

— Что ж, с причиной твоих обид разобрались. А Нери?

— Неужто не поняли?

— Я должен был понять?

Защитница укоризненно мотнула головой:

— Она ведь неспроста такую встречу вам устроила.

Я задумался.

В столичных домах мне доводилось видеть и более церемонные приёмы: простота в Веенте была не в почёте, потому потуги на придворную вычурность не показались мне странными. А должны были, здесь ведь не столица. Но я пока ещё не знаю, куда именно попал.

— Да, наверное. Только я решил, будто так заведено.

— Заведено! — фыркнула женщина. — Лучшее платье она надела, самое дорогое в Доле. И дольинцев нарочно так расставила, чтобы вы сразу поняли...

— Сразу понял, кто здесь хозяин?

— А что же ещё?

Пожалуй, девушка старалась изо всех сил. Но все её усилия оказались напрасными, и похоже, по очень простой причине.

— Дольинцы не хотят видеть над собой женщину, так?

Ньяна согласно развела руками:

— А вы бы захотели?

Я бы не отказался. Мне привычнее следовать указанным путём, а не прокладывать новый. Но наверное, если с детства воспитываешься как хозяин, потом очень трудно заставить себя прислуживать. Даже достойнейшему из достойных. Хотя... А как же быть со Смотрителем? Он ведь тоже в каком-то смысле поставлен над Долем.

— А меня, получается, хотят?

— Вы хотя бы мужчина. Да и дело ваше... стороннее.

Любопытное замечание. И почему-то оно мне не нравится.

— Объясни.

— А чего объяснять-то? — недовольно нахмурилась Ньяна. — Вам только знак свой поставить на бумагах надо, и всё.

Я тоже так думал. Ещё вчерашним утром. А потом вдруг выяснилось, что действительность немного сложнее.

— А бумаги откуда возьмутся?

Серые глаза мило округлились:

— Принесут. Уже готовые, расписанные.

— А если мне не понравится то, что в них указано?

Защитница остановилась, перекрывая дорогу и мне:

— Как так не понравится?

Как не понравилось, к примеру, желание двух склочных женщин избавиться от хозяина дома. А впрочем, кажется, теперь я всё понял:

— Прежний Смотритель так и вёл дела, верно? Подписывал всё, что от него требовали, даже не читая?

На лицо Ньяны опустилась тень:

— Почему же... Читал он.

— Но не писал по-своему?

Молчание. Напряжённое. Вспоминающее.

— Больше не буду спрашивать, не волнуйся.

— Никто ему ничего дурного и не приносил!

Сказано с вызовом и лёгким налётом отчаяния. Одно из двух: или защитница сама замешана в невинных проделках почившего старика, или ей даже в голову не приходило, что можно поступать иначе, чем действовал «йерте Ловиг».

— Я же сказал: больше не спрашиваю. Незачем. Человек умер, и Бож ему судья.

— Он был хорошим человеком!

От очередного повторения уже набивших оскомину слов мне вдруг стало зябко. Хорошим или плохим, какая разница? Он вёл дела, как считал нужным, и, если вспомнить наставления золотозвенника, имел на то полное право. Я вообще могу сейчас войти в дом, закрыться и не отпирать дверь до самого наступления лета. Нет, сначала нужно провизией запастись.

— Ньяна, пожалуйста, не надо. Я уже всё понял.

— И что же вы поняли?

Вызов в голосе стал рьянее. Не хватало мне ещё повздорить с собственной подчинённой в первый же день службы!

— Он тебе нравился. И Нери нравился. И всему Долу, наверное, тоже. Но его больше нет, и к этому нужно привыкать. Я же не смогу стать таким, как он.

— Не сможете, — серьёзно подтвердила женщина. — Для этого вам сначала нужно лет на тридцать постареть.

Обратная дорога по ощущениям заняла намного меньше времени. То ли я расхотелся, то ли за разговорами тропинка закончилась сама собой. Пока проходила церемония представления, дом почти не успел остыть, но Няня всё равно подкинула в теплящиеся угли ещё пару поленьев. Подогреть пироги, как выяснилось. А есть после прогулки по свежему воздуху захотелось снова, хотя живот пока ещё сыто упирался в поясной ремень.

— Я так в двери скоро пролезать не буду.

Моё сокрушённое бормотание было живо воспринято защитницей:

— А я вас научу. Это вовсе не сложно, нужно только повернуться особым образом и всё.

Я ещё раз оценил статью моей дородной помощницы и не удержался от вопроса:

— Ты всегда была... э-э-э... пухленькой?

Любая столичная дама сочла бы подобный интерес едва ли не оскорблением, но в Блаженном Доле, видимо, порядки были совсем иные, потому что мне охотно ответили:

— Нет. До службы я была такой же, как йерте Нери. А может, и тоньше.

— Тогда... У тебя есть дети? Или были?

Она непонимающе обернулась. Пришлось пояснить:

— Твоя фигура. Иногда женщины раздаются так после родов.

Моя мать, насколько помню, сохранила тонкую талию. Но вот грудь... Пожалуй, та была не намного меньше Няниной и вызывала зависть всех соседок, а заодно — вождеделение соседей.

— Ах вот вы о чём! Нет, с детьми я подожду пока. А толстеть мне велели.

— Зачем?

Защитница пожала пышными плечами:

— Не сказали зачем. Но настрого наказали. Тот человек, что меня на службу определил. Говорит, ты вес набирай как только сможешь, да побольше. Мешать он тебе не будет, а потом ещё спасибо скажешь, когда служба к концу подойдёт.

Ещё одна странность. Нам ничего подобного не приказывали. Или помощницу Смотрителя готовили совсем по другим правилам?

— Ты пьёшь какие-нибудь особые настои?

Няня отрицательно качнула головой, даже не раздумывая над вопросом.

Да, тут кроется что-то совсем другое. Может быть, похожее, но куда более действенное. И всё же почему подобным образом не обходиться с сопровождающими? Если можно сразу, с пустого места создать воина, способного победить любого врага, зачем тренировки и прочие истязания плоти и духа? Загадка. Кто-то наверняка знает, в чём она заключается, но этого «кого-то» и меня разделяет невесть сколько миль.

— Скажи, прежний Смотритель вёл какие-нибудь записи?

— А вы в сундуках посмотрите. Там все его вещи сложены.

Так и поступлю. Но живое свидетельство лучше бумажного. Хотя бы потому, что слова, начертанные пером, обычно тщательно обдумываются, прежде чем доверятся чернильному отображению.

— Посмотрю. А может, и ты мне поможешь?

Как она забавно округляет глаза каждый раз, когда её удивляют мои вопросы... Честное слово, влюбился бы. Если бы она была хоть в половину меньше, чем сейчас, а то даже обнять

не получится.

— Да что же я могу?

— Например, сказать, какие в прошлом году в Доле были весна, лето и осень. И в позапрошлом. И ещё год назад.

— А к чему это вам?

— Мне нужно назначить цены за... всякую всячину. А я даже не знаю, хороший был урожай или нет.

Ньяна засмеялась:

— Это вам к йерте Нери надо было обращаться!

— Я бы обратился. Но ты ведь сама всё слышала. Она не собиралась мне помогать.

— Да обиделась она, вот и весь сказ.

— Обиделась? Почему ты так решила?

— А когда девушка из дома выходит да носом шмыгает, разве только не рыдает, что это значит?

Что моё поведение довело её до слёз. Как кочка, подвернувшаяся под ногу на ровном месте. Наверное, я бы тоже чувствовал себя не лучшим образом, если бы меня вдруг отставили в сторону в том деле, в котором я дока, и отправились за советом к неучу.

— Если бы она была чуточку помягче...

— Рыжие зазнайки всё равно насели бы на вас.

Потому что не хотели терпеть правление женщины. Или потому что она правила недостаточно хорошо?

— Но ведь на осеннюю ярмарку назначать цены должна была Нери?

Ньяна кивнула.

— Она в чём-то ошиблась? Ввела купцов в разорение?

— Да как вы могли такое подумать?! — взвилась защитница, и стало понятно, что защищает она не одного меня. — Ничего подобного не было!

— Тогда почему вся рыжая братия настроена против неё?

— Так ведь женщина... Она семьёй заниматься должна. Дом вести. Детей растить. С этими-то делами лучше неё справиться никто не сможет. А йерте Нери не такая. Она учиться хотела, ещё когда отец её был жив. И поехала бы в город, да только сначала родитель сильно занемог, а потом не до учёбы стало, когда весь Дол на неё свалился неожиданно-негаданно.

Но тогда девушка должна бы радоваться моему появлению, ведь оно означает обретение свободы. И возможность осуществить мечту. Однако пока я вижу ровно обратное отношение. Почему? Или короткое время власти затуманило юную голову?

— Теперь-то она может учиться сколько пожелает.

— Может, — согласилась Ньяна. — Да только кто ж её возьмёт? Не девочка уже, а невеста на выданье, таких в города одних не пускают.

Это верно. Одно дело учёба, и совсем другое — поиск забот на плешь мужей, уставших от своих старых жён. Если в столице строжайшим образом присматривают за молодыми приезжими девицами, то в небольших городках должны и вовсе глаз не спускать.

М-да, один узелок за другой цепляется, и вот уже целый ковёр навязался. Всего несколько случайностей, которые могли бы вовсе не случиться, если б Боженка не решила поиграть судьбами, и юные надежды загублены на корню. А что самое печальное, эти сухие корешки будут у меня теперь под ногами мешаться, куда бы ни пошёл. Не потому, что

виноват, а потому, что... так получилось.

— Так что в Доле с погодой?

— А ничего, — отмахнулась защитница. — Каждый год одно и то же.

— Так не бывает!

— В другом краю, может, и не бывает. А у нас одно лето от другого не отличишь.

Воистину блаженное место! Точно знать, когда придёт тепло, а когда затрещат морозы — это ли не мечта любого человека, живущего что на земле, что в городе?

— И неурожая не случается?

— Даже старики не припомнят.

М-да. Была надежда сопоставить качество товаров годам... Не сбылась. Значит, придётся действовать иначе. А что, если и цены ненамного менялись? Может, достаточно будет только прибавить по монете или отнять?

Но и вторая моя надежда «на удачу» не оправдалась. Хранящиеся в большом сундуке у стола сводки цен за прошлые десятилетия отличались друг от друга то в одной цифре, то на порядок, и после часового изучения я отчётливо понял лишь одно: весной за товары просят обычно больше, чем осенью. Но это как раз вопросов не вызывало. И дураку ясно, что после зимы припасы поуменьшились, а то и вовсе закончились, и спрос растёт как на дрожжах, а после лета ту часть провизии, что не пошла во всяческие засолки и прочие заготовки, надо скидывать с рук, пока не начала портиться — подобных премудростей торговой жизни я насмотрелся, пока ходил тенью за тем же хитрецом Атьеном. Но от чего оттолкнуться, чтобы и не заломить цену сверх всякой меры, и не оставить торговцев недовольными?

На дне сундука, под ворохом пожелтевших бумаг и изношенных долгим использованием гусиных перьев обнаружилась книга для записей, похожая на те, которыми пользуются столичные невесты для составления списков претендентов на каждый из затейливых танцев бала, устроенного по случаю дня рождения или прочей надобности показать себя миру и самой хоть краешком глаза на мир посмотреть. А ведь когда-то моё имя тоже бывало в таком списке. И не в одном... Правда, ни я, ни девушки, в юбках которых доводилось путаться моим ногам, не думали тогда о чём-то серьёзнее мимолётного прикосновения губ. К тому же для меня балы закончились, едва успев начаться.

Под потрёпанной кожей переплёта мой взгляд встретили листки, исписанные мелкими округлыми буквами: по несколько строк, разделённых пустыми кусками. Каких-то чисел, похожих на даты, не стояло ни на одном листке, значит, мне в руки попался не дневник, а что-то другое. Я подвинул кресло так, чтобы света из окна было достаточно для чтения, присел на подлокотник и открыл первую страницу.

«В юности кажется, что время мчится так, что за ним не угнаться, но как только переваливаешь за половину жизни, понимаешь: вот сейчас оно только-только понеслось вскачь, а раньше едва переставляло ноги...»

Мудрые мысли, записанные впрок? Должно быть, старику и точно нечем было занять себя в Блаженном Доле, если он тщательно выводил в книге истины, которые и так узнаешь, когда наступает срок.

«Никогда не нужно жалеть ни себя, ни других. Чем больше жалеешь себя, тем глубже проваливаешься в тёмную бездну уныния. А как выбраться из ямы? Только взлетев, потому что края её норовят обвалиться, когда пытаешься цепляться руками и ногами. Других же жалеть и вовсе нет никакого толку, потому что малейшую жалость, исходящую от тебя, они принимают за предложение снять с их плеч груз. А зачем тащить лишнее, когда и сам не

знаешь, куда деть скарб, болтающийся за твоей спиной?..»

Странно понимать, но дедушку определённо что-то мучило, иначе он не искал бы оправдания своим страданиям. Я бы думал так же, если бы, к примеру, отказал кому-то близкому в помощи. Хотя кому — близкому? После смерти родителей никого не осталось. Лодия не в счёт: она всегда шла по собственному пути. Впрочем, как и я.

«Дарственная служба заманчива тем, что позволяет совершать любой свой поступок, прикрываясь плащом должности, да ещё получать за это жалованье. Но когда спускаешься с небес большого города на землю, поближе к людям, видящим в тебе действительно отпечаток Дарохранителя, случаются весьма горестные чудеса. Понимаешь, к примеру, что как люди служат тебе, так и ты служишь им. И нельзя отказать даже в самой завалящей просьбе, потому что сначала останется разочарованным один, потом другой, потом десятков, и поток монет в казну Дарствия начнёт иссякать. А жалованье твоё проистекает ручейком из той же реки, и, если она пересохнет, тебе тоже станет несладко. Ведь с тобой делятся деньгами для того, чтобы ты делал что-то, недоступное простому человеку. Недоступное по знаниям и умениям...»

А вот такого я раньше никогда не слышал. Ни из чьих уст. Что же получается? Мне будут платить из податей, которые Блаженный Дол отправляет в дарственную казну? Но если подати вдруг начнут уменьшаться, значит, и я недосчитаюсь сначала одной монеты, потом другой? То бишь чем хуже я буду исполнять свою службу, тем горше буду жить сам? Впору схватиться за голову. Выходит, даже с ценами нельзя оплошать? Покой, значит?! Возможность делать всё что заблагорассудится?! Золотозвеннику легко так думать, он-то живёт на подати со всего Дарствия целиком, а мне что прикажете делать?

Негромкий, но настойчивый стук, раздавшийся от входа, чуть не заставил меня подпрыгнуть, но, как бы я ни спешил встретить посетителя, первой у порога конечно же оказалась Ньяна. Она распахнула дверь и пропустила в дом девицу, не столько чем-то озабоченную, сколько сосредоточенную. Правда, мгновением спустя, когда взгляд прищелицы добрался до моего лица, я понял, чем вызвано такое впечатление: она немного косила, и буро-зелёные глаза смотрели чуточку друг на друга. Во всём же остальном девица была ладная и для своих не особенно великих лет вполне похожая уже на женщину, а не на ребёнка. А одета почти так же, как моя помощница: штаны, сапоги и длинная рубаха под кафтаном. Наверное, таковы местные традиции. Да и по сырой весне так уж точно удобнее ходить, чем пышными юбками грязь мести.

— Доброго дня, йерте.

— И тебе доброго.

Повисло неловкое молчание, потому что я не знал, с чего начать: спросить у незнакомки имя, предложить присесть или сразу осведомиться, зачем пришла. Зато Ньяна подобных затруднений не испытывала.

Защитница подошла к девице, ласково погладила по гладко заплетённым и уложенным баранками косам:

— Что случилось, Соечка?

— Беда у нас. Дерк пропал.

— Как же так получилось?

— Третьего дня с пастбища не вернулся.

— Что же молчали?

— Так думали, придёт. Он и раньше, бывало, седмицами пропадал, прямо как Натти

ваш. Только всегда возвращался. Он же пометать любит, вот иногда и забывает про время. А работник он хороший! — с неожиданным жаром закончила свою грустную речь девица.

— Знаю, что хороший, — куснула губу Ньяна. — А почему решили, что сейчас-то он пропал?

— Так стадо же вернулось. Сива назад пригнал.

— Сива — это пастуший пёс, — пояснила защитница и нахмурилась, а просительница посмотрела на меня своим косым взглядом и с угрюмым нажимом сказала:

— Вы уж отыщите его, йерте, сделайте милость.

***

Выяснив, что других пропаж, кроме самого пастуха, в стаде не приключилось, и козы все до одной вернулись в целостности и сохранности, а пёс не выл и не тянул никого из людей в горы, скорее наоборот, всячески старался подольше задержаться в доме и на дворе, Ньяна отправила косоглазую девицу по имени Со́йа обратно. Разумеется, со всеми возможными заверениями в том, что Смотритель сотрёт ноги до задницы, но вернёт семейного работника, а по совместительству и возможного жениха. Я не протестовал: всякий раз, когда взгляд просительницы ухитрялся сосредоточиться на моём лице, мне становилось до странности неловко. Наверное, потому, что я впервые имел дело с человеком... скажем так, немного обделённым разумом.

— Она хорошая девочка, — тоном, не допускающим возражений, сказала Ньяна.

Ну да, у тебя все на удивление хороши, пышечка. А я каков?

— Что за история с этим... Дерком? Он и вправду часто пропадал по нескольку дней?

Защитница кивнула:

— Просто задерживался на пастбище. Мог часами сидеть и о чём-то думать. Но никуда не уходил.

— А что, если он и сейчас всё ещё там сидит?

Следующий кивок был уже отрицательным:

— Пёс бы не пригнал тогда стадо обратно. Здешние овчарки хорошо натасканы, никогда не уходят от пастуха, пока тот не подаст знак или...

— Не уйдёт сам. Но зачем? И куда?

Ньяна беспомощно повела плечами:

— Кто ж его знает?

Наверное, никто. Но я, видимо, должен знать, где его искать. Хотя как всё это не ко времени! Мне же нужно ещё что-то придумать с ярмарочными ценами. И не позднее чем истечёт семь дней.

— В этом доме есть карта?

— Должна быть. Йерте Ловиг перерисовывал старую, та уж совсем истрёпанная была.

Карта нашлась в маленьком сундуке, сложенная до восьмушки. Но прежний Смотритель знал толк в вещах длительного использования: выбрал для новой основы не бумагу, что было бы дешевле и удобнее, а плотнотканый шёлк. Не представляю, сколько дней и ночей ушло на нанесение рисунка, однако результат того стоил. А в случае крайней надобности плод напряжённого труда можно было повязать на шею. Вместо шарфа.

Разложенная, карта заняла почти всю поверхность письменного стола. Я поманил Ньяну пальцем, а сам склонился над чернильными линиями. Итак, это и есть Блаженный Дол? Местность, очертаниями похожая на потревоженную ветром каплю воды, свисающую с ветки торгового тракта. Расположена и правда в стороне от бурной жизни. Окружена

горами. Не особенно высокими, как я мог видеть во время утренней прогулки, но, похоже, непроезжими и непроходимыми, потому что дорог, пересекающих горную рябь, нарисовано не было.

— В долину есть только один вход, он же выход?

— Да, а зачем больше?

Из соображений безопасности, к примеру. А то, не приведи Бож, обвал или что-то вроде, и Дол окажется отрезанным от остального мира.

— Через горы можно пройти?

— Куда? — Ясные серые глаза посмотрели на меня.

— Куда-нибудь.

— Можно. — Няня указала на западную гряду: — Там пологие склоны. Дерк пас коз именно там. А когда спускаешься вниз, выходишь прямо к форту.

— Что ещё за форт? — На карте сие строение отмечено не было, но по жесту защитницы я догадался, где оно может располагаться.

— Перевальный. Вон там, дальше... — Рука скользнула за границы чернильного изображения. — Там ещё есть горы. И перевал.

Это я понял. А форт, должно быть, предназначался для обороны. Когда южные земли ещё не были окончательно присоединены к Дарствию.

— Значит, если Дерк ушёл по горам, он должен был появиться у форта?

— Выходит, что так, — согласилась Ньяна.

Если парень не дурак, именно указанным образом он и поступил. Хотя бы потому, что на возвращение с пастбища и проход через граничную заставу потребовалось бы куда больше времени. Да и тогда его кто-нибудь увидел бы. А впрочем...

— Как думаешь, у заставных девица уже спрашивала про своего жениха?

— Первым делом! — ни мгновения не сомневаясь, заявила защитница. — У нас же все через заставу ходят. Так заведено.

Да уж. Через заставу, которую легко обойти даже в расцвете дня, не говоря уж о ночи.

— И никто ни разу не пытался пробраться... так, чтобы его не заметили?

Ньяна грозно сдвинула брови:

— Говорят, ещё прежний Смотритель, до йерте Ловига, так наказывал. Добрый человек ведь таиться не станет, зато и все вокруг будут знать, каков он. А если кто злой украдкой придёт, так и это сразу узнается.

Ещё бы! Не представляю лазутчика, который смог бы затеряться в Блаженном Доле. Разве только он будет от рождения рыжим. Но всё же очень хорошо, что я тем туманным вечером поборол желание обойти заставу стороной. Меня и так-то встретили ощетинившейся ежиной шкуркой вместо радушных объятий, а если бы ещё и пришёл тайком...

— Значит, уйти он мог только одним путём?

Ньяна всем своим видом показала, что думать из нас двоих положено вовсе не ей.

— Осталось понять, зачем он ушёл. И тогда узнаем куда.

Мне и самому собственное рассуждение показалось сомнительным, а взгляд защитницы и вовсе опустел. В эту минуту я отчаянно пожалел, что рядом со мной нет Кифа. Пусть он обманщик и проныра, но дельную поддержку оказывал исправно.

— Ты хорошо знаешь этого Дерка?

— Да как и всех прочих.

— Он...

— Хороший человек.

Я уже начинаю уставать от этого словосочетания, пышечка.

— Мне не это нужно знать. Вот Сойа... Только не спорь! Она, что называется, Божем обижена, ведь так?

Ньяна поджала губы:

— И всё равно хорошая!

— Хорошая, хорошая! Но недалёкого ума. А Дерк был определён ей в женихи, как она сама сказала.

— Так они ж подходят друг другу.

Вот! Именно! То, что я так хотел услышать! Мечтательность и рассеянность уже вызвали подозрение. А если присовокупить сюда же рассказ о чудесных умных овчарках, всё сходится наилучшим образом.

— Замечательно. Пусть подходят и дальше. Вы обе говорили, что Дерк любил помечтать. А о чём? Неужели он никогда не делился своими мыслями?

Ньяна задумалась:

— Он не охоч до разговоров. Больше слушать любит.

— Что именно слушать? Просто людские речи или что-то особенное?

— Сказки он любит, — вздохнула защитница. — И здоровый уже лоб, а всё ему истории про могучих героев, что красавиц спасают, подавай.

— Какая же тогда женитьба?

— Ах это... Дурное-то дело нехитрое! — хмыкнула Ньяна. — Их бы ещё в прошлом году поженили, только Дерк упёрся тогда. Хочу, говорит, подвиг совершить. Пока не спасу кого-нибудь во славу своей суженой, никакой женитьбы.

Деревенский дурачок, да ещё и с фантазиями? М-да, беда.

— А мог он вдруг взять и уйти за подвигами?

Серые глаза мигнули:

— А ведь мог... Только где у нас в округе герои требуются?

Уместный вопрос. Я ещё раз посмотрел на карту. В самом Доле подвиги уж точно ни к чему. Даже если прежний Смотритель лукавил, отправляя свои донесения в столицу, то по поведению его, а теперь и моей помощницы легко понять: ничего тревожного, тем более опасного в жизни окружённой горами долины не происходило. По крайней мере, те семь лет, что Ньяна здесь живёт. А Дерк и родился здесь и вырос. В мире и покое. Только сказки, что ему рассказывали, сначала баюкая по вечерам, а потом у пастушьих костров, твердили другое. Твердили, что вокруг огромный мир, в котором есть место всяческим злодеям и чудовищам, а главное, отважным героям, защищающим простых людей, но предпочтительно, если те — молодые и красивые особы женского пола.

Мне в детстве тоже нравилось слушать сказки. Уж кем только я себя не представлял! Правда, больше благородным разбойником, чем придурковатым героем, не требующим за свои подвиги никакой платы. А потом и вовсе выяснилось, что настоящие красавицы почему-то всегда выбирают алчных и вовсю распускающих руки негодяев, а не тех, кто готов служить им верой и правдой, довольствуясь лишь ласковым взором. Сказка закончилась. И слава Богу!

А что творилось в твоей голове, Дерк? Ты-то продолжал верить, и, подозреваю, с каждым годом твоя вера только росла, если в конце концов даже свадьбу пришлось отложить.

Герой. Каким он должен быть? Что должен сделать, дабы удивить и восхитить свою суженую? В горах наверняка бродят дикие звери. Те же волки, к примеру, а может, кто и покрупнее. И наверняка иной раз подбираются к пасущимся стадам, дабы...

— Скажи, пастухи часто недосчитываются коз по возвращении с пастбища?

— Когда горные волки лютуют, так всегда бывает.

— А в последнее время лютовали?

Ньяна подняла взгляд к потолку, вспоминая:

— Да вроде с осени никто не жаловался.

— А Дерку приходилось сталкиваться с волками?

Повисшее молчание продлилось дольше, чем я ожидал.

— Да вроде нет.

— Ни разу?

Серые глаза виновато мигнули.

Очень интересно. Значит, и в такой малости, как схватка с дикими зверями, парню не

повезло. А жаль. Глядишь, порвали бы его волки немного, и героические фантазии тоже поуменьшились бы.

— И он ведь старался бывать в горах почаще?

— Да. Сочечка ещё жаловалась, что, как только снег начал сходить, Дерка в долине и не встретить было.

Значит, парню срочно требовалось совершить подвиг. Похоже, плоть взыграла и начала требовать своё, но упёршийся рогом разум сопротивлялся изо всех сил. Деревенский дурачок рыскал по горам в надежде нарваться-таки на нечто героическое и, конечно, то, с чем мог справиться лишь он один. А потом горы исчерпали себя, и остался всего один путь. Наружу. Но куда?

Что обычно делает герой? Сражается. Во что он обычно одет? В доспехи. Чем отбивается от врагов? Оружием. Очень грубое описание, но, думаю, чему-то более сложному в голове Дерка было не уместиться. Итак, вооружённый воин. Где можно превратиться в такого? Только...

Я перевёл взгляд на край карты, туда, где рисунок обрывался, так и не добравшись до самого интересного.

— Где, по-твоему, легче всего стать героем?

Ньяна подумала и ответила совершенно разумно:

— На войне.

— А если поблизости нет войны?

Она проследила направление моего взгляда и, сама себе удивляясь, закончила напрашивающуюся мысль:

— На её остатках.

***

Правило добрых людей, непременно выходящих из Блаженного Дола через граничную заставу, удлинило наш путь на десяток миль и ухудшило моё настроение. Самой Ньяне, похоже, было всё равно, сколько придётся прошагать впустую, зато приличия были соблюдены, и все дольинцы спустя полчаса после нашего ухода уже знали, что Смотритель отправился на поиски пропавшего пастуха. Наверное, можно было послать вместо себя парутройку товарищей Дерка по пастушьему делу, но мне вдруг захотелось убедиться в правильности сделанных предположений лично. И заодно, если уж я облажался с выводами, скрыть свой позор от лишних свидетелей.

Идти по каменистой обочине было не слишком радостно: гораздо приятнее было бы ехать, хотя бы и на телеге, но, как объяснила защитница, пока талая вода окончательно не уйдёт в глубь земли, из Дола в большой свет ездят только по крайней надобности, а так всё больше верхами и пешком. Я сразу отбросил мысль позаимствовать лошадь на одном из соседних дворов, потому что давным-давно забыл, с какой стороны подходить к этим гнусным скотинам. Ньяна же, когда предложил взять ездовое животное для неё, смущённо отказалась, пробормотав что-то вроде «и я их боюсь, и они меня не жалуют». А нести довольно увесистые сумки ей было нетрудно, как я убедился на пятой миле пути, когда сам начал ощущать каждый фунт собственного груза.

Нет, взяли мы с собой немного: фляги с водой, сухари, вяленое мясо да плащи, под которыми можно было в случае чего даже устроиться на ночлег, хотя защитница клятвенно заверила меня, что ещё до наступления вечера подойдём к воротам форта. Я предпочёл ей поверить, потому что ночёвка в предгорьях не казалась мне пределом мечтаний. Особенно

без оружия, которое мне, как Смотрителю, оказывается, было не положено носить при себе и уж тем более использовать по назначению.

Ньяна объясняла сбивчиво, но общую суть правила я всё же уяснил. Поскольку Смотритель являет собой оттиск Дарохранителя, как бы напыщенно это ни звучало, в его, то есть моём, праве вершить правосудие никто не смеет усомниться, а стало быть, восставать против, а тем паче покушаться на мою жизнь и вовсе не может. Я попробовал рассказать своей спутнице о нравах, царящих за пределами Блаженного Дола, в частности о том, что в столице каждому дарственному чиновнику полагается непрременный защитник, поскольку в одиночку справиться с недоброжелателями порой не удаётся, но женщина, услышав знакомое слово, ухватила за него и радостно заявила: «Вот и я у вас такая защитница!» Продолжать смысла не было. Никакие доводы о том, что с оружием в руках я бы чувствовал себя более уверенно, на Ньяну не подействовали, и за это, видимо, нужно было сказать спасибо моему предшественнику, явно по старости лет не помышлявшему вступать в поединки, не говоря уже о том, чтобы обременять дряхлое тело острой, а самое главное, увесистой сталью.

Заставу Дола мы миновали незадолго до полудня, а ближе к обеду, прошагав три часа и не менее десяти миль, устроили привал там, где дорога начинала едва заметно подниматься в гору. Следующий отдых понадобился ещё примерно через два часа, когда меня вдруг закружило и повело. От воздуха, как пояснила защитница. Дышать и правда стало как-то иначе, резче, что ли, но, немного посидев на месте, а потом продолжив путь чуть менее быстрым шагом, я довольно легко привык делать вдохи не глубоко и редко, а коротко и часто. Слава Богу, выносливость осталась при мне, пусть и не в прежнем виде: к воротам форта мы в самом деле вышли ещё до заката, и я чувствовал себя усталым, однако не разбитым вдребезги, чего всерьёз опасался. Хотя чуть позже, когда часовой пропустил нас внутрь и мне было предложено сесть на скамью, я, расслабившись всего на минуту, понял, что сегодня больше не прошагаю и мили.

Форт Перевальный стоял прямо на уходящей в горы дороге и представлял собой две сторожевые башни по бокам низких ворот, под которые нельзя было въехать верхом, не согнувшись в три погибели. Левая башня упиралась в скалу и даже на неискущённый взгляд выглядела неприступной, от правой вниз, туда, где шумела река, уходил обрамлённый крепостными стенами коридор, перекрывая ближайшие возможные тропы из южных земель в северные. Конечно, при желании можно было вкарабкаться и по скале или обойти форт по другому берегу реки, но, как говорили в Блаженном Доле, добрые люди застав не чураются, а на злых всегда находится своя управа.

Гарнизон был маленький. За время ожидания коменданта я насчитал всего с дюжину солдат, шатавшихся по крохотному двору форта с делом и без дела. Сколько часовых скучало на башнях, угадать было трудно, но, скорее всего, не больше чем по двое, а то и вовсе по одному, потому что куда как сподручнее спать, ожидая своего дежурства, в защищённом от ветра углу, привалившись к нагретой солнцем стене. А солнце светило не по-весеннему жарко, и близость лета стала ощущаться ещё острее, когда форт накрыли промозглые сумерки.

— Скоро комендант-то вернётся? — спросил я у очередного солдата, проходящего через двор.

— Так порыбалит и придёт, куда ж денется?

Если учесть, что мы вошли в форт уже при заходящем солнце, а сейчас и вовсе почти

стемнело, слова солдата выглядели насмешкой. Но ровно до той минуты, когда на залитый светом факелов двор шагнул из теней крепостного коридора комендант.

Невысокий, крепенький, такой, каких обычно называют «мужичками», рано и давно облысевший, как стало понятно, когда рыбацкая шляпа вместе с плащом были сданы на руки адъютанту, зато роскошно усатый. Таких длинных и пышных соломенно-светлых усов я не видел никогда: даже столичные модники, как ни пыжились, были способны соорудить на своей верхней губе лишь что-то прискорбно чахлое. Над усами горбился крупный нос, по обе стороны которого грозно щурились ничего не выражающие глаза. Даже странно было видеть столь яркую и красочную оболочку без наполнения. Правда, заметив меня, а вернее, глянцево блестящего жука на моей груди, комендант всё же удивился:

— Какими судьбами к нам, эрте Смотритель?

Впрочем, я удивился намного больше, увидев комендантский улов: двух здоровенных лососей, по серебристой шкуре которых весело прыгали факельные отблески.

— Рыбные места здесь?

— И ещё какие! Бывает, столько можно всего наловить, что и не снести. Так чему обязан?

Сбить моего собеседника с избранного пути оказалось невозможно, и я ответил так коротко, как только смог, чтобы избежать лишних вопросов:

— Ищу пропавшего человека.

Комендант оценил мою краткость тем самым образом, на который я и рассчитывал: не стал продолжать разговор на дворе, а пригласил пройти в башенную пристройку, походя распорядившись, чтобы свежельовленную рыбу подали на стол сразу, как только сготовят.

Окна комнаты, служившей, судя по всему, и спальней, и кабинетом, и столовой, и залом для приёма гостей, были мало похожи на бойницы, но в стусившихся сумерках источниками света служить уже не могли: им на смену пришли толстенные свечи из самого настоящего воска. Подобное роскошество выглядело неуместным даже во многих столичных домах, но здесь, как я быстро догадался, в цене были совсем иные вещи. А воск... Что воск? В ближних селениях наверняка есть многочисленные пасеки, ведь тут намного теплее, нежели в окрестностях Веенты, значит, и цветёт всё обильнее. К тому же прочих свидетельств зажиточности главного в форте человека я не заметил. Даже серебряные столовые приборы имели право на существование: многие лекари утверждают, что, если есть с серебра, будешь болеть куда как меньше.

— Эта женщина с вами? — уточнил комендант, не поворачивая головы. Наверное, краем глаза заметил, что Ньяна направилась следом за мной.

— Она мне помогает.

Он кивнул, опять-таки не выражая ни согласия, ни раздражения. Просто отметил указанный факт и прошёл на своё место во главе стола, прямо скажем, предназначенного вовсе не для еды, потому что посреди широкой столешницы громоздилась роскошная игрушка: уменьшенная копия самого форта, выполненная с заметной любовью и прилежанием. Даже деревца были расставлены именно там, где росли в действительности, и весьма походили на настоящие.

Я много раз видел подобные макеты в отцовском кабинете и довольно точно представлял, сколько может стоить столь искусная работа, да ещё порученная мастеру. В том, что игрушечный форт делал умелый человек, сомневаться не приходилось. А вот насчёт денежных возможностей коменданта, обзаведшегося дорогой забавой, возникали вполне

закономерные сомнения: вряд ли казённые средства были рассчитаны на подобные траты.

— Нравится?

А он ведь гордится своей игрушкой. Хотя... Я бы тоже гордился макетом Блаженного Дола в своём доме. Мол, смотрите все и завидуйте моим владениям.

— Прекрасная работа. Очень похоже на мастерскую эрте Ессини, ту, что находится в Райме.

Взгляд коменданта на мгновение замер:

— А вы знаток. Не думал встретить в наших краях человека, не чуждого прекрасному.

— Скорее полезному. Это всё же деловой макет, а не услада взоров.

— И тут угадали! — Соломенные усы не смогли полностью спрятать улыбку. — А впрочем, что мы всё о мелочах да о мелочах? Позвольте представиться. Элбен Горт со-Маленна. Капитан.

Часть 4.7

Я раскрыл было рот, чтобы ответить той же любезностью, но осёкся, вспомнив окончание собственного имени. Не хватало ещё, чтобы начались расспросы о столичной жизни и о том, почему мы с ней вдруг решили расстаться по обоюдному согласию.

— Смотритель Блаженного Дола.

М-да, звучит не особенно гордо и громко, но к месту и времени подходит как нельзя лучше.

— Присядете?

— С удовольствием.

— Устали? Часовой сказал, что вы пришли пешком.

— Да. Нужно, знаете ли, иногда и жир растрясти.

Комендант посмотрел на Ньяну, скромно занявшую место на самом краю стола, несколько растерянно хмыкнул и больше в разговоре тему избыточной плоти не затрагивал.

— Итак, вы ищете человека?

— Совершенно верно.

— Именно здесь?

— Слишком много шансов, что он приходил сюда.

— Давно?

— Дня два назад, не раньше.

Комендант откинулся на спинку кресла и положил ладони на подлокотники.

— Каков он из себя?

Собственно, дальше можно было не продолжать. Если бы наш деревенский дурачок или кто-то ещё не появлялся у форта за последние дни, подобного вопроса не возникло бы. Теперь осталось только уточнить детали. Я кивнул защитнице, и та перечислила:

— Высокий, на голову выше вас, а то и на полторы. Сильный, но не жилистый. На правой щеке оспины глубокие: это он в детстве, когда болел, содрал, а родители не углядели.

— Вдобавок рыжий и... малость глуповат, — закончил я описание пропажи.

Комендант задумчиво всмотрелся в пламя ближайшей свечи, не спеша отвечать.

Есть много признаков, по которым можно понять, что человек лжёт. Но когда вместо лжи наступает тишина, это означает, что правда намного безопаснее. Нужно только терпеливо дожидаться, когда она осмелеет и выйдет на свет. Или когда сообразит, о чём можно и нужно умолчать.

— Был здесь такой.

Я уже и не сомневался. Но прошедшее время меня мало интересует.

— И где он теперь?

Глаза коменданта остались безжизненными, хотя усы встопорщила улыбка.

— Я бы тоже хотел это знать.

— Признаться, не понимаю, что вы имеете в виду.

Эрте Элбен сцепил пальцы рук, не снимая локти с подлокотников, а значит, меня ждал обстоятельный рассказ. Знать бы ещё, насколько откровенный.

— Сами видите, служба у нас невеликая. Это когда-то, ещё до появления на свет моего деда, в здешних краях и дня не проходило без стычки, большой или малой, а я получил назначение уже в забытое Божем место.

Пока он точно не лжёт. И даже оттенки чувств, проскакивающие в его голосе, вполне правдивы. Или, по крайней мере, похожи на те, что сопровождали мои недавние размышления.

— Войны закончились, и перевал нет смысла держать на замке. Хотя южане — народ беспокойный. Так и не привыкли за сотню лет к жизни в Дарствии.

О чём это он? Южные провинции не славят Дарохранителя благоговейно и коленопреклонённо? Не слышал раньше ничего подобного. Впрочем, не удивлюсь, если до столицы такие вести и вовсе не доходят, оседая в ушах чинуш, боящихся потревожить вышестоящее начальство.

— Хотите сказать, здесь случаются... — Какое бы слово подобрать, чтобы не спугнуть коменданта с выбранной тропки разговора? — Беспорядки?

Эрте Элбен равнодушно махнул рукой:

— Слишком громко было бы так их называть. Просто время от времени, не больше десятка раз за лето, люди с той стороны пытаются пробраться на эту. В обход форта, конечно. А мы их отлавливаем и возвращаем назад, вот и всё здешнее развлечение.

— Прошу прощения, я недавно назначен в Дол и пока ещё не знаком со всеми местными особенностями... Почему вы ловите этих людей и возвращаете?

Взгляд коменданта полыхнул злорадным огоньком:

— Потому, что им не дозволено сниматься с насиженных мест.

* * *

— Существуют запреты? Из-за чего?

Пауза перед ответом чуть затянулась, словно мой собеседник сообразил, что беседа свернула не туда, а возвращаться к развилке поздно, и единственный выход — продолжать, но шагать осторожнее, нежели прежде.

— В южных провинциях всегда жарко, а рек и озёр слишком мало, да к тому же они часто пересыхают. И как только случается очередная засуха или суховей пройдёт, многие тамошние жители пробуют найти лучшую жизнь в этих краях. Нет, конечно, бегут не только сюда, ведь этот перевал не единственный. Но и здесь пытаются пройти.

Он пока не ответил на главный вопрос, зато я, кажется, догадался, в чём дело:

— Там, на юге, мало рабочих рук, и потому высокими указами южанам запрещено покидать свою родину?

— Именно так. — Комендант удовлетворённо опустил подбородок.

Суровое правило. Хотя, наверное, правильное. В конце концов, все их прежние поколения жили там, так пусть и дальше живут.

— Но такие беглецы не слишком вам досаждают?

— Нисколько. Их задора хватает только на то, чтобы потеряться в горах, а переправляться через реку опасно, и рано или поздно патруль находит нарушителей.

Если учесть, что солдаты гарнизона явно подготовлены к горной службе, а им противостоят земледельцы с сухих южных равнин, в итоге подобных столкновений сомневаться не приходится.

— Может быть, вернёмся к моему... беглецу?

— Как угодно. — Эрте Элбен сделал вид, будто предложенная вновь тема душераздирающе скучна. — Он был здесь. Вчера.

— Есть повод предполагать, что он пришёл в форт не просто так, а с определённым прощением. Я прав?

Комендант тяжело вздохнул:

— И такие красавцы не редкость. Не меньше одного вижу каждые полгода. Заявляют, что желают служить Дарствию и творить на этой службе исключительно подвиги.

— Дерк входит в их число?

Названное имя моего собеседника не удивило. Значит, виделись и, более того, разговаривали.

— Хочу, говорит, защищать. Кого и от чего — неважно. Хотя, защитить как раз сможет: крепкий, ничего не скажешь.

— И как вы обычно поступаете с просителями службы? Отправляете домой, как беглых южан?

Соломенные усы чуть приподнялись, как будто губы под ними изогнулись в хитрой усмешке.

— Разумеется.

Я прикинул время, потребное на возвращение в Дол, даже под солдатским конвоем.

— Но тогда беглец был бы уже дома.

— А может, он там и есть?

Шутить изволите? Зря. Потому что мне сейчас не до смеха.

— Вряд ли. Мы не могли разминуться, если он возвращался по дороге. А он ведь не мог идти другим путём, верно?

Комендант хмыкнул, стараясь скрыть что-то вроде разочарования. И хорошо, что не стал настаивать. Особенно после того, как долго рассказывал про нарушителей правил. Можно было бы заявить, что Дерка вернули по горным тропам, но тогда получалось бы, что гарнизон и его начальник ничуть не лучше тех, с кем борются по мере сил и старания.

— Да, я не торопился с его отправкой домой.

— Почему?

Последовала новая пауза, взятая эрте Элбеном уже не на раздумье, а на придание голосу проникновенности.

— У меня маленький гарнизон, сами видите. А вчера один из моих парней, назначенный в патруль, подвернул ногу уже перед самым выходом. Нужно было пересматривать график дежурств и снимать человека с заслуженного отдыха, а это, сами знаете, не дело, когда час недоспал... И тут этот малохольный с горящими глазами как раз подвернулся. Пастухом, говорит, был, по горам ходить умею. Вот я и подумал: почему бы не сделать парню приятное? Сходил бы раз в патрулирование, а потом тихо и мирно вернулся к мамочке, гордый и довольный.

Здравое рассуждение. Только гарнизонная служба всё-таки не детская забава.

— Не боялись рисковать?

— А в чём риск? — удивился комендант. — Южане побегут, только когда теплее станет, а сейчас они ещё носа не кажут в горы. Кошки местные людей не трогают, им коз вдоволь хватает, да и мы лесным соседям лишний раз не мешаем. К тому же пастух уж точно должен уметь со зверьём управляться... Да и в пару с ним я опытного человека отправил. Нет, никакого риска не было.

А вот эту фразу он добавил зря. Без неё равнодушная командирская речь звучала намного убедительнее.

— Когда они должны были вернуться?

Эрте Элбен на мгновение зло стиснул губы:

— Ещё два часа назад.

— То есть до нашего появления?

— Да.

— И почему же не вернулись?

— Не знаю, — бесхитростно ответил комендант. — Может быть, отошли слишком далеко и решили заночевать в лесу.

— Такое раньше случалось?

На сей раз ответа не последовало. Вместо того мой собеседник потянул носом и довольно потёр ладони друг о друга:

— Готовы рыбоньки мои! Отужинаете со мной, не побрезгуете?

— Спасибо за приглашение. Всенепременно.

Лосось оказался великолепен. Мне не так уж часто выпадало счастье вкушать его нежно-розовую плоть, потому что в столице дешева была лишь местная рыба, бледно-жёлтая, костлявая и сухая, но оценить вкус мог вполне: недаром же в течение целого года одним из постоянных мест посещения для меня была рыбная лавка. Запечённый на углях, да ещё вместе с икрой...

— Вы часто ходите на рыбалку?

— Раза три в седмицу. Когда начинаю скучать по хорошему противнику.

По заведомо более слабому, хотите сказать? Ведь как бы ни была проворна и сильна рыба, человек всегда найдёт способ с ней справиться.

— И много времени вам понадобилось, чтобы выловить этих красавцев?

— Четверть часа, — ответил комендант не задумываясь.

Вот сейчас он сказал правду. Лососи идут на нерест, и ждать поклёвки вряд ли пришлось долго. Но ловят их засветло, а наш рыбак возвращался уже в глубоких сумерках. Почему?

— Завидная у вас служба. Размеренная.

— А вернее будет сказать, скучная. Но скоро моё назначение закончится и, даст Бож, подпишут отставку.

— Не рано ли? — На мой взгляд, комендант легко мог бы ещё с десятков лет выполнять свои обязанности. В конце концов, ему же не нужно было лично прочёсывать горы каждый день.

— Пора подумать о семье, — многозначительно заявил эрте Элбен. — Да, кстати! Как увидел вас, сразу захотел спросить, да забыл... Вы-то сами с семьёй расстались любовно?

— Простите?

— Ну всем же известно, что в Смотрители назначают мужчин, уже успевших наплодить потомства, ведь больше им жён и детей заводить не положено. Я ещё удивился: вы так молоды, а уже... Или всё дело в сердечной ране?

Смотритель должен быть неженат и бездетен? Какой бред. Хотя... К мифу об оружии, которым мне нельзя пользоваться, это утверждение очень хорошо подходит. Сделаю вид, будто понял, о чём речь, и скажу... правду. Одну из.

— Жена ушла от меня.

— О, понимаю! — Комендант поднёс к губам серебряный бокал. — Чувства без взаимности и всё прочее... Но вы решительный человек. Bravo!

Я очень глупый человек, если подписался на службу, тонкостей которой не знаю. Интересно, в записях прежнего Смотрителя имеется что-нибудь насчёт семейной жизни?

Наверняка. Нужно будет только найти.

— С вашего позволения, меня же волнует судьба Дерка.

— Дерка? А, того парня... Не извольте беспокоиться, найдётся. Если завтра поутру не вернётся в форт, отправлю патруль на поиски. В горах ведь всякое случается. Может, ещё нога какая подвернулась...

Охота, с которой комендант вдруг согласился помогать, настораживала. Видно, и в самом деле утром всё должно было решиться так или иначе. Я испросил позволения отправиться вместе с патрулём, что тоже не вызвало возражений эрте Элбена. А потом нас с Ньяной проводили в одну из казарменных комнат устраиваться на ночлег.

Защитница легла прямо на неразобранную койку и даже не стала укрываться одеялом. Впрочем, её жировая прослойка наверняка позволяла спать и на голом снегу, а меня слегка познабливало, причём непонятно, от чего больше: от напряжённого привыкания к новым обстоятельствам или от ожидания предстоящего путешествия.

— Как думаешь, найдём Дерка?

— А что думать-то? — зевнула Ньяна. — Наиграется в солдатиков, сам придёт.

— Странно, что патруль не вернулся вовремя.

— А почём вы знаете? Может, они ту же охоту или рыбалку устроили, вот и задержались. Всё веселее, чем на каменные стены весь день пялиться.

Это верно. Сидеть в форте скучнее. Время уж точно тянется медленнее.

— Комендант, конечно, неправ. Нельзя было необученного парня просто так брать и посылать в патрулирование.

— А чему там учиться? По горам Дерк ходить умеет не хуже этих, гарнизонных. Да и в драке не сробеет.

О, слышу что-то новое!

— Он любит подраться?

— Все молодые парни любят. Только ему Соечка запрещала, строго-настрого. Говорила, незачем силой хвастаться, если почтенного повода на то нет.

— И он слушался?

— А как не послушаешься? Невеста же.

Странно. Мне почему-то кажется, что молодецкая удаль всегда берёт верх над разумом. Особенно если пытаться её сдерживать.

— А ты не думаешь...

— Да спите уже! Завтра козлом по горам наскочите, так пожалеете, что не отдохнули всласть.

***

Выспался я хорошо, несмотря на то что ещё битый час после того, как в тишине прорезался тоненький храп Ньяны, раздумывал о причинах, заставивших деревенского дурачка нарушить невестины наказы. В итоге решил, что девица попросту довела парня придирами, и тот захотел напоследок перед впряганием в семейное ярмо, так сказать, ощутить всю полноту жизни.

Наступившее утро оказалось до одури ясным и солнечным, что, конечно, радовало глаз, но под голыми кронами горного леса приносило больше неудобств, чем удовольствия. Хорошо ещё, накануне не было дождей и земля под ногами была вполне сухой, иначе блики от каждого мокрого камешка свели бы меня с ума за первые полчаса движения патруля. Неспешного движения, надо сказать. А впрочем, куда нам было торопиться? Маршрут

известен заранее, время рассчитано, единственным поводом вернуться пораньше могло бы служить намерение отправиться на ту же рыбалку, но, видно, эта вольность была беспрепятственно доступна лишь коменданту, и при посторонних солдаты рисковать не желали.

Выходили мы не из главных ворот форта, а из потайных, расположенных ближе к концу крепостного коридора, по которому пришлось топтать примерно три четверти мили. Вдалеке виднелось ещё что-то вроде калитки, через которую, судя по всему, ходил ловить рыбу комендант. Смутило меня только одно обстоятельство: калитка была сквозная. То есть ровно напротив неё на второй стене был точно такой же проход. Всё бы ничего, но он, прорезающий внешнюю стену, явно был пробит намного позже, чем построен сам форт, к тому же не был оснащён особым каменным козырьком, который легко обрушить в случае опасности, и потому вопиющим образом нарушал неуязвимость крепости, а значит, совершенно точно не был задуман зодчим. Больше всего походило на то, что калитку использовали для тайного пересечения линии обороны. Я попытался вспомнить, как выглядел макет форта на комендантском столе, но это занятие вскоре пришлось бросить, потому что каменистая тропа под ногами требовала к себе очень большого внимания.

А ещё меня удивила Ньяна, оставившая в комнате тёплый кафтан, зато накинувшая сверху просторное полотнище с широким круглым вырезом для головы, закрывавшее всю фигуру до колен. Мне подобное одеяние казалось малоподходящим для прогулки по лесу, но защитница ухитрилась цепляться за сухие веточки деревьев куда меньше, чем я. Вернее, не цеплялась вовсе, чем вызвала заслуженное уважение солдат патруля, особенно того, что был помоложе и только начинал осваивать науку бесшумного передвижения по лесу. Взгляды, направленные на меня, я предпочёл не ловить, чтобы не возникало желания огрызнуться и заявить что-то вроде «видели бы вы меня ещё год назад...».

Тропа была найденная, видно, патрульные очень редко отклонялись от намеченного пути. Что говорило об одном из двух: либо этот маршрут проложен исключительно разумно и проходит по всем ключевым точкам, подлежащим наблюдению, либо жизнь форта протекает не менее чинно и скучно, чем жизнь Блаженного Дола. Для полной уверенности следовало бы ещё взглянуть на донесения коменданта, только мне почему-то казалось, что их тон и содержание один в один повторяют творения усопшего эрте Ловига.

Если внизу, в долине, уже вовсю пахло весной, то здесь царило что-то вроде безвременья. Снег давно сошёл, но травы пока не было и в помине, словно зима давным-давно покинула свой престол, а следующая по очереди правительница природы затерялась где-то в пути. Да, если тут всегда так сменяются времена года, со скуки помереть недолго. Впрочем, не только со скуки.

Полян на протяжении нашего пути встретилось немного, и каждую из них можно было пересечь десятком шагов, но эта оказалась поистине великаншей среди своих сестёр. Настолько большая, что смогла уместить на своей чуть наклонившейся в восточную сторону груди целых четыре мёртвых тела, между которыми можно было пройти, не задевая торчащую колом от засохшей крови одежду.

— Боженка милосердная! — ахнула Ньяна и зачем-то тут же прижала ладошку к губам, как будто слова могли потревожить покой умерших.

Старший из солдат высказался короче и смачнее, младший побледнел всем лицом, невольно показывая, что для него встреча с мертвецами в новинку. Я тоже сглотнул ткнувшийся в горло комочек, присматриваясь к телам, застывшим в позах, явственно доказывающих: эти люди ушли из жизни не по собственной воле и не с улыбкой на устах.

Один из погибших мужчин носил ту же форменную одежду, что и патрульные, другой был одет до странности неприметно, так что его трудно было бы разглядеть даже в безлиственном лесу. А вот женщины по неизвестной мне причине были одеты почти празднично. Вернее, женщина и девочка, возможно дочь. Цветастые шёлковые юбки и платки, надетые про запас, превращали фигуры погибших в подобие бочонков. И, если мне не почудилось, под короткими кафтанчиками пряталось много маленьких свёртков.

Я присел рядом с мёртвой женщиной, расстегнул несколько мелких пуговиц на пышной груди. Да, так и есть: полотняные мешочки. Туго набитые монетами. Одна медь? Значит, несли на себе всё что было. Но зачем? Волосы, запёкшиеся в крови, чёрные как смоль, кожа желтоватая, как у Лодии... Беглые южане? Очень похоже. И мужчина, судя по всему, уроженец юга. Вот только при нём никакого лишнего скарба нет, словно он служил кем-то вроде проводника, а не сам собирался поменять место жительства.

Пока я рассматривал погибших, солдаты перевернули тело своего сослуживца, обнаружив рваную рану на шее, оставленную явно не одиночным и не стальным лезвием. Но меня куда больше заинтересовало то, что, в отличие от женщин, не подвергнувшихся обыску, за пазухой мёртвого солдата кто-то, по всей видимости, рылся.

— Не знаете, что при нём было? — спросил я у патрульных.

Те дружно пожали плечами. Слово взял старший:

— Денег Руц с собой не брал. На что их в лесу-то тратить? А больше и быть ничего не могло.

Не могло, но было. Иначе зачем кому-то рвать пуговицы с корнем вместо того, чтобы спокойно расстегнуть, а потом застегнуть их? Что-то ценное. По крайней мере, для того, кто нетерпеливо искал своё сокровище.

— Что эти люди делали в лесу?

— Известно что. — Старший солдат жадно покосился на развязанный мною мешочек. — Беглые они. Наверное, патруль их нашёл и...

Вот именно. «И»? Зачем и кому понадобилось их убивать? Нанесённые раны походили на оставленные зверем, но уж больно короткие у того были когти. Короткие и тупые. Случайно потревожили какую-нибудь старую горную кошку? А откуда тогда взялась эта вмятина на черепе женщины? Как будто молотом ударили, только округлым. Очень всё это странно. А ещё страннее то, что на сцене не хватает ещё одного актёра.

— Дерк ведь был в этом патруле? Тот рыжий придурковатый парень?

— В этом, в каком же ещё.

Значит, он остался жив, и его можно было бы расспросить о случившемся. Осталось только найти.

— Осмотритесь вокруг?

Солдаты неохотно кивнули, прощаясь с желанием пошарить за чужими пазухами, и разошлись в стороны, обходя поляну кругом.

— Да что же это?.. — робко подала голос Ньяна.

— Смерть. Никогда не видела мёртвых?

— Да насмотрелась, век бы не видеть. Но кто же их, больных, так?

— Я тоже хотел бы знать. Только молчат все, спросить не у кого.

И тут, словно возражая моим словам, раздался отчаянный крик. Не звериный, а вполне человеческий. Исходивший оттуда, куда свернул с тропинки старший солдат.

Хотя никакой зелени в лесу не было ещё и в помине, тем не менее даже редкой, казалось бы, завесы голых веток хватило для того, чтобы скрыть происходящее от нас всего в двух десятках шагов. И только преодолев ажурную изгородь кустов, мы увидели, кто кричал и чем завершился крик: солдат склонился над молодым парнем, черноволосым и загорелым, с вывернутой за спину рукой вынужденным уткнуться носом в землю и по возможности не делать резких движений.

— Выскочил из-за кустов, — словно оправдываясь, объяснил победитель, а его товарищ, прибежавший на шум одновременно с нами, уже разматывал кольца верёвки, сорванной с пояса.

Не прошло и минуты, как нападавший был надёжно связан и поднят с земли, чтобы мы все смогли рассмотреть совсем юное, но тем не менее озлобленное на зависть многим старцам лицо. Оказавшись в положении стоя, а значит, глаза в глаза со своими обидчиками, парень попытался плюнуть в наши лица, не попал, зато получил хлёсткую затрещину, до крови разбившую тонкую потрескавшуюся губу.

— А ну, стоять смирно! А то...

— Что? Убьёте меня, как мою семью? Так давайте, только не тяните!

М-да. Я искал одного свидетеля, но неожиданно получил другого.

— И убьём. Повесим по всем правилам, за нападение на патруль, — в тон парню ответил старший солдат. — Только сначала ещё вдоволь на солнышке повялишься.

— Не боюсь я солнца!

— А чего же бежал от него? — спросил я.

Тёмно-синий взгляд переместился на меня. Вместе с ненавистью и, как ни странно, надеждой.

— А ты сам попробуй поживи там, где солнце жарит и зимой и летом!

Как-то не хочется. Я не люблю ни жару, ни холод в крайних проявлениях. Но речь сейчас не об этом.

— Ты бежал с юга не один?

— Вы же видели сами! Или плохо разглядели?

— Это твоя мать и...

— Сестра! Ей всего восемь лет исполнилось!

— А тебе самому-то сколько?

Он промолчал, на этот раз сплюнув в сторону. Видно, больше не желал получать побои перед смертью.

Помню, Лодия в самом начале нашей совместной жизни, когда ещё не нашла себе подружку для душевных бесед, рассказывала мне о непомерной гордости южан. Например, о том, что южные мужчины предпочитают быстрой смерти долгую и мучительную, а потому берегут силы до последнего. Значит, и этот юноша уже подготовился к путешествию в мир иной? Но почему? Что мешало ему сбежать, прихватив семейную казну? И почему его куртка так странно встопорщилась на груди?

— Ну-ка, придержите его! — велел я, ожидая, что парень будет артачиться, а он и не подумал мешать обыску. Как будто желал, чтобы моё намерение завершилось успехом.

Не прошло и минуты, как в моих руках оказались два небольших футляра, в которых лежали похожие друг на друга как капли воды листки со строчками букв, прерывающимися в том месте, где должны были стоять имена.

Подорожные, выписанные комендантом форта. С печатями и подписью, выполненные по всем правилам. Две штуки. А должно было быть три?

— Ты был вчера здесь. — Ставить в конце фразы знак вопроса не требовалось, поскольку юноша сам заявил, что погибшие женщина и девочка — его мать и сестра. Но меня не столько занимал факт упомянутого события, сколько время его начала и окончания. — Ты видел, как умерли все эти люди?

Конечно, он мог промолчать. Но, судя по всему, у южанина имелись причины поступить обратным образом, смущала только близость двух патрульных.

— Я скажу. Только с глазу на глаз.

* * *

Я многозначительно взглянул на старшего солдата. Тот презрительно скривился, показывая, что меньше всего намерен следовать требованиям беглеца. Пришлось прибегнуть к помощи слов:

— Отойдите шагов на пять.

— Вы уверены, йерте? А то смотрите, бросится на вас, да ещё покусает, бешеный.

И ухмылочка такая масляная-масляная... Смешно. Правда смешно.

— Хорошая шутка. Ха-ха-ха.

Из сопровождения Атьена Ирриги я твёрдо усвоил, что многих, даже самых наглых и непробиваемых наглецов можно осадить брезгливым равнодушием, и постарался сейчас применить преподанный мне урок. Получилось не блестяще, но солдат умолк и шагнул назад, сделав знак своему товарищу поступить так же.

— Я слушаю.

Юноша посмотрел мне в глаза и спросил:

— Вы влиятельный человек?

— В достаточной мере.

Хотелось бы верить, что не обманываю.

— Вы видели, что написано в тех бумагах?

— Да.

— Можете сделать так, чтобы человек, подписавший их, был наказан за свои деяния?

А Божьего меня знает. Может, и могу. Донесение в столицу уж точно имею право отослать, а в нём изложить всё, что сочту нужным. Но прежде хочу убедиться кое в чём.

— Ты обвиняешь?

Он побледнел, напряжённо сглотнул, но всё же кивнул.

— И в чём же именно?

— В вымогательстве. И убийстве.

Ньяна, следовавшая за мной с выучкой, заставившей вновь тягостно вспомнить о годах, проведённых в Сопроводительном крыле, тихонько ойкнула. Видимо, за все прошедшие семь лет её начальнику не доводилось слышать из уст просителей ни первое, ни второе.

— И что же у вас вымогали?

— Деньги. Или вы думаете, что подорожные нам хотели подарить?

— Сколько монет стоила каждая?

— Двенадцать дюжин медью.

Вполне достойная цена за возможность начать новую жизнь на новом месте. Даже не слишком завышенная: в столице подобные ставки давно переваливали за две дюжины серебром.

— Знаете, каким потом и кровью нам достались эти монеты?

— Догадываюсь. По меньшей мере, кровью трёх человек. Кстати, тот мужчина... Кто он?

— Проводник.

Я так примерно и предполагал. Место встречи было назначено подальше от любопытных глаз, и не всякий беглец мог его найти в назначенные сроки.

— Он договаривался о подорожных?

— Он.

Что ж, цепочка действий понятна. Проводник получает заказ, передаёт весточку коменданту, а потом приводит своих заказчиков в место, подходящее для совершения сделки. Место, расположенное по ходу маршрута патрулирования. Но при чём тут вымогательство?

— Вчера днём вы пришли сюда. И не получили желаемое?

Юноша куснул губу. Как бы ни велико было желание наказать обидчика, врать он не стал:

— Солдат передал только две подорожных. Сказал, что про третью речи не шло. А потом предложил провести просто так, без бумаг и свидетелей. За цену пониже.

— Что же помешало вам договориться?

Синие глаза взглянули на меня с растерянностью:

— Пройти без бумаг и оказаться там, по ту сторону, без всяких прав?

Не думаю, что вы нашли бы на нашей стороне случай удачно и успешно применить какие-либо права. Скорее всего, нанялись бы батрачить за гроши, а то и вовсе за хлеб и крышу над головой. Но кое в чём парень не ошибается. Отсутствие подорожной — первый и самый лучший повод лишить человека свободы. К примеру, забрать в вечные солдаты. Или продать в дом для увеселений тому, кто пожелает, без возможности выкупа. Или...

Когда я сопровождал чиновников Цепи надзора ещё задолго до знакомства с Атьеном, очень часто приходилось досматривать торговые обозы. Приятного в сём деле ничего не было, потому что вряд ли кому-то понравится дышать запахом немытых тел, человеческих и

лошадиных, зато польза имелась, и немалая. Именно там и тогда я понял, что продажа подорожных из-под полы способна принести немалые доходы ловкачу, который сможет её наладить. А ещё больше монет можно получить, если не боишься возмездия со стороны обманутого покупателя.

Во главе местной лавочки, конечно, стоял комендант. Вернее, не стоял, а ловил. Лососей. Спокойно дожидаясь, пока сделка совершится и ему принесут туго набитые медью мешочки. И вчера был как раз такой день. Но почему эрте Элбен отправил вместе с солдатом нашего деревенского дурачка? Ведь тот мог стать никому не нужным свидетелем происходящего... Ага. Именно «никому не нужным». Вряд ли в торговлю были посвящены все гарнизонные оболтусы, иначе с ними пришлось бы делиться. В другом месте, более многолюдном, скажем, имей комендант в подчинении уже под сотню людей, легко было пригрозить и приструнить, а тут он сам рисковал нечаянно свернуть шею, возвращаясь с рыбалки. Как было сказано? У второго патрульного вдруг заболела нога, а отправлять вместе с осведомлённым лицом неосведомлённое было неприемлемо. По деньгам. Вот наш усатый друг и воспользовался подвернувшимся под руку рыжим пареньком, настроенным на совершение подвигов. А при случае дурачка можно ведь было и «потерять» где-нибудь в лесу, верно?

— И что вы все вчера решили?

Юноша зло раздул ноздри:

— А ничего. Я сказал маме, что возвращаюсь.

— И её это, конечно, не порадовало?

Он плюнул бы мне в лицо, если бы уже не пообещал себе дожить до грядущей казни, а так всего лишь гордо и скорбно промолчал.

— Значит, ты повернулся и ушёл?

— Ничего другого не оставалось.

— А подождать ещё одну подорожную?

— Их приносят раз в седмицу, не чаще. Что бы я делал в лесу столько дней?

Разумно. Но, как зачастую и случается, поступок, совершённый по всем правилам логики, оказался не тем, что требовалось.

— Что случилось потом?

— Я не видел. Ушёл слишком далеко.

— Но ведь слышал?

Лицо юноши скривилось от боли, только совсем не той, что причиняли туго затянутые узлы.

— Они спорили. Слов было не разобрать, да я и не прислушивался. Вот только потом...

— Потом?

— Мама закричала.

— И ты бросился назад?

Он опустил взгляд:

— Я не успел.

Ну это мы все уже поняли. И хотя бы одно то, что на твоей одежде нет брызг крови и прочих следов сражения, кроме совсем свежих, полученных, когда тебя пеленали, легко доказывает: в случившемся на поляне ты не участвовал.

— Когда ты вернулся, все были мертвы?

Он кивнул, сглатывая слюну и морщась так, будто она вдруг оказалась горче полыни.

— И лежали так, как лежат сейчас?

— Да.

— А убийца?

— Его здесь не было.

— Сколько времени прошло с того мига, как ты услышал крик, и до того момента, когда оказался на поляне?

— Немного. Одна минута. Может, две. Я бежал.

Пожалуй, не врёт. Будь он дальше, не слышал бы ни шума спора, ни крика. Но уложить за столь короткий промежуток столько человек... Надо быть очень быстрым и умелым. Или очень сильным.

Я снова прошёлся вдоль мёртвых тел, присматриваясь повнимательнее.

Женщину определённо убили ударом в голову. Девочке разорвали грудь наискось от правой ключицы. Таким движением, будто убийца отмахивался. Мол, отойди в сторону, глупая, ты мне мешаешь. И не рассчитал приложенной силы. Проводник лежал странно скрючившись. Бился в судорогах, прежде чем умереть? Да ещё пальцы впились в землю. Такое бывает, когда испытываешь сильную боль. И мне не нравится, как выглядит его поясица. Не может она изогнуться под таким острым углом. Позвонки не позволяют. Если только связки между ними не порваны.

Я присел на корточки, вытянул охотничий кинжал из ножен на поясе проводника и взрезал одежду. Да, кто-то сломал бедняге позвоночник. Но, видимо, обездвигил только наполовину, поскольку тот продолжал дёргаться. Недолго. Скажем, ещё один вдох, пока убийца не отправил свою жертву в мир иной новым ударом всё по тому же позвоночнику, только в верхней его части. Шейной.

А вот с солдатским костяком всё в порядке. Горло вырвано и всё. Даже видны концы опустевших соломинок кровеносных сосудов. И солдат, в отличие от проводника, пытался сопротивляться. По крайней мере, успел вынуть свой нож. Но добраться им до противника не смог: лезвие чистое, без единой капельки крови.

Кто-то хорошо здесь поработал. Быстро. Надёжно. Грязновато, но с кем не бывает? Он уже вполне мог успеть сменить одежду и уйти далеко-далеко отсюда. Если бы умел думать. А Дерк, судя по рассказам Ньяны, в сём искусстве не преуспевал. Но лишь до недавнего времени, как выяснилось минутой спустя.

Он возник на краю поляны, не потревожив ни единой веточки ни под ногами, ни на голых кустах. Собственно, я и заметил его появление, только услышав позади себя сдавленный вздох защитницы и подняв взгляд. Да, парень дюжий. Мыслей в голове нет, зато руки большие, сильные и... Натруженные. На костяшках кожа содрана. Ногти чёрные, но той самой ржавой чернотой, что оставляет запёкшаяся кровь. Ну что ж, вот и наш убийца, собственной персоной?

— Дерк... Где ты был?

Не самый подходящий ко времени и месту вопрос, но другого так быстро не нашлось. А тот, что прозвучал из уст Ньяны, даже лучше, ведь парень её знает.

— Я хотел защищать!

Славно сказано. С тем самым напором и горячностью, которую очень любят в будущих солдатах командиры.

— Кого, Дерк?

Второй вопрос ушёл в ту же пустоту, что и первый: блеклые серые глаза даже не мигнули.

— Я хотел защищать.

— Соечка по тебе тревожится. Почему ты не вернулся домой?

— Я хотел защищать. И я... защитил?

Теперь спрашивал он, но не у Ньяны, не у меня и ни у кого из живых людей, присутствующих на поляне. Дерк спрашивал у мёртвых.

— Вот что, парень... — Старший патрульный, видимо, решил, что мы и так потеряли слишком много времени, чтобы продолжать тратить его на полоумного пастуха. — Хватит валять дурака. Ты убил их?

— Я должен был защитить. — Взгляд рыжего медленно переместился по кругу, от одного тела к другому. — Они угрожали.

Любопытно, кто, кому и в какой последовательности, но вряд ли пастух об этом расскажет. Впрочем, я и сам могу предположить. Только надо встать и выпрямиться, чтобы выглядеть внушительнее.

— Всё началось с того мужчины, а, Дерк? Он первый начал спорить. Даже кулаки сжал, наверное, уж настолько был недоволен.

— Я должен был защитить.

— Ты и защитил. Солдата. А чем помешала женщина? Наверное, громко закричала. А тебе не понравился её крик, верно?

— Я защищал.

— Конечно. Девочка тоже путалась под ногами. А солдат? Почему умер он? Ведь ты же должен был защищать как раз его. А, Дерк?

— Я защищал. Ты нападаешь. Так же как он. Я защищаю. Дерка.

Обычно всегда заметно, когда противник собирается атаковать. По движениям, становящимся скупыми. По напряжению мышц, различимому даже под одеждой. По взгляду. Я думал, что хоть чему-то научился за время службы, однако простой деревенский дурачок положил все мои знания и умения на обе лопатки.

Его атака словно исходила откуда-то изнутри: я не углядел ни единого признака, а рыжий пастух уже оказался рядом со мной, и кулак, невзвешенный в какие доли мгновения занесённый для удара, уже двигался наперерез моему виску. Однако встречи двух совокупностей костей не произошло.

Я почувствовал рывок за миг до того, как в мой бок впились острые камешки. Но по крайней мере, голова осталась цела, в глазах не помутилось, и можно было отчётливо видеть две фигуры, застывшие друг против друга. Видеть на протяжении всего одного вдоха, потому что потом накидка Ньяны взлетела в воздух, чуть закрывая обзор, а когда полотнище ткани коснулось земли, бойцы уже не стояли.

Правда, что именно они делали, я не мог даже вообразить: над поляной повисла серая полупрозрачная дымка, рваными щупальцами вытягивающаяся то в одну, то в другую сторону. А ещё расцвели цветы. Первые цветы моей новой весны. Алые бутоны, разрывающиеся сотнями крошечных капель. Они возникали то тут, то там, висели в воздухе, потом опадали куда придётся, в том числе и на меня. Я не понимал, что происходит, но страха не чувствовал. Не успевал испугаться. И наверное, надо было отползти подальше, к краю поляны, укрыться за стволами деревьев или за камнями, но любопытство удерживало на месте, заставляя вглядываться в серую дымку до рези в глазах.

Пока всё вдруг снова не замерло.

Они стояли почти там же, откуда исчезли, только в левой руке Ньяны была зажата рукоятка взведённого арбалета, пальцы правой руки защитницы дрожали в непосредственной близости от одного из колчанов, закреплённых за плечом, а плоть Дерка, и одетая и обнажённая, оказалась усыпана алыми лепестками ран, из которых торчали чёрные охвостья стрел.

Они стояли недолго. Оба. Пастух рухнул на землю вниз лицом, причём мне показалось, что смерть пришла к Дерку ещё до падения, а потом Ньяна всхлипнула и тоже осела. На колени. Выпустила из руки арбалет, уставилась на бездыханное тело своего знакомца. А ещё через минуту напряжённой тишины послышалось:

— Он такой же, как я...

* * *

Я положил на стол перед комендантом сначала один футляр, потом второй. Слов, конечно, не требовалось, и так всё было ясно, но мне хотелось что-то сказать. Что-то многозначительное, мудрое и суровое. Однако поскольку ничего подходящего на ум не приходило, оставалось лишь молчать и надеяться, что тишина будет истолкована благоприятным для меня образом. Ну хотя бы чуть-чуть.

— Предъявляете обвинение?

Эрте Элбен был умным человеком, но не только. Ещё он был очень взрослым человеком и умел ценить время, особенно своё и особенно если его оставалось немного.

— Я должен так поступить?

Он не ответил, но соломенные усы обречённо повисли.

— Сколько подорожных вы выписали с начала года?

— Вам нужна точная цифра?

— Нет, довольно и порядка.

— К полусотне.

Хорошая прибыль. Пусть даже одной лишь медью.

— Каждый раз по три-четыре человека приходит?

— Они почти всегда идут семьями.

Конечно. Какой смысл оставлять часть родных на произвол судьбы? Уж лучше попробовать накопить ещё немного монет, зато уйти в лучшую жизнь сразу и всем.

— В этот раз тоже была семья. Но она вынуждена была разделиться.

Глаза эрте Элбена прищурились. Нехорошо так, недобро.

— О чём вы говорите?

Я подошёл к окну и с минуту смотрел на залитую солнцем площадку перед каменной стеной и полуголового человека, за связанные руки подвешенного к балке, проходящей над двором.

— Их было трое. Мать, сын и дочь. Но вы выписали всего лишь две подорожных.

Комендант поднялся из-за стола:

— Я выписал столько, сколько было заявлено проводником.

— Он сам назвал вам количество?

Если бы мой собеседник лгал, то ухватился бы за предложенную возможность выйти сухим из воды, но я услышал противоположное ожидаемому.

— Он всегда разговаривал с патрульными. Вы же не думаете, что я встречался с ним лично? Это слишком большой риск.

Жаль, что со свидетелями у нас туго. Почти все померли. Кроме одного.

— Тот, болящий, всё ещё в постели?

Эрте Элбен крикнул в сторону двери:

— Позовите ко мне Гарзо! И быстро!

В комендантский кабинет названный свидетель входил, разумеется, отчаянно хромая и всем видом показывая, что совершенно неспособен к несению службы.

— Как здоровье, солдат? — спросил я.

— Да вот нога, будь она неладна... Подвела, когда не ждали.

— А ты ведь вроде ещё не стар, чтобы так оступаться.

Я подразумевал одно, но Гарзо понял меня совсем иным образом, и на его поклатом лбу выступили крупные капли пота. Комендант ничего не сказал, то ли молчаливо признавая моё право на ведение допроса, то ли потому, что ярость, бушующая под соломенными усами, могла помешать докопаться до правды.

— Ты давно ходишь в патрулирование с одним и тем же напарником? Насколько я понимаю, вас не часто перемешивают, ведь так?

— Да уже полтора года.

— Раз в семь дней?

— Так точно, эрте.

— И каждый раз вы двигаетесь одними и теми же тропами?

Он кивнул, глядя на меня взглядом затравленного зверя.

— На вашем маршруте есть одна поляна... Довольно большая, удобная, скажем, для того, чтобы встретиться и поговорить с кем-нибудь.

— Да с кем же там говорить, эрте? Горы же одни кругом и лес.

Пробует отвертеться? Ещё бы не пробовал, ведь рядом стоит командир, по взгляду которого невозможно понять, что случится в следующую минуту.

— А тем не менее ваш напарник нашёл себе собеседников. Целых троих. Только вот разговор не заладился... Ну и Боженка с ними со всеми. Зато ты жив, здоров, в твёрдом уме. Ведь так?

Нижняя губа солдата отчётливо затряслась.

— Конечно, ты можешь сказать всё что пожелаешь. Но я хочу услышать правду. Я. Насчёт эрте коменданта точно сказать не могу. Хотя думаю, он и так уже всё понял.

Я не пытался запугивать и без того чуть не наложившего в штаны парня. Но то, что я делал, было омерзительнее прямых угроз.

— Я не хотел идти с Руцем, потому и подвернул ногу. Нарочно.

Попался. Пусть я не особо искусен в рыбной ловле, но основные секреты знаю. В частности тот, что на каждую рыбу найдётся наживка, перед которой невозможно устоять. В моём случае наживкой было мнимое обещание защиты. Солдат понимал, что его ждёт наказание, но у него был выбор: либо молчать и идти под плети коменданта, либо сдать своё начальство чужому. Более начальственному.

— А почему не хотел? Вы повздорили? Может, выручку не поделили?

— Он... — Гарзо облизнул пересохшие губы. — Он сказал, что ему надоело передавать деньги, а самому получать только крохи.

— И решил малость поторговать самостоятельно?

— Да. Он сказал, что нужны лишь две подорожных. Комендант и выписал две.

Думаешь, теперь ты обеспечил себе безопасность и помощь с моей стороны?

Ошибаешься. Я рассчитываю на большее, чем ты сможешь мне дать.

— А ты побоялся?

— Так если бы всё узналось... — Солдат скосил глаза, стараясь не встречаться взглядом с комендантом. — Не поздоровилось бы нам.

— А тут кстати подвернулся селянин, которому очень хотелось послужить. Впрочем, на этом месте наш с тобой разговор закончен. Можешь идти. Если командир позволит.

— Эрте...

Он бы бухнулся передо мной на колени, но не успел: по оклику коменданта адъютант вошёл в кабинет раньше.

— Пусть его покуда запрут. Потом я сам им займусь.

— Эрте! Вы же обещали! Защитите меня!..

Крики смолкли довольно быстро: наверное, парню попросту заткнули рот, чтобы не мешал отдыхающим от дежурства солдатам и не вызывал своими воплями ненужных вопросов. Комендант плотно притворил дверь и подошёл ко мне, встав с другой стороны от окна.

— А вы знаете своё дело. Хотя и молоды.

Я знаю не дело, а сотни всяческих способов, с помощью которых одни люди наживаются на других. Вот только никак не могу научиться оные применять. Может быть, потому, что меня учили совсем другому?

— Что ждёт Гарзо?

— Виселица, — коротко ответил эрте Элбен.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Не потому, что он обманул меня. За это пусть Бож прощает. Но он подвёл своего товарища, а значит, не имеет права оставаться в гарнизоне.

И конечно, выгнать его взащей или сдать суду ты не можешь, потому что тогда в луже обыденной грязи неминуемо всплывут твои собственные грешки.

— А как мы разойдёмся с вами?

Хороший вопрос. Убить меня значило бы вызвать ненужные осложнения, к тому же коменданту наверняка рассказали о нечеловеческих возможностях моей защитницы, способной отправить в мир иной весь гарнизон форта за пару минут, а то и быстрее. Стало быть, силой действовать нельзя. Надо откупаться. Осталось только узнать, сколько я стою, верно?

— Миром. Мы ведь служим одному Дарствию, эрте. Не так ли?

Он понял намёк:

— Чего вы хотите?

Покоя, уюта и безбедной жизни в окружении любимых и близких. Но пока не продвинулся к своей мечте ни на шаг.

— У вас хорошо поставлена торговля.

— Какая часть прибыли вас устроит?

Я снова посмотрел на человека, обнажённая кожа которого под горячими солнечными лучами становилась всё краснее.

— А сколько вам не жалко?

Он не думал ни мгновения:

— Половина. Идёт?

Я повернулся к столу:

— Половина? Так и быть.

— Итак, договорились?

— Да. Вы даёте мне одну из этих подорожных да ещё парня, что жарится там сейчас на вашем вертеле. И я ухожу.

Комендант непонимающе нахмурился. Пришлось пояснить пространнее:

— Здесь ваши края, эрте. Края, за которые отвечаете вы, а не я. Проводите вы кого-то через кордон или нет, ваше дело. А если учесть, что люди принимают ваше предложение для того, чтобы спасти себя и своих близких от смерти, то в каком-то смысле, вы даже делаете благое дело. И кто сказал, что за благо не надо платить?

— Вы... отказываетесь?

— От денег? Да. Но не от вашей помощи. Вдруг понадобится когда-нибудь?

Чем я хуже охотника за демонами, спрашивается? Долги тем и хороши, что их можно возвращать самыми неожиданными способами.

— Согласен.

— И велите снять его, пока он ещё способен ходить. А то тащить его на себе ни мне, ни кому-либо другому не улыбается.

Комендант понятливо кивнул, всё ещё не веря, что так легко отделался от разбирательства со Звеньями соответствующей Цепи, а я, прихватив со стола один из футляров с подорожной, отправился в комнату, где Ньяна пряталась от солнечных лучей и от себя самой.

Защитница сидела на кровати, согнувшись и обхватив бока руками, как будто у неё болел живот или что-то по женской части. И всё время тихо повторяла:

— Он такой же, как я...

Вот в этом и крылась загадка, ключи к которой я никак пока не мог подобрать. Да, они оба, и Дерк и моя защитница, были очень похожи. Двигались быстрее, чем мог уследить глаз. Били сильнее, чем способен человек голыми руками. И не будь на той поляне Ньяны, и я и патрульные лишь увеличили бы количество трупов.

— Он такой же, как я...

Я присел рядом и обнял её за плечи. Вернее, попытался, потому что длины моих рук явно не хватало.

— Ты защитница.

— И он защищал.

Да, но кого именно? Мне показалось, что только себя. Какие-то свои мысли и чувства, ограниченные, нелепые, смехотворные. Ему не было никакого дела до окружающего мира, жил сам по себе. Не знаю, давно или недавно, а впрочем, какая разница? Главное в том, что...

— Он такой же, как я.

— Но ты не такая же, как он.

Где-то...

Прошло почти шесть дней. Осталось совсем немного. Но, Бож милостивый, унимать зуд становится всё труднее! Ещё чуть-чуть, и сорвусь. Охота зовёт, её звуки уже вовсю слышны. И почему я должен ждать?

Потому, что учитель велел поступать именно так.

Когда да-йин принимает желание к исполнению, он замещает его только в человеческой душе, а чтобы прорасти в тело, требуется время. Да, бывает, что всё случается в считанные часы, но таких счастливцев мало. Очень мало. И они в самом деле счастливцы, потому что не успевают заметить происходящие с ними изменения, а самое важное, не успевают пожалеть о том, на что решились.

Нет, меняться не больно. Или больно не всегда, уж это-то я испытал на собственной шкуре. Но если всё идёт, как назначено, наступает день, когда пузырь да-йинского гноя прорывается. И ты чувствуешь, как внутри тебя начинает бесцеремонно разрастаться что-то настолько чужое, что даже не знаешь, какими словами или действиями можно его прогнать, оно ведь не понимает тебя.

Исполняет желание, это верно. Но так, как ты того сам хотел. И если не смог представить точно, то сам и будешь виноват в результате, а демону нет никакого дела до твоих чувств. Он хочет пробраться в наш мир, заглянуть хоть одним глазком, зацепиться хотя бы одним когтем, и смерть человеческой души для да-йина лишь одна из ступенек, по которым он поднимается. Куда? Кто бы знал... Ни один из тех, с кем я успевал поговорить, не признавался. Даже тот старик. Но он всё же хотел начать сначала, а значит, дело того стоило, и демоны будут повторять и повторять свои попытки. Пока существует наш мир.

Если желание настолько сильно, что сжигает тебя изнутри, срастание произойдёт быстро. Помню, мне, когда я наловчился, удавалось обменяться с да-йином плотью менее чем за четверть часа. Учитель говорил, что это удивительно быстро. Говорил, что я — способный. И грустно улыбался...

А всё же хорошо, что страстных мечтателей мало. Иначе мир оказался бы заполнен полудемонами-полулюдьми почти сразу же после ночи Сева. Хотя... С такими и справляться легче. Чем быстрее да-йин получает возможность управлять человеком, тем меньше у него времени на обучение, а значит, тем больше ошибок будет совершено. И выследить его окажется вовсе несложно. А вот те, кто не торопился, те намного опаснее. Они движутся к своей цели осторожно, шаг за шагом, иногда надолго останавливаются, чтобы передохнуть. И никто, даже самые близкие не понимают, что рядом с ними находится уже совсем другое существо.

Безжалостное, потому что демоны не умеют жалеть.

Бесчувственное, потому что свои чувства демоны оставляют дома.

И безудержное, пока желание не исполнится полностью.

Кто поставил им пределом такое правило: сначала заплатить, а потом пользоваться? Может, Бож. Может, Боженка. Или оба сразу. Но как бы то ни было, это правило защищает людей от уничтожения.

А я ему помогаю.

Здесь...

И всё-таки груди ещё чуть-чуть округлились со вчерашнего дня, хотя им полагалось бы давным-давно остановиться в росте. Оллис вожделенно накрыла ладонями упругие холмики, так заманчиво приподнимающие сорочку, и поняла, что отныне и навсегда не согласится расстаться с полученным подарком небес. Значит, правду говорили люди, и Боженка лучше слышит мольбы прибоженных, а не простых людей!

Простых...

Обычно происходит ровно наоборот, и человек старается выбраться из толпы себе подобных, старается вскарабкаться или взлететь повыше, только бы заявить: я — особенный. И сколько ни рассказывай такому, что иной раз особенности приносят больше горя, нежели радости, не поверит. Да ещё будет смотреть на тебя ополоумевшими глазами и напрочь откажется понимать, почему ты так неистово стремишься избавиться от верного шанса всегда и везде быть настоящей эрте. Истинной «вознесённой».

Детство было счастливым. До того самого дня, когда дочь зажиточного торговца зерном вдруг перестала быть просто девушкой. Она очень боялась встречи с лекарем, но неудобства и странные ощущения становились всё невыносимее, всё более пугающими и в конце концов заставили набраться решимости: Оллис переступила порог родительского дома, чтобы больше никогда в него не вернуться.

Конечно, лекарю можно было заплатить за молчание. Но всеми деньгами в доме распоряжался отец, а он, к несчастью, был слишком набожен и, когда услышал неожиданную весть, сутки напролёт стоял на коленях в кумирне, вознося хвалы и проливая слёзы благочестия. Ещё бы, ведь его девочку небожители избрали себе в услужение! Мог ли простой торговец мечтать о подобном счастье? К тому же Оллис была старшей наследницей, а сразу после неё в очереди за купеческим состоянием находился единокровный брат, и счастливое избавление от дочери не только возвышало семью Ори в глазах соседей, но и помогало сохранить деньги, которые неизбежно пришлось бы потратить на приданое.

Служки прибыли из ближайшего молельного дома едва ли не раньше, чем за ними отправили человека: появление двуединых среди людей было довольно редким событием, тем более далеко не все прибоженные спешили открыться перед окружающими. А в далёких селениях, затерянных в глуши провинций, и вовсе подчас лишали жизни детей, одновременно являвшихся и мальчиком и девочкой. Дабы те не гневили небожителей своим существованием. Так что Оллис хотя бы повезло остаться в живых. Но она и не мечтала о новой удаче, однажды спустившейся с ночного неба яркой синей звездой.

Прибоженные, что жили в соседних кельях, в большинстве своём не роптали на судьбу, а кое-кто и вовсе находил ниспосланную счастливым случаем двуединость хорошей возможностью для всяческих проделок и козней. Сама Оллис не могла понять, что хорошего в притворстве. Увидеть разочарованные, испуганные или злые глаза парня, рассчитывавшего на несколько минут удовольствия, а взамен получившего совсем иные чувства? Так для этого не надо обладать какой-то особенной плотью, вон сколько девиц с успехом проделывают подобные штуки. Правда, рискуют нарваться на грубость, а вот прибоженному не грозит ровным счётом ничего: обиженный проглотит обиду как миленький. Но всё равно — настолько ли весёлое это развлечение, чтобы посвящать ему многие часы, а потом взахлёб пересказывать всем подряд пережитые приключения?

Оллис не понимала своих соседок. Но чем дальше продвигалось время её жизни, тем больше она боялась стать такой же. Равнодушной, пресыщенной, презрительно вззирающей

на всех прочих людей и... одинокой. Одиночества Оллис боялась больше всего. Ещё несколько лет назад, казалось бы совсем недавно, она мечтала о большой семье с десятком детишек, не меньше, но мечты сгорели дотла в единое мгновение. Оллис ненавидела божественные изъяны своей плоти и, если бы хватило смелости, взялась бы за нож, только бы избавиться от мерзопакостных излишков. Но в то же время понимала: это не поможет стать тем, кем она хочет быть. Настоящей женщиной.

Забава других прибоженных и их пустые разговоры не прельщали Оллис. А что ещё оставалось несчастной послушнице при храме? Только молитвы. И она молилась. Так истово, как только могла. Так проникновенно, что получила ответ на свои мольбы.

После полуночи храмовый зал закрывали, а сон всё не приходил, и Оллис отправилась бодрствовать на террасу, опоясывающую молельный дом, чтобы никто не слышал слов о сокровенном, но преступном для прибоженного желании. И всё же небо услышало. Правда, когда вместе с колючим холодком по телу синеватым огнём побежал от кончиков пальцев под кожей странный жар, молящаяся испугалась. А потом и вовсе потеряла сознание, почувствовав прикосновение раскалённой стали где-то внутри своего тела, немногим ниже живота...

Никто не заметил произошедшего на безлюдной террасе. Оллис пришла в себя спустя час, окоченевшая, испуганная и дрожащая как в лихорадке. Но едва пальцы нащупали место в котором вспыхнула боль, приведшая к беспамятству, все страхи исчезли, уступив место торжеству. Просьба, обращённая к небесам, исполнилась: девушка снова стала девушкой.

Правда, на следующий же день Оллис поняла: нужно бежать из молельного дома, и чем скорее, тем лучше, потому что обновлённая плоть требовала больших забот, нежели думалось раньше. Теперь каждый охранник, мимо которого девушка проходила, шествуя с другими прибоженными на Ккедневную молитву и обратно, вызывал до непонятности сладкое томление, неважно, старый он был или молодой. А самое странное, что она теперь явственно чувствовала на себе их взгляды. Одинаково страждущие.

Оллис не стала раздумывать долго. Выбрала среди охранников паренька, выросшего в бедной семье и призванного служить в уплату оброка, пару раз прошлась рядом, стрельнув глазами и невзначай коснувшись бедром, а потом рассказала почти не сочинённую историю. Мол, что её насильно отдали в молельный дом, чтобы лишить наследства, и она старалась смириться со своей участью, только ведь душе не прикажешь, а плоть... Плоть Оллис была ещё красноречивее. Паренёк не продержался и получаса, совершил грех, но стал чуть ли не счастливее самой соблазнительницы.

И вот сегодня заканчивался последний вечер заточения. Оллис окинула взглядом келью, где провела долгие пять лет, вознесла молитву Боженке в благодарность за то, что небожительница откликнулась на просьбу своей послушницы прежде, чем наступило совершеннолетие, а за ним и неминуемое посвящение. Закуталась в плащ, чтобы спрятать заметно округлившиеся формы, спустилась по лестнице, прошла через двор и очутилась у высоких дверей храмового зала.

Любовник уже ждал её, истомившийся от нетерпения. Оллис даже не знала его имени: пока была прибоженной, и не думала спрашивать, а потом стало как-то не до разговоров вовсе.

— Ты готова, любовь моя?

Она кивнула, но про себя отметила, что последнее слово неприятно кольнуло грудь изнутри. Почему же только «твоя» любовь, глупенький?

И сейчас...

— Вы хоть понимаете, чего хотите от меня?

Нери следовало бы вложить в этот возглас благородное негодование и высокомерную брезгливость, а получилось нечто вроде отчаянного всхлипа обиженного ребёнка. Но вопрос, который она задала, подоспел как раз вовремя.

Отчётливо понимаю, лисичка. Хочу расстегнуть пуговички на тугом лифе, медленно, одну за одной, и нырнуть в ложбинку на твоей высокой груди. Уверен, она там есть, ложбинка эта, уютная, прохладно-обжигающая, нежная, как...

— Вы меня слушаете?

— Разумеется, эрте. Со всем вниманием.

Хозяйка Блаженного Дола поджала губы, впрочем не ставшие от того менее пухлыми:

— Зачем вы притащили сюда этого...

Я оглянулся на юношу, тоскливо ожидавшего в конце зала решения своей судьбы.

— Он вам не нравится?

— Да какая разница, нравится или нет? — всплеснула руками Нери. — Почему он вообще находится здесь?

— Ему некуда было идти.

— Врёте!

Вру, конечно. Надо было отправить южанина восвояси ещё по выходе из ворот форта. Но уж больно жалкий у парня был вид, да и не горел он желанием уходить далеко от могил своих родственников.

— Уповаю на ваше милосердие.

Она гневно выдохнула:

— Вы должны делать то, что вам поручено! А не придумывать заботы другим.

— Ну разве ж это забота? — невинно улыбнулся я. — Отец Соечки всё равно потерял работника, а пастух ему требуется. Думаю, парень справится. Хотя бы этим летом, а потом если пожелаете, выдворим его вон.

— Вам легко говорить, ведь не вы принимаете решение!

О позволении пришлому человеку поселиться в Доле? Увы, не я. А то как было бы заманчиво нараздавать всем желающим подобные разрешения... Конечно, не безвозмездно. М-да, и тут мне повезло много меньше, чем коменданту форта. Тот был ответственен перед самим собой и не нуждался в одобрении или содействии другого начальственного лица, а я вынужден убеждать и упрашивать. Нет, разумеется, можно было бы наладить дело, но тогда пришлось бы делиться с хозяйкой, и далеко не половина на половину.

— Разве оно такое уж сложное?

Зелёные глаза посмотрели на меня почти мученически.

— Кто же любит чужаков в своём доме?

Хорошее возражение. И очень уместное. Почти напоминание. Я ведь тоже пока чужак здесь и могу остаться таковым до самого окончания службы. Стало быть, моё слово ещё не приобрело веса? Ох и не хотелось рассказывать подробности, но придётся.

— Послушайте одну историю, эрте. Она незамысловатая не отнимет много вашего времени, и, надеюсь, потом вы лучше поймёте мои намерения.

Она не ответила согласием, но в определённых случаях молчание тоже уместно истолковывать подобным образом.

— В сотне миль отсюда начинаются южные земли Дарствия. Сухие, жаркие, требующие приложения куда больших сил, чем здешние, чтобы вырастить хотя бы одну травинку. Люди, которые там живут, любят свою родину, но, когда любовь приравнивается к неизбежной смерти от голода, главными становятся совсем иные чувства. И кое-кто решается бежать. Правдами и неправдами, продав все свои пожитки и собрав все деньги, какие только было возможно, южане пытаются перебраться через границу, отдавая за подорожные почти всё своё имущество. Они надеются найти здесь, в наших краях, лучшую жизнь. Бегут семьями, потому что какая же чёрствая душа бросит родных на произвол судьбы?

— Хотите сказать, этот парень из таких беглецов?

— Именно.

— Но... — Нери недоумённо посмотрела на южанина. — Где же тогда его семья?

— Погибла. При печальных обстоятельствах, создателем которых был один из жителей Блаженного Дола.

— Как это?!

— Большого вам не стоит знать, эрте. Подробности надолго лишат вас спокойного сна. Теперь понимаете, почему я привёл парня сюда? Позволить ему пожить тут хотя бы лето — самое малое, что мы можем для него сделать во искупление грехов Дерка.

— Дерк был виноват?.. — Она потрясённо прижала пальцы к губам.

— Да.

— Но... Как? Почему?

— Причин я не знаю. И никто не знает. Если пожелаете, Ньяна подтвердит вам мои слова. Ведь ей вы доверяете?

Нери быстро отвела взгляд в сторону.

Нет, лисичка, я не подговорил её и не завербовал на свою сторону. Не бойся. Но раз уж моей защитнице ты веришь больше, чем мне, грех не воспользоваться случаем.

— Только прошу сегодня не тревожить её. Она очень устала.

Ответом послужил рассеянный кивок.

Любопытство уже мучит, да? Самое смешное, тебе не удастся его удовлетворить, лисичка, потому что Ньяна горит желанием рассказывать о случившемся ещё меньше, чем я. Впрочем, наверное, так и должно быть после первого в жизни убийства. Свои впечатления я не помню, слишком уж давно прозвучал тот самый приказ, лишивший мою душу невинности и наивности. А потом очень быстро удалось понять, что лучше не думать лишнее мгновение, а сразу приступать к исполнению. Правда, мне не доводилось убивать тех, с кем бок о бок прожил долгие годы.

— Что ж, если вы настаиваете...

Уже нет. Не нужно. В глубине души ты согласилась с моей просьбой, лисичка, а все последующие словеса — лишь дань традициям и попытка сохранить лицо.

— Надеюсь на вашу мудрость и понимание, эрте.

Более я задерживаться не стал. Хотя бы потому, что и сам мечтал поскорее добраться до постели и вытянуть гудящие ноги. Однако с покоем и отдыхом пришлось повременить.

Когда каменная тропинка закончилась, проведя меня через лужайки с россыпью тоненьких зелёных травинок, всё смелее высовывавших свои любопытные головёнки из земли, я остановился и с трудом поборол невольное желание протереть глаза, потому что не узнал смотрительский дом. Вернее, не разглядел его из-за двух телег, нагруженных с горкой.

Не меньше минуты мне понадобилось, чтобы понять: селяне всё-таки исполнили мою просьбу и, надо сказать, приложили немало рвения. Если принять во внимание размеры груза и оставшиеся в моём распоряжении светлые часы суток, то отдохнуть удастся только поздней ночью. Да и куда я всё это дену?! Часть товаров точно можно не трогать, но, если среди них есть провизия, нужно переложить её хотя бы в подпол, иначе рассуждать о качестве и вкусе не будет никакого смысла.

Я подошёл к правой из телег, наклонился над грузом, выбрал один свёрток, показавшийся мне не слишком увесистым, потянул на себя, выпрямился и... наткнулся взглядом на ржаво-карий, то ли равнодушно, то ли заинтересованно взирающий на меня с другой стороны телеги. А может быть, в глазах незнакомца уживались оба противоположных друг другу чувства, рассмотреть подробнее не получилось: помешала рыжая кисея ресниц на смежённых веках. Впрочем, парень не мог не щуриться, потому что смотрел против солнца.

— Ты кто?

— А ты? — ответили мне встречным вопросом, старательно копируя мой тон.

— Я здесь живу.

— И я живу.

Если принять во внимание масть твоей шевелюры, сомнений не возникает. Конечно, здесь, в Блаженном Доле, где же ещё? Вряд ли на просторах Дарствия найдётся другое такое местечко, послужившее пристанищем для рыжеволосых.

— Я живу в этом доме.

— Так и я про то же.

Что-то следов вообще какого-либо жильца заметно не было, когда я впервые переступил порог смотрительского дома. Врёт? Но зачем, ведь это легко проверить, стоит только обратиться... да хоть к Няне. Одна неувязочка, правда, имеется. Я не знаю, как и где искать жилище моей защитницы. Можно, конечно, вернуться к Нери и потребовать разъяснений у неё, но так я прохожу туда-сюда до самого вечера.

— Если мы соседи, может, поможешь разобраться всю эту... — На язык просилось малопрстойное в любом обществе слово, но я справился с желанием выругаться. — Телеги. Их ведь надо будет вернуть.

— А зачем они вообще здесь появились-то? — задал незнакомец вполне закономерный вопрос.

— Потому что я попросил их привезти. Вернее, я просто попросил... Не думал, что будет столько всего сразу.

— Это точно! Когда не думаешь, так обычно и случается! — хохотнул мой собеседник, обходя телегу, наконец оказываясь со мной лицом к лицу и упираясь взглядом в глянцевою жучиную спину. — Так ты что, новый Смотритель у нас? — изрёк рыжий после минуты внимательного изучения, причём осмотру я подвергся полностью, с головы до ног.

— Да.

— И давно назначен?

— Третий день идёт.

Он присвистнул и виновато почесал пятернёй затылок:

— То-то я не знал... К мамке ходил, уж извини. Болезная она, иной раз без меня и дня

прожить не может. А сюда перебираться не желает, мол, если в мужний дом однажды уехала, так до смерти там и останется.

Умилительные подробности чужой жизни. Но мне с них какая польза?

— Так кто ты? Может, объяснишь толком?

— Натти меня кличут. Хожу здесь за домом. — Рыжий подумал и добавил: — Ну и в доме тоже.

Натти. Кажется, я уже слышал это имя. Ну да, Ньяна его называла, правда, без уточнения, кем или чем упомянутый человек приходится мне, как Смотрителю.

— Прислуживаешь?

— Служу.

Обиделся? Занятно. Но с другой стороны, у каждого свой повод для гордости, порой совершенно нелепый. Я, к примеру, не так давно гордился тем, что могу остаться незамеченным, даже если, кроме меня, в ограниченном участке пространства не будет больше ни одной живой души. Гордился, хотя следовало бы ужаснуться подобным собственным талантам.

— И в чём состоит твоя служба?

— Так сказано ж уже.

Ну да, ходить за домом и в доме. Беда только в том, что мы наверняка понимаем одно и то же слово по-разному.

— Поможешь прибрать всё это?

— Отчего не помочь? — Он легко стащил с телеги корзину, в которой глухо постукивали друг по другу глиняные бока винных бутылок. — Куда нести?

Силён, однако. Я бы тоже справился, но отнюдь не настолько ловко.

— В дом куда-нибудь. Не оставлять же на улице?

— А ты мужик хваткий, как я вижу, — хмыкнул рыжий. — Едва только в должность вступил, а снedyю и прочим уже до самой осени обзавёлся!

* * *

Может, он был и прав, но телеги я бы разгружал уж точно до лета, если бы был один. А вдвоём работа спорилась куда быстрее: Натти, хотя и слегка прихрамывал, да к тому же двигался размеренно, чуть ли не лениво, ухитрился перенести свёртков и тюков больше, чем я. М-да, сноровка нужна в любом деле. Даже в таком незамысловатом, как переноска грузов.

Задвинув последний мешок в ещё остававшийся пустым кухонный угол, мой неожиданный помощник сел на табурет и с наслаждением вытянул правую ногу. Видимо, сильно натрудил. А мне почему-то стало немного неловко. Вот ведь странно, какая забота хозяину может быть до слуги? Может, всё дело в том, что из нас двоих ни одного хозяина-то и нету?

— Что с ногой?

— Детские проказы. По соседским садам много лазал. У нас тут хоть заборов нет, да ветки у яблонь не любую тушу выдерживают. Вот я и... напоролся. — Он закатал штанину, представляя на обозрение молнии белых шрамов, уходящих из-под колена наверх. — Да всё зажило уж. А тогда страшно смотреть было.

Представляю. Должно быть, вся нога была распорота.

— Нос тогда же свернул?

Натти смешливо засопел:

— Не, то в другом саду дело было.

Продолжать он не стал, только улыбнулся, наверное, вспоминая обстоятельства драки, в которой повредил своё лицо. И вот ведь странно, будь его черты правильными, я бы сказал, что рыжий ничем не выделяется среди своих соотечественников. Средненький был бы такой, неприметный, скучный. А получилось, что изъян, способный изуродовать красивое лицо, придал некрасивому что-то вроде очарования. Интересно, что мне надо сделать с собой, чтобы избавиться от последствий лекала, по которому меня точили пятнадцать лет?

— Камни тоже в дом нести?

Что? Какие камни? Ах, да, вспомнил. Плитки. Вроде тех, что пошли на тропинки пересекающие Блаженный Дол вдоль и поперёк.

— Я сам, сиди.

— Да мне нетрудно. Ты не смотри, что нога, она давно уже не болит.

— Сиди.

На меня взглянули как на полоумного, но спорить не стали. И слава Богу, потому что не знаю, чем смог бы возразить, если бы рыжий вздумал заупрямиться.

Куски известняка, как и все прочие любезно доставленные мне товары, были отмечены печатками с указанием года, в который покинули каменоломню. И их мне тоже придётся осмотреть? Разве с камнем могли произойти какие-то изменения? Могли, оказывается. Чистота сколов говорила о многом, причём не слишком лестное для хозяина каменного дела.

Снедь тоже хранила свои секреты, не подвело лишь вино: оно было отменным, что в прошлом, что в настоящем. Пожалуй, слишком хорошим даже для столичных трактиров. Его следовало бы подавать в знатных домах, да и то по праздникам. А я смогу пить просто так. Пока не закончатся привезённые бутылки. Эх, люди, люди! Мне и надо было всего по кусочку и по глоточку, а вы решили удержу не знать..

Нагги посмотрел, как я отставил в сторону чашку, из которой не сделал и половины глотка, и удивлённо спросил:

— Дурной вкус, что ли?

— Нет, замечательный.

— Так чего ж не пьёшь, а кривишься?

Понятно, он снова обиделся, только теперь уже не за себя, а за весь Дол целиком. Мол, мы тебе самое лучшее от чистого сердца доставили, а ты нос воротишь.

— Мне нужно было только попробовать.

Рыжие брови полезли на лоб:

— А остальное что, выкинешь?

— Зачем? Съем постепенно. И выпью. Не возвращать же?

Он всё равно непонятливо тряхнул головой:

— А зачем пробовал?

Думал, что это поможет выполнить поручение. Нет, кое-что я узнал, и довольно важное, но мне нужно знать больше. Намного больше.

— Скоро будет ярмарка, верно?

— А то! Каждую весну в Гренте бывает.

— И на неё повезут товары со всего Дола?

— Ещё бы не повезти. Товары-то хороши.

Я вздохнул:

— Хороши, спорить не буду. Только вот какая штука... Я должен назначить цены. А как это сделать, чтобы и людей не ввести в разорение, и с торгами не затягивать?

Нагги задумчиво обвёл взглядом кухню, заваленную всевозможными съедобными и несъедобными результатами труда дольинских мастеровых людей.

— Вот прежний Смотритель как назначал? Не знаешь?

Рыжий растерянно мотнул подбородком:

— Да никто не знает. Это ж тонкое дело, умное. Сидел да думал. Иной раз в бумажках копался, а иной просто в окно смотрел да улыбался.

— И его цены всегда были выгодными для Дола?

Ржаво-карий взгляд на мгновение застыл, а потом сверкнул смешливыми искорками:

— То не у меня спрашивать надо, я ж не торгую ничем. Только скажу так: какие бы циферки старик ни выписал, с ним спорить всё равно не стали бы. И убыток бы проглотили за милую душу.

Вот в это верю сразу и охотно. Только я не старик, много лет проживший бок о бок с дольинцами. Я чужой здесь. И мне нельзя совершать ошибок, если хочу стать своим. Значит, нужно как-то приноровиться, приспособиться, может, подольститься к кому...

— Позвольте войти, йерте?

Не успел подумать, а главный кандидат на разговор лёгок на помине! Впрочем, так оно и лучше. Вот сейчас всё и решу. Сразу.

— Проходите, проходите, любезный!

Луран Адитта, на улице прикрывавший голову от солнца и ветра полотняной шапкой, войдя в кухню, вновь удостоил меня созерцания еврей плечи, окружённой рыжеватым пушком. Какие почести, надо же! Он бы ещё до земли в поклоне согнулся. А гнуться-то должен как раз я.

— Ваше повеление исполнено в точности?

— Да Бож с вами, какое повеление? Это была всего лишь просьба. Смирная, — добавил я, решив с самого начала разговора установить правильный тон, но собеседник почему-то насторожился.

— Так в точности или нет?

— Не беспокойтесь, жаловаться не буду!

Или я всё время ошибаюсь со словами, или смотрю как-то не так? Почему даже последняя, невиннейшая по сути своей фраза вызвала в глазах Адитты чуть ли не животный ужас? Ну да, моя должность звучит громко, но ведь под названием ничегошеньки нет. Правда, может статься, об этом догадываюсь лишь я один.

— Значит, мы свои обязательства исполнили?

— Можете не сомневаться.

— Стало быть, дальше ваша забота?

И ещё какая. Огромная. Жуткая. Пугающая.

— Моя, любезный. Только моя.

Кажется, он немного успокоился. Пора начинать разведку боем?

— Я впервые узнал о существовании Блаженного Дола только этой весной. Понимаю, понимаю, неведение меня не оправдывает! Но раз уж так получилось, что поделаться? Скажу больше. Я очень немного смыслю в торговле, и то, что поручили мне вы и ваши товарищи, исполнить будет... Трудно. Но наверняка среди вас есть люди, смыслящие в ценах больше меня. Так, может, мне стоит прежде поговорить с ними?

Адитта попытался вжаться в стену, спиной к которой стоял:

— Да как же больше смыслящие? Да как можно?

— И я с радостью прислушаюсь к их, несомненно, мудрому гласу. Вот вы, к примеру, какое хозяйство ведёте?

— Да какое хозяйство... Камень на продажу рубим и тешем.

— И сколько за свою работу взяли бы? Как в прошлом году или меньше?

Хозяин каменоломни отчётливо вздрогнул:

— А с чего вдруг меньше брать? Камень же не зерно, и за десять лет не испортится.

— Если его не испортить в самом начале. Так сказать, по выемке из горного лона.

Глаза Адитты округлились, позволяя точно выяснить их цвет. Серый, уходящий в зелень. Пожалуй, изо всех встреченных мною в Блаженном Доле людей пока только у одного Натти взгляд другой крайности.

— А что случилось при выемке?

— Кто в вашей семье следит за работниками? Уж верно не вы, любезный, с вашим-то возрастом и положением.

— Сын мой. Старший.

— Он недостаточно зорек?

Хозяин каменоломни совсем сник, но признал:

— Да на глаза пока не жаловался...

— Тогда ему следует протереть свои глаза получше. — Я протянул Адитте кусок камня, на котором стояла печатка нынешнего года. — Точить надо инструмент чаще и тщательнее, а то сколы неровные идут.

Дрожащие пальцы моего собеседника ощупали указанное место.

— И верно... Ну, Турин, ну как же ты так... Подвёл старика...

— Так что скажете насчёт цены?

Хозяин каменоломни согнулся, попятился, упёрся в стену и мелкими шажками начал ползти по ней к выходу.

— Уже уходите?

— Так дела же, йерте, дела неотложные...

Оказавшись за порогом, Адитта проворно припустил прочь, и когда я вышел на крыльцо, то смог увидеть только побито согнутую спину, исчезающую за кустами изгороди.

— Он что, испугался?

— А то нет! — хохотнул Натти, выходя на свежий воздух следом за мной.

— Но чего?

— Не чего, а кого. Тебя он испугался. Чудо, что в штаны не наложил со страху, а то пришлось бы проветривать дом. Да и пол мыть.

Я устало потёр уголок глаза. Ну вот, хотел обзавестись сторонником и помощником, а получилось ровно наоборот. Наверное, стоило промолчать о тупых резцах? Но такой товар на ярмарке могут и не взять, особенно если у покупателей будут глаза зорче, чем у сына одного известного мне отца.

— Да и я бы испугался, — вдруг добавил Натти.

— Ты? Почему?

— А как не испугаться? Голос ласковый и глаза добрые-добрые, а слова наперекор всему, что видишь, звучат.

М-да, искренняя просьба не удалась. Выходит, и этого я не умею? Жаль. Так что же делать? До вечера успею просмотреть оставшиеся товары на предмет изъяна или другого отличия от прошлогодних образцов. А дальше? Выяснить, лучше или хуже вещь,

выставленная на продажу, — только половина дела. Ещё надо понять, согласны ли её купить за назначенную цену. Но об этом надо спрашивать не продавцов, а...

— Далеко отсюда Грент, тот, где будет ярмарка?

— Дня полтора в обозе.

— Как думаешь, одолжат мне коляску, чтобы добраться до города?

— А зачем вам туда?

Толком ещё не знаю. Походить. Посмотреть. Послушать. Войти в обстоятельства.

— С ценами нужно что-то решать. И поскорее.

— Да не бойся ты, в самом деле! Ну ошибёшься раз-другой, и что? Не обеднеют наши купцы с одной ярмарки!

Верно говоришь, Натти. Очень верно. И любое моё слово прозвучит неоспоримым приказом, даже если исполнять его будут стиснув зубы. Но я не могу оказаться хуже моего предшественника. Никак не могу.

— Мне нельзя ошибиться.

— Как так? Да и ругать никто не будет, все ведь знают, что ты здесь ещё не обжился.

Значит, полагаешь, мне можно сесть сиднем и наслаждаться покоем, благо снеси и в самом деле хватит по меньшей мере до середины лета?

— А я всё же попробую сделать по-своему..

— Ну как знаешь.

В его голосе должны были бы слышаться нотки равнодушия, а вместо того мне почему-то показалось, что рыжий одобряет моё решение. Интересно, с чего бы вдруг?

— Найдёшь у кого коляску одолжить?

— Легко.

— Она будет нужна завтра поутру. Чем раньше, тем лучше.

— Сделаем.

А вот как быть с Ньяной? Единственное оружие и единственный щит, за которым мне положено укрываться. Но при тех расстроенных чувствах, что захватили женщину в плен после поединка с Дерком, неизвестно, кто больше нуждается в заботе, я или она.

— Я по пути загляну к толстобокой, скажу ей, что утром отправляться.

— Не надо.

Натти недоумённо сдвинул брови:

— Что значит не надо?

— Она не поедет со мной.

— Неужто заартачилась?

Судя по нелестному прозвищу и явно недовольному, но неувидленному тону вопроса, защитница и... э-э-э... помощник не очень-то ладили между собой. Наверное, следовало бы узнать причину, но, раз уж я не собирался сводить их сейчас вместе, выяснение отношений могло подождать. До моего возвращения.

— Нет, дело в другом.

Я ведь не обязан ничего ему рассказывать и ни в чём оправдываться. Но молчать... Молчание было моим постоянным спутником всю прошлую жизнь и успело изрядно поднадоесть, а теперь у меня наконец-то появились слушатели.

— Ты ведь уже слышал, что молодой пастух по имени Дерк погиб?

— Как не слышать! В наших краях жизнь сонная, и, если хоть что-то случается, разговоров хватает на седмицу, не меньше.

— Но как именно он погиб, знаешь?

Натти чуть нахмурился:

— Да вроде говорили... В горах остутился, его и переломало всего, потому тело сюда не привезли, а там захоронили.

Хорошее объяснение случившейся странности. Интересно, кто его первым пустил в обиход? Я бы этому человеку выразил благодарность. Огромную.

— Ты умеешь держать язык за зубами?

Рыжий оскалился, показав ровные, немного желтоватые зубы:

— Сами видите, во рту пока прорех нет.

— То, что я скажу, не нужно знать никому больше. Понятно?

Он кивнул. Молча.

— Дерка убила Ньяна.

Ржавчина глаз Натти заметно посерела.

— Быть того не может!

— У неё не оставалось другого выхода. Она защищала мою жизнь и жизнь тех, кто находился со мной рядом.

— От кого? От дурачины Дерка?

Дурачина... Пожалуй, поумнеть пастуху не удалось до самой смерти. Но, как говорят в народе, избыток силы замещает недостаток ума.

— С ним что-то произошло. Я не видел его раньше, сравнивать не с чем было, но он... изменился. Как человек. В смысле перестал быть просто человеком.

Натти почесал затылок:

— А яснее сказать можете?

Я бы сказал. Если бы понимал хоть одну причину случившегося.

— Он двигался быстрее, чем может уследить глаз. И бил так, как будто вместо рук у него железные молоты.

Ржаво-карий взгляд на удивление отрешённо уставился вдаль, а губы моего собеседника брезгливо выдавили:

— Так бывает. Когда человек пускает в душу демона.

Я уже слышал эту деревенскую сказочку. Совсем недавно. Только не заметил веры в глазах того, кто её мне поведал. Собственно, вообще ничего не заметил, потому что Киф Лефер со-Литто умел прятать свои чувства и помыслы.

— Изменение души я могу понять. Но при чём тут тело?

Натти смежил веки:

— Вы разве не слышали ни разу проповедей прибоженных? Даже они не отделяют одно от другого высоким забором.

К стыду моему, я нечасто посещал храмы, особенно когда детство плавно перетекло в юность. И не помнил ни одной проникновенной речи божьих служек.

— Значит, в Дерка вселился демон, который переделал его тело?

Широкие плечи приподнялись и опустились:

— Выходит, так.

Хорошо, одно объяснение с грехом пополам нашлось. Но оно тут же потребовало следующего.

— А как насчёт Ньяны? Она ведь ни в чём не уступила пастуху. Собственно, превзошла, если вернулась живой и невредимой. Как быть с ней?

Взгляд Натти ловко скользнул мимо меня:

— Да ты и сам понимаешь. Ведь понимаешь?

Да, один и один сложить могу. Но представить, что внутри моей защитницы живёт нечто нечеловеческое...

— А как демоны проникают в тело? Или сначала в душу?

— Тебе бы не у меня об этом спрашивать. Почём я-то знаю? А есть люди сведущие.

Ну да. Охотник на демонов, к примеру. Только мне сейчас до него не добраться.

— Спрошу. Когда свижусь. А сейчас лучше прилягу, а то завтра вставать ни свет ни заря.

Да, и когда будешь о коляске спрашивать, кучера тоже попроси.

Натти кивнул:

— Коляска будет. А кучер нам ни к чему. Сам справлюсь.

Нам?

— Ты о чём?

— Я хоть и не так прыток, как толстобокая, да только на одного руку всегда поднимут скорее, чем на двоих.

Грент оказался вольным городом, и этот факт лишил меня большей части накопившейся было уверенности. Впрочем, Натти сообщил об особенностях того места, куда мы направлялись, когда до городских ворот оставалось не более сотни шагов и поворачивать назад было поздно.

Я никогда не понимал, как Дарохранитель допустил возникновение подобных поселений. А если ничего не мог поделать с желанием людей оставаться неподчиняющимися никакой власти, кроме самолично избранной, то зачем согласился включить вольные города в состав Дарствия? Никакого проку от них не было, подати платились в общую казну небольшие, ополчение, а тем паче солдат для службы в дарственной армии «вольные» не поставляли, да и вообще никак не участвовали в жизни государства, клочок которого оставили за собой. Можно допустить, что на заре существования Дарствия некогда и не под силу было справляться со всеми неурядицами, благо они не представляли собой прямой угрозы, но сейчас? Почему бельма вольных городов всё ещё остаются на логаренской карте? Напрашивалось лишь одно объяснение, удивляющее и заставляющее задуматься: это нужно тем, кто облечён властью. Зачем — второй вопрос. Возможно, уже не настолько важный...

Стражники у ворот всё же присутствовали и выполняли ту же работу, что и их товарищи во всех остальных городах Дарствия. Собирали плату за вход. И наверняка, как на всех прочих рубежах, монеты, падающие в объёмистый кошель должны были пойти на укрепление городских стен, мощение улиц и прочие премудрости, без которых жить можно, но выжить не удастся.

Улицы города были слишком узкими для того, чтобы любому приезжему позволялось без дополнительной оплаты передвигаться по ним в конном экипаже, поэтому коляска была оставлена нами в предместье, на попечение хозяина постоянного двора. Но и пешее перемещение по Гренту оказалось удовольствием не из дешёвых: услышав, сколько придётся заплатить за вход, я мысленно выругался, потому что при себе имел ненамного большую сумму, но ещё даже не успел нащупать под складками накидки собственный кошелёк, а Натти уже отсчитывал монеты. И равнодушие, с которым его пальцы отпускали медные кругляшки в путешествие по чужим карманам, совсем не подходило простому прислужнику, да ещё из глухой провинции. Мне точно было бы жалко отдать столько денег сразу, а рыжий расставался с монетами, как с дорожными камешками, набившимися в башмаки.

Впрочем, кроме платы, стражникам больше ничего от нас не потребовалось, и это настораживало: в благопристойных городах всегда спрашивают, кто и с какой целью вступает в ворота. Конечно, нет никакой уверенности, что чужак назовёт настоящее имя, но видимость порядка соблюдается. Кроме того, в поселениях, где Наблюдательные дома полностью укомплектованы служками и Звеньями, врать всегда себе дороже. Здесь же... Властям нет никакого дела до безопасности?

К тому же пара фраз, которыми перекинулись люди, призванные охранять свой город, и вовсе чуть не сбила меня с шага:

— А мужики-то не просты.

— Ага. При одном даже ножа нет.

Обычно всё происходит ровно наоборот, и стража настойчиво интересуется, зачем тот

или иной человек пытается пронести оружие, и если местные законы позволяют, то взимают дополнительную плату либо отказывают во входе, а тут как раз отсутствие средств защиты и нападения вызвало у стражей полууважение-полузависть. Получается, каждый обитатель вольного города Грента вооружён до зубов? И если кто-то приходит сюда с голыми руками, значит, он заведомо уверен в своих силах? Правда, у меня руки совсем уж голыми не были: прихватил из смотрительского дома посох, принадлежавший моему предшественнику. Было огромное желание обзавестись и чем-то стальным, но времени пошарить по Долу не хватило, да и, боюсь, дольинцы не поняли и не одобрили бы мою тягу к орудиям нападения и защиты.

А вот при Натти нож был. Не шибко большой, не шибко страшный, зато вселявший некоторую уверенность, что в потасовке мы погибнем не самыми первыми.

— Слышал, что говорили стражники? — спросил я, стараясь не повышать голос сильнее необходимого, а потому тщательно выбирая паузы, во время которых гул городских улиц становился немного тише.

— А они что-то сказали? — рассеянно нахмурился мой спутник.

— Да. Назвали нас с тобой непростыми.

Натти оглянулся на ворота, от которых мы уже удалились на слишком большое расстояние, чтобы можно было ясно различить выражения лиц городских привратников.

— С чего это?

— Потому что не заметили при нас оружия.

Рыжий тут же поспешил нащупать рукоять ножа и убедиться, что он никуда не делся.

— Ты так не шути! Я уж думал, мою ногтечистку кто стянул.

Он или придурился, или в самом деле не понял, о чём идёт речь.

— Ты бывал здесь раньше?

— Да заходил как-то.

— Это спокойный город?

Вопрос прозвучал глупо, но на него ответили со всей серьёзностью:

— Как и наш Дол. Ты его трогать не будешь, и он на тебя не кинется.

Хм. А ведь я собирался именно что потрогать. Легонько-легонько. Только не знаю пока, за какое место.

В любом другом городе я бы сразу пошёл в Наблюдательный дом, показал свой знак и потребовал содействия. Может быть, грубо, может быть, улещивая. Неважно. Но если бы мне и отказали, то не впрямую, а отговариваясь нехваткой времени, тупостью бездельничающих служек и прочими причинами, по которым обычно не можешь добиться от дарственников необходимых сведений. А что делать здесь? Вольный город не знает Цепей и, скорее всего, посмотрит на моего жука не менее косо, чем на какое-нибудь Звено, даже самого драгоценного металла. Всё, что я могу сделать, это попросить. Кого-то.

— Кто здесь всем заправляет? Знаешь? Или главного вовсе нет?

Натти задумчиво посмотрел на уходящие вверх стены домов, тисками сжимавших улицу.

— Как не быть. Всюду есть главный.

Это радует. Но ничего не объясняет.

— А где его искать?

— Так в управе, где ж ещё, — бесхитростно ответил мой помощник и уверенно свернул на ближайшем перекрёстке направо.

Управа располагалась вовсе не там, где положено находиться главному городскому

дому в добропорядочных городах. То есть не на площади, а в лабиринте переулков. Впрочем, удивляться не пришлось: самая большая и единственная площадь Грента была запружена торговым людом, разворачивающим свои временные лавки и, разумеется, не заботящимся о тишине. А вот чуть подальше, там, где улочки становились совсем узкими, царил благословенный сонный покой, и в такой обстановке вершить управные дела, несомненно, было намного удобнее.

Охранники не встретились нам ни при входной двери, ни при внутренних, и результат увиденного снова поставил меня перед нелёгким выбором из двух вариантов. Либо здешний люд благочестив настолько, что нет никакой нужды защищаться от возможных дурных помыслов и умыслов, либо охранять нечего и некого. Первое утверждение отметалось сразу, ибо там, где много оружия, никогда не бывает долгого мира, а второе приводило к неприятному выводу: я не найду здесь того, кто мне нужен. Но попробовать всё равно стоило.

Первый встреченный в управе человек оказался невзрачным и ничтожным, как и любое существо, обречённое жить среди бумаг, но изо всех сил делал вид, будто если и не самая важная здесь птица, то далеко не последняя. По крайней мере, выдержал минутную паузу после того, как мы вошли в дверь, и только потом поднял глаза от убористого текста на негнущемся листе бумаги.

— Чем могу служить?

— А чем сможете? — переспросил Натти, введя тем самым служку в некоторое оцепенение.

— Я лишь веду записи о... — начал было оправдываться тот, но вовремя спохватился: — Что вам угодно?

Я поспешил ответить сам, пока мой спутник не усугубил положение:

— Определённые сведения.

На меня посмотрели хорошо знакомым мне взглядом, не вопрошающим, а напоминающим, что для осуществления каждого действия нужно своё право. Я раздвинул складки накидки, любезно одолженной Натти, и показал глянцевою спинку жука:

— Моим заботам вверен Блаженный Дол.

Служка кивнул, показывая, что принял во внимание мои регалии. Впрочем, почтения в его поведении не прибавилось ни на каплю, и я невольно пожалел, что не позволил рыжему выдать на свет божий ещё пару каверзных фраз.

— А для того чтобы мои усилия не оказались зряшными, мне нужно кое-что знать.

Конечно, проще всего было сразу завести разговор о деньгах, но человек, едва виднеющийся из-за стола, заваленного бумагами, явно мог стать всего лишь посредником в переговорах с кем-то по-настоящему сведущим, а мне было жаль терять время. Да и платить лишние деньги тоже не хотелось. Хотя...

Мой запрос мог быть успешно исполнен и мелкой сошкой, главное, чтобы она имела доступ к нужным бумагам. Так будет и проще и быстрее.

— И что же именно вам нужно?

— Немногое. Цены.

Маленькие глазки служки сузились ещё больше:

— Цены?

— Да. Сколько в среднем платили за какой товар в прошлые вёсны. Скажем, за пять прошедших лет. Не думаю, что это дарственная тайна.

Мой собеседник тоже так не думал. Зато по его лицу явственно читалось, что мысли, посетившие лысую голову, звенят монетами. Теми, что можно потребовать с меня.

— Разумеется, не тайна. Более того, вам, как человеку дарственному, предъявившему неоспоримые доказательства своего положения и... Но вы, конечно, понимаете, что это займёт время?

— Понимаю.

— И мне придётся отставить в сторону многие другие занятия, в том числе те, за которых платят жалованье...?

— Скорее всего.

— И вы конечно же понимаете, что мне бы не хотелось терять даже часть моих доходов?

Не люблю долгие хождения вокруг да около. Наверное, потому, что слишком часто наблюдал их в исполнении Атьена Ирриги. Вот кто был настоящим мастером, ухитряющимся выбить из провинившегося наибольшую возможную плату, даже не произнеся ни разу слово «деньги» или что-то подобное! А этот... Так, всего лишь начинающий вымогатель. Хотя в его возрасте уже следовало бы заканчивать бурную деятельность.

— Сколько?

Служка посмотрел на меня выразительнее прежнего:

— Ну вы же понимаете...

Понимал я только одно. Что монеты из меня всё равно вытянут. И ровно в том количестве, которое угодно исполнителю моей просьбы, а не мне. Получить скидку помогло бы применение силы или иной способ пригрозить, но то, что на службу знак Смотрителя не произвёл должного впечатления, заранее делало бессмысленным любое упоминание о чинах и званиях. А пытаться брать вымогателя за грудки было опасно: вдруг у него под столом взведённый арбалет?

— Сколько?

Он помолчал, поглаживая пальцами лоснящуюся кожаную обивку столешницы.

— Через два дня. Приходите сюда же, будем говорить о цене.

Два дня? Что ж, срок вполне реальный. Даже если заниматься тщательным выведением каждой буквы в названиях товаров. И пожалуй, я могу себе позволить назначенное время ожидания. Но поскольку служка вполне способен передумать, бездельничать из этих двух дней не придётся ни одного лишнего часа.

— Я приду.

***

Я не старался вложить в голос даже намёк на угрозу, однако от двух коротких слов служка вздрогнул и предпочёл снова уткнуться в бумаги, а не провожать меня взглядом. Натти громко хмыкнул, но начинать разговор в стенах городской управы показалось мне не слишком разумным поступком, и пришлось молча добираться до улицы. Зато как только мы ступили на отполированные многочисленными шагами камни мостовой, я повернулся к своему помощнику и сурово спросил:

— Что на этот раз?

Рыжий растянул рот в улыбке:

— Да всё то же. Зачем людей пугаешь почём зря?

— И как же я напугал этого слизняка?

— Тебе лучше знать как. Только он, бедный, аж затрясся весь, когда ты прийти пообещал.

— Я не угрожал.

— Ему-то? Нет. Но угроза была будь здоров какая! Он и подумал, что ему предназначалась. Ну ошибся, с кем не бывает?

— Угроза?

Он почесал перебитый нос, правда, больше не ухмыляясь, а словно озаботившись происходящим.

— Ну или приказ. Строгий такой, чтобы послушаться нельзя было.

Слова Натти, при всей их странности, почему-то не казались неуместными, будто мой помощник говорил о том, что существует на самом деле, прямо у меня под носом, а я всё никак не могу разглядеть. Но ждать, пока взор прояснится самостоятельно, времени нет, стало быть, нужно получать ответы сразу же по поступлении вопросов.

— И кому я приказывал?

— Да себе, кому ж ещё? — не беря ни мгновения на раздумье, сказал рыжий.

Себе? Но зачем? Неужели потому, что не могу действовать свободно? Или потому, что не очень-то хочу действовать?

— Ты себя словно подстегнул, вот на что это похоже, — продолжил свои рассуждения Натти.

Бож милостивый, насколько же глупо я себя веду, если простодушный деревенщина, знающий меня без году день, углядел всю мою беду сразу и целиком?

— Как будто тебе надо, чтобы задачки всё время кто-то задавал, иначе...

— Иначе?

Рыжий смешливо сощурился:

— Будешь на месте стоять и ждать.

— Чего?

— Приказа какого-нибудь. Да ты не переживай, всё наладится, только привыкнуть нужно!

А вот ободрял он вполне искренне. Даже с каким-то необъяснимым нажимом, напоминающим тот самый пресловутый «приказ», в котором я, по его словам, всё время нуждаюсь. Что ж, мой помощник быстро догадался, за какие ниточки нужно дёргать. Весь вопрос в том, оставит ли сие знание в тайне или растреплет на весь Дол, а то и дальше. И если не удержит язык за зубами, то мне нужно постараться изо всех сил и поскорее утвердить над собой власть лишь одного-единственного командира. Себя самого.

Впрочем, гораздо хуже другое. Если я нечаянно напугал служку, то никаких достоверных сведений мне не достанется. В самом лучшем случае получу отписку, а в худшем... Это ведь вольный город. И убийцы в нём наверняка вольные. Так, может, убраться прочь, пока не поздно? Или всё же проверить догадку рыжего?

— Два дня у нас есть. Будем ждать.

— Ну вот, опять себе приказываешь! — хохотнул Натти. — Дни днями, а только если ничего и не получится, как ты задумал, то небо на землю не упадёт. От одной бездоходной ярмарки Дол не обеднеет.

Знаю. Но если меня поставили на этом рубеже, я должен его удержать. Любой ценой. Иначе буду недостоин права приказывать даже самому себе. К тому же есть идея, на что потратить время вынужденного ожидания.

— Как думаешь, уже многие купцы съехались в Грент к предстоящим торгам?

— Да уж больше половины. Не все же так близко, как наши, дольинские, живут.

— И они поселились в местных гостевых домах?

— Кто побогаче, тот себе здесь свои дома давно прикупил, — заметил рыжий. — А прочие... Те да, наёмным жильём пользуются.

Вот и возможность. Осталось лишь правильно выбрать гостевой дом и прислушаться к разговорам, которые в изобилии ведутся во дворах, в коридорах и за трактирными столами: глядишь, что-то и разузнаешь.

— И где тут самые лучшие места?

— Поближе к главной площади. Только они все уж заняты давно.

Наверняка. Впрочем, попытаться всё равно нужно.

— Пойдём посмотрим. Вдруг повезёт?

Нагги пожал плечами, как будто не верил в удачу вообще и в нашу общую в частности, но возражать не стал, и мы отправились обратно, туда, где гомонила толпа торгового люда. По мере приближения к площади и улица становилась шире, и прохожие стали попадаться чаще, причём явно из местных жителей, потому что мужчины были одеты соответственно погоде и даже чуть легче, чем требовалось, а женщины напомнили о столице своими юбками, на ладонь не доходящими до камней мостовой. Тем удивительнее было заметить в полусотне шагов впереди девицу, одетую примерно так же, как мои дольинские знакомицы. Разве что её кафтан был ещё длиннее, почти до середины голени, и широкий плетёный пояс обвивался не вокруг талии, а несколько ниже придавая каждому движению нешироких бёдер большую отчётливость. Весьма приятную для наблюдения, кстати. Но едва я приноровился не упускать из виду нижнюю часть незнакомки, девица, словно почувствовав мой взгляд, остановилась, обернулась и холодно поинтересовалась:

— Зачем вы меня преследуете?

Её голос прозвучал так строго, что захотелось начать оправдываться, однако вопрос предназначался вовсе не мне, а другому мужчине, который находился гораздо ближе и сейчас тоже стоял на месте, не отрывая взгляда от женских прелестей.

Хотя на предвзятый вкус прелести были всё же довольно скромными. Девичьими. Полушария груди, обтянутые кафтаном, плотно застёгнутым до самого подбородка, были хорошо заметны, но казались ещё не созревшими до той спелости, что обычно притягивает к себе мужскую ладонь. При этом гибкая фигура отнюдь не производила впечатление тонкой и хрупкой, скорее указывая на то, что девица слегка задержалась в том возрасте, когда различия между подростками ещё малозаметны. Зато лицо говорило об обратном. Серьёзное, совсем взрослое и какое-то отрешённое: даже прямо глядя на мужчину, которого пыталась отчитывать, незнакомка словно смотрела сквозь него в некую недостижимую для других даль, и резковатые черты, обрамлённые капюшоном, оставались безмятежно-бесстрастными, несмотря на явное неудовольствие в её голосе.

Или отменно владеет собой, или принадлежит к той редкой разновидности людей, что заслуживают прозвания «эрте». Впрочем, сия возвышенность над толпой почему-то не вызывала у окружающих чувства благостного смирения. По меньшей мере у одного из них.

— А то ты не догадываешься? — ухмыльнулся мужчина.

Вернее, я, поскольку видел только его спину, мог предположить, что он именно ухмыляется, уж больно приторным и в то же время напряжённым тоном был произнесён вопрос, который вряд ли требовал ответа.

— Вы выбрали не тот предмет для своего интереса.

— А мне думается, тот самый!

Он сделал шаг, приближаясь к девице на расстояние вытянутой руки.

Незнакомка не выглядела ни доступной, ни гулящей, скорее наоборот, но вполне возможно, мужчина был навеселе, а пара-тройка кружек крепкого эля застит глаза так, что и в дурнушке разглядишь королеву, причём благосклонную.

— Оставьте меня в покое.

Она добавила в голос ещё больше суровости, но, похоже, совершила ошибку, потому что преследователь только воодушевился:

— Ох люблю таких, дерзких и вздорных!

И он качнулся вперёд, намереваясь схватить предмет своего вожделения за локоть. Девица в свою очередь сделала шаг назад, поднимая на уровень груди сжатые кулачки.

— Только попробуй!

Судя по постановке рук, к драке она привычку имела. Должно быть, в детстве и юности предпочитала мальчишеское общество. Но как бы то ни было, между противниками существовала разница, которая заведомо отдавала победу на мужскую сторону. Разница в размерах и тяжести тела.

Я никогда и никуда не вмешивался без получения на то недвусмысленного приказа, да и сейчас не чувствовал себя ответственным за предстоящее, неприглядное действие, вот-вот грозящее развернуться прямо передо мной. В конце концов, это не Дол, а у города другой хозяин. Или вообще никого начальствующего. Но с другой стороны...

Моё сознание помнило лишь одного воина женского пола. И хотя во внешности Ньяны

и незнакомки не было ничего общего, да и обстоятельства происходящего тоже немало разнились, одно оказалось неизменным. Чёткое и до рези ясное ощущение, накрывшее меня с головой.

Она не должна драться.

Бой — мужское дело.

— Дама не находит ваше общество приятным.

Мужчина не обернулся, хотя и отчётливо расслышал мои слова, зато прорычал:

— Проходишь мимо и проходи, не задерживайся!

— Только после вас и ни мгновением раньше.

— Сам, что ли, глаз на неё положил?

— Положил, снял... Мои глаза — моё дело.

— А мы сейчас посмотрим, какое дело чьё...

Он попробовал ударить с разворота, но, как оказалось, и в самом деле был изрядно пьян, потому что двигался медленнее, чем полагалось для удачного завершения атаки. А поскольку удержаться на ногах нападающий смог бы, лишь воткнув кулак мне в скулу, мужчина, промахнувшись, вытер добротным сукном своего кафтана с десятков камней мостовой. Правда, грохнувшись, пьяница не потерял способности воспринимать действительность: увидел, что в противниках у него не один человек, а целых два, и быстро расхотел драться. Но оно было и к лучшему, потому что прохожие уже начинали с угрожающим интересом присматриваться к нашей маленькой группе.

— Ещё посмотрим, кто кого! — заявил воздыхатель-неудачник и, не с первой попытки поднявшись, поспешил покинуть поле боя, припадая на левую ногу.

Девушка даже не проводила мужчину взглядом, подарив всё внимание мне. Вернее, не всё, а то, которое вообще уделяла окружающему миру.

— Благодарю вас, эрте. Вы поступили достойно.

Я вспомнил, с каким удовольствием наблюдал за покачиванием пояса на бёдрах, и попытался скрыть смущение за улыбкой:

— Он отоспится и выкинет из головы дурные мысли.

— Или не выкинет.

Она так подчеркнула коротенькое отрицание, что стало ясно: разговор не закончится так просто.

Я упрямо повторил:

— Его языком двигала выпивка.

— Да. Но что, если он не захочет протрезветь?

Будь обстоятельства чуть другими, могло бы показаться, что девушка давным-давно выстроила насчёт меня и Натти какие-то планы, а только что состоявшаяся сценка была разыграна нарочно. Но я хорошо разглядел глаза мужчины, лишившегося желанного развлечения: они вмиг наполнились разочарованием и почти звериной злостью. Если бедняга и был актёром, то невольным, ничего не знающим об уготованной ему роли. А глаза девушки, прозрачно-серые, того же оттенка, что коротко стриженные волосы, обнаружившиеся, когда капюшон сполз с её головы, смотрели уверенно, но опять же не на меня.

Не на Ханнера Мори со-Веента.

Не на Смотрителя Блаженного Дола.

Складывалось впечатление, что на моём месте мог оказаться кто угодно. А если

участников спектакля можно менять настолько произвольно, то, значит, пьеса ещё не написана и есть надёжный способ отметить в тексте своей рукой. Например, поставить точку:

— Всего доброго, эрте.

— Не уходите.

Другая завела бы извечную песню о том, что настоящие рыцари не бросают только что спасённую от лап насильника женщину на произвол судьбы, захлопала бы ресницами, в общем, применила бы весь арсенал природных хитростей, а эта словно и не подозревала о возможностях, коими обладает женский пол, потому что даже не попыталась убрать с лица отрешённость. Наоборот, спросила прямо:

— У вас есть дела в этом городе?

— Да.

— Они требуют всего вашего времени?

Ну вот мы и подобрались к главному.

— Вы хотите добавить к ним ещё одно?

Девушка приподняла уголки губ:

— Оно не останется неоплаченным.

Разумеется. Иначе ты бы не старалась нанять нас. Если даже стражники на воротах посчитали, что люди, входящие в вольный город без оружия, собираются заниматься какими-то особыми делами, моё вмешательство в чужой спор тоже сказало тебе о многом. Правда, о том, чего не существует на самом деле.

— Что мы можем для вас сделать?

— То же, что сделали сейчас. Мне нужна защита.

Она произнесла это слово тоном, предполагающим совершенно обратный смысл, из чего можно было сделать вывод: лукавит. Скорее, ей нужна не защита, а возможность спокойно действовать в собственных интересах. Но всё же почему именно мы? Неужели во всём городе больше нет свободных наёмников?

— Я соглашусь, если вы честно ответите на один вопрос.

— Спрашивайте.

— При всём уважении, вы не самая прекрасная женщина на свете, чтобы подвергаться домогательствам со стороны каждого встречного мужчины. Нам нетрудно следовать за вами, но не хотелось бы вводить вас в траты только потому, что один пьяница позволил себе лишнее. Итак, зачем вам нужна защита?

Уголки её губ приподнялись ещё выше, но гримаса всё равно не стала похожей на настоящую улыбку.

— Пойдёмте, и всё увидите сами.

***

Вряд ли все самые важные сделки совершались посреди гула и гомона торговых рядов, но трапезный зал гостевого дома, куда нам предложила пройти незнакомка, был заполнен отнюдь не бедными людьми. Конечно, золотые отблески глаза не слепили, однако удачливые купцы редко выставляют напоказ драгоценный металл, хотя и не упускают случая покрасоваться. Просто поводы для похвальбы и средства исполнения оной у них другие.

К примеру, ткань, пошедшая на кафтан. Она может быть прошита шёлковыми нитями, добавляющими блеска, а может полностью состоять из сих благородных волокон. Причём на взгляд разницу определит только свой же брат-торгаш, у которого глаз наловчился не то что

каждый цвет, а каждый оттенок раскладывать на целую палитру.

С сапогами та же история. Грубоватая кожа сама держит заданную форму, а хорошо выделанная натягивается по ноге, и нужно точно знать, на складочки в каких местах обратить внимание, чтобы определить, поспешил ли человек на собственную обувь или, наоборот, монет не жалел.

Рубашечные вороты, которые можно сейчас хорошо разглядеть, потому что в тёплом зале нет нужды кутаться в верхнее платье. Перчатки, заткнутые за пояса. Сами пояса, переливающиеся радужными узорами спиленной кожи. Бороды, подстриженные на разный манер, у кого-то ровнее, у кого-то неряшливее... Мелочей для наблюдения предостаточно. И если бы я чуточку напрягся, то смог бы угадать годовой доход каждого из людей, сидящих за трапезными столами. И вряд ли это им понравилось бы. Людям, конечно, а не столам.

Пожалуй, из трёх десятков мужчин в плохо освещённом и немного задымлённом зале только о нас с Натти нельзя было сказать ничего определённого. Кроме одного: таким здесь не место. Поэтому с периодичностью в четверть минуты, не реже, я ловил на себе любопытствующие-настороженные взгляды и вынужден был принимать решение, отвечать на них либо оставлять без внимания. А совсем избегать подобных гляделок не удавалось, потому что незнакомка попросила нас занять такой стол, откуда были бы хорошо видны все уголки зала. По возможности.

— Долго будем сидеть-то? — спросил рыжий, воодушевлённо поводя носом, потому что мимо как раз проносили что-то горячее и завлекательно пахнущее.

— Сколько понадобится.

— Ты что, всерьёз думаешь с этой бабой дело завести?

Пока ещё даже не думаю. Но если мир перевернётся с ног на голову и я соглашусь...

— Есть целых два дня.

Натти вздохнул:

— Зачем ей защита-то нужна? Не дай Бож, затевается что-то недоброе!

— Думаешь, не разберусь?

Ржаво-карий взгляд скакнул в сторону, явно не желая встречаться с моим.

— Разберёшься, куда ж денешься... Только лучше бы сразу это сделать, а не потом.

Я думал примерно так же, как мой помощник, но отказываться от предложенной дармовой кормёжки не хотелось, к тому же женщина обещала, что мы увидим нечто любопытное, а получение новых впечатлений было для меня единственным развлечением все последние годы, и перед напомнившей о себе привычкой устоять было трудновато.

— Мы всегда можем встать и уйти. В любой миг.

Натти пробормотал что-то вроде «если ноги никто не подсечёт», но я уже не прислушивался к недовольным репликам рыжего, потому что на пороге трапезного зала появилась давешняя незнакомка и...

Мир вокруг нас всё-таки перевернулся.

Если минуту назад купцы, вкушающие питьё и пищу, либо чавкали молча, либо вели с соседями по столу пространные беседы о погодах и прочей ни к чему не обязывающей чепухе, то с пришествием женщины в место, полное мужчин, все звуки разом утихли. А когда незнакомка медленным шагом направилась в нашу сторону, стало заметно, как следом за ней катится волна вожделения.

Признаться, я даже растерялся. Нет, наша нанимательница выглядела довольно привлекательно, но не на каждый же вкус! Тем более можно было поручиться, что по

меньшей мере десяток купцов, почему-то провожавших её маслеными взглядами, на самом деле предпочитают видеть в своей постели девочек совсем иных форм. Но реальность тем не менее оставалась реальностью, наплевав на доводы разума: каждый мужчина, находящийся в трапезном зале, желал сейчас одну-единственную женщину. Ту, которую видел перед собой.

Без ответа оставался всего лишь один вопрос. Если незнакомка владеет каким-то секретом обольщения, то почему он не действовал на меня и Натти? Впрочем, рыжий даже и не смотрел в сторону женщины, предпочитая приглядываться и принюхиваться к жаркому, принесённому подавальщиком на соседний стол.

А она всё шла и шла, преодолевая намеченный путь так медленно, как только могла. И волна, катящаяся за ней, словно уставая от собственного напряжения, постепенно затухла, вскоре полностью растворившись во вновь возникающем обычном гуле, присущем любому питейно-едальному заведению.

— Надеюсь, вы всё рассмотрели достаточно хорошо? — бесстрастно спросила женщина, присаживаясь за наш стол.

— Да. Но ровным счётом ничего не поняли.

— Тогда мы с вами по одну сторону, — с удовлетворением заключила незнакомка. — Потому что я тоже ничего не понимаю.

— Если бы в этом городе вовсе не было женщин... Но ведь это не так?

— Не так, — кивнула она — Надеюсь, теперь вы понимаете, что меня тревожит?

Ещё бы. Всеобщее назойливое внимание конечно же. А оно тебе не нужно, потому что ты...

— У вас есть здесь дело, не терпящее лишних свидетелей.

Я не спрашивал, и моя собеседница отметила это чуть удивлённым, но тут же начавшим расслабляться взглядом, как будто последний вопрос был чем-то вроде очень важного экзамена.

— Да. Дело есть.

На меня снова посмотрели, но уже не испытующе, а скорее лукаво. Мол, продолжишь расспросы или удовлетворишься уже услышанным и увиденным?

Значит, в одном Натти оказался убийственно прав: всё, что требует участия как можно меньшего количества народу, добрым не бывает. А что, если наша нанимательница — наёмница, посланная придушить кого-то из купцов или местных жителей? Или воровка? Не хватало ещё ввязаться в подобную передрагу!

— И сколько должно продлиться его выполнение?

— Это имеет значение?

— Мы пробудем в городе ещё два дня. Потом уйдём.

Она нахмурила светлые брови, о чём-то раздумывая, и, хотя было видно, что названный мною срок её не обрадовал, за молчанием последовал кивок:

— Пусть будет два дня. — Сказано это было с выражением типа «на безденежье и медный грош — сокровище». — А сейчас не желаете ли отужинать?

Ужин? В самом деле, пока мы ходили туда-сюда, день приблизился к вечеру, и желудок всё чаще заявлял о своём неудовольствии. Ну нас хотя бы накормят, уже за это следует быть благодарным.

Женщина махнула рукой подавальщику, и тот, ловко пробравшись между столами, в мгновение ока возник рядом снами.

— Ужин. Всем троим. И чтобы мяса было больше, чем всего прочего.

Служка понимающе ухмыльнулся, умчавшись исполнять поручение, а я невольно задумался о том, сколько денег может находиться в кошельке незнакомки, если она так легко заказывает не самую дешёвую еду. В столице я ел свежее мясо ранней весной только потому, что за него платила казна Сопроводительного крыла. Здесь, поближе к земле, на которой пасутся стада, цены явно были пониже, но с соседние столов всё же больше пахло овощами и кашами.

Впрочем, долго раздумывать не позволили обстоятельства: прибыли глубокие миски с дымящимся жарким, в которые мы и погрузили наши ложки, причём женщина ела чуть ли не быстрее и жаднее нас с рыжим. Так быстро, что, когда подавальщик ещё только шёл к нашему столу с кружкам эля на подносе, от её порции осталась едва ли одна треть.

Но питьё до пересохших от жажды глоток не добралось, потому что случилось то, что очень часто случается в переполненных трактирах и харчевнях. Парень споткнулся, не удержал равновесие, и все три кружки соскользнули с подноса прямо на спину женщине. Вряд ли удар был сильным, тем более что глиняные сосуды скатились вниз целыми, зато их содержимое почти полностью вылилось на одежду незнакомки.

Прозрачно-серые глаза сверкнули отнюдь не холодной яростью, но женщина вовремя вспомнила, в каком неудобном положении находится и что сейчас не время устраивать взбучку провинившемуся служке. Тем более что он тут же кинулся извиняться и махать полотенцем, вытащенным из-за пояса, в безуспешной попытке стряхнуть на пол хотя бы часть капель жидкости до того, как они успеют впитаться в ткань кафтана.

— Я пойду наверх. Переоденусь и вернусь.

Последовала ещё одна волна вожделения, на сей раз даже сильнее, нежели предыдущая, потому что намокшая одежда намного яснее обрисовала тонкую гибкую фигуру, а потом всё вновь стихло. Всё, кроме кислого запаха пролитого эля.

Нагги разочарованно посмотрел на пол и отодвинулся подальше от тёмной лужицы, лениво подползающей к сапогам:

— Эх, столько добра пропало...

Добра? Я ещё раз присмотрелся и принял.

Нет, дружище, доброго в том, чем нас хотели напоить, не было почти ничего. То ли прокисшее, то ли вовсе недоваренное питьё. За такое бьют морду даже в самой захудалой харчевне на окраине Веенты, а здесь находятся люди, которые, хотя и считают каждую монету, всё же не станут портить свой желудок дурным питьём. Я не рискнул бы даже попробовать то, что разлилось под столом. Думаю, женщина тоже. Так на что тогда рассчитывал подавальщик? Ведь наше чутьё ничем не было приглушено.

Я посмотрел на парня, снующего по залу всё с тем же подносом, уставленным куда большим количеством кружек, чем предназначалось нам. Сильный. Ловкий. Ухватистый. Конечно, и на старуху бывает проруха, но...

И тут, словно посмеиваясь надо мной или, напротив, желая оправдаться за ранее доставленные неприятности, жизнь решила сделать небольшой подарок. Подавальщик качнулся, видимо так же, как в предыдущий раз, попав подошвой сапога на неровный участок пола. Однако вопреки ожиданиям всё закончилось совершенно иначе, нежели несколько минут назад. Парень изогнулся всем телом так, чтобы изменить ось равновесия на более соответствующую обстоятельствам, подался в ту же сторону, куда начали съезжать по подносу кружки, выровнял скорости движения, остановил коварную посуду, не дав той даже качнуться, не то что опрокинуться, выпрямился и невозмутимо доставил заказ по назначению.

Хм. А ты достаточно умел, братец. И если справился сейчас, должен был справиться и тогда. Если только...

Я подозвал подавальщика и, когда тот услужливо склонился над столом слева от меня, собираясь спросить: «Чего изволите?», поймал ворот его рубахи и недвусмысленно натянул.

— Кто велел тебе облить женщину?

— Какую женщину? Облить? Да что вы такое говорите, эрте?! Да я никогда бы...

Мои пальцы скользнули по складкам ткани, как по струнам, и в следующий миг парень обнаружил, что дышать ему стало намного труднее.

— Я не буду спрашивать долго.

— Эрте...

— Кто?

— Какой-то купец, — прохрипел подавальщик. — Точно из приезжих, а не местный. Сказал, повеселиться, мол, хочу.

Не знаю, какое веселье подразумевалось, но главная цель была достигнута: женщина осталась одна. Причём в положении, которое...

— Где её комната?

— Наверху. Третья от лестницы направо.

Нагги оказался на ногах ещё раньше, чем я, но торопиться мы не стали, чтобы не привлекать излишнего внимания на случай, если в зале присутствовали подручные того незадачливого воздыхателя. Прошли между столами, вроде как переговариваясь о своих

делах, поднялись по ступеням и, только когда скрылись из поля зрения трапезничавших, ускорили шаг.

Разумеется, дверь была закрыта. Но засовы в гостевых домах всегда хлипкие, а веса во мне много, и достаточно было приложиться плечом в нужном месте к двери, чтобы та, отчаянно охнув, влетела в комнату.

Успели мы, судя по всему, вовремя: мужчина ещё только-только склонился над лежащей на полу и, похоже, оглушённой или чуть придушённой, а потому неподвижной женщиной. Штаны насильника, разумеется, были приспущены, а длинная рубашка жертвы разодрана на спине. Видимо, наша нанимательница только-только успела снять с себя промокшую одежду и облачалась в сухую, когда враг ворвался внутрь. И оставалось только молиться, чтобы он своими действиями не убил незнакомку, потому что проверять её дыхание и пульс сейчас было некогда.

Мужчина обернулся в нашу сторону не сразу, даже сорванная с петель дверь не слишком-то его побеспокоила, настолько сильным, видимо, было желание. Но когда в согнувшуюся дугой спину упёрся наконечник дорожного посоха, сознание насильника чуть прояснилось. Настолько, что он попробовал убежать. Впрочем, безуспешно, потому что следующий удар пришёлся в коленный сгиб, прорывая вместе со штаниной сухожилие.

Мужчина заорал благим матом, растягиваясь на полу и ощупывая колено руками в надежде хоть чуть-чуть уменьшить боль. Обезумевший взгляд скользнул по нашим лицам.

— Ах ты!..

Точное значение выкрикнутого слова было мне неизвестно, но этого и не требовалось, чтобы понять, какое чувство вызвали мои действия у насильника.

— Мало?

Я ударил по другому колену, теперь уже не с внутренней, а с наружной стороны, дробя кость кованым железом наконечника. Мужчина взвыл ещё омерзительнее.

— Это научит тебя не приходить незванным?

В ответ насильник разразился пространной речью о том, что он с нами сделает, когда выберется отсюда. И что сделает с женщиной. Вторая часть не понравилась мне ещё больше, чем первая.

— Знаешь, как поступают с теми, кто добивается близости с женщиной против её воли?

Он знал. Или догадывался. В любом случае, когда я занёс посох над его причинным местом, глаза мужчины стали похожими на застывшие лужицы олова: отказались что-либо выражать. Но, конечно, он до последнего мига думал, что мои слова лишь угроза, призванная напугать. Зато я, переступая порог комнаты, уже знал, что время запугиваний давно истекло.

Крик был истошный, но короткий и быстро захлебнувшийся беспомощностью. Натти помог мне вытащить бездыханное тело в коридор, притворил дверь и подошёл к женщине, всё ещё неподвижно лежащей ничком.

— Он её что, того? Убил, что ли?

— Надеюсь, нет.

Я присел на корточки и дотронулся кончиками пальцев до тонкой шеи в том месте, где просматривался крупный сосуд.

— Жива. И скоро очнётся. Надо бы её хоть на кровать положить и... прикрыть тоже надо.

Но намного удобнее подхватывать под руки и под колени, когда человек лежит вверх лицом, а не затылком. Я осторожно перевернул незнакомку на спину и тут же растерянно

остановился, разом забыв о своих благородных намерениях Натти за моей спиной изумлённо присвистнул:

— Это надо же... Так она баба или мужик?

* * *

Ответить на заданный рыжим вопрос я не смог ни сразу, ни четверть часа спустя, когда мы уже сидели в трапезном зале за тем же столом, который покидали, отправляясь на спасение, что называется, прекрасной дамы. И во мне почему-то крепло подозрение, что очень многие истории, посвящённые подобным подвигам, умолчали об истинном положении дел, ведь под длинными юбками естества не разглядишь.

Обидчика незнакомки, пока всё ещё беспамятного, слуги снесли вниз, видимо в одну из хозяйственных пристроек, потому что в жилых комнатах места для него не нашлось. А может, и вовсе выкинули за порог гостевого дома, наверняка пошарив перед тем в кошельке. Немного радовало лишь то, что после происшествия меня и Натти больше никто не пытался разглядывать. Разве что исподтишка.

Эль нам всё-таки принесли, причём намного лучшего качества, нежели пролитый, и всё время, проведённое в ожидании питья, мою голову посещали смутные воспоминания о сказках, услышанных в детстве, но не из материнских уст. Потому что ни одна мать никогда не стала бы смущать малолетнее сознание собственного ребёнка рассказами о людях, одновременно являющихся и мужчинами и женщинами. Судя по растерянному лицу Натти, его детство было ещё более безмятежным, а вот я очень хорошо помнил своё недоумение от услышанного. И помнил, что по какой-то серьёзной причине задавать вопросы было то ли запрещено, то ли попросту невозможно. В итоге память сохранила только удивление, недоверие и... Да, некоторый страх. С тех времён я хоть и повзрослел, однако увидев воплощение туманного прошлого прямо перед собой, вновь ощутил себя беспомощным ребёнком. И надо сказать, не очень-то обрадовался возвращению в детство.

— Как такое возможно? — спросил Натти, проверяя пределы возможностей собственных бровей по части хмурости.

— Не знаю. Но я что-то слышал о таких... двуединых.

Слово очутилось на языке само собой, явно придя из бессознательного прошлого. Рыжий вопросительно вытаращился, а перед моими глазами вновь встало видение странного родимого пятна, располагавшегося чуть выше бритого лобка мужчины-женщины, всё-таки перенесённого нами на кровать. Что-то вроде круга, перечёркнутого линией. Знак, который я видел много раз, но которому не придавал какого-либо значения. Осталось только вспомнить, где, когда и откуда на меня смотрело это странное око...

Она-он показалась на верху лестницы, и её появление сопровождалось уже привычным и начинающим немного надоедать всплеском мужского интереса. Лицо по-прежнему хранило бесстрастное выражение, и это, надо признать, удивляло, потому что одной только отменной выдержкой объяснить сие спокойствие было уже невозможно. Скорее, оно говорило о понимании того, что есть более страшные опасности в этом мире, нежели полупьяные насильники и ненароком открывшиеся тайны. Если даже первое советовало держаться подальше от незнакомки, то второе чуть ли не приказывало бежать прочь сломя голову, поскольку примерно такое же бесстрашие время от времени посещало лицо приснопамятного золотозвенника, про которого я знал яснее ясного: могущественный человек, способный на всё.

В походке и жестах женщины-мужчины ничего не изменилось, только обиженный

ловким обманом мой взгляд невольно ловил любую мелочь, раньше записываемую в раздел милых чёрточек, а теперь относимую к признакам другого пола. Ловил, уверенно и надёжно отвращая от любования. Меня, по крайней мере. Да и Натти тоже. Причём рыжий, как и я, смотрел на незнакомку с нескрываемой обидой.

Следовало бы спросить помощника, что ему не по нраву в происходящем, но она-он уже села за стол напротив нас и сложила руки перед собой, накрывая одну ладонь другой.

И ведь ни один палец не дрожит!

— Я ценю то, как вы поступили.

На словах — да. Но почему мне кажется, что нас величаво известили о благосклонно принятых дарах?

— Он заслуживал наказания.

Прозрачно-серые глаза не утратили своего обычного спокойствия, но теперь в них можно было заметить нечто вроде смущения.

— Речь не о том несчастном, которого вы лишили права передать своё семя наследникам.

— Не понимаю.

— Вы не остались в комнате.

Ну вот, теперь впору мне начать смущаться. Хотя чего? Ведь человек, сидящий по другую сторону стола, наполовину мужчина.

Да, можно было остаться, дожидаться, пока она-он очнётся, увидит нас, вспомнит происшедшее и... Вот именно это «и» заставило меня уйти как можно скорее. Служба сопровождающего хорошо научила ощущать границу не то чтобы дозволенных вещей, а тех, куда лучше не совать нос. Я не хотел видеть возможное замешательство того, кто попал в опасную неурядицу женщиной, а вышел кем-то совсем другим. И ещё меньше я хотел задавать вопросы. Впрочем, этого и не требовалось.

— Вы оставили мне выбор.

Ну да, что-то вроде того. Разве это так важно?

Я посмотрел в глаза чуда, невесть как возникшего в моём мире, и понял: важно. Для него — важнее всех прочих вещей. Такое выражение можно прочесть во взглядах людей, обязанных жизнью. Или получивших подарок, о котором не смели даже мечтать.

— И вы выбрали?

— Да, — улыбнулась она-он, впервые улыбнулась не маской обитательницы недоступных чертогов, а вполне по-человечески.

— Ну что ж, я рад.

А что ещё можно сказать? Не поздравлять же, хотя обстоятельства позволяют сделать и это.

— Мне по-прежнему нужна защита, но я не буду более просить вас, пока не расскажу о том, что привело меня в этот город.

— И откуда привело! — настойчиво уточнил Натти, слегка краснея.

Она-он недоумённо приподняла бровь, и мой помощник поспешил объяснить:

— Откуда берутся такие, как вы?

— Ах вот вы о чём... — Прозрачность серых глаз ненадолго уменьшилась. — Ну разумеется, расскажу. Иначе многое останется непонятным.

На стол, постукивая боками друг о друга, опустились кружки с новой порцией эля, и подавальщик убрался подальше едва ли не быстрее, чем доставил заказ. Запомнил хватку

моих пальцев? Отлично. Может быть, это убережёт его от новых ошибок и столкновения с противником, который на любом поле боя оставляет после себя одни лишь трупы.

— Моё имя Марис.

Такое же неопределённое, как и твой пол. Удачный выбор, ничего не скажешь!

— Где находится мой родной дом, не имеет значения. По одной простой причине: такие, как я, могут появиться на свет в любом уголке мира.

— Хотите сказать, вас много?

— Не так много, как хотелось бы тем, кто отдаёт нам приказы. К сожалению, многие из нас гибнут ещё в детстве, когда родители обнаруживают, что их ребёнок не сын и не дочь, а всё сразу.

Она-он явно не желала вдаваться в подробности. Впрочем, этого и не требовалось, потому что я чётко представлял себе, чем заканчивается жизнь упомянутых несчастных. В лучшем случае надёжной удавкой.

— Но если нам удаётся добраться до сведущих людей, мы остаёмся в живых. Хотя многие предпочли бы такой жизни смерть от родительских рук.

Мрачноватое заявление. Пугающее. И не похоже, что она-он нарочно старается вызвать в слушателях жалость или прочие болезненные чувства. Говорит как есть.

— И что же это за жизнь?

— Жизнь прибоженного.

В голове что-то щёлкнуло, словно в дверном замке, и смутные воспоминания слились в единое целое, давшее ответ на многие вопросы быстрее, чем рассказчица. Меня ведь водили в городскую кумирню вместе с другими соседскими детьми на праздничные божеслужения, во время которых родители предавались молитвам, а малолеток развлекали всяческими историями, по большей части непонятными, но завораживающими.

— Значит, вы...

— Я принадлежу вере.

А ведь могла бы сказать «служу». Но не стала. Из ненависти? Нет, сильных чувств не разглядеть даже в глубине глаз. Но не из любви уж точно.

— Насколько я знаю, прибоженные редко уходят далеко от кумирен.

— Это верно. — Она-он замолчала, словно возникла необходимость подобрать правильные слова для продолжения рассказа. — Мы уходим, только когда этого требует вера. И вероотступники.

Кажется, беседа приближается к развязке. И почему-то мне всё меньше и меньше хочется слушать дальше.

— Нас рождается и выживает очень мало, поэтому каждый — величайшая драгоценность, принадлежащая всему народу. И хоть мы не золотые слитки, нас тоже крадут.

— Кому же может понадобиться прибоженный?

— Кому угодно, — бесстрастно ответила Марис. — Но чаще всего любителю особых наслаждений.

Мы с Натти чуть не поперхнулись, представив себе подробности этих самых наслаждений. И покраснели, потому что фантазии оказались весьма занимательными. Она-он, увидев это, усмехнулась:

— В этом нет ничего необычного. До посвящения почти все мы развлекаемся подобным образом.

— А после?

Марис глубоко вздохнула:

— Некоторые продолжают. Правда, очень немногие.

— Но почему?

Она-он посмотрела мне прямо в глаза:

— Потому, что каждый момент близости крадёт день нашей жизни.

С одной стороны, хотелось задать новый вопрос, но с другой, увидев во взгляде Марис светлую и всё же скорбь, я удержал язык за зубами. Впрочем, прибоженная объяснила всё сама:

— После посвящения в наших телах что-то происходит. Мы будто останавливаемся в том возрасте, которого достигли... И одновременно оказываемся отделены от мира. Солнце перестаёт нас греть, пища — насыщать, питьё — утолять жажду. Мы живём только за счёт того, что успело накопиться внутри нас за прошедшие до посвящения годы. И когда запасы заканчиваются...

— Вы умираете.

— Да. Обычно мало кто из нас доживает до тридцати лет. А если не оставляет постельных развлечений, то сгорает намного быстрее. Правда... — Марис криво усмехнулась, — такая участь, наверное, милее, чем скаредное существование в попытках протянуть один лишний день.

Пожалуй. Я бы лично не смог выбрать, по крайней мере сразу, как лучше: жить мало, но в удовольствие, или жить долго, но мучительно. Мне потребовался бы приказ. Вроде того, что отправил присматривать за Блаженным Долом.

— Поэтому вы и драгоценны.

— Да. Людям нужно чувствовать поддержку и заботу. А верить всегда проще в то, что видишь перед собой.

Особенно если видение прекрасно, хоть и печально. Впрочем, мне почему-то подумалось, что та же Марис, рассказывающая сказку о прибоженных детям родителей, пришедших в кумирню, улыбается вполне искренне и счастливо.

— И кто же посягнул на содержимое сокровищницы?

— Один из ларцов.

Вот теперь я снова ничего не понимаю.

— Как так?

Она-он брезгливо сморщилась:

— Один из прибоженных сбежал накануне посвящений подкупив стражника.

— А почему не обольстив? Если посмотреть, что творится с мужчинами при вашем появлении...

Марис впервые посмотрела на меня совершенно беспомощно:

— Я не знаю, что происходит в этом городе. Не могу даже предположить. Обычно мы, наоборот, отпугиваем большинство мужчин и женщин, потому что каждый человек чувствует нашу... избранность. Чувствует, даже если не может сам себе объяснить свои ощущения.

Да, пожалуй. Я вот тоже любовался незнакомкой со стороны, но подходить, а тем более посягать на её невинность не собирался.

— Значит, подкуп? А откуда у прибоженного могло взяться столько денег?

Она-он с силой прижала ладони к столу:

— Например, ссудил тот, кто желал им обладать.

М-да, а ведь ещё месяц назад побудка ранним утром была для меня делом вполне привычным, безобидным и безболезненным!

Зевок так настойчиво боролся за свободу, что я в конце концов ему уступил. Широко раскрыл рот, вдохнул и выдохнул. Намного легче не стало, зато муть, висящая перед глазами, чуть рассеялась, а ясный взгляд был мне сейчас нужен как никогда.

Ночь мы с Натти провели в комнате прибоженной. Правда, не столько по причине необходимости защищать Марис от новых поползновений наглецов мужского пола, сколько потому, что другого места для ночлега у нас попросту не было. А в то, что насильник повторит свою попытку, я не верил. Во-первых, нечем, во-вторых... Тот, кто нападает на женщин, обычно не рискует честно драться с мужчинами. А судя по тому, что он не выставил никакой охраны у комнаты, не снабдил себя помощниками или сочувствующими, всерьёз опасаться не стоило: был бы богат и упрям, сразу нанял бы для собственного спокойствия вооружённых людей. Или происходящее нужно было хранить в тайне? Ну тогда тем более пока нет нужды волноваться.

В минувший вечер мы с Марис так и не пришли к какому-либо соглашению, хотя она-он рассказала почти всё, что сочла возможным, а по мне — даже перестаралась. В дела веры я не вмешивался никогда, как, впрочем, и вообще все сопроводители, потому что у прибоженных была своя стража. Поговаривали, что для неё то ли особым образом отбирали кандидатов, то ли нарочно готовили, но как бы то ни было, каждый охранник любой кумирни допускался до своей службы, лишь свято уверовав. То бишь помешавшись на служении Божу и Боженке. Тем не менее Марис считала: стражника подкупили... Что-то тут не так. Он ведь должен был рассмеяться в ответ на подобное предложение и прогнать злоумышленника прочь. Хотя в случае поступления просьбы со стороны самого прибоженного могло и сработать. Ведь если охранник помешан на вере, то на живые символы веры он смотрит с неменьшей влюблённостью, чем на кумиров.

И всё же отправлять на поиски одной женщины другую слабую женщину как-то глупо, пусть обе они женщины лишь наполовину. Даже если Марис обнаружит пропажу, что дальше? Ей-ему всё равно придётся заручаться чьей-то поддержкой, либо отправлять депешу начальству и ждать подмоги, держа след. Ох уж мне эта таинственность! Понятно, что хранители кумирни не желают выносить сор из своего святого дома, но то, что они готовы рискнуть слишком многими жизнями, не менее драгоценными, чем жизнь сбежавшей, слишком странно. Если только...

Она-он ведь уже немолода. Для прибоженного, конечно. Сколько они живут? Около тридцати лет? Очень похоже, что Марис как раз приближается к окончанию этого срока, а значит, ничем не рискует. Выполнит поручение — хорошо. Не успеет выполнить? Тогда двуединое божество примет её душу и тайное знание о том, что из кумирни на белый свет выпускают только смертников, останется тайным. Тьфу.

Я хоть и рано поднялся с постели, устроенной прямо на полу, но, когда спустился в трапезный зал, многие столы уже были заняты отчаянно зевающими купцами, и уделять внимание завтраку оказалось некогда: только и успевай приглядываться к людям, собирающимся отправиться на рыночную площадь.

Слава Божу, искать что-то определённое не требовалось, достаточно было отметить,

какие чувства обуревают каждого из купцов. Вон тот, к примеру, рассеянно постукивает кончиками пальцев по столу, значит, ждёт важных для себя известий, а свою окончательную цену устанавливать помедлит. Этот, наоборот, азартно потирает ладони, стало быть, намерен устроить большую игру. Глядящий на соседей спокойно и чуть высокомерно, скорее всего, настолько уверен в качестве своего товара, что не снизит цену ни на монету от уже заявленной. Правда, все эти наблюдения хороши только для черновика решения, а чтобы узнать подробности, каждого из завтракающих придётся сопроводить на рынок и увидеть уже в действии. Нудное занятие, нагоняющее зевоту надёжнее, чем недосмотренный сон, вот что такое наблюдение. Правда, и выслеживать — ненамного веселее.

К тому моменту, когда трапезный зал опустел, мои глаза отчаянно слезились и болели, ехидно напоминая, что теперь возможности плоти и духа стали намного ограниченнее. Поэтому пришлось прикрыть веки, дабы обеспечить зрению хотя бы маленькую передышку, а как только жжение наконец поутихло, оказалось, что за столом я нахожусь уже не в одиночестве.

Он и подошёл неслышно, и лавка под его весом не скрипнула, словно побоялась выдать прищельца. Молодой человек. Очень молодой, темноволосый, с печальным лицом и скучающим взглядом. Пока ещё не раздавшийся вширь и чуть угловатый, но если тело прямо-таки кричит о юности и неопытности, то выражение лица заявляет о совершенно противоположном. Так смотрят люди, обладающие силой, неважно откуда взявшейся и чем подкреплённой. И именно так они одеваются: неброско, небрежно, даже неряшливо. В конце концов, кто из мышей посмеет заявить коту, что тот недостаточно чисто умылся?

— Доброго дня, милейший.

— Доброго.

И заговорил он со мной, как с последним служкой, а подавальщиков из зала вдруг словно метлой повымело. Что ж, значит, мои предположения вполне верны.

— Как вам нравится город?

Не самый подходящий вопрос для раннего утра и беседы за столом. Впрочем, это ведь я пришёл завтракать, а не незнакомец.

— Такой же, как и все прочие. На первый взгляд.

— А на второй?

В другое время я бы с удовольствием поддержал предложенную игру, постаравшись выудить из собеседника сведения, которые он сам предпочёл бы сохранить в тайне, но заботы Блаженного Дола настойчиво звали меня на рыночную площадь.

— Я должен был увидеть нечто особенное, верно?

В светлых глазах юноши мелькнуло удивление. Эх, не надо было так сразу и прямо! Теперь он насторожится и будет прав.

— Грент — вольный город.

— Об этом мне уже рассказали.

— И видимо, рассказ был слишком короткий.

Находишь мы в Веенте, на груди моего собеседника непременно сияло бы, по меньшей мере, серебряное звено, принадлежал бы он к Цепи надзора или миротворения и допрашивал бы меня, чтобы установить причастность к...

Хм. Кажется, я знаю, кто ты, парень.

— Надеюсь, вы окажетесь настолько любезны, что расскажете больше.

Если он и понял, что его раскусили, то не подал виду. А может быть, ему было искренне

всё равно, как и что думает о нём заезжий чужак. И пожалуй, второе стояло намного ближе к истине.

— В вольном городе и люди живут вольно.

— Это я видел воочию. Ещё вчера. Прямо посреди улицы.

Он чуть приподнял брови, однако вместо расспросов продолжил:

— Но когда каждый свободен в своей воле, рано или поздно кто-то посягает на чужую свободу.

Верно. И я не представляю, парень, как ты и твои помощники со всем этим управляются. Это же полный разброд и шатание, а не город! Или здесь всё же действуют хоть какие-то правила?

— Да, такого поворота событий трудно избежать.

Незнакомец вздохнул, на сей раз с видом человека, по-настоящему измученного каждодневными делами:

— Поворотов слишком много. Потому их никто и не избегает.

Любопытно. Что-то новенькое в градоуправлении.

— И что же происходит, когда...

— Когда воли разных людей сталкиваются между собой? Как правило, кому-то приходится уступить.

Ну да, разумеется. Кому-то более трусливому, более слабому или менее удачливому. Как и везде, просто в прочего родах заранее известно, кто уступит. Известно и подробно записано в главном городском уложении. Золотыми буквами.

— И конечно, этот кто-то уступает неохотно?

— Когда как. Но один раз отступив, в другой всегда можно ударить первым и победить. Правда, для победы требуется кое-какое условие. Пустяшное, но всё же...

— Условие?

Он посмотрел на меня ещё скучнее, нежели раньше:

— В вольном городе Гренте можно всякий раз поступать как душе угодно. Но лучше позаботиться о том, чтобы у проявлений твоей воли не было свидетелей. Или чтобы свидетели подтверждали твою правоту.

Намёк ясен.

— А что случится в противном случае?

Юноша задумчиво перевёл взгляд на недоеденное содержимое моей тарелки:

— За причинение вреда приезжему — выдворение из города вместе с пострадавшим. За причинение вреда жителю города — виселица. — Он немного подумал и добавил, видимо, на тот случай, если собеседник вдруг оказался туповат: — Любого вреда.

Вот так, простенько и душевно. Что же получается? Прежде чем распускать руки, нужно узнавать, кем является твой обидчик, чтобы, не дай Бож, не распрощаться с жизнью за простую оплеуху? Сурово. Действительно ли? А кто их знает.

Но то, что все неприглядные дела здесь творятся подальше от любопытных глаз, ясно вполне.

— Спасибо за предупреждение.

Он равнодушно кивнул и поднялся на ноги.

— Надеюсь, на сём наше знакомство с вами окончено.

Да оно и не начиналось. Или я что-то упустил?

— Доброго дня.

Юноша повернулся, собираясь уходить, но застыл на месте, увидев приближающуюся к моему столу Марис. Волнения прошедшего дня никак не отразились на лице прибоженного, однако теперь я лучше понимал причину этого безграничного спокойствия. В самом деле, о чём тревожиться, если дни твоей жизни неумолимо иссякают и никакого спасения от смерти нет?

Она-он прошла мимо темноволосого незнакомца и остановилась так, что тот мог смотреть только на пепельно-русый затылок и узкую полоску шеи между воротником и прядями коротко стриженных волос. Впрочем, судя по взгляду юноши, даже это скудное зрелище оказалось весьма вдохновляющим. И обескураживающим, потому что разговор вроде бы был окончен и оставаться не существовало более ни одной причины. Кроме молодой женщины со странной причёской.

— Чем здесь кормят на завтрак? — спросила она-он, обращаясь ко мне, но ответить я не успел.

— Особенно хороши пшеничные лепёшки с мёдом, — пролепетал юноша, с которого вмиг слетела вся бесстрастная самоуверенность.

Марис медленно обернулась, смерила незнакомца взглядом, содержание которого осталось для меня тайной, и снова посмотрела на меня:

— Ваш приятель?

— Впервые вижу.

Она-он понимающе кивнула и присела за стол, спиной к юноше, словно показывая, что не намерена беседовать с кем-то, не водящим знакомства со мной. Итак, услужливость не помогла. Что парень попробует следующим?

— Вчера в этом гостевом доме один человек получил тяжёлые увечья.

— Неужели? — переспросила Марис, не поворачивая головы.

— Да, что-то в этом роде случилось, — улыбнулся я.

— Жаль, что сие зрелище оказалось мне недоступно по причине насильственного беспамятства.

Юноша нахмурился:

— Насильственного?

— Когда мужчина врывается в комнату женщины, преследуя вполне определённые цели, он обычно заботится о том, чтобы жертва не оказала сопротивления и не позвала на помощь, — пояснил я.

По глазам незнакомца было ясно видно, что он тоже не прочь ворваться в ту же комнату, причём с теми же целями. И хотя после вчерашнего представления это не должно было меня удивить, кое-какое различие всё же присутствовало и не давало сбросить себя со счётов. Юноша смотрел на Марис с интересом. Да, похожим на вожделение, но искренним, а не наносным, как у купцов в трапезном зале прошлым вечером.

Хм. Хм. Хм. Любопытно. Значит, странность происходящего как раз в этом и состоит? Есть женщина — есть вожделение, причём только в те моменты, когда она находится рядом. Нет женщины — нет ничего, даже в мыслях. Похоже на то, что купцы словно околдованы. Но чем? Или кем? Приворотное зелье ни для кого не секрет, правда, поверить в то, что его было наварено столько, чтобы опоить каждого, горожанина... Бред. Нет, зелье действовало бы иначе. В частности, волна вожделения непременно привела бы к буре.

— Тот человек хотел... совершить насилие над вами? — На слове «насилие» юноша чуть не задохнулся от возмущения.

Марис всё-таки повернула голову и, невинно улыбнувшись, подтвердила:

— Да.

Похоже, прибоженного происходящее только забавляло. А вот меня скорее пугало. Что, если парень решит воплотить в жизнь свои желания? Ведь на пути у него стою только я.

— Но тогда вам необходима защита!

— У меня есть защитник.

Ну зачем она всё усугубляет? Нет, пора уходить. Срочно пора уходить.

— И моя честь теперь принадлежит ему.

Не то чтобы я сильно испугался. В конце концов, жук на моей груди тоже давал мне определённые полномочия, и, скорее всего, до виселицы дело не дошло бы. Но выдворение оказалось бы даже худшим вариантом, особенно сейчас, а в том, что влюблённый юнец сможет при необходимости использовать свою власть для удовлетворения личных потребностей, сомнений не возникало.

Позёвывающий Натти, встретив меня у лестницы, спросил:

— Опять чего приключилось? Где лицо потерял?

— Помнишь, ты спросил вчера, баба или мужик эта тварь?

— Ну да.

— Так вот, баба! Самая настоящая!

Рыжий недоумённо вытаращился на меня, но я вместо подробностей отчаянно махнул рукой. И как оказалось, этого жеста было вполне достаточно, чтобы помощник понял всю глубину моего недовольства происходящим, предложив собственный способ разрешения неприятных обстоятельств:

— Ну так и пойдём от неё подальше!

— А как же завтрак?

— Ты-то поесть успел? Ну и славно. А я ещё до рассвета вставал перекусить, так что пока сыт.

На пороге я всё же оглянулся. Парочка располагалась на тех же местах, и, судя по улыбке, блуждающей на губах Марис, юноша не оставлял попыток предложить свои услуги. Какого рода? Можно только догадываться.

Раннее утро в Гренте напомнило мне столицу. А впрочем, наверное, все города похожи друг на друга, если сложены из камня и запружены спешащим по своим надобностям народом. Конечно, пышность нарядов не та, да и лица вовсе не настолько самодовольные, как у коренных веентцев, но вполне можно представить, что я вдруг оказался в одном из окраинных кварталов. Представить и...

Пожалеть, что это неправда?

Я невольно остановился прямо посреди улицы, заставляя прохожих обходить меня с обеих сторон.

Ещё совсем недавно сердце переполняли злость и обида на судьбу, подставившую подножку, а теперь страсти улеглись. Успокоились. Потому что я получил приказ и начал его выполнять. И это мне нравится. Это делает меня почти довольным. Значит, зря мечталось о том, чтобы самому отдавать приказы? Значит, нужно было довольствоваться тем, что имелось, и не помышлять об ином? Значит, я настолько глуп и убог, что для счастья мне требуется одна лишь чужая воля?

— Позвольте ли обратиться к вам с нижайшей просьбой, эрте?

Я вздрогнул, пробуя прогнать наваждение, накрывшее меня с головой. Получилось

плохо. Впрочем, незнакомец, заговоривший со мной, выглядел ещё хуже, чем мои мысли. Бледный, с покрытым испариной лбом, с запавшими глазами и трясущимися уголками губ, этот мужчина сейчас сошёл бы за моего отца, тогда как на самом деле был старше от силы лет на десять. А ещё он был очень похож на просителей из глухих провинций, время от времени осаждавших столичный Наблюдательный дом мольбами о помощи. Последний раз на моей памяти речь шла о какой-то лихорадке, косившей жителей то ли Саврисса, то ли Ладоры, и мне, пока добрался до места службы, пришлось не раз и не два произнести... Ну да, то же самое:

— Я не лекарь.

Я калекарь. Определить, что с тобой не всё хорошо, дядя, я могу. Но вылечить? Уж извини.

— И всё же вы можете мне помочь лучше, чем лекарь.

Всё, прочь воспоминания! Я уже не в Веенте, уже не сопроводитель, мои действия уже не обеспечены прощением, вымоленным загодя сразу на всё Сопроводительное крыло. И думать надо за себя. Самому.

Итак, боляще-просящий. Одет добротню, стало быть, деньги за душой водятся. Одет легко, стало быть, местный житель, ненадолго покинувший дом. А местный — это опасно. Никакого вреда нельзя причинить. С другой стороны, отказ от разговора тоже ведь может быть сочтён за вред.

— Что вам нужно от меня?

Он поманил за собой в переулочек, безлюдный и тихий. Возможной засады не наблюдалось, а сам проситель не походил на наёмного убийцу, поэтому я пошёл следом, на всякий случай сделав Натти знак быть начеку.

— Моё имя вам ни о чём не скажет, эрте, да и надёжнее будет не произносить никаких имён, услуга ведь пустячная...

Что-то слишком много в Гренте всего пустячного. А заставить заниматься пустяками все почему-то норовят совершенно постороннего человека.

— Что вам нужно?

Он посмотрел на меня снизу вверх, поскольку его рост не позволял направить взгляд иначе, и поэтому показалось, что незнакомец выглядит ещё жалче.

— Сделайте для меня то же, что сделали вчера.

Я перебрал в памяти события прошедшего дня и не нашёл среди них ничего достойного повторения.

— Говорите прямо, или я уйду.

— Помогите мне избавиться от влечения к женщинам! — выпалил мужчина.

Натти хохотнул, да и я сам улыбнулся бы, если бы в обращённом на меня взгляде не видел столько отчаяния.

— И как же я могу вам помочь?

— Не притворяйтесь, что не понимаете! Вы же смогли! Вчера.

Я глубоко вдохнул, потом выдохнул. Значит, свидетели всё же имелись? Плохо. Но это ещё не повод признать вину.

— Вчера один настойчивый насильник получил по заслугам. Не более того.

Мужчина нетерпеливо качнул головой:

— Мне нет никакого дела до его причин. У меня есть своя.

— И насколько же веская?

Он замялся, но всё-таки решил признаться, видимо сообразив, что иначе не добьётся поставленной цели:

— Видите ли, я по роду своих занятий... Нас называют нырками, если вы понимаете, что это значит.

О да, понимаю, причём превосходно!

Рыночный нырок, вот кто подошёл бы мне больше всех прочих осведомителей. Он занимается игрой с товарами и монетами, скупая по одной цене и продавая по другой, и он чуть ли не лучше купцов знает размеры спроса и предложения. Но я даже не помышлял о том, чтобы обратиться к такому человеку, потому что за свои услуги нырки берут очень дорого. А тут вдруг такое везение... Судьба снова решила испросить прощения за свои шалости? Даже не верится.

— И при чём тут влечение?

Скулы мужчины покраснели, что в сочетании с мёртвенно-бледной кожей остального лица создало впечатление карнавальной маски.

— Мне нужно думать о моих делах, а вовсе не о...

Кажется, догадываюсь, в чём беда.

— Вы не можете не смотреть на каждую женщину, случайно оказавшуюся рядом?

— Да. И добро бы только смотрел...

Пришлось подавить усмешку. Хотя что во всём этом смешного? Человек же мучается.

— Почему вы не обратились к лекарям? Уверен, они смогли бы вам помочь.

— К городским? Увольте! Чтобы потом все вокруг узнали, что я согласился себя оскотить? Мне пришлось бы перебираться в другой город. И чем бы я там занимался? Рынок — это моя жизнь.

Страннее всего было то, что его слова звучали убедительно, причём он сам не прилагал к этому никаких усилий. А просьба вполне понятная. И причина веская.

— Вы могли бы найти лекаря на стороне. Подальше от города.

Мужчина всплеснул руками:

— Я бы так и поступил, но, увы, эта похоть овладела мною так некстати! До начала игры остаётся несколько часов, до ближайшего места, где можно найти хорошего лекаря, не менее суток пути, а если я не буду присутствовать здесь с самого начала, всё будет потеряно!

Да, нырку нельзя терять ни минуты. А временем его сейчас распоряжаюсь я, как это ни смешно.

— Повторюсь: я не лекарь.

— Это неважно! Поздней ночью я встретил в трактире того человека... Насильника, как вы сказали. Да, мне не спалось. Мне уже несколько дней не спится, и всё из-за этих проклятых женщин! Он был пьян. Сильно пьян. И говорил много глупостей. Но он сказал главное: его больше не мучит желание.

Если учесть, что это и являлось моей целью, можно считать, я исполнил своё намерение выше всяких похвал. Теперь можно не опасаться за честь особ женского пола, что могут встретиться на пути неудавшегося насильника. Любую человеческую страсть, если только она не слишком сильно укоренилась в голове, можно выкорчевать, воздействуя на определённую часть тела. Беда лишь в том, что на месте корчёвки больше ничего и никогда не вырастет.

— Если я что-то сделаю с... с вами, это нельзя будет исправить.

— Я готов рискнуть.

— Вы хорошо понимаете, о чём просите?

Он утвердительно затряс головой, стряхивая на мостовую капельки пота.

— У вас никогда не появятся дети.

— Разве это беда? Это сущее счастье!

— Женщины больше не будут пробуждать в вас чувства.

— Да глаза бы мои на них не глядели!

А ведь он с каждой минутой дрожит всё больше и больше. Того и гляди, упадёт и зажёётся в корчах. Нам показывали нечто подобное ещё во время обучения, правда, тогда предметом рассмотрения было влияние на плоть и дух определённых настоек, завозимых и продаваемых со строжайшей секретностью, но результат весьма похож. Стало быть, любимое занятие настолько дорого для нырка? Это объясняет решимость просителя. И предполагает, что он не откажется заплатить назначенную мною цену.

— Хорошо, я сделаю то, о чём вы просите. Но не за благодарственное слово, разумеется.

Мужчина покорно кивнул.

— Мне нужно узнать цены, с которых начнутся торги. Это посильная задача?

— Да. Конечно, сейчас я сам ещё их не знаю, но уже совсем скоро...

— Вы согласны?

— Да, — ответил он и посмотрел на меня с надеждой, к которой, правда, примешивалось ещё что-то, удачно замаскированное нетерпением.

Для заключения сделки следовало бы позвать стряпчего, но если уж проситель не желает никому рассказывать о своей нужде, то придётся верить на слово. Чем я рискую? Свидетелей вокруг нет. Вообще ни единой души. Стоим мы как раз между двумя поворотами переулка, скрытые от глаз возможных прохожих стенами домов. Да и уж так слёзно просит человек. Просит — получит.

— Встаньте сюда. И постарайтесь расслабиться, насколько сможете. Будет больно, но я постараюсь сделать всё возможное, чтобы боль прошла быстро.

Он сглотнул, стараясь исполнить мои указания в точности.

Конечно, можно было попробовать сначала ударить в узел чувствования, а только потом в причинное место, но наставник всегда советовал поступать наоборот. «Вы должны видеть, достиг ли удар цели. Позже можно проявить милосердие и облегчить чужие страдания, но помните, что в вашем распоряжении всего один шаг, и именно он должен доставить вас к желаемому результату».

Я покачал в руке посох, находя ось балансировки и, не делая паузы в движениях, ударил. Мужчина согнулся пополам, как и следовало, но, поскольку удар не нужно было держать, я успел ещё раз качнуть своё оружие в нужном направлении. Проситель рухнул на мостовую, но, уже падая, не должен был ничего почувствовать.

Он и не почувствовал: об этом заявил удивлённый взгляд. И всё же крик раздался. С явно ощутимой задержкой, которая свидетельствовала, что намерения нырка в моём отношении были отнюдь не самыми добрыми и невинными.

Патруль местной городской стражи вырос будто из-под земли, и мужчина, указывая на меня, тут же заголосил что-то о нападении и избиении. Натти попробовал было возразить, но, как только стало ясно, что он не является местным жителем, стража перестала обращать на рыжего внимание.

Суть случившегося была понятна и проста. Да, нырок нуждался в моей помощи. Но платить вовсе не собирался. В какой-то мере даже хорошо, что я не взял плату вперёд, а то мне вменили бы в вину ещё и ограбление. Правда, второе обвинение не смогло бы ни убавить, ни прибавить наказания, полагающегося в вольном городе Гренте за причинение вреда его жителю.

Итак, виселица? Посмотрим, чьё слово перевесит, простого горожанина или Смотрителя. Я потянулся к поле накидки, собираясь показать стражникам жука, но тут мужское общество в переулке оказалось разбавлено явлением женщины. Причём хорошо знакомой всем стражникам, поскольку те чуть ли не вытянулись по стойке «смирно».

Молодая, весьма привлекательная, она двигалась с грацией хозяйки то ли всего города разом, то ли хотя бы этого квартала, и мела мостовую за собой длинным бархатным подолом платья, явно не предназначенного для прогулок. Да и судя по тому, что на ткани не виднелось следов весенней уличной грязи, незнакомка только что либо вышла из дома, либо покинула карету.

— Чем можем служить, эрте? — угодливо поклонился начальник патруля.

— Тем, что вернёте тишину и покой на эту улицу, — ответила женщина.

Голос у неё был чуть хрипловатый, но оттого придававший всему облику ещё большее очарование.

— Мы так и собирались поступить, эрте! Не извольте беспокоиться, сейчас задержим

нарушителей порядка и препроводим в...

— Нарушителей? — Женщина посмотрела на меня, как на пустое место. — Я не вижу здесь таковых.

— Но этот человек нанёс увечья и...

Она подошла ближе, смерила брезгливым взглядом лежащего на земле нырка и посмотрела на стражников со скукой, уже где-то виденной мною.

— Он всего лишь выполнил просьбу.

— Но как такое возможно?

— Я слышала их разговор и могу засвидетельствовать: ничего дурного в случившемся не было. Умысел появился когда кое-кто позвал на помощь.

Стражник понятливо перевёл взгляд в указанном направлении:

— Не извольте беспокоиться, эрте! Сделаем всё в лучшем виде!

Нырка подхватили за шкурку и потащили прочь, не обращая внимания на его отчаянные оправдания, а женщина повернулась, посмотрела мне в глаза со всей возможной серьёзностью и сказала:

— Моя просьба нижайшей не будет.

***

Вот теперь я поверил тому, что она слышала весь разговор от начала и до конца. Но на улице, где меня нагнал нырок, женщин не было. Тем более затянутых в нежно-лиловый бархат. Хотя... Припоминаю, что в самом начале разговора неподалёку от нас покачивался паланкин, который несли двое дюжих мужчин в костюмах, очень похожих на ливреи какого-нибудь богатого дома. Вполне возможно, что в закрытых носилках находилась как раз моя новая собеседница. Но что ей могло понадобиться от меня? Уж явно не повторить действие с причинными местами в третий раз!

— А у вас есть просьба ко мне?

— Да. Хотя я могла бы приказать, учитывая обстоятельства.

Облако тёмных каштановых локонов, ухоженное лицо, ясный взгляд светлых глаз, кажущийся странно знакомым. Волнение, отчётливо проявляющееся в подрагивании пальцев, держащих веер.

— Почему же не прикажете?

— Потому, что знаю о вас больше, чем вы думаете.

По сути своей это была угроза, однако слова прозвучали почти равнодушно, словно незнакомка хотела сказать: мне не интересны ваши тайны, но я не премину использовать сии знания в своих целях, если понадобится.

— Хорошо. Я слушаю.

Она слегка удивилась, наверное, предполагала, что я попробую пуститься в расспросы, стараясь определить ценность имеющихся у неё сведений. Наивная. Опыт прежней службы и недавно произошедших событий, да того же разговора с Натти, подсказывал: не стоит узнавать о себе слишком много нового из чужих уст. Это плохо влияет на сон и аппетит.

— Я хочу, чтобы вы сделали для меня кое-что.

— А именно?

— Решайте сами, как поступить. Я выскажу только своё пожелание.

О, вот это уже интересно! Полная свобода действий? Обычно такое условие сопровождается не слишком приглядные дела.

— И каково оно?

Взгляд незнакомки застыл, как вода, вмиг покрывшаяся льдом, но в светлых глазах холодным блеском вспыхнула ненависть:

— Вы должны избавить меня и город от одного человека.

— Я должен его убить?

— Почему бы и нет?

А сейчас в её голосе всё-таки проступило лукавство, напомнившее мне утренние проделки Марис. Женские игры, конечно, прекрасны, но мне что-то не хочется становиться игрушкой.

— По-вашему, я способен на убийство?

Она улыбнулась:

— Вы способны на всё. После вашего ухода я застала беднягу Енке таким испуганным, каким не видела ещё ни разу. И когда спросила, что случилось, услышала, что в управу приходил «очень страшный человек».

Что за бред? Случайной фразы хватило, чтобы вселить ужас в видавшего виды управного служку? Или Натти всё-таки не преувеличивал? Нужно как-то во всём этом разобраться. Но чуть позже.

— И дальнейшие ваши поступки подтвердили его правоту. — Женщина подошла ко мне вплотную. — Вы не раздумываете, если нужно действовать. Это качество встретишь не в каждом мужчине.

— Одно дело дать отпор и совсем другое — решиться на душегубство.

— Я же сказала, вы сами выберете, как поступить. Не беспокойтесь, я знаю, что вы носите на своей груди. — Конец веера ткнулся в накидку в том месте, где под складками грелся жук, и знак Смотрителя отполз в сторону, недовольный, что его сон потревожили. — Вы можете сделать то, о чём я прошу.

— Неужели только я один?

Женщина кивнула:

— Только вы.

— Но почему?

— Потому, что не смотрите на меня с вожделением.

Я приподнял брови. Нахмурился. Снова приподнял:

— Это вас оскорбляет?

— Это меня радует и обнадеживает!

Кажется, понимаю, что к чему. Она явилась сюда во всём блеске, проверяя, как на меня подействует вид красивой женщины. Чтобы быть уверенной наверняка.

— Ваши предыдущие наёмники не справились с поручением, верно?

Она пристыженно отвела взгляд, но всего лишь на мгновение.

— Слабаки.

— А я — силён?

Её губы приблизились к моим, хотя для этого женщине пришлось встать на цыпочки.

— Это легко проверить...

Я выдержал паузу, ожидая дальнейших действий со стороны соблазнительницы, но она меня так и не поцеловала, зато её светлые глаза всё это время усиленно изучали моё лицо. Потом она удовлетворённо отстранилась:

— Вы должны справиться.

Не рано ли всё решили за меня? Я ведь ещё не сказал «да».

— И от кого я должен избавить вас и город?

— Она чужая здесь. Впрочем, как и вы. Так что нет никакой опасности, даже если прольётся кровь.

Она? Стало быть, женщина. И скорее всего, соперница.

— Чем же она вам не угодила?

Женщина скривилась, словно от боли:

— Она сводит мужчин с ума. Всех, кто попадается ей навстречу.

О, похоже, я наконец-то узнаю, кто является причиной вспышки местного мужского безумия! Весь вопрос в том, нужно ли это мне.

— Как?

— Этой твари довольно просто оказаться рядом, и мужчина начинает искать её в любой женщине.

— Она украла у вас титул первой красавицы города?

По глазам незнакомки было видно, что я угадал большую часть правильного ответа, но побледневшие от злости губы произнесли:

— Она украла у меня жениха.

— Такое случается. Особенно если чувства не слишком сильны.

Женщина горько усмехнулась:

— Чувства? Вот скажите, какой купец откажется от женитьбы на родной сестре градодержателя вольного города?

Я подумал и сказал:

— В здравом уме? Никакой.

— Вот, даже вы это понимаете! Я люблю его. И неважно, есть ли в его сердце любовь ко мне. В конце концов, я могу себе позволить подобное супружество. Но он...

— Отказался?

— Нет. Отказ был бы понятен. Случилось нечто другое. Нечто худшее.

Красавица перевела взгляд на стену дома:

— Он пришёл ко мне, как обычно приходил, вечером. Сначала такие визиты были для него в тягость, но потом, как казалось, ему даже начало нравиться. Мы вели беседы, пили вино...

— Были близки?

— Нет, — категорично ответила женщина. — Я могла бы всё устроить. Могла бы вынудить, но это никогда не поздно сделать, а торопиться было некуда... И он, разумеется, не настаивал, поскольку понимал, что решать буду я. А пару дней назад всё перевернулось с ног на голову.

— Мужчина взял власть в свои руки?

Светлые глаза растерянно мигнули:

— Он словно был не в себе. Ползал за мной по полу на коленях, мял платье, умолял о близости, добивался поцелуев, большего, но...

— Добился?

— Я велела слугам выгнать его вон.

Вечно эти женщины чем-то недовольны! Холоден и бесстрастен — плохо. Горишь страстью — опять нехорошо. Чего же вам нужно-то?

— Почему же? Может быть, он всего лишь наконец-то осознал ниспосланное ему счастье?

— В ту минуту в его голове вообще не было сознания, — ответила незнакомка, то ли не заметив моего ехидства, то ли принимая его за нечто другое.

— Но он держался на ногах, насколько я понимаю? И действовал?

— Да. — Её щеки невольно зарделись. — Он был очень напорист. Но когда я увидела его глаза... Я испугалась.

— Почему?

— Он будто не видел меня. Он смотрел сквозь, и в его взгляде было что-то... звериное.

Всё правильно. Мужика держали на цепи, а тут вдруг удалось сорваться. Но это так, шутка. А если сопоставить всё, что я видел вчера на улице и в гостевом доме, с рассказом незнакомки, получается чёткая и довольно страшная картина.

— Потом я расспросила слуг и всех кого смогла. Оказалось, что он, как и многие другие, встретил в городе ту женщину. И сошёл с ума.

— А может быть, всё-таки влюбился?

Каштановые локоны возражающе качнулись:

— Мне бы хотелось в это верить. Но в тот раз, прежде чем его выставили из моего дома... Первыми на зов прибежали служанки. И что, вы думаете, случилось?

Я представил, но это не избавило мою собеседницу от необходимости ответить самой:

— Ему было неважно, кто рядом.

— И вы думаете, если та женщина уберётся из города, всё вернётся на свои места?

— Я надеюсь на это. Но медлить нельзя. Потому что если ей встретится мой брат... Вы понимаете, что случится?

Пожалуй, понимаю. Вольный город Грент перестанет быть вольным. Не столь уж великая трагедия. Для меня. Но не для тех, кто был зачат и родился свободным.

— Вы нарочно выжидали, чтобы застать меня в неприятных обстоятельствах?

— Я хотела поговорить с вами ещё вчера. Только вокруг всё время было много людей, с утра ещё и братец наведалься... А ему не нужно знать, что происходит.

— Вряд ли мне удастся выполнить вашу просьбу. Но если удастся... — Я выразительно посмотрел на незнакомку.

— Вам что-то нужно?

— Я не просто так прибыл в ваш город. Не беспокойтесь, многого не попрошу. Всего лишь проследить, чтобы тот служка... Как вы его назвали? Кажется, Енке? Чтобы он подготовил нужные мне сведения. Подготовил честно и бескорыстно.

Женщина куснула губу вместо того, чтобы принять мои условия. Пришлось уточнить:

— Вы же можете ему приказать?

— Могу. Но в таком случае вся история точно дойдёт до моего брата.

Я вздохнул:

— Что ж, тогда разрешите откланяться.

Подействовало безотказно: женщина предприняла последнюю атаку:

— Я ведь могу отказаться от своего свидетельства!

— Если не боитесь вызвать сомнения в вашем честном слове у тех, кто вас знает? Можете.

— Стойте! — крикнула она, видя, что её собеседник всерьёз намерен уйти, — Я сделаю то, что вам нужно.

Замечательно. Теперь осталось придумать, как выполнить мою часть сделки.

— Где я смогу найти ненавистную вам соперницу?

— На рыночной площади, совсем скоро. Увидите — не ошибётесь.

Натти разочарованно мотнул головой:

— И что они к тебе липнут?

— Кто они?

— Да все здешние. Боятся, но липнут как мухи.

Действительно загадка. Хотя если вспомнить слова незабвенного Атьена Ирриги, ответ напрашивается сам собой. Я скучный человек, но со мной... спокойно. А всем, кто занимал

моё время и внимание на протяжении минувших суток, не хватало именно покоя. И Марис, и нырку, и сестре рентского градодержателя. Вот ведь гадство! Они-то смогли найти во мне то, что искали, а где и как мне обрести сокровенный покой?

— Им кажется, что я могу справиться с их бедами. Глупцы.

— Только кажется? — прищурился рыжий.

— А я разве могу?

— Тебе виднее.

Наверное, всё же могу. Не особенно хочу, но не вижу в желании, к примеру, последней просительницы ничего невозможного. Хотя встречаться с ведьмой, сводящей с ума мужчин, как-то боязно.

— Пойдём на рынок? — спросил мой помощник.

— Надо бы.

— А не страшно?

— Очень страшно. Только мне так и так надо было туда идти. Будем считать, что раз мы предупреждены, то не окажемся застигнутыми врасплох.

Натти пожал плечами, показывая, что в отличие от меня настроен не столь радужно.

Конечно, на рыночной площади следовало оказаться гораздо раньше, но вынужденные задержки привели к тому, что мы вступили в торговые ряды, уже переполненные народом. Пожалуй, такого обилия продавцов и покупателей я не видел даже в столице. И казалось довольно странным, что городок, находящийся едва ли не на отшибе от широких трактов, привлекает к себе столько внимания. Но обычно кажется, если не знаешь истинных причин происходящего, а я, к счастью или к сожалению, прекрасно знал, почему дважды в год Грент наводняют торговцы разнообразных мастей.

С тех пор как Цепи всевозможных надзоров ужесточили слежение за купеческими обозами, вольные города остались единственными местами на карте Дарствия, где можно было совершать торговые сделки с наименьшей платой в дарственную казну. И более того, грамота, подтверждающая сделку, произошедшую в вольном городе, приравнивалась по своей силе ко многим бумагам, выданным Цепями. Когда я впервые узнал об этой странности, меня очень удивило, что подобная практика существует, поскольку она открывала любому запрещённому товару беспрепятственный путь на рынок. Но едва я попробовал заикнуться о своём удивлении, мне мягко и ненавязчиво объяснили, что у сильных мира сего бывают крайние надобности, которые невозможно удовлетворить законным путём. И посоветовали исправно нести службу сопровождаителя, то бишь держать язык за зубами, пока они есть. А то ведь могут и исчезнуть...

Разглядеть в скоплении людей тех купцов, чьи лица запомнились мне по завтраку в гостевом доме, было невозможно, если только не столкнёшься с ними нос к носу. Поэтому я неторопливо пробирался по рядам, надеясь на удачу, приглядываясь к ценам и прислушиваясь к разговорам, а Натти следовал за мной, не отставая ни на шаг, и в какой-то момент мне подумалось, что у рыжего имеется свой интерес во мне и моих действиях. Иначе зачем он всё время сопровождает меня? Мог бы сидеть в гостевом доме или в одном из многочисленных трактиров и просто ждать, пока я закончу свои дела. Понятно, если бы на его месте сейчас была Ньяна: ей-то положено быть рядом со Смотрителем. Но Натти при первом же нашем разговоре вёл себя уж слишком независимо, и меньше всего я мог ожидать, что он вдруг станет верным псом. Если только не должно произойти нечто очень интересное и необходимое рыжему. Нечто связанное со мной.

Спросить прямо, что ли?

А и спрошу.

Вот прямо сейчас.

Толпа впереди раздалась в стороны так неожиданно, что я поймал себя на желании тоже метнуться в ближайший закуток, но если в столице подобное движение людей означало бы приближение высокого дарственного чиновника или отряда гвардейцев, никогда не заботящихся о попадающих под копыта коней зеваках, то что должно было случиться здесь? Может, градодержатель решил почтить рыночную площадь своим присутствием? Вряд ли. Парень не показался мне падким на пышные представления. Тогда что же заставило людское море расступиться? Какое чудо?

Незнакомка оказалась права: ошибиться было невозможно. Женщину, прогуливающуюся по торговому ряду, никто бы не нарёк совершенством, но отсутствие черт, восхищающих и приковывающих к себе взгляд наблюдателя, создавало то самое впечатление, от которого голова сразу шла кругом. И не только голова.

Таких женщин лучше всего описывает слово «ладная». Руки были чуть полноваты, ноги кривоваты, грудь недостаточно полна, талия не слишком тонка, изгиб бёдер не столь крут, как в мужских мечтах, но всё это, собранное вместе, являло миру недостижимый идеал красоты. Улыбка, наполовину невинная, наполовину порочная, ни на мгновение не обнажала зубы, делая выражение лица томно-загадочным. Глаза глядели из-под полуопущенных ресниц вроде бы в никуда, но, уверен, каждому мужчине, находящемуся неподалёку, казалось, что женщина смотрит именно на него. Причём смотрит весьма недвусмысленно. Не стал исключением и я.

Она ещё не приблизилась даже на десяток шагов, а мне уже стало нечем дышать, и только многолетняя привычка запоминать и мысленно проговаривать самому себе все ощущения помогла сохранить сознание достаточно ясным, чтобы понять, чего мне хочется в этот момент.

Я хотел припасть к ногам, обрисованным складками узкой юбки, коснуться губами потрёпанного края подола и решиться поднять глаза, только подчиняясь велению неприступной госпожи...

Я хотел рвануть застёжку на высокой груди, чтобы пуговицы брызнули во все стороны весенним дождём, вонзить пальцы в упругий зад, накрыть нежный рот таким поцелуем, от которого она первая запросила бы пощады, задрать эту проклятую юбку и...

Два желания столкнулись друг с другом, в голове что-то затрещало, взорвалось и осыпалось пеплом. Наваждение схлынуло. Да, передо мной была красивая женщина, сознающая свои возможности и отменно ими пользующаяся. Но и только. Я бы скорее и охотнее согрешил с лисичкой Нери, чем с сосудом, содержимое которого явно переливается через край. А вот все другие мужчины, оказавшиеся рядом со мной, думали иначе. Вернее, вообще не думали: на лицах, обращённых к божеству, спустившемуся на землю, читалось желание. Наверное, легко выяснилось бы, что у каждого оно было своим, если расспросить и разведать, но одинаково искажающим человеческий облик. Неужели, кроме меня, не устоял никто? Я обернулся, чтобы проверить, поддался ли мой помощник чарам искусительницы, и сразу забыл о прелестях женщины, которую должен был выставить вон из города.

Рыжий стоял неподвижно, по его лицу текли целые ручьи пота, и казалось, что черты тоже текут, ощутимо меняясь. Ржаво-карие глаза смотрели в сторону женщины, и очень напряжённо, вот только ничего похожего на вождение в них не было. Скорее наоборот, во

взгляде Натти разливалась смертная тоска, словно единственная и самая заветная мечта моего помощника находилась при смерти и корчилась в судорогах. А прядь над левым ухом рыжего... Мне почудилось, или она вдруг стала совсем седой?

Нужно было хлопнуть по обмякшему плечу, разорвать оковы наваждения, помочь, защитить, но не успел я даже поднять руку, раздался вой, заставивший меня отказаться от всех прежних намерений. Вой, в котором слышалось что-то странно созвучное ржаво-карей тоске, но было намного больше ярости и боли.

Кричала женщина. Та самая красавица, сейчас вовсе не казавшаяся привлекательной, каталась по бульжникам рыночной площади, схватившись за низ живота и свившись едва ли не раковиной улитки. Каталась и выла, лихорадочно ощупывая своё тело, но никто не решался прийти ей на помощь. Понятно почему: уж слишком резким и пугающим был переход от величия к безумию. И всё же из толпы раздалось робкое:

— Лекарь... Нужен лекарь!

Да, лекарь не помешает. Правда, пока он проберётся через торговые ряды и займётся своим делом, страдальца разобьёт себе голову о камни мостовой. Конечно, такой выход устроит всех, в том числе и мою нанимательницу, но тайна обольщения останется неразгаданной. Или того хуже: сведённые с ума так и останутся помешанными, если смерть ведьмы не снимет чары.

— Я посмотрю, что с ней.

— Вы лекарь?

— Сделаю что смогу.

Для начала обхватываю её крепче, чтобы замедлить кружение в судорогах, и нащупываю одно местечко у основания черепа. Вот так, хорошо, теперь боли оставят красавицу на четверть часа или более. Причём вместе с сознанием, что особенно удобно, если хочешь беспрепятственно осмотреть тело.

Я осторожно уложил женщину спиной на брусчатку и потянул юбку наверх.

А ноги вполне себе. Даже не кривые. И штанишек она не носит, видимо, чтобы не тратить лишнее время на раздевание. И лобок бреет, как столичные мод... Это ещё что такое?!

На белой коже виднелся уже знакомый мне рисунок. Перечёркнутый круг. Но не только он, а ещё целая россыпь язвочек, тропками уходящая в промежность. И на каждой язвочке выступало что-то похожее на гной, но странного синеватого оттенка. А потом все ранки вдруг начали исчезать, на глазах затягиваясь ровной здоровой кожей. Последним в небытии растворилось родимое пятно, как две капли воды похожее на то, что я видел у Марис.

Не прошло и половины минуты, как несомненная причина мучений красавицы безвозвратно пропала. Не оставалось ничего другого, как вернуть юбку на положенное ей место и многозначительно заявить всем собравшимся:

— Ничего страшного. Ей просто нужно отдохнуть какое-то время.

По толпе прошёл вздох облегчения, и только теперь ко мне и неподвижно лежащей женщине начали подходить самые смелые из зевак. Наверное, хорошо, что никто в толпе не видел странных язвочек, но с другой стороны, никто не мог подтвердить, что я всё ещё нахожусь в здравом рассудке, а не провалился в мир иллюзий.

Обретшая временный покой красавица вновь вернула себе власть над мужскими сердцами и всеми прочими частями тела: мигом нашлись верные поклонники, благоговейно унёсшие её с площади. А ведь ещё минуту назад они стояли объятые ужасом... Любопытно.

Значит, нечто, вызвавшее появление ранок на теле женщины, одновременно развеяло и чары? Правда, ненадолго, но всё же. Знать бы ещё, что это было такое.

Чья-то ладонь тяжело опустилась на моё плечо. Бож милостивый, я же совсем забыл... Натти! Сейчас он выглядел чуть лучше, по крайней мере, из глаз пропала та страшная тоска, и ручьи пота иссякли до капелек.

— Что с тобой?

— Да вот, нахлынуло, — неопределённо ответил рыжий.

Ну да, по-прежнему рыжий. А как же та седая прядь? Или мне всё-таки померещилось? Впрочем, неудивительно. В голове до сих пор всё какое-то перемешанное и взбудораженное.

— Мне нужно прилечь.

— Как скажешь. — Я подхватил Натти за талию.

— Смогу и сам дойти. У тебя ведь ещё дела здесь.

Это верно. Но не менее важное дело ждёт меня в гостевом доме.

— Как думаешь, удастся уговорить Марис уступить тебе кровать?

* * *

Впрочем, уговаривать никого не пришлось: когда мы добрались до трапезного зала, выяснилось, что прибоженный всё ещё там. Любезничает с градодержателем, и, судя по тому, что юноша ощутимо повеселел, беседа велась к обоюдному удовольствию.

Перед самым гостевым домом Натти решительно отказался от моей поддержки, до лестницы добрался без помощи, держа спину на удивление прямо, а по ступенькам поднялся намного быстрее меня. Я было подумал, что рыжий притворяется, но, когда нагнал его в коридоре, немного устыдился своих подозрений, потому что на бледном лице снова выступили капли пота, крупные и слегка мутные. К тому же, едва переступив порог комнаты, Натти чуть было не осел на пол, словно ноги, крепкие и кряжистые, больше не хотели держать своего хозяина.

— Что с тобой? — спросил я, когда кровать под рыжим протяжно заскрипела.

Он должен был бы ответить что-то вроде «и сам не знаю». По крайней мере, подобные слова, ни к чему не обязывающие и ни о чём толком не говорящие, мешают возникновению беспокойства. Но я услышал:

— Да лихорадит что-то.

А вот такой поворот событий не радовал. В памяти сразу всплыла Чумная весна и пяток её товарок, которых мне удалось пережить. Лихорадка — дело неприятное и весьма опасное, особенно когда случается в месте, где нет надзора за благополучием людей. Причём насильственного надзора.

— Ничего, пройдёт.

— С тобой такое уже бывало?

Рыжий кивнул. Вернее, еле заметно двинул головой. Ржаво-карие глаза были прикрыты веками с той самой минуты, как мой помощник оказался в лежачем положении, и теперь судить о том, спит он или бодрствует, можно было лишь по коротким отрывистым фразам, по всей видимости тоже не доставляющим Натти приятных ощущений..

Ну, раз бывало, попробуем понадеяться на лучшее. Хотя, с другой стороны, волноваться уже поздно: я слишком давно и подолгу нахожусь рядом с рыжим, так что, если тот и носит в себе какую-то чуму, мне тоже перепал её кусочек. Возможно, немалый. А поскольку прежней защиты от недугов моё тело лишено, то случится ровно то, чего не удалось миновать.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет. Я просто посплю. Немного.

Ну на нет и суда нет. Конечно, можно позвать местного лекаря, но тогда нас выставят из города ещё скорее, чем за преступные проступки. Нет, с лечением повременю. Хотя бы пока не поговорю с прибоженным о странных знаках на теле женщины, наполовину желанной, наполовину ненавистой всему вольному городу.

Часть 5.9

— Вы быстро вернулись, — сказала Марис, входя в комнату, и остановилась, слегка приподняв брови. — Ваш приятель утомился от такой небольшой прогулки?

— Он нехорошо себя чувствует.

Лицо прибоженного не потеряло ни капли своей безмятежности, но в голосе Марис появились суровые нотки:

— Болен?

— Возможно.

Она-он подошла к рыжему и положила ладонь на вспотевший лоб. Постояла так с минуту, наклонилась, прислушалась к дыханию Натти, потом, тщательно вытирая каждый палец платком, подошла ко мне.

— Похоже на лихорадку.

— Я знаю.

— Правда, сейчас жара нет. Вашему приятелю нужен отдых. И лекарь.

— Я подумал о том же, поверьте. А ещё о том, что обстоятельства не располагают к лечению.

Марис изобразила на своём лице вопросительное выражение, но оставила на мою долю продолжение разговора. Чем я и воспользовался, попросив:

— Расскажите мне о беглянке.

— Что именно?

— Хотя бы как выглядит.

Она-он задумалась, вспоминая.

— Ниже меня ростом. Ещё совсем юная, потому немного угловатая. Такие, как мы, почти до самого совершеннолетия, а то и много позже остаются похожими на подростков.

— Потому что ваше тело никак не может выбрать, каким стать, мужским или женским.

Это не было вопросом, я просто размышлял вслух, и Марис всё поняла правильно. Однако безобидная фраза оказалась тем самым мечом, что пробил в щите спокойствия заметную брешь.

— Вы не знаете, о чём говорите.

— Но это правда?

Стиснутые губы прибоженного побелели:

— Да.

Ей-ему стоило многих сил произнести это коротенькое слово, и я догадался, что не следовало заводить разговор в такие дебри. Впрочем, уже было поздно сожалеть, потому что Марис продолжила:

— Наши тела живут по своим законам. И часто — вразрез с душами.

Она-он отвернулась к окну. Наверное, дневной свет, пробивающийся сквозь запylённое стекло, был сейчас для прибоженного намного более приятным обществом, чем мой намного более заинтересованный, нежели виноватый взгляд.

— Каждый проходит свой путь. Кто-то с раннего детства чувствует себя двойственно, но подобные люди очень редко становятся прибоженными, потому что...

— Вовремя учатся скрывать свою природу?

Марис не подтвердила моё предположение. Впрочем, и не опровергла, а продолжила

рассказ:

— Подавляющее большинство ощущает себя либо девочкой, либо мальчиком. Ровно до того дня, когда начинается необратимое.

Узкие плечи вздрогнули. Происходи это с кем-то другим, я бы решил, что мой собеседник собирается всплакнуть, но прибоженному, скорее, было лишь неприятно вспоминать собственные злключения. И больно, но не настолько, чтобы нельзя было вытерпеть.

— Когда твоё тело тебя же предаёт, становится чужим, непонятным, своевольным... Требуется очень много сил, чтобы уцелеть. Больше всего хочется в эти минуты спрятаться от всех подальше, забиться в самый тёмный угол, обхватить себя руками так, чтобы нельзя было вдохнуть, а нужно совершенно обратное. Помощь. Чем раньше за тобой приходят из кумирни, тем лучше.

Особенно для хранителей веры. Опоздай они на несколько дней, рискуют не обзавестись ещё одним ягнёнком для своего стада.

— Хорошо, если двуединство проявляется рано, пока ты не привык к себе. Но кое у кого изменения начинаются уже перед самым совершеннолетием, и вот это настоящая беда.

Могу себе представить. Каково бы было мне, скажем, если бы я вдруг обнаружил, что превращаюсь в женщину, причём ровно наполовину? Жуть. Наверное, наделал бы очень много глупостей.

— Оллис как раз из поздних. Не самых, но... Она считала себя женщиной слишком долго. И даже потом не хотела смириться.

— Вы наблюдали за ней?

— Разумеется. Она хорошо научилась скрывать свои чувства, но от того, кто пережил всё то же самое, спрятать истину невозможно.

— Потому она и сбежала накануне посвящения?

Марис скрестила руки на груди:

— Участвовать в обряде Оллис явно не хотела. Ведь после него обратной дороги уже нет.

Всё, спрашивать дальше о жизни кумирни нельзя. Прибоженный, может, и готов открыть ещё много тайн, но я — не лучшая шкатулка для их хранения. И уж точно не смиренная.

— Итак, беглянка. Угловатая, юная... Глаза? Волосы? Цвет кожи?

— Темноволосая. Глаза... Серо-жёлтые. Кожа, как и у всех нас, достаточно бледная. Мы ведь редко бываем на солнце.

У той припадочной на площади было молочно-белое тело, в этом сомнений нет. И тёмные косы. А цвет глаз я всё равно не рассмотрел, потому что был увлечён совсем другими предметами наблюдения. Вот чего-чего, угловатости в женщине не было. Скорее наоборот, сплошная плавность.

— Знак на вашем теле. Как он возникает?

— Постепенно проявляется. Вскоре после начала изменений.

— Он ведь что-то вроде родимого пятна?

— Да. По крайней мере, им отмечены все прибоженные.

— Значит, вас можно опознать по нему?

Марис повернулась в мою сторону, и я увидел на прежде безмятежном лице горькую улыбку.

— Пятно — последнее, что свидетельствует о нашей природе. Всего остального более чем достаточно для опознания.

— А если прибоженный решится что-нибудь сделать со своим телом? Скажем, воспользоваться услугами лекаря и освободиться от... — Как бы выразиться поточнее? — От лишних отростков плоти. Пятно останется?

— Да. Нож лекаря ничего не изменит. Можно избавиться от внешних проявлений, но прошлое всё равно не вернётся.

Она-он говорила уверенно и бесстрастно, словно слышала вопросы, подобные моему, по сотне раз на дню.

— А что, такие случаи уже бывали?

— А как вы думаете?

Хороший способ отвечать предельно искренне и в то же время оставляя себе простор для манёвра. Значит, бывали. И могу предположить, что довольно много, иначе уверенности в голосе моего собеседницы слышалось бы намного меньше.

— Остающиеся шрамы хорошо заметны?

— Не всегда. Всё зависит от мастерства лекаря. Иногда их удаётся почти полностью свести, но гораздо проще скрывать. Подходящими средствами.

Значит, свести можно. Но ведь не настолько же идеальной как видел утром я? И потом, если бы дело было только в шрамах!

— Вы говорите, тело сохраняет прежний вид?

— Да. Оно не может стать более мужским или более женским, если вы это имеете в виду.

— Никакими средствами?

Марис поморщилась:

— Многие подкладывают подушки.

— А просто набрать вес?

— Представьте, что одновременно тело будет нарастать и как у мужчины, и как у женщины.

Я представил. В воображении получилось нечто бесформенное.

— Пятно тоже можно свести?

— Вполне. Выжечь, например.

И всё равно должны остаться какие-то следы. Шрамы. Ожоги. Или хотя бы неровности на коже. Возможно, разная окраска. А я видел тело, словно никогда и не знавшее лекарьских вмешательств. Тело, само собой принимающее совершенный вид. Тело, намекавшее о своём происхождении, поманившее тайной и ускользнувшее.

Странно всё это. Очень странно.

— Но к чему эти вопросы? Вы что-то узнали о беглянке?

И да и нет. У меня не случилось помешательства, это точно, но и придумать объяснение происходящему я не могу. Ни одного. Возможно, та красавица в самом деле сбежала из кумирни. Но какое чудо помогло ей стать женщиной, а не помесью обоих полов? Потому что сомнений не было: на рыночной площади мне встретился не прибоженный, а чистейшее проявление женской сути в брэнном теле. А если вспомнить этот синеватый гной, выступавший из растворившихся в воздухе язвочек...

— Пока ещё нет. Но я подумал, что не могу искать кого-то, не зная о нём никаких подробностей.

Конечно, Марис мне не поверила. Правда, расспрашивать не стала, только состроила укоризненную гримасу: мол, ври-ври, да не завирайся, ведь любому дураку ясно, что ты до чего-то докопался. И мне вдруг захотелось выложить всё, что знаю. Вывалить все разрозненные сведения на стол, сгрести в кучку, повернуться и убраться вон из этой комнаты, гостевого дома, да и города тоже. Причём мимолётно возникшее намерение вдруг оказалось таким настойчивым, что остановили меня только тихое прерывистое дыхание Натти, доносящееся из угла, где стояла кровать, да осторожный стук в дверь.

— Кто там?

В щели между полом и дверной доской появился листок бумаги, и тут же вниз по лестнице зашелестели проворные, быстрые шаги. Впрочем, у меня так и так не было желания догонять посыльного, кем бы он ни являлся. Хотя бы потому, что тогда послание могло оказаться в руках Марис.

Я наклонился, поднял письмо, развернул и... понял, что какими бы нелепыми ни казались мне самому мои предположения, зерно истины в них имелось. На листке было написано: «Эрте, попавшая в неприятные обстоятельства на рынке нынче утром, желает побеседовать с тем, кто оказал ей помощь». Далее шло название гостевого дома, расположенной по другую сторону площади от нашего.

Милое приглашение. И как раз вовремя.

— Я уйду. Ненадолго.

Она-он посмотрела на бумагу, скомканную моими пальцами, перевела взгляд на моё лицо, наверное не менее измятое сомнениями.

— Все мы и отовсюду уходим ненадолго. Вот только возвращается всегда кто-то другой.

* * *

Я допускал, что Марис отправится следом за мной, но не прятался от наблюдения. И, как выяснилось, поступал совершенно правильно, не тратя силы зря, потому что, когда вошёл в приёмный зал указанного в записке гостевого дома, даже слегка испугался, оказавшись в безмолвном окружении мужчин разных возрастов и телосложения. Правда, совсем юных среди них не было, да и стариков преклонных лет тоже, но это заставляло беспокоиться ещё больше, поскольку во всех взглядах, в мгновение ока устремившихся; на меня, висела уже хорошо знакомая муть. Итак, все они — её защитники? Внушительная армия. Почти три десятка. Не шибко подтянутые, вполне благообразные, какими, собственно, и надлежит быть купцам, чтобы успешно вести дела. За стенами гостевого дома да поодиночке они не выглядели бы угрожающе, но собранные все вместе... Нет, это живое заграждение Марис не преодолеть никогда и ни за что.

— Вас ждут.

А вот этот парень совсем другой. С явной выправкой, похожей на солдатскую. И лицо соответствующее: молодое, но уже натренированно суровое. Да и выглядит он в обычном купеческом одеянии, как ярмарочный ряженный. Волк посреди овечьего стада, одним словом.

— Следуйте за мной.

Покои красавицы находились на втором этаже и занимали намного больше места, чем комната, в которой я оставил Натти. Убранство можно было назвать даже богатым, впрочем, в столице только посмеялись бы над многофутовыми полотнищами бархата и атласа, развешанными по стенам, наверняка чтобы прикрыть облупившуюся штукатурку. Обивка кресел залоснилась до неприличия, но, раз другого блеска не нашлось, сгодится и такой. А натоплено-то! Дров не пожалели. Даже створки широкого окна приоткрыты, а чтобы сырой

весенний ветер не задувал свечи, в избытке горящие по углам, плотные портьеры задёрнуты чуть ли не наглухо.

— Располагайтесь, как вам будет удобно.

Во что может быть одета женщина, если в комнате нечем дышать от жары? Я вдумчиво оценил наряд красавицы, поднявшейся с кресла, и подумал, что, выйди она в таком виде сейчас на лестницу, можно было бы ожидать многочисленных обмороков. От избытка чувств, непременно ударившего бы по телам.

Если это был шёлк, то очень редко сплетённый, потому что казалось: соблазнительница окутана чем-то полупрозрачным, позволяющим разглядеть каждый изгиб волнующе двигающегося тела. И только когда женщина подошла ближе, туда, где ореолы свечного света сливались в единый яркий круг, стало понятно, что ткань достаточно плотная, но как приклеенная прилегает к каждому участку плоти, успешно создавая иллюзию наготы.

— Вы желали побеседовать?

Она ответила не сразу. Сначала присмотрелась ко мне, повела плечами, чуть прогибаясь назад и округляя грудь. Наверное, пыталась атаковать сразу, без предупреждений и возможности сдаться, однако телесное наступление не привело к задуманному результату, и меня удостоили словами:

— У нас есть тема для беседы.

Голос тоже звучал замечательно. Ни низкий, ни высокий, он словно одновременно проникал внутрь головы и пуховой подушкой обволакивал снаружи, заставляя слушать одного лишь себя и рождая в сознании...

Желание распластаться ниц у ног королевы, не нуждающейся в короне..

Желание впечатать золотистый шёлк в нежную кожу и скользить по нему пальцами до того самого места и дальше...

Желание вступить в отчаянный бой, награда в котором достанется и победителям и проигравшим...

Желание позволить ублажить себя, сохраняя на лице презрительно-снисходительное выражение, чтобы рабыня не забывала, чья воля правит в пределах этой комнаты..

— Да. Тема есть.

Она нахмурилась, впрочем даже это делая очаровательно и соблазнительно.

— Спрашивайте, потому что у меня тоже много вопросов, на которые я намерен получить ответы.

Тёмные пряди, выровненные и выглаженные, едва уловимо качнулись, когда женщина приподняла подбородок.

— Вы ведёте себя иначе, чем те, внизу. Почему?

А ведь она искренне недоумевает. Слово ребёнок, проигравший первую игру в своей жизни.

— Потому, что мне хочется слишком многого, а вы предлагаете лишь одно.

— И что же именно? — Она сделала ещё один шаг мне навстречу.

— Свою безраздельную власть.

По-девичьи пухлые губы кротко улыбнулись:

— А вам нужно подчинение?

Округлые плечи расслабленно подались вперёд, подбородок чуть опустился, наделяя облик красавицы покорностью, пальцы трепетно легли на гладкий шёлк, проминая в нём ложбинку.

Хорошая попытка. Убедительная. Но её слишком мало.

— Не только.

— Так скажите. Я могу дать вам всё, что можно пожелать.

Это я уже понял. Как понял и то, что приму свои желания только все разом. В одно и то же мгновение.

— Мне нужны ответы.

— Как хотите, — улыбнулась женщина.

— Ваше имя Оллис?

Наверное, нужно было начинать с чего-то менее важного и двигаться к цели постепенно, но терять время на экивоки было опасно. Кто знает, какие ещё фантазии возникнут в моей голове и теле, а главное, не совпадут ли они вдруг с возможностями красавицы всеми своими выпуклостями и впадинами? Вот тогда разговор закончится, не начавшись.

— Да.

Она могла бы хитрить, молчать, изворачиваться или снова пойти в атаку, но вместо всего этого почему-то ответила прямо. Устала играть? Не поверю. Значит, решила сменить тактику.

— Почему вы сбежали от посвящения?

— Потому, что я хотела быть женщиной, а не куклой, которую слепили из двух половинок.

Что ж, на этом можно было бы и остановиться. Ответы я получил, причём, судя по всему, правдивые. Вот только что я буду с ними делать дальше? Пойду искать Марис, чтобы обрадовать новостью? Но для опознания нужны хоть какие-то знаки, а на этом белоснежном теле их нет. Хотя... Они ведь были?

— Как вам удалось?

— Сбежать? — Она улыбнулась на редкость хищно. — Я попросила, и мне не отказали.

Ещё бы! Кто смог бы сохранить свой рассудок в ясности рядом с такой женщиной?

— Как вы избавились от... части себя?

Пожалуй, впервые за всё время разговора моя собеседница испытала замешательство. Она не смогла ни улыбнуться, ни сохранить равнодушие, ни выказать неудовольствие моим вопросом, а растерянно посмотрела на меня, и в глубине золотистого, как шёлк платья, взгляда отразилось нечто, отчётливо напомнившее о затравленном зверьке.

— Я не знаю.

Лжёт. Но лжёт как-то странно. Не то чтобы не хочет говорить или не может, а будто не находит слов.

— Не верю.

Портьеры за спиной красавицы шелохнулись. Поднялся ветер?

— Я... не помню.

— Как можно забыть исполнение сокровенного желания? Вы ведь желали быть женщиной, верно?

— Я не помню!

К отчаянию в её взгляде начала прибавляться злоба, а ткань портьер перестала свисать плоско, явно обозначив собой какой-то высокий и объёмный предмет. Или чью-то фигуру.

— Случилось что-то постыдное? Страшное? Болезненное?

Пухлые губы сжались, вытягиваясь ниточкой.

— Это не имеет значения. Но да, я могла бы сказать, потому что вы всё равно не уйдёте отсюда. Вы узнали мою тайну, а она должна быть сохранена. Во что бы то ни стало.

— Твою тайну? Ну надо же! Ты находишься в этом мире всего ничего, а уже успел обзавестись такой милой местной слабостью... Не слишком ли торопишься, да-йин?

Он вышел из-за портьеры, а не отодвинул её. Наверное не хотел, чтобы происходящее в комнате стало доступно взглядам наблюдателей. Разноцветные пряди волос, слегка взъерошенные неощутимым ветром. Заострившиеся черты лица, странно сочетающиеся со спокойной уверенностью в чём-то, что превышает человеческих сил. Просторная накидка, скрадывающая пропорции и скрывающая движения. Иттан со-Логарен собственной персоной.

— Или тебе передалось её нетерпение?

Женщина помертвела лицом, и только губы продолжали кривиться в улыбке, сплюнув презрительное:

— Ты тоже не медлил.

— Я никогда не опаздываю на назначенные встречи.

Она так и не оборачивалась, продолжая смотреть на меня, и поэтому я видел, как в её глазах разгораются уголья.

Демон?

Да. Иначе здесь не было бы охотника.

Но Боженка меня подери, что же он такое? Откуда? Каким волшебством исполнил желание Оллис? Почему, зачем, для чего?! Вопросов оказалось слишком много, однако их количество не имело значения, потому что я так и не успел их задать.

Женщина закричала, и её крик не был призывом о помощи. Нет, прозвучало что-то вроде вызова на бой или всплеска отчаяния от первого удара, пропущенного и попавшего в цель. И не успел пронзительный звук стихнуть, на лестнице послышались шаги. Многочисленные.

Охотник коротко взглянул на меня. Вот он, удобный случай расквитаться с долгами! Ну же, скажи только, что тебе нужна моя помощь, и я... Только у нас не оказалось ни одного лишнего мгновения на разговоры, потому что под дюжим напором дверь комнаты распахнулась, едва не срываясь с петель.

Мне повезло, что защитники Оллис, ожидавшие приказа своей хозяйки внизу, растянулись цепочкой, поднимаясь по лестнице, а не ворвались все и мигом: первый, кто показался на пороге, получил удар наконечником посоха прямо в лоб, отшатнулся, сбивая с ног того, кто очутился в этот миг сзади. Но на место выбывшего тут же встал новый воин...

Пожалуй, так мне приходилось драться только на тренировках, когда нападающие действуют пусть и хаотично, но не позволяя передохнуть или сменить позицию. Да что уж говорить, даже шаг в сторону и то не было возможности сделать, оставалось лишь одно: держать рубеж, который сам себе определил. И верить, что руки устанут не раньше, чем закончатся желающие получить поцелуй посоха.

Хорошо, когда хватает единственного удара. Хуже, когда бить приходится зачастую наугад, потому что болевые точки противников покрыты толстыми слоями жира и ткани, по которым наконечник попросту соскальзывает, не причиняя должного вреда. Бить по лицу или шее надёжнее, конечно, но... А, пропади оно всё пропадом!

Следующего нападающего я отправил прямиком в мир иной, ударом продавив кадык до основания черепа. Купец то ли всхлипнул, то ли всхрипнул и безжизненным кулём повалился навзничь. Как ни странно, смерть оказалась сильнее чар красавицы, потому что остающиеся на ногах защитники вдруг резко поубавили свой пыл. А может быть, охотник успешно делал своё дело, не знаю: мне было не обернуться и не посмотреть, я мог только слышать истощные женские вопли, временами переходящие в звериный рык.

Впрочем, как выяснилось, наваждение покинуло не всех и не сразу. Ряды купцов рассеялись, но для того, чтобы в образовавшемся проходе я увидел давешнего парня с солдатской выправкой. И, что ещё хуже, увидел меч. Хороший такой, тяжёлый, содержащийся в исправном состоянии. А потом парень атаковал. С разбега. И я понял, что не успеваю сделать ничего другого, как поставить на его пути посох. Разумеется, немедленно треснувший и сломавшийся от соприкосновения с кованым железом, направляемым умелой рукой. А за первым замахом сразу же отправился в путь второй, нацеливающийся на встречу с моей ключицей или, если повезёт, с плечом. Увернуться же или нырнуть в сторону некуда, потому что под ногами стонут и елозят по полу поверженные противники...

Перед глазами не возникло даже туманной дымки, просто рука солдата вдруг отделилась от тела и отлетела прочь, задевая меня только самой кромкой клинка. Зато крови

из рассечённых сосудов моей одежде досталось изрядно.

Я обернулся, но успел увидеть только, как охотник прячет свои кинжалы в ножны под накидкой, стоя над телом женщины, подрагивающим в судорогах. И успел понять: долг никуда не делся. А пока я пытался убрать с лица разочарование, Иттан произнёс несколько слов тоном, больше всего подходящим для поминальной молитвы:

— Она хотела избавиться от своей части, чтобы стать целой. А вместо этого потеряла себя всю.

* * *

Один труп, полтора десятка сломанных костей, пара-тройка отбитых почек, синяки и ссадины без счёта — таков был скромный итог моего мимолётного воспоминания о молодых годах, проведённых в непрерывном и тщательном изучении основ искусства превращения здорового человека в калеку. Не знаю, сколько и чего насчитал градодержатель, внимательно осматривавший поле неравного боя, но сейчас ему явно не нужно было прикладывать излишние старания к сохранению печального выражения лица.

— Ваших рук дело?

— Да.

Трудно отпираться, когда из всех находящихся в комнате людей на ногах только ты и допрашивающий, а твоя одежда несёт на себе все возможные следы драки. Причём весьма жестокой.

— И по какой причине, позвольте узнать?

— Я защищался.

Парень ещё раз окинул взглядом пострадавших, которые медленно, но верно начинали расползаться по своим домам, кто самостоятельно, кто с помощью приятелей и слуг. Разумеется, патруль городской стражи, прибывший вскоре после окончания побоища, переписал имена и адреса, но особого толку в том не было, потому что ни один из избитых не захотел пролить свет на причину произошедшего. К тому же, как пострадавшая сторона, они имели полное право убраться восвояси, храня молчание, что радовало градодержателя ещё меньше.

— Хотите сказать, что все они напали на вас?

— Именно так.

Охотник исчез гораздо раньше начала разбирательства, бросив меня, можно сказать, на произвол судьбы. Что мешало ему остаться и выступить свидетелем всех этих странных событий, я не понимал. Разве что вольный город Грент не верит в демонов. Да и мне не верится. По-прежнему. Хотя всего увиденного хватило бы, чтобы не просто уверовать, а повредиться умом. Любому человеку, который всё непонятное сразу же записывает во враждебные чудеса. А у меня, как я ни старался, даже удивиться не получалось.

Демоны? Пусть. Раз они есть на свете, значит, никуда от них не деться. К тому же имеются люди, способные их убивать. По крайней мере, одного такого убийцу я даже знаю лично. Двигаются быстрее взгляда? А может быть, это я не умею смотреть достаточно быстро? Обладают невероятными способностями? Но и самый последний сопроводитель кажется простому обывателю почти легендой. Эти да-йины всего лишь находятся где-то на одной из следующих ступенек. Где-то надо мной. Я вряд ли смогу когда-нибудь туда подняться, потому что не знаю дороги, но...

В смерти Оллис не стала ни прекраснее, чем была, ни уродливее. У ног градодержателя лежало мёртвое тело и ничего более. Расслабившееся на самом последнем выдохе. И даже

глаза были умиротворённо закрыты, словно женщина уходила, то ли покорно приняв свою участь, то ли радуясь ей. Только растерзанный ногтями и запятнанный кровью шёлк вызывал вопросы.

— Что с ней случилось?

— Она умерла.

Парень с печальным лицом скорчил недовольную гримасу:

— Это я вижу. Её тоже убили вы?

— Увы, нет. Я к ней даже не прикоснулся...

— «Увы»?

Ехидничает? Ну да, и я бы на его месте недоумевал. Но вспоминая, какое зрелище представало передо мной ещё полчаса назад... Всё же жалею. Может, не надо было быть настолько упрямым? В конце концов, жизнь даётся всего один раз, а уж встреча с воплощением всех мужских желаний случается и того реже.

— Низ её живота изранен. Кем?

Ею же самой, разве не видно? Вон все пальцы в засохшей крови.

— Я не знаю.

— Вы находились рядом. Неужели не видели?

Самое смешное, что нет. Хотя многое отдал бы за то, чтобы узнать, какие именно штуки проделывал за моей спиной охотник.

— В те минуты у меня были другие заботы.

Градодержатель устало потёр виски:

— Помнится, я уже предупреждал вас, чем грозят подобные проступки.

— Такие разговоры не забываются.

— Я вынужден выдворить вас из Грента.

— Навсегда?

Вопрос прозвучал шутливо, хотя смеяться мне вовсе не хотелось. Впрочем, для слёз повода тоже не было. А вот для злости — сколько угодно. Как я буду объяснять своим дольинским подопечным, что мне заказан путь в вольный город?

Какие слова должны были прозвучать в ответ, так и не стало известно, потому что в комнату вошла Марис. Уверенная, спокойная, словно не замечающая нашего присутствия, она остановилась возле тела погибшего прибоженного, склонилась над ним, дотронулась кончиками пальцев до лба над переносицей Оллис, потом до застывших губ и что-то прошептала. Может быть, возносила молитву, может быть, прощалась. А после, выпрямившись, нашла глазами парня, который лишился руки.

Он сидел, прислонившись к стене, бледный от потери крови, но всё ещё живой и, как уверил лекарь, перевязавший рану, вполне способный дожить до преклонных лет. Сидел, отрешённо глядя на суету, наполнившую комнату. Правда, когда парень увидел Марис, в нём что-то словно вспыхнуло и тут же угасло. Словно давешние угольки в глазах да-йна. А потом, не говоря ни слова и ничуть не изменившись в лице, страж кумирни — теперь стало понятно, что никем другим он попросту не мог быть, — потянулся левой рукой к голенищу сапога.

Остановить самоубийцу успел бы только демон. Ну, может быть, ещё охотник на демонов. А мне и градодержателю оставалось только беспомощно смотреть, как следующим же движением страж вонзил длинный узкий нож себе под подбородок. По самую рукоятку.

Губы Марис снова шевельнулись в беззвучной молитве, столь же короткой, как та,

которой была напутствована в последнее странствие Оллис, а следующая фраза была обращена уже не к мертвецу, а к вполне живому человеку:

— Теперь можете выдворить из города и меня.

Градодержатель растерянно моргнул:

— Зачем вы приказали ему умереть?

— Он мог выбирать. И выбрал возвращение на прежний путь.

— Какой ещё путь?!

Вместо ответа Марис на мгновение прикрыла глаза, словно сосредотачиваясь, и над нашими головами густо-синим росчерком прямо в воздухе возник пылающий круг, рассечённый пополам чем-то вроде клинка. Юноша благоговейно приоткрыл рот, и я тоже поймал себя на мысли, что таращусь на явленное чудо, как малолетний ребёнок. Двухединицы знаки являлись только по особым праздникам и только в кумирнях, но чтобы вот так, запросто, в комнате гостевого дома...

— Эта женщина — сестра и брат мне по вере. Она ослушалась заповедей и сошла с назначенного пути, увлекая за собой ещё одну заблудшую душу. Меня направили, чтобы вернуть беглецов в лоно веры. Так или иначе.

Пожалуй, тон, которым всё это было произнесено, сделал бы честь даже моему знакомому золотозвеннику. А меня заставил задуматься, насколько могущественной была Марис на самом деле. И нуждалась ли в моей помощи хоть когда-нибудь.

Она-он, словно уловив мои мысли, успокаивающе улыбнулась:

— Мне дана власть лишь над теми, кто верует.

Лучше бы не говорила. Что ж, получается, я даже в верующие не гожусь?

— А теперь, если позволите, я должна позаботиться об их телах должным образом.

— Да-да, конечно... — пролепетал градодержатель.

— И не откажусь, чтобы ваши помощники оказали содействие и мне.

Юноша послушно закивал, получив сей недвусмысленный приказ, а я, рассудив, что до меня больше никому нет дела, выбрался из пропахшего кровью дома на свежий воздух.

Человеческая жизнь стоит немногого. Иногда всего лишь одного удара. Иногда — взгляда. И обрывается в самый неожиданный момент, словно натыкаешься на невидимую стену и расшибаешься. Намертво. Твой путь прерывается, когда вокруг всё только начинает разбег. Ещё несколько дней, и весна полностью вступит в свои права, а потом будет лето и далее, далее, далее... Интересно, те, кто останавливается, жалеют, что не увидят следующий рассвет? Или, напротив, радуются, что избавлены от созерцания повторения одного и того же?

Оллис хотела стать целой. Так сказал охотник. А может быть, цельной? Не представляю, каково это, быть одновременно и мужчиной и женщиной. Или представляю? Наверное, это чем-то похоже на желания, борющиеся друг с другом, вроде тех, что посетили меня. Но когда они рано или поздно сталкиваются, не остаётся ничего, кроме осколков, и не дать затеряться на образовавшейся пустоши способен только... Долг.

Если бы меня не вело что-то, мне самому не подчиняющееся, всё могло бы сложиться иначе. Я уступил бы чарам красавицы.

И был бы счастлив.

До смерти.

Ну или, по крайней мере, до сумерек, подобравшихся к моему сознанию и телу совершенно незаметно. Неужели всё это время я был на ногах? Похоже. Гудят и ноют. Зато

привели меня туда, куда и следовало, пусть и не на первом же большом круге.

Трапезный зал гостевого дома был уже наполовину заполнен ожидающими ужина, но лица купцов заметно изменились по сравнению с прошлым вечером. Я подумал было, что зашёл не туда, проходя к лестнице. Только Натти по-прежнему лежал на кровати, закрыв глаза. Правда, не спал, потому что спросил сразу, лишь я перешагнул порог:

— Как день прошёл?

Я перебрал в памяти все события, так или иначе коснувшиеся меня, и честно сказал:

— Мимо.

Рыжий улыбнулся:

— Так бывает.

— Угу.

— Но оно и к лучшему, а?

Может быть, ты и прав. Вот только обидно, что все мои попытки действовать по собственной воле снова провалились, оставив в голове какую-то недоваренную кашу из обрывков мыслей.

— Ужинать будешь?

— Что-то не хочется.

Натти приоткрыл один глаз и, судя по тому, что ржавчина приобрела прежнюю яркость, можно было заключить: мой помощник чувствует себя вполне здоровым.

— Это ещё почему?

— Да так. Нахлебался сегодня. На год вперёд.

Рыжий хохотнул, садясь на постели:

— Ой, не зарекайся!

А чего я ещё не видел? Демоны были. Прибоженные были. Теперь осталось только Дарохранителя живём встретить. Правда, вряд ли он сможет меня чем-то удивить. Он-то всего лишь человек, пусть и вознесённый над всеми.

— Позвольте войти? — робко осведомились из-за беспечно незакрытой мною двери.

Я обернулся, чтобы увидеть давешнего просителя об избавлении от похоти. Вот уж кого не ожидал снова приветствовать, так этого жадину.

— Зачем явились?

Он протиснулся между створкой и косяком, стараясь не касаться струганного дерева, бочком подобрался к столу и положил на самый краешек какой-то свёрток.

— Что это?

— Как и договаривались. Всё исполнено в точности: — Больше ничего спросить не удалось, потому что мужчина, боязливо оглядываясь, убрался обратно в коридор и засеменял вниз по лестнице. Я развернул холстину обёртки и удивлённо расширил глаза. Неужели здесь все цены на ближайшие торги? Быть того не может! Если только он не решил отомстить мне, подсунув неверные сведения. Проверить-то никак не получится. Сразу в печке сжечь, что ли?

Следующие шаги сопровождались шелестом пышных юбок. Сестра градодержателя не стала таиться, а распахнула дверь на всю ширину и вошла в комнату с видом полководца, сдающего свою армию неприятелю. На стол лёг ещё один свёрток, намного более громоздкий, нежели предыдущий. Торжественно прозвучало:

— Ваша награда. — Не дав мне проронить ни слова, женщина повернулась и столь же гордо удалилась прочь.

Разворачивать новое подношение я уже не торопился. И потому, что знал, какие сведения в нём должны содержаться, и потому, что отчаянно не понимал происходящего.

— Они что, с ума все посходили?

— Почему ты так думаешь? — спросил рыжий.

— Она вполне могла бы не приходить. Меня собираются выдворить из города, так что какие могут оставаться между нами обязательства? Нужно было всего лишь подождать до утра и продолжать жить безмятежно.

Натти лукаво сощурился:

— Совесть ты в расчёт не принимаешь?

— А что это такое?

Он расхохотался, хлопая ладонью по одеялу.

— Над чем смеётесь? Я тоже хочу, — заявила Марис, закрывая наконец-таки за собой многострадальную дверь. — И да, пока не забыла...

Она-он протянула мне сложенный пополам листок плотной бумаги:

— Это всё, что я смогла устроить.

В середине затейливо выведенной узорной рамки красовались слова: «Податель сего отныне и вовеки наделяется правами жителя вольного города Грента, и права сии принимаются ко вниманию в любом пределе Логаренского Дарствия». Печать города и личная печать градодержателя, разумеется, присутствовали здесь же.

Я поднял на прибоженного ошеломлённый взгляд, а Марис невинно улыбнулась:

— На будущее. Вдруг ещё что приключится.

Помимо всего прочего, уравнивание в правах с жителем вольного города означало также и то, что в случае какого-либо происшествия по моей вине я теперь не подчинялся ни одному суду Логарена и подлежал возвращению в Грент. А вольные города, разумеется, своих не выдают.

— Вы понимаете, сколько стоит эта грамота?

— Представьте себе, понимаю. Но я и заплатила за неё не меньше.

— Заплатили?

Она-он мечтательно улыбнулась:

— Помните, мы говорили о том, что лучше: жить долго и несчастливо или сгореть, но в огне радости?

Где-то...

Она была последней.

Из первых.

Очень на это надеюсь, потому что иначе о спокойной жизни не стоит даже мечтать.

Если бы кто-то услышал эти слова, решил бы, что я тронулся умом, ведь существование охотника на демонов само по себе исключает такие житейские радости, как благословенный покой. И всё же без него не обойтись. Каждый день сидя как на иголках в ожидании новой вспышки, способной произойти в любом уголке страны, а то и прямо у тебя под носом, очень скоро теряешь верное ощущение мира. Да, не правильное, а именно верное, потому что, хотя поступки демонов и подчинены целому своду правил, составленному не хуже любого логаренского уложения, я не смогу победить, если не буду верить.

Во что? Думаю, даже Бож не знает. Это сидит где-то глубоко внутри, в костях и в ливере, и обычно хорошо укрыто от любых невзгод. Вот только чем дороже твоё сокровище, тем тщательнее приходится его беречь. Приходится трястись над ним, прямо как дракону из детской сказки, и смотреть на каждого приближающегося к входу пещеры как на злейшего и опаснейшего врага. Нрав от этого не улучшается, а становится нелюдимым нельзя: в конце концов, те, с кем мне суждено бороться, выбирают себе в союзники именно людей.

Эх, попробую поверить в то, что новых невоздержанных да-йинов в ближайшее время не появится, уж слишком много времени прошло с ночи Сева. А если так всё и обстоит на самом деле, значит, пора приступить к самому долгому и скучному, зато привычному занятию. Ожиданию, обстоятельства которого приятны тем, что ждать нужно не робких и потому иной раз трудноразличимых попыток, а тщательно рассчитанных действий. Они ведь непременно проявят себя, те, кто уже давно обосновался в крепостях человеческих тел: старые демоны, пришедшие в наш мир ещё задолго до моего рождения. Наставник говорил, что они всегда так поступают. Почему? Потому, что даже демон не может жить в одиночестве.

Бывает ли между ними любовь? Никто не знает, а сами да-йины никогда не признаются. Но что-то вроде соперничества имеется, и вот как раз его легче всего углядеть и почувствовать. Рано или поздно начнётся сколачивание армий, призванных захватить мир людей. Ну или не дать своему приятелю-противнику получить слишком много могущества. А где взять рекрутов? Только из новичков, впервые оказавшихся здесь, потому что все ветераны давным-давно выбрали свою сторону, и со времён последней Ночи синих звёзд сохранялось очередное великими трудами установленное равновесие.

Конечно, какая-то передышка будет, куда же без неё? Вновь прибывшие затаятся, стараясь получше разобраться в полученном теле и его возможностях, а заодно — прорасти понадёжнее, покрепче, поискуснее, чтобы при первом же боевом столкновении не потерпеть постыдного поражения. Несколько месяцев. Может быть, год, но это при самом благостном раскладе. Скорее всего, уже близко к осени грядёт начало новой войны за власть. А значит, у мира людей осталось последнее безмятежное лето...

Хорошо, что они не знают и даже не догадываются. Приятнее умирать в неведении, пусть легенды и твердят о героических подвигах посвящённых. По себе знаю: даже понимая, за что и почему сражаешься, удовольствия не получаешь. Хотя кое-что всё-таки достаётся.

Коротенький миг. Скоротечная волна, захлёстывающая с головой. Вдох, во время которого чувствуешь себя человеком из легенды, поборовшим страшного врага. Правда, ни награды, ни принцессы-невесты мне не светит. Да что там говорить, благодарности и той не приготовлено. Потому что никто вокруг не знает, чего удалось избежать моими стараниями. И нижайшее благодарение Божу и Боженке за туман, ниспосланный на людские головы!

Он тоже не знает. Пока. Но, думаю, начинает догадываться, уж слишком часто в последнее время сталкивается с демонами. Если так пойдёт и дальше, то мне вовсе не понадобится прилагать усилия в своей охоте, довольно будет лишь верной тенью следовать за ничем не примечательным человеком.

Смотритель. Чем же он занимался до назначения в Дол? Уж точно не протирал штаны за столом в какой-нибудь управе. Смерть его не пугает, ни своя, ни чужая, стало быть; видел её не раз и не два. Может, потому и похож на запертый сундук? Хотя ключ уже повернулся в замке, не ровен час, крышка откинется, и все мы станем свидетелями появления на свет... Вот только кого? Слишком много вопросов, слишком много нужных и важных ответов, а значит, настало время позвонить в давно запылившийся колокольчик и проверить, по-прежнему ли тонок слух обращённых ко мне ушей.

Он человек, вне всякого сомнения. Не попорченный да-йинской кровью. Самый обыкновенный, если взглянуть. Но Бож меня задери, как?! Как ему удалось устоять? Ту женщину невозможно было не желать. Каждому из мужчин, оказавшихся на площади, она сулила блаженство. Каждому — своё. Единственно необходимое. А чего хотел этот парень, если не поддался чарам? Неужели...

Могло ли вообще такое случиться? Или да, или произошло то, чего я не могу понять. Он переполнен желаниями, это бросалось в глаза сразу, при первой же встрече. Но похоже, что каждое его желание состоит из десятка частей, не меньше. Вроде бы слитых воедино — и в то же время требующих удовлетворения. Единовременного, иначе все усилия пойдут прахом.

Он смотрел на воплощение мечты, а видел лишь жалкий её кусок. Краешек. Пару ниточек из ковра. Обломок клинка. Смотрел во все глаза, но никак не находил удовлетворения всем струнам своего желания, потому и остался неочарованным. И хотя это помогло ему, да и мне тоже, чего уж кривить душой: не откройся история с прибоженным, отловить демона было бы намного труднее, и всё же...

Я сам сглупил, конечно. Не следовало пробовать силы прямо на площади. У меня получилось бы, это да. Трудно, мерзко, но осуществимо. В конце концов, когда не знаешь, какой именно договор заключил да-йин с человеком, можно просто давить. Особенно пока связи слишком юны и слабы.

Я бы додавил демона.

Если бы Смотритель не обернулся.

Заметил ли? Кто знает. Он умеет видеть, к счастью или к несчастью. А значит, остаётся только надеяться.

На него.

Потому что в себя я всё ещё верю.

Здесь...

Зеркало всегда говорит правду, в отличие от чужих глаз. Оно может помутнеть, старея вместе со своим хозяином, но, даже покрываясь вуалью трещинок, всё равно не солжёт, ведь слабеющий взгляд видит только то, на что хватает его силы, и ни капель больше. Поэтому

Роханна Мон со-Несс меняла зеркала часто. Каждые пятьдесят лет. Вот и теперешнее, заказанное у лучшего столичного мастера, казалось бы совсем недавно купленное, ступило на свой последний путь. Да, оно прослужит ещё несколько месяцев, однако признаки увядания уже заметны. В том числе и на лице женщины, глядящейся в пока ещё пристойно прозрачную глубину.

Роханна цыкнула зубом, сдобрив залихватски исполненный звук изрядной долей сожаления. Привычка. Старая и дурная, как мир. Мир дочери мелкопоместного рыцаря, не обладавшего ни достаточной отвагой, чтобы показать себя перед генералами на поле брани, ни смекалкой, чтобы соорудить неприступные бастионы в теплом тылу. Так, серединка на половинку был, а не отец. Добрый к детям, этого не отнимешь. Но за доброту и сейчас и тогда, более пяти с половиной веков назад, платили не слишком-то щедро. Не в цене подобные вещи, ох не в цене! Хорошо хоть дочка рыцарю удалась. Поговаривали, конечно, что не он один приложил свои старания к появлению на свет хорошенькой девочки, но недоброжелателям быстро укоротили языки, тем более в той глуши, где располагалось поместье, можно было спрятать от любопытных взглядов целую армию трупов.

Юная наследница незавидного состояния рано поняла, что её жизнь может так и не выйти за пределы лесистой долины Несс, поэтому не упускала из виду ни единой возможности изменить судьбу. В каждого заезжего незнакомца вглядывалась так, что тому становилось не по себе. Девушка настойчиво искала свой путь в лучшее будущее, и неудивительно, что в один прекрасный день небеса заметили её старания, вознаграждая встречей.

Он был немолод и одинок, а ведь это самое главное мужское достоинство для юной незамужней красотки, если в её голове роится больше двух мыслей. Вдовцов Роханна видела и раньше, но, как правило, у всех них имелось уже по выводку детей и внуков, которые не обрадовались бы появлению новой претендентки на семейное достояние. А Гилрим Верн со-Ренна был одинок, как скала посреди пустыни, потому что тратил все свои силы, надо сказать, ко дню встречи с Роханной уже невеликие, на служение Дарствию. Он был невыносимо скучен и зануден, в его доме не нашлось бы ни одного уютного уголка, среди его приятелей были сплошь такие же старики, но зато Гилрим жил в столице и часто бывал при дворе. Что ещё требуется для начала блистательного пути? Сущая безделица: внушить выбранной жертве своё желание.

Девушка вдоволь насмотрелась на безуспешные попытки отца возвысить имеющееся положение, поэтому не стала торопить события, благо судьба подарила ей не менее двух седмиц, необходимых на искоренение шалостей весенней распутицы. За первые три дня заезжий придворный вообще ничего не узнал о дочери хозяина поместья, где его так любезно принимали, кроме того, что девица хороша собой, но молчалива и скромна. А Роханна тем временем присматривалась к старику. Внимательно слушала его беседы с отцом. Много думала. Пожалуй, за все предыдущие восемнадцать лет ей не приходилось размышлять столько часов напролёт, но итог того стоил. Когда к истечению второй седмицы до слуха Гилрима донеслось небрежно обронённое рассуждение о дарственной политике, нескольких фраз хватило, чтобы придворный намертво заглотал наживку. Да, девушка не придумала ничего своего, лишь собрала узор из распущенных нитей уже готового, но мастерицей оказалась искусной: когда дорога снова стала способной лечь под колёса кареты, из поместья уехал не один человек, а двое.

Однако настоящие труды конечно же только начинались. Роханна сразу решила для

себя, что не будет подставлять под удар достигнутое благополучие, и в течение всех лет супружества, не обременённого частыми ночёвками под одним балдахином, лучшей жены в столице невозможно было сыскать. Мало-помалу всё ведение хозяйства Гилрима Верна перешло в руки молодой супруги, и, когда старик всё-таки скончался, уйдя из мира в тихой благодати, Роханна оказалась одной из самых богатых вдовиц. К тому же самой молодой, что немедленно выстроило у её дверей очередь женихов.

Десятки мужчин, добывающихся руки и сердца, кладовые, наполненные богатствами на много лет вперёд, цветущее молодое тело и ясный ум — чего ещё можно было пожелать женщине в ночь, когда с неба на землю упали синие звёзды? Только одного.

Жить вечно.

Да, она именно так и подумала, глядя на искорку, мерцающую посередине ладони. «Я хочу жить вечно!» — исступлённо прокричала Роханна, поднимая взгляд в слепые чёрные небеса. И желание исполнилось.

Лишь много позже женщина узнала, что с ней произошло, почему и каков будет итог неосторожно высказанного откровения. А узнав, удивилась своей прозорливости. Пожелай она чего-нибудь другого, да-йин рано или поздно вытеснил бы её саму из собственного тела, но вечная жизнь означала и вечное пребывание в одном и том же сосуде. Да, вместе с демоном. Поначалу такое соседство не очень-то нравилось Роханне. По правде говоря, невероятно её пугало. Однако с течением времени выяснилось, что, как бы демон ни пытался стать сильнее, он не способен выйти за условия договора, значит, о безопасности можно было не заботиться. Зато пришлось заботиться кое о чём другом.

Человеческая плоть стареет, даже если подпитывается изнутри силой иного мира. Пролетел ветерок, и кожа стала сухой. Пощипал щёки морозец? Результат и того хуже. Волосы редеют. Ногти желтеют. Взгляд мутнеет. И что проку в вечной жизни, если твоя оболочка приходит в негодность?

Но женщина нашла выход. Вернее, ей помогли. Среди тех, кто когда-либо ловил синие звёзды на свою ладонь, пожелавших жить вечно оказалось не так и много. Вообще ни одного. То ли никто доселе не пребывал в состоянии всепоглощающего счастья хотя бы те несколько минут, что потребны для заключения договора, то ли желания большинства людей простирались, дай Бож, на год вперёд. А нарочно создать ещё одного бессмертного оказалось необычайно трудно, ведь, если желаешь, желать нужно только всей душой и всем телом... Так эрте Роханна стала хранительницей знаний. Помимо всего прочего, ей сообщали о каждом да-йине, нашедшем проход в человеческий мир. И, разумеется, о тех, кто ушёл, потому что, уходя, демоны оставляли свой след. В людях.

Кто-то успевал сколотить состояние или армию. Кто-то обзаводился потомством. Но если управлять хозяйством Роханне было вполне привычно и не доставляло особых хлопот, то наследники да-йинов оказывались куда более беспокойными предметами заботы. И прежняя измождённая завистью и жаждой богатства девчонка, до сих пор жившая в теле степенной, всеми уважаемой и неоспоримо благочестивой дамы, знала почему. Потому, что дети могучих родителей не могли даже мечтать стать такими же. Кто угодно мог, но не отпрыски половинок существ, собранных воедино.

Да и сами демоны не могли перемещаться из одного тела в другое по собственной воле — только не смея отказать желанию более сильному, чем то, что позволило им пересечь границу миров. Собственно, так и действовали пресловутые охотники на демонов. Умели очень сильно желать. Но, слава Богу и Боженке, их оставалось всё меньше! И Роханна могла

не без гордости сказать, что в том была толика её заслуги. Плоды усилий, вызванных безотчётным страхом расстаться с воплощённой мечтой. Хотя вообразить, что кто-то мог сильнее неё возжелать вечной жизни, женщина не могла, как ни старалась. Зато она давным-давно научилась смотреть и слушать, поэтому почти сразу же поверила словам старого дайина, предостерегавшего от встречи с охотником, каким бы неопытным и слабым тот ни был.

«Он всё равно победит, как бы ты ни упорствовала. Да-да, не смотри на меня так, девочка! И знаешь, в чём наша слабость? Мы не сможем снова с тем же пылом пожелать то, что уже исполнилось. А он сможет. Всегда. Потому что его желания и не должны исполняться. Ты узнаешь его, как только увидишь. Он пуст, как небо в Ночь синих звёзд. Он не хочет ничего. Да ему ничего и не нужно...»

А ведь когда-то их было много, охотников. И только умелое запугивание, страшные сказки о том, что, если станешь гоняться за демонами, превратишься в живой труп, не желающий ничего на свете, помогло отбить у детей охоту идти в обучение к охотникам. Да, не сразу. Понадобилось более сотни лет. Впрочем, у Роханны все эти годы были в полном распоряжении. И невесть сколько ещё, а значит, нужно что-то предпринять, чтобы не подойти к следующему веку морщинистой старухой.

Женщина ещё раз с неудовольствием посмотрела на себя, отражающуюся в зеркале. Последняя порция притираний оказалась совсем никудышной. Мастер решил, что она не заметит разницы? Вот глупец! Обычная столичная молодящаяся дама, может, и осталась бы в неведении, но только не та, для которой поддержание облика было одной из самых важных задач всей жизни.

Стоит дать слабину, упустить время, и придётся прятаться от людей. Отшельничать, а к этому Роханна была не готова. Несмотря на долгие годы, проведённые в самых оживлённых уголках Дарствия, наследница рода Мон, ныне исчезнувшего, не устала находиться в обществе. И представить, что можно лишиться стольких удовольствий, а кроме того, источников знаний...

Нет!

Роханна сдавила пальцами глиняный флакончик из-под притирания так, что тот раскрошился, по счастью не прорезав и без того уязвимую кожу.

Нужно искать нового мастера. А со старым...

Со старым придётся распрощаться.

И сейчас...

По изнанке смежённых век ползли числа. Длинные. Короткие. Совсем крохотные, состоящие из одной-единственной цифры. Но их поток никак не хотел редеть. Если так пойдёт и дальше, я снова не смогу выспаться. А спать надо. И хочется страсть как!

В Блаженный Дол мы вернулись ввечеру. Грент в это время как раз должен был погрузиться в самый разгар ярмарочных торгов, но у меня не было сил дожидаться их окончания прямо на месте. Да и, если честно, некоторые опасения оставались. Конечно, столь обширными сведениями, кои достались мне, не обладал даже ни один из нырков, но я склонности к торговле никогда не испытывал, потому назначение цен оказалось пыткой, расшатавшей меня, как маятник.

Обиднее всего было то, что помощников не нашлось. Марис, пустившись во все тяжкие, вовсе не появлялась поблизости от гостевого дома, а Натти сразу же заявил, что «эти закорючки» он не то что считать, даже просматривать не будет, и вся работа свалилась на меня одного. Поэтому ничего удивительно не оказалось в том, что к исходу третьего и последнего дня перед предстоящими торгами я сошёл с ума, и это вовсе не красное словцо. А чуть позже, всё же исхитрившись вернуться в относительно разумное состояние, пообещал себе впредь никогда не заниматься подобными смертельно опасными глупостями.

Войти в цифры оказалось несколько не сложнее, чем в обстоятельства, и именно здесь крылась главная угроза, потому что если длина, высота, ширина, цвет, вкус и звук являются тем, что всегда окружает нас, даже во время сна, то колонки цифр для обитания человека непригодны. Полностью. Но в то же время настолько стройны, красивы и бесконечны, что хочется покорно идти вслед за ними. А если ещё и найдёшь повторения, то можно смело отправляться рыть могилу. Самому себе.

Сначала казалось: стоит закрыть глаза, и можно будет избавиться от наваждения, но теперь, проведя бессонную ночь, я не знал, за какую соломинку хвататься для спасения, потому что цифры становились всё более чёткими и настойчивыми в своих поползновениях. Даже перед закрытыми глазами.

— Всё не спится? — спросил Натти, судя по всему, со стороны кухни.

Опять что-то жрёт, подлец? И мне не помешало бы, вот только начинает мутить, как только пытаюсь представить себе еду. Потому что с цифрами она ну никак не желает совмещаться!

— Нет.

— Так сходи погуляй. Может, сон нагуляешь.

Хорошее предложение. Ещё бы ноги меня уверенно держали, было бы совсем славно.

— На прогулку сил не хватает.

— Это плохо, — солидно заявил рыжий. — Но беда поправимая.

Следом за словами раздались шаги, скрип, царапанье чего-то по полу, неоднократный стук о дверной косяк, стон открывающейся входной двери и что-то вроде шуршания. А ещё в дом залетел порыв ветра. И вот ведь странно: ощущений много, но все какие-то... слабые. Блеклые. Ничтожные. Бессильные. Им с цифрами ни за что не справиться.

— Не можешь ходить, так посиди.

Я всё-таки открыл глаза, чтобы увидеть довольную рожу Натти:

— Посидеть?

— Я кресло на двор вытащил. Погода-то хорошая, совсем тепло стало. Летом пахнет.

Какое лето посреди весны? Насколько помню вчерашнее путешествие по дороге, она всё ещё хлюпает. На особенно глубоких ямках. И сохнуть ей ещё долго. Собственно, именно поэтому купеческие обозы, прибывшие в Грент к ярмарочным дням, расположились лагерем поодаль от города на каменистом поле.

— Точно тепло?

— Да ты выйди и сам посмотри! Замёрзнешь — одеяло притащу.

И что это мы сегодня такие услужливые? Стараемся хоть как-то загладить вину за недавнее недомогание?

— Кстати, об одеяле. — Я сел на кровати и взглянул на рыжего со всей доступной мне в эту минуту суровостью. — Что тобой тогда стряслось?

— Когда? — Ржаво-карие глаза изобразили умиленное недоумение.

— Давеча в Гренте. На главной площади.

Натти неопределённо махнул рукой:

— Да это... Бывает. Таким уж уродился.

Звучит не слишком искренне. Но и ложь уловить в его словах не могу. Где-то и в чём-то он мне врёт, вне всякого сомнения. Только не по поводу болезни. Итак, мой помощник в любой момент может забиться в очередном припадке? Нечего сказать, добрая весть!

— Вылечить можно?

На меня посмотрели взглядом, значение которого навскидку определить было невозможно, а потом невинно спросили:

— А зачем?

Затем, что мне не улыбается в какой-нибудь прекрасный миг оказаться лицом к лицу с врагом, имея за спиной не поддержку, а лихорадочного больного. Но с другой стороны... А почему он вообще должен меня сопровождать? На то есть Ньяна. Правда, её службы осталось на мою долю совсем немного.

— Тебе не мешает?

— Да пока справляюсь.

Ну и ладно. Так что он там говорил о кресле?

М-да, ноги подкашивались. Но до двери меня всё-таки донесли, а вот потом пришлось сделать неоправданно широкий шаг и уцепиться за спинку кресла, чтобы не упасть. Потому что на дворе и в самом деле...

Пахло.

Вряд ли летом: оно во всём предпочитает умеренность и леность, но весной уж точно. А вместе с буйным ароматом, одновременно горько-свежим и приторно-сладким, загнавшим выдох обратно в грудь, взгляд захлебнулся в красках.

Их было немного. Собственно, всего три. Чёрные прогалины земли, белые лепестки вишнёвых цветков и зелень новорождённых травинок. Три, но каждая из них вела бой за моё внимание, причём делала это с таким напором, что пришлось снова закрыть глаза и пробираться к креслу уже целиком и полностью на ощупь.

Сразу, как только я опустился на кожаное сиденье, одеяло накрыло мои ноги, и стало совсем-совсем хорошо.

— Ну как воздух? — осведомился Натти.

— Дышу.

Это всё, что я мог сказать в ответ, потому что на более длинную тираду отвлекаться не хотелось. Обстоятельства звали за собой. Девственно-новые, такие, в которых я раньше никогда не оказывался.

В городе совсем другая весна, но, чтобы это понять, следовало окунуться с головой в одну из четырёх дочек года, навестившую Блаженный Дол. Воздух, больше похожий на духи, составленные неизвестным мастером, кружил голову, не намекая, а заявляя свои требования с юношеской прямоотой. Не предлагая влюбиться, а почти принуждая. Густой и одновременно резко-свежий, он подминал под себя все оттенки чувств, оставляя лишь одно: преклонение. Смирненное признание поражения.

А кто же был побеждён?

Человек, убаюканный строгой колыбельной зимы и за долгие месяцы снега исподволь уверовавший в то, что морозные оковы неразрушимы.

Человек, забывший отчаянную и беззаботную мощь весны.

Я.

Город состоит из стен. Высоких, низких, крупнокладочных, оскольчатых, плачущих от дождя белесыми потёками раствора, на котором градостроители нагрели не одну жадную ладонь. Стен, то хитро, то надменно, то угрожающе взирающих на прохожих оконными проёмами и время от времени разевающих беззубые пасти дверей. Стен, заканчивающихся черепичной чёлкой. Небо есть и над городами, но оно слишком далеко, да ещё спрятано в дымке серых струек, поднимающихся из печных труб. Только летом его можно разглядеть. Если поднять голову. Но ведь, как только отведёшь взгляд от того, что творится у тебя под ногами, непременно оступишься, не так ли? Потому городские жители никогда не смотрят вверх.

Я тоже не смотрел. И думал, что поступаю совершенно правильно. Но, Бож милостивый, сколько же всего я, оказывается, потерял...

Здесьнее небо тоже припорошено дымкой, но не серой, а того цвета, что скрывается в створках раковин. Перламутр, отбрасывающий радостные блики, трепетно-нежный, невесомый. Но это и хорошо. Предстань море над моей головой в своём истинном виде, в спор вмешалась бы ещё одна краска, бездонно-голубая.

Сгоревшее дочерна жаркое земли ещё не скрылось окончательно под ковром травы. Жирное, вязкое, глянцево посверкивающее крупными песками. Наверное, вчера здесь прошёл дождь. А может быть, утренние росы оказались настолько обильными, что смочили почву на ладонь вглубь и оставили бисеринки своих следов на кончиках травинки — невыносимо зелёных крошечных копий, пробивших щит земли. Это даже не цвет, а издевательство над глазами! Умом понимаешь: через пару седмиц, когда новорождённые растения повзрослеют и окрепнут, когда их станет не в пример больше и всю округу накроет зелёным плащом, эта зелень уже не будет резать глаза, но всё равно болезненно щуриться. Спасают только цветочные облака, плывущие над землёй. Лепестки, собранные в густые кисточки. Белые как снег, но даже тот, кто увидел бы их впервые, с уверенностью бы заявил, что они — тёплые.

А ещё птички трели. Далёкие, но прекрасно различимые. Кажется, что под эти торжествующие колокольчики невозможно уснуть, и всё же глаза сами собой закрываются, измождённые нежданно образовавшейся работой. Закрываются, чтобы я сладко-сладко...

— Уже вернулись?

А вот этот колокольчик хоть и вполне вписывался в уже звенящий оркестр, всё же хотелось, чтобы звучал на тон пониже. Так голос Нери стал бы ещё обворожительнее. Ну и

конечно, неплохо было бы разбавить нотки недовольства чем-нибудь противоположным.

— Прохлаждаетесь?

— Греюсь.

В ответ на моё совершенно искреннее признание раздалось что-то вроде фырканья. Ну и пусть. Всё равно не буду открывать глаза.

— Как дела на ярмарке?

— Спросите у дольинцев, когда вернутся. Свои обязанности я исполнил.

— И насколько хорошо?

Ей очень хотелось показать своё превосходство, вот только в голосе прежде всего другого слышалось упрямое нежелание уступать, а оно редко приносит своему хозяину победу. И если приносит, то с жертвами, которые обычно сопровождают поражение. Я не собираюсь сражаться с тобой, лисичка. Не собираюсь оспаривать твоё право верховодить. Я вообще человек мирный и сонный.

— Как должно.

Она выдержала паузу, правда, еле заметную, прежде чем огорошить меня насмешливым:

— Тогда ничто не мешает вам продолжить вашу службу дальше.

На одеяло, точно в область коленей, упало что-то не слишком увесистое, но округлое, а потому тут же скатившееся на землю. Какого-то прощания или ещё одной колкости не последовало: вместо них раздалась удаляющаяся по каменной дорожке шага. И если принять во внимание, как досадливо хрустел песок под ножками Нери...

— Ну вот чего ей от меня надо?

Вопрос не предназначался никому, кроме неба, однако ответ последовал незамедлительно:

— Любви и ласки, как и любой женщине.

Я без удовольствия открыл глаза, чтобы увидеть ухмыляющегося Натти.

— И зачем ей моя любовь?

— А ни за чем, — пожал плечами рыжий. — Она просто должна быть, вот и всё. Хочешь навести мосты? Сделай вид, что влюбился.

— Это поможет?

— А то! У женщин ведь как? Если мужчина не влюблён, значит, враг. Выказал чувство? Значит, попал в плен. А с пленниками они подолгу не забавляются. Так, поиграют и забросят ключи от темницы подальше. И чем дольше узник страдает, а вернее, сообщает о своих страданиях и делает это непременно громко, тем меньше тюремщице хочется его навещать. День, месяц, год, и даже ищейки её след не унюхают.

Что-то подобное я и предполагал. Наверное, если бы внимание Нери, пусть и вынужденное, ничем не грело мою душу, так бы и поступил. А пока мне нравится слышать её голос, позволю и себе глупо поупрямиться. Особенно если все вокруг настойчиво советуют обратное.

— Предлагаешь сдаться?

— Это тебе самому решать, — хохотнул Натти.

Я вздохнул, откинул одеяло и наклонился, чтобы подобрать футляр, какими обычно пользуются для передачи посланий Цепи сообщений простые смертные. Внутри и правда оказался лист бумаги, скупно исписанный явно почерком управского служки, торопящегося уйти со службы, чтобы успеть к домашнему ужину. «Эрте Сиенн Нодо со-Тавиар спрашивает позволения посетить Блаженный Дол и ожидает решения Смотрителя при

Наблюдательном доме города Литто». Можно было бы счесть полученное письмо за глупую шутку, если бы загадочная в своей краткости надпись не была скреплена особой чернильной печатью из тех, за подделку которых провинившемуся отрубали всё, что шевелится.

— Это что ещё за ерунда?

Натти лениво заглянул в послание:

— Спрашивают тебя, разрешишь приехать или нет.

— Куда?

— Сюда, конечно.

Не спорю, лестно раздавать милостивые соизволения налево и направо, но когда они требуются по пустячным поводам...

— А разве для этого требуется специальное разрешение?

Рыжий посмотрел на меня неподдельно удивлённым взглядом:

— Так в любой город, чтобы войти, надо страже доложиться. Сам же видел!

— Страже — да. Так у нас есть застава граничная, на ней пусть и докладываются. Подать платят, к примеру. Разрешение-то зачем?

Судя по тону прозвучавшего далее ответа, моё недоумение было расценено как попытка посягнуть на основы основ. Примерно с теми же, тогда казавшимися непередаваемыми, нотками будущим сопровождаителям давал отпор наставник, вбивающий в наши головы всевозможные уложения.

— Порядки такие. Не нами придуманы, а почти веков пять назад.

— И конечно, для того имелся повод?

Ржаво-карие глаза сощурились. Нехорошо так, угрожающе.

— Имелся.

— Веский?

— Да уж куда тяжелее.

Не хочет рассказывать. Любопытно — почему? Хотя и Бож с ним. Пусть держит свои секреты при себе. Но от завершающего укола, прощупывавшего оборону противника, так трудно удержаться!

— Что ж, раз мне решать должно, то решу. Вот прямо сейчас. Отпишу: приезжай.

И я поднялся, делая вид, будто собираюсь исполнить своё намерение немедленно и бесповоротно. Натти не стал преграждать мне дорогу или иным образом препятствовать, но, когда я поравнялся с ним, рыжий вполголоса, лениво растягивая слова, будто невзначай заметил:

— Вот так и ездят все кому не лень, а потом Чумные вёсны случаются.

* * *

Надо было развернуться и врезать ему. Прямо по невинной веснушчатой роже. Нос доломать, скажем. Свернуть на другую сторону. Или зубы проредить. И меня не остановило бы даже понимание того, что и сам пострадаю не меньше, если бы... Если бы от головы к пяткам через всё тело не скользнула ледяная игла удивления.

Откуда он знает, Боженка меня задери?!

В простую догадку не верю. Нет у него для догадки всех необходимых сведений, кроме моего возраста, да и то определённого на глаз. Имя моё в здешних местах никто не спрашивал: Смотритель и есть Смотритель, зачем ему имя? Откуда я прибыл, и вовсе было тайной для всех, кроме того толстячка из литтовской Цепи одушевления, а он вряд ли стал бы болтать языком. Кто ещё был осведомлён? Только пройдоха Киф, составивший бумагу,

запечатлевшую моё первое деяние в назначенной должности. Вот он мог знать обо мне все. И наверняка знал. Но представить, что длинноносый обманщик делится чужими тайнами с простаком из Блаженного Дола...

Бред. Полнейший и нелепейший. Не могло такого случиться. А с другой стороны, ни за что не поверю, будто Натти ляпнул про Чумную весну просто так. Бывают в жизни совпадения, только не такие явные.

Я не стал ему отвечать. Сделать вид, что совсем не заметил сказанного, не удалось, но головы не повернул, хотя это стоило мне многих усилий. Надеюсь, скрип зубов, прозвучал не слишком громко, чтобы донестись до слуха рыжего. А если и донёсся, Бож с ним. Впредь поостерегусь заводить душевные разговоры со своим странным прислужником, который то на грани обморока оказывается, то почти явно угрожает.

Да, это несомненная угроза. Мол, будешь лениться, доведёшь Дол до той же беды, что когда-то постигла столицу и твою семью. Ну и порядки здесь... Строгие. Куда строже, чем в той же Веенте. И ответственность вся на одних плечах громоздится. На моих. Что бы ни сделал, какое бы слово ни сказал, куда бы ни сплюнул, буду виноват. А почему? Потому, что на каждый чих должен дать разрешение. Не спорю, дольинцам удобно: живёшь себе, ни о чём не тужишь, только исправно следуешь распоряжениям. А мне что делать? У меня ведь за спиной никого нет. Одна только Ньяна и осталась... К которой, собственно, я и направился. На остатках сил и бодрости. Куда угодно, только бы подальше от ржаво-карего взгляда, следящего, как теперь стало ясно, за каждым моим шагом.

Дом защитницы чем-то напоминал смотрительский, но лишь в той же степени, что и все прочие дома Блаженного Дола, то бишь основательностью и рачительной простотой, а по размерам превосходил по меньшей мере вдвое. И когда в ответ на стук дверь открылась, стало понятно, почему с местом моего проживания пожадничали: в конце концов, мне полагалось жить одному, а здесь жильцов оказалось поболее. На целых два ребятёнка.

Они были похожи на Няню цветом волос и прозрачностью глаз, а ещё тенью затаённой печали на лицах. М-да, а говорила, что детей у неё нет и не было.

— Улла, Тори, кто там пришёл?

— Дяденька! — хором ответили дети, и едва ли не раньше, чем отзвучал последний слог, рядом с дверью уже стояла моя защитница, отряхивая ладони от мучной пыли.

— Идите-ка погуляйте.

— А пирожки? Пирожков хотим! — притворно заныли малыши, за что получили каждый по очереди такой же притворный подзатыльник.

— Будут вам пирожки. Если перечить тёте не станете.

Пока я раздумывал над словом «тётя», дети весело упрыгали в сад. Няня проследила за ними взглядом, а когда между любопытными ушами и домом оказалось достаточно большое расстояние, равнодушно спросила:

— Собираться?

Я качнул головой, что можно было принять и за «да», и за «нет». По желанию.

Вот чего проще взять и сорвать её с места, утащить невесть куда, заставить исполнять скучную и редко когда по-настоящему необходимую службу? Особенно когда знаешь: пойдёт и слова поперёк не скажет. А почему-то не хочется. Был бы на её месте, к примеру, мужик... Да хоть тот же Натти! Уж я бы всласть его погонял. В хвост и в гриву.

— Пригласишь войти?

Она посторонилась:

— Разве ж откажешь?

Если внешность Няны прямо-таки кричала о несоответствии склонностей женщины и требований службы, которую она вынуждена была исполнять, то дом стонал. Отчаянно. Всеми сочленениями и каждым уголком. Такого количества салфеточек, чашечек, горшочков, половичков, полотенец, занавесочек и прочих обожаемых хозяйками мелочей я не видел никогда. Они заполняли собой всё доступное пространство, но при этом не казались чрезмерными, а, наоборот, создавали впечатление, что всё в этом доме находится на своих местах. И главная обитательница — тоже. Вот на лесной поляне, с взведённым арбалетом в руке она представляла собой нелепое и пугающее зрелище. Да и сейчас, готовая выполнять любое задание, Няня выглядела так, будто ей предстоит путь на плаху, хотя и всеми силами старалась удержать на лице бесстрастное спокойствие перед заботами наступившего дня.

Я немного подумал, присел на лавку рядом со столом, на котором было раскатано ноздреватое ароматное тесто, и осведомился:

— С чем пирожки будут?

— С ягодами. Осенью несколько кадок замочила; так до сих пор хороши.

Осенью. Когда прежний Смотритель уже упокоился и был отправлен в последний путь

искренне скорбящими дольинцами. Интересно, сколько дней после похорон понадобилось, чтобы жизнь оставшихся на земле вернулась в прежнюю колею? Думаю, немного. А когда уйду я, и вовсе времени не понадобится. Многие, наоборот, вздохнут с облегчением, опуская крышку гроба. Даже Ньяна. Но пока не подошёл срок отставки, защитница будет беречь мою жизнь пуще своей. Не зная, что именно на излёте службы, когда желанная свобода совсем близка, очень легко шагнуть в могилу...

— А мне можно будет попробовать?

— Если пожелаете.

Она всё ещё не возвращалась к своей стряпне, а стояла у двери и смотрела на меня, словно чувствуя некий подвох в моих вопросах. Впрочем, подвох на самом деле присутствовал.

Если это называется властью, то какая-то она у меня неуродившаяся. Недоношенная. Ущербная, как стареющая луна. Получается, что никто сам не придёт и не поклонится, а вместо того на поклон каждый раз иду я сам. Нет, дольинцы, конечно, не откажут. Ни в какой просьбе или пожелании. Но вот ты сначала приди, всё объясни, ещё лучше — убеди, что это тебе больше жизни необходимо, тогда и будет исполнено. А если не знаешь, чего хочешь? Остаётся только торчать на одном месте придорожным камнем и ждать, пройдёт ли мимо какой путник.

— А желать обязательно? По-соседски никак нельзя? Просто прийти, угостить?

Ньяна поджала нижнюю губу. Правда, это почти никак не сказалось на общей пухлости рта.

— Можно. Только мы с вами разве соседи?

Всё верно. Кто-то из нас хозяин, кто-то слуга. Но наши роли так перемешаны, что без кружки доброго эля не разобраться. Мне дано право приказывать, и всё же каждое моё деяние служит благу жителей Дола. Защитница вроде бы выполняет приказы, но одновременно требует и с меня праведного несения службы. Пусть требует неосознанно, но не менее красноречиво, чем прочие местные жители. Замкнутый круг какой-то. Ошейник, который стягивается на моём горле всё туже и туже. Кажется, ещё немного, и ни вдохнуть будет, ни выдохнуть.

Нет. Хватит. Надо рвать петлю, пока ещё возможно. Рвать без сомнений и сожалений.

— Ты пирожками-то занимайся, занимайся. Я мешать не буду. Разве что словом.

Ньяна, ещё недоверчиво косясь в мою сторону, вернулась к столу и принялась споро и ловко расправляться с тестом.

И какая же сволочь впихнула в это нежное женское тело ухватки воительницы? Как только додумалась? Наверняка если бы я сейчас встретился с тем сереброзвенником, то услышал бы, что он хотел совершить благое дело, пристроив бездомную сироту на непыльную работёнку. А кровь, смерть и прочие ужасы... Это ж дела житейские.

Только не для женщины, чьё призвание — дом.

— Когда, говоришь, твоя служба закончиться должна?

— Без пяти дней месяц ещё служить.

Совсем немного. Седмницей больше, седмицей меньше, кто заметит? Уверен, что в бумагах, назначивших Ньяну смотрительской защитницей, точная дата не указана. Всё равно как в отчётах почившего эрте Ловига.

— Ждёшь, наверное, не дождёшься?

Она не стала лукавить и прямо ответила:

— Жду.

Это хорошо. Хорошо, что честно, а всё остальное как раз плохо. Значит, уже душевно и телесно подготовилась. Вот только к чему? И она не знает, и я в неведении.

— А что должно случиться, когда срок закончится?

— Вам лучше знать.

Ну разумеется. Я ж Смотритель, мне же всё и всегда известно. Тьфу.

— Представь, что не знаю. Не успели мне сказать, веришь?

Ньяна отвела взгляд от теста и посмотрела на меня. С тревожной растерянностью.

— Как же не успели-то?

— А вот так. Всякое случается.

Испачканная в муке ладонь коснулась светлых волос, добавляя рукотворной седины.

— Совсем-совсем ничего не сказали?

— Ни словечка.

Ньяна тихо охнула, но промолчала, и молчание это так походило на тишину склепа, что у меня невольно начало сводить скулы. Ведь, когда надо, смелая и настырная, а тут... Хотя и я бы опешил, если бы узнал, что от вожделенной свободы меня отделяет всего один шаг, но в какую сторону его нужно сделать, никому неизвестно.

И всё же по заботам жителей Блаженного Дола решения принимаю я?

— Значит, придётся самому во всём разбираться.;

— Так вам, наверное, не ко времени это... — робко и, главное, совершенно справедливо предположила защитница.

— Ничего. Другие дела могут и в сторонке постоять.

Или полежать. Поленицей. Всё равно, пока вздохнуть свободно не смогу, проку этим делам от меня на ломаный грош.

— Ты когда с пирожками закончишь, попроси коляску снарядить. Нери знает, что это мне нужно.

И вряд ли станет упрямитесь или тянуть время, потому что, когда меня нет в границах Блаженного Дола, она всё ещё вроде как здешняя безраздельная владычица. Будь её воля, отправила бы меня так далеко, как только возможно.

— Да Боженка с ними, с пирожками! — суетливо всплеснула руками Ньяна. — Я в погреб тесто спрячу, авось не прокиснет.

— Никаких погребов. — Я встал с лавки и направился к выходу. — Пирожки важнее. И дети.

Эрте Сиенн тоже подождёт. Не переломится. А пока защитница хлопочет по хозяйству, сам успею перекусить. И может быть, даже вздремнуть, если Натти в доме не застану.

— Да как же можно...

— Нам с тобой многое можно. Хотя и меньше, чем соседям.

***

Бумага была особой, пронизанной шёлковыми волокнами, поэтому без особых усилий и не заламываясь скручивалась свитком, чтобы храниться в футляре, лак с которого облез, наверное, ещё до моего рождения. В Сопроводительном крыле на подобных листках выдавали лишь особые предписания и только командующим персонам, а не простым исполнителям, потому я ожидал выпытать у благоговейно хранимого защитницей предмета нечто очень важное, а вместо того испытал крайнее разочарование, когда вчитался в старательно, без малейшего намёка на изящество выведенные строки.

«Я, Ньяна Девалли со-Тарка, обещаюсь принять то, что мне доверено, и хранить со дня вручения до истечения семи лет, употребляя все свои силы на защиту Смотрителя мест и окрестностей, именуемых Блаженным Долом».

— И это всё?

Женщина растерянно моргнула:

— Должно быть что-то ещё?

Эх, кабы знать! Может быть, написанного вполне достаточно. В любом случае нужно всего лишь найти кого-то из посвящённых в подробности службы Ньяны и спросить. О том, что могу не дожидаться ответа, я предпочитал не думать.

Спать в коляске, покачивающейся на дорожных ухабах, оказалось ничуть не хуже, чем в постели, и к окончанию нашего пути силы вернулись ко мне едва ли не полностью.

А может, бодриться помогала злость, намертво сплетённая с отчаянием — чувством не того рода, которое заставляет опускать руки, а, напротив, ищет, куда бы приложить сжатый кулак.

Неужели Звенья, пользовавшиеся моими услугами, ощущали нечто схожее? Неужели они ежечасно подавляли в себе желание оглянуться и убедиться, что их тылы надёжно прикрыты? Сейчас понимаю: так наверняка и было. Недаром Атгьен Ирриги вечно словно проверял меня, вставляя в невинные беседы слова и фразы, требующие строго заданного ответа. Или молчания, но опять же полагающегося и не зависящего от моего настроения или мнения. Обронит вопрос, посмотрит мне в глаза, дожждётся желаемого кивка или его отсутствия и успокоится. До следующей тревожной минуты. И так день за днём, седмица за седмицей, год за годом...

Недолго и с ума сойти, если вечно подозревать свою броню в уязвимости. Вот поэтому я быстро понял, что должен избавиться от насильно всученных мне доспехов. С Натти ещё разберусь по-свойски, благо там дело не срочное, а Ньяна тревожит всё сильнее и сильнее. Да, тогда, на лесной поляне, она справилась с противником, и справилась блестяще, но всё же помедлила, а потерянный миг мог обернуться утратой многих жизней. И моей в том числе. Нет, умирать мне не страшно. Чего я перестал бояться после Чумной весны, так это смерти. Но умереть из-за чужой невнимательности и сомнений... Нет уж, увольте. Лучше самому вонзить себе в грудь кинжал, чем дожидаться удара в спину.

Ты хорошая, пышечка. Правда хорошая. А ещё в тебя вложено что-то непонятное, зато превосходящее мои возможности даже в годы сопроводительской службы. Но ты существуешь отдельно от своих сил, и это меня пугает. Очень сильно. Не знаю, как всё обстояло раньше, во времена эрте Ловига, однако я ясно чувствую в тебе трещину, пролёгшую между долгом и человеком.

Чувствую, потому что её голос эхом отдаётся во мне. В такой же точно трещине.

— Вы... Вам не нужно этого делать.

— Почему?

Ньяна отвела взгляд, но попробовала предложить подходящую ей самой причину:

— Так ведь время ещё не подошло.

— А мне думается, пора.

Она нахмурила густые брови:

— Хотите от меня избавиться?

Да. И не поверишь, насколько сильно, если скажу.

— Я что-то сделала не так?

Это было бы самым простым ответом, но беда в том, что я не знаю, как ты вообще должна действовать.

— Я не справилась со своей службой? — На глядящих куда-то вдаль глазах выступили слёзы. — Я...

После такого поворота беседы не остаётся ничего другого, кроме как начать врать. А что, сама виновата: не нужно загонять собеседника в угол, да ещё такой неудобный.

— Всё было хорошо.

— Вот вы это сказали, а сами себе не верите!

Теперь Ньяна и вовсе отвернулась. На моё счастье, улицы Литто оказались в полдневный час куда как менее наполнены народом, чем грентские, иначе к концу дня сплетни о мужчине, доведшем девушку до слёз, пересказывали бы друг другу все местные кумушки.

Получила чего добивалась, пышечка? Так зачем слёзы? Хотя они как раз пришлись к месту. Теперь я ещё больше уверился в том, что принял верное решение. Ты не годишься для войны. Ну и слава Божу!

— Пока ты всё ещё обязана следовать за мной, куда бы я ни пошёл. Верно?

Она еле уловимо кивнула.

— Так следуй. И жди нового распоряжения. А вопросы о вере, если тебя они так волнуют, задавай прибоженным, но не мне.

И я отправился вверх по улице, ведущей от гостевого дома, где мы оставили коляску, к Наблюдательному. Шёл не оборачиваясь, хотя на каждом шаге подмывало посмотреть, что делает Ньяна: стоит ли на месте, лелея свою обиду, или послушно исполняет приказ.

Впрочем, если на улице звуки передвижения скрадывал обычный городской шум, то, ступив под своды здания, на которое любое столичное Звено посмотрело бы с нескрываемым презрением, я уже знал, что защитница раздумывала недолго: тишина коридора не могла спрятать взволнованные вдохи и выдохи. Впрочем, когда мы добрались до комнат, отведённых Цепи одушевления, вокруг оживлённое не стало. Вымерли тут все, что ли? Или я слишком привык к веентскому изобилию служек всех мастей на каждом пяточке пространства? А ведь если бы не знал, куда идти, и спросить было бы не у кого.

Две из пяти дверей оказались закрыты на замок, третья поддалась с неохотным скрипом, но в комнате, скрывающейся за ней, по-прежнему не нашлось ни одной живой души поэтому четвертую дверь я пнул так, что створка ударилась о стену, издав пронзительный треск. Который, однако, не смог вселить ни капельки ужаса или почтения в предзвенника, скучающего за длинным узким столом.

— Чего вам? — спросил прыщавый юноша, возрастом немного уступающий Кифу Леферу, зато ощущением собственной важности намного превосходящий моего знакомца.

— Не чего, а кого. Твоего начальника.

— Обедают они, — ответил начинающий чиновник и вперил глубокомысленный взгляд в первую попавшуюся бумагу.

— И давно?

— Как ушли, так все и обедают.

Хорошо, попробуем зайти с другого бока:

— Скоро ждать возвращения?

— Сколько положено. Ожидание — добродетель просящих.

Быть удостоенным глубочайшей мудрости, конечно, почётно. Может быть, даже

приятно. Временами. Но выслушивать наставления от мальчишки, годящегося мне в сыновья...

— Вот что, любезный. Сейчас ты поднимешь свою задницу с этого стула, подберёшь полы мундира, который тебе пока не по размеру, и быстро-быстро побежишь искать того, с кем я хочу поговорить. Ясно?

И без того небольшие глаза предзвенника надменно сузились:

— Да ты хоть понимаешь, кто здесь кому приказывает?

Вместо ответа я чуть наклонился над столом, сгрёб в горсть складки ворота под горлом парня и проникновенно сказал:

— Я-то понимаю.

А жук, до той поры сонно гревшийся под накидкой, выполз наружу, пробежал по моей руке, встал на задние лапки прямо перед лицом предзвенника и грозно застрекотал, растопырив жвала. Служка побледнел, потом покраснел до корней коротко стриженных волос, попятился, не вставая со стула, благодаря чему предмет мебели вывернуло у него из-под седалища, и сумел устоять на ногах только потому, что я всё ещё не разжал пальцы.

— Как пожелаете... Всенепременно... Не извольте беспокоиться...

Отпущенный на свободу, он выкатился из комнаты колесом, а я поднял стул, поставил рядом со столом и сел лицом к двери. Няня, чуть подумав, осталась у порога, видимо, чтобы иметь возможность видеть одновременно и то, что происходит рядом со мной, и коридор, по которому спустя несколько минут раздались уже знакомые мне торопливые шаги толстого коротышки.

Часть 6.4

— Ах, эрте Смотритель, какими судьбами к нам? Вы уж извините моего несмышлёного помощника, сейчас так трудно найти в младом поколении уважение к старшим! Стоит им чуть повыше голову над лужей поднять, так уже всемогущими себя считают, а того, что до настоящей власти им не ближе, чем мне до густой шевелюры, не верят, сколько ни говори...

В скороговорке сереброзвенника помимо уже наработанной умильности послышалось явное раздражение, а свежие пятна на мантии свидетельствовали о том, что я и впрямь оторвал от трапезы нужного мне для дела человека. Впрочем, на сей счёт совесть меня не мучила, потому что моя прежняя служба иной раз не позволяла перекусить по несколько суток напролёт, и ничего, не помер. А с таким наетым животом можно вообще неделю ничего в рот не брать.

— Чему обязаны? — Коротышка повернулся вокруг своей оси, оглядывая комнату с целью найти место для сидения, но стул тут имелся всего один и уже был занят, потому раздражения в шумном дыхании моего собеседника только прибавилось.

Я молча протянул сереброзвеннику футляр. Коротышка осторожно, словно имел дело с какой-то ядовитой тварью открыл его, вынул свиток, развернул, прошёлся взглядом по строкам, потом перевёл ясный взор на меня:

— Бумага составлена, как должно.

Не сомневаюсь. Ещё бы ты или твои подельники допустили промах! Тогда не видать бы вам Наблюдательный дом как своих ушей. Лет эдак десять. Из каторжных колодок.

— Она закончила своё действие.

— Вот как? — приподнял бровь коротышка. — Что ж, и такое случается.

Мы выжидающе посмотрели друг на друга, но представитель Цепи одушевления не торопился разразиться следующей скороговоркой, словно вмиг растеряв охоту к болтовне. Пришлось терпеливо повторить:

— Бумага потеряла силу.

— Да, вы совершенно правы.

И снова молчание. А я, признаться, рассчитывал на совсем иное развитие событий. Но, видно, цеховые секреты даже отъявленным болтуном хранились, как величайшая дарственная святыня.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне, как следует поступать дальше.

Коротышка сжал губы в странном подобии улыбки:

— Хотите?

И он прав в своём лукавом сомнении, Бож его подери! Это не желание, а настоятельная потребность. Всё равно как утоление голода, когда нет аппетита: просто знаешь, что желудок нужно набить, иначе завтра протянешь ноги. Но признаваться в бессилии перед обстоятельствами пока что рано.

— Я хочу услышать ваш рассказ.

Он, похоже, вполне уловил смысл моих терзаний, потому что подскочил к стулу, склонился надо мной и быстро зашептал в ухо:

— Не нужно это вам, послушайте старого больного человека... Срок истёк? Да и пусть его истекает! Годом больше, годом меньше, от этой кобылицы не убудет. Да и ей хорошо, лишний год-то жалованье получать! К тому же она давно притерпелась, приспособилась, а

если нового кого брать, это ж сколько ещё времени потратится впустую... А ещё того хуже, головёнка совсем тупой окажется, тогда не он за вами, а вы за ним приглядывать будете, аки за дитем малым. Ну зачем вам всё это? Если прошение срочно будет представлено, ничего доброго не получится. Вы уж не торопитесь, выждите ещё хоть полгода, а я тем временем надлежащую бумагу по всем правилам сочиню да отправлю... Есть у меня пара приятелей, которые не откажутся поспособствовать. Не задаром, конечно, но мы ведь свои люди, завсегда сочтёмся...

Мой слух захлебнулся скороговоркой сереброзвенника ещё где-то в первой её трети, поэтому из продолжения я выхватил только главные слова. Про тупую голову будущего защитника, просьбу подождать и предложение заплатить. И, надо сказать, в восторг не пришёл.

— Вот что, любезный... Всё это замечательно, только я не намерен ждать ни одного лишнего дня. Извольте делать то, что вам положено.

Коротышка хмыкнул и выпрямился, оказываясь примерно одного роста со мной, всё ещё сидящим на стуле.

— Я всего лишь пекусь о вашем благополучии, эрте.

В том, как он это произнёс, не чувствовалось фальши, что заставило меня насторожиться, но недостаточно, чтобы отказаться от достижения намеченной цели.

— Премного благодарен. И всё же вы исполните то, чего я требую.

— А иначе? — фыркнул сереброзвенник. — До рукоприкладства дойдёте? Я вам не мальчишка, меня силой не запугаешь. Да и вам по рукам дадут, не сомневайтесь. Больно-пребольно.

— Если дотянутся. — Я встал, нависая над коротышкой. — Можете не верить, но прямо сейчас и здесь я могу переломать вам все кости, сложить кучкой, сказать «так и было», и меня за это даже не пожурят.

— Я не поддамся на пустые угрозы! — гордо, но всё же с заметной опаской заявил сереброзвенник.

Что ж, значит, мне не остаётся ничего иного, кроме как перейти от слов к делу. Я вздохнул, заранее предвкушая малоприятные разборательства, но из коридора донеслось спокойное и скучное:

— Они не пустые. Могу подтвердить.

* * *

Бело-красный мундир, показавшийся из-под распахнутого плаща, как ни странно, придавал облику Кифа неожиданную значительность, хотя ни длинный нос, ни дурацкая шапка, в прошлую нашу встречу всё время норовящая сползти ниже бровей, никуда не делись. А вот выражение лица всё же претерпело изменения. Исчезла простодушная хитринка, делающая обманщика «своим парнем» в любой компании, а вместо неё появилось усталое сожаление, словно мой знакомец не испытывал ни малейшей радости возвращаться на место, оставленное ради прошлого маскарада. Словно не хотел Киф Лефер снова влезать в мундир, бывший предметом зависти по меньшей мере половины чиновников Дарствия, не хотел крепить к своей груди...

Ого. Золотое.

— Эрте? — Коротышка согнулся в благоговейном поклоне, хотя был старше золотозвенника больше чем вдвое, и всё же за свою услужливость удостоился лишь холодно-скучного:

— Оставьте нас.

— Ну разумеется, разумеется! Позабочусь о том, чтобы вас никто не побеспокоил!

Серебровзвенник выскочил за дверь. Ньяна проводила его изумлённым взглядом, но, когда снова посмотрела в дверной проём, тоже получила предписание к действию:

— И вам, милочка, не нужно слышать наш разговор.

— Я защищаю Смотрителя.

— В моём обществе ему ничто не угрожает, — бесстрастно сказал длинноносый, а потом добавил, чуть брезгливо поморщившись: — Даю слово.

Кто-то другой, более сведущий в титулах и званиях, беспрекословно убрался бы восвояси ещё при первых звуках, слетающих с губ человека, носящего золотое звено, но не Ньяна. Она сурово сдвинула брови и предупредила, прикрывая за собой дверь:

— Ежели с ним что случится, пожалеете.

Киф с минуту смотрел на сошедшиеся вместе дверные створки, потом повернул голову в мою сторону и спросил:

— Где такое чудо выкопал? Там ещё что-нибудь осталось?

Причём спросил с почти искренней завистью, как будто в его окружении верных и преданных слуг отродясь не водилось.

— Я должен ответить?

— Нет. Вовсе нет.

В отличие от нижестоящего Звена золотозвенник не стал озираться по комнате в поисках места, куда мог бы пристроить свою задницу, а небрежно сгрёб бумаги на край стола, взгромоздился на расчищенное место, оказавшись вполоборота ко мне, и заметил:

— Но угрожать почём зря тоже не стоит.

— Почему?

— Потому, что чем больше повышаешь голос, тем больше людям кажется, что за твоими угрозами что-то есть.

— Но ведь есть же?

— И тем больше они начинают осторожничать и копить силы для обороны, — закончил мысль Киф, не обращая внимания на мои слова.

— А зачем вмешивался?

— Затем, что иной раз, сколько бы сил ни накопил, противник всё равно оказывается сильнее, — многозначительно заметил длинноносый и, перейдя на тон, более подходящий для беседы уже знакомых друг с другом людей, объяснил: — Ну покалечил бы ты его. И что? Тебе никакой выгоды, а нам лишняя забота, откуда новое Звено взять.

Странно. Мне-то всегда казалось, что стоит только свистнуть, и на каждое свободное место по десятку добровольцев найдётся.

— Неужели желающих так мало?

— Поболее, чем Смотрителей, конечно, — огрызнулся Киф. — Но не так много, как нужно.

— Нужно для чего?

— Да хотя бы для удовлетворения запросов вроде твоего. Думаешь, этот толстяк что-то мог сделать, кроме как настроичить письмо в столицу?

Честно говоря, думал. Даже надеялся. Хотя есть шанс, что Киф врёт сейчас, как врал в поместье Мейен. И кстати, что там насчёт имени? Один золотозвенник уже избежал представления, но второго не упущу!

— Тебя как зовут-то?

— Ты знаешь.

— Киф Лефер со-Литто? Тебя родители не учили в детстве, что врать нехорошо?

Длинноносый грустно улыбнулся:

— Не успели. Чумная весна унесла. А имя и вправду моё. Только от упоминания родного города я давно уже отказался, так что где бываю, так и называюсь.

Опять недоговорил, а любая правда, оборванная на полуслове, ничем не лучше лжи. Хотя в самом деле неважно, где он родился. Гораздо важнее, где столкнулся с жизнью нос к носу.

Сколько же ему было, когда остался сиротой? Лет семь, а то и меньше? Но тогда он должен был попасть в приют, потому что ещё года полтора после той весны в столицу не пускали приезжих и соответственно никого не выпускали. И как же он, интересно, угодил к «багряным», да ещё успел дослужиться до Золотого звена? Везунчик, должно быть.

— А к чему был весь тот спектакль?

— Который?

— Их ещё и много?

Киф сделал вид, что не заметил мою язвительность:

— Ты про Мейенское дело?

— Да.

— Это был не спектакль.

— А что?

— Вводная лекция, совмещённая с практическими занятиями. Или ты всерьёз думал, что окажешься на новой службе без какой-либо подготовки?

Думал. Все мои беседы с безымянным золотозвенником сводились именно к одиночеству. И единоличию принятия решений.

— За то, что тебя скоростажно отослали из столицы, приношу извинения, если это поможет. Был занят, поэтому, как только освободился, сразу же...

— А другого наставника найти не могли?

Киф хотел было ответить, причём, судя по выражению взгляда, даже выругаться, но сдержался: то ли считал своё время слишком драгоценным, чтобы кого-то учить, то ли не был до конца уверен в своей подготовленности к роли наставника.

— Дни сейчас такие... Беспокойные. Каждый человек на счету.

Беспокойные? Что-то незаметно. У нас вон, в Доле, вообще тишь да гладь. Если не считать свихнувшегося на подвигах пастуха и полуженщины, которая слишком сильно хотела стать цельной.

Хм. А вдруг эти случаи как-то связаны со словами Кифа? Но если вспомнить рассказы охотника на демонов, нечто подобное происходит всё время. Не знаю, насколько часто, но случается. Или Звенья, подобно мне, сами только-только столкнулись с непонятными и пугающими событиями?

— Из-за демонов?

Длинноносый замер, затаив дыхание.

— Что ты знаешь о демонах?

— Немного. Главное, знаю, что в их присутствии человек меняется.

— Вот-вот. Меняется...

Киф внимательно всмотрелся в мои глаза, потом глубоко вдохнул и, как мне показалось,

успокоенно выдохнул.

— В общем, не до тебя было, уж извини.

— А сейчас что случилось?

— Мм?..

— Зачем ты снова здесь, да ещё при полном параде?

— Проездом, хочешь верь, хочешь нет. Собирался воспользоваться порталом.

— И что тебе помешало?

Киф Лефер улыбнулся:

— Ты.

— Чем же? На дороге точно не стоял.

— Да неважно уже, забудь. Давай лучше поговорим о деле, из-за которого ты чуть не лишил Цепь одушевления одного из Звеньев. В чём оно заключается?

Я пододвинул к длинноносому впопыхах оставленную сереброзвенником бумагу. Киф пробежал взглядом по строчкам и пожал плечами:

— Обычное предписание, заверенное получателем.

— Догадываюсь. Но его срок истёк.

— Бывает.

— Если будешь отвечать так же, как тот замусоленный коротышка, твоим костям тоже не поздоровится.

Я не хотел угрожать, но, услышав повторение ещё в первый раз взбесившего меня слова, не смог полностью справиться с яростью. Правда, Киф, в отличие от своего предшественника, не стал задирать нос и кичиться властью, а просто ответил:

— Верю. И хотя между нами разница в возрасте, ещё больше разница в весе, а я не сумасшедший, чтобы биться лбом о стену. Извини, не понимаю, чего ты хочешь.

Да ничего я не хочу! Или всего, но чтобы сразу.

— Моя телохранительница исполнила свои обязательства и заслуживает выхода в отставку.

— Ах вот о чём речь... — протянул длинноносый, задумываясь почему-то не наигранно, а всерьёз.

— Да.

— Достойное пожелание. Очень достойное.

Больше всего я боялся услышать в конце его фразы ненавистное «но», однако обошлось. Правда, рано радовался: у собеседника нашлись для меня другие слова, не менее тревожные:

— Уверен?

— Да.

— А если я скажу, что всё это ты задумал не ко времени?

— У неё на самом деле заканчивается срок службы. Я не вру.

— Да, врать ты умеешь плохо, этого не отнимешь... Но дело не в сроке. Вот кто она для тебя, можешь ответить?

Женщина, которой не место на войне. Только вряд ли Киф ждёт от меня такого ответа.

— Защитница.

— Правильно. Она тебя защищает. Успел увидеть как?

Я вспомнил туман, прорезаемый арбалетными стрелами, невольно передёрнул плечами и кивнул.

— Хорошо, что успел, — заметно обрадовался длинноносый. — Могу заверить, что эта

женщина, какой бы беспомощной и неуклюжей ни казалась, способна справиться почти с любым противником, причём выйти из поединка без потерь.

— Знаю.

— И всё равно хочешь отказаться от её услуг?

— Она служила семь лет и имеет право на свободу.

— Ох... — Киф опёрся ладонями о стол. — Пойми, у неё никто не отнимает этой самой свободы! Просто нужно немного подождать.

— А чего ждать-то?

— Смотрителю положен защитник, — отчеканил длинноносый. — А его ещё нужно найти.

— Ну уж если из домашней девочки сумели сделать воина, то настолько ли далеко и долго надо искать?

Киф скривился:

— Ты просто не знаешь, как всё это происходит.

— Так расскажи!

— И я не знаю подробностей, потому что не моё дело создавать защитников, — процедил он сквозь зубы. — Но я доверяю словам людей, которые принимают в этом участие.

— Может быть, зря доверяешь?

Длинноносый опустил ресницы, посмотрел то ли вдаль, то ли на носки своих сапог, потом поднял взгляд на меня:

— А я не могу жить без доверия. И никто не может. Даже ты. Ты поэтому хочешь от неё избавиться? Потому что не доверяешь? Она где-то оступилась? А впрочем... — Он обречённо выдохнул: — Неважно. Если хочешь, всё можно устроить.

— Я не хочу.

Киф удивлённо моргнул, услышав мои слова. Пришлось высказаться более подробно, хотя это оказалось не самым лёгким занятием:

— Не хочу. Я прекрасно понимаю, что она хороша. Верю, что защитит мою жизнь от любой напасти. Но она знает, что отслужила службу, и с каждым днём будет только больше сопротивляться приказам. Я смогу с этим справиться. Думаю, что смогу. Но я не хочу её ломать. Понимаешь?

— Конечно, себя-то сломать гораздо легче. А главное, прощения просить ни у кого не придётся.

Всё верно. Насколько верно, что скулы сводит. То, что мне не одержать победу в споре, стало понятно ещё несколько вопросов-ответов назад, а значит, в моём распоряжении остался всего один способ добиться желаемого. Переупрямить противника. Просто и тупо переупрямить. Хотя с каждой новой минутой упрямство начинало казаться всё большей глупостью. Может, послушать наконец, что умные люди говорят? Ньяна и впрямь не переломится, пару лишних месяцев проведя на непыльной службе, а за это время найдут очередного мученика ей на замену.

Или мученицу. Которая первые годы будет неимоверно счастлива и горда возложенными на неё обязанностями, поскольку ещё не научилась понимать, что происходит. И которая только потом, много позже начнёт исполнять приказы не с воодушевлением, а с покорной обречённостью.

— Срок договора истёк. Она должна стать свободной.

Киф вздохнул:

— Она — да. Это в её праве. А что ты знаешь про себя и свой договор?

Ничего. Ровным счётом ничего. И честно говоря, не желаю знать. Вдруг кошмары будут по ночам донимать?

— Неужели от меня что-то скрыли?

— Угу. — Длинноносый чуть наклонил голову, глядя на меня искоса. — Например, что срока не было и не будет.

— Ты имеешь в виду...

— Ну да. Смотритель назначается пожизненно.

— Звучит как приговор.

— В какой-то мере он самый и есть. Но можешь не переживать. — Киф коснулся кончиками пальцев золотого знака на своём мундире. — Каждый, кто получает такую штуку, тоже движется по жизни дальше либо на ногах и строевым шагом, либо вперёд ногами.

Часть 6.5

Я хотел было сказать, что будничные трудности Звеньев — не та тема, которую сейчас уместно обсуждать, но тут до меня дошёл весь смысл небрежно обронённой золотозвенником фразы. Пожизненно?! Что же получается, я никогда больше не смогу даже надеяться на лучшее, нежели то, чем меня наделили? Ну и сволочи же!

А с другой стороны, что мне было нужно? Покой. И он у меня есть, причём в избытке. Одно и то же место, одна и та же жизнь, одни и те же рыжие морды вокруг. Благодать! Не нужно думать, как прожить следующий день, потому что он ничем не будет отличаться от предыдущего. Вчера, сегодня, завтра, и так по кругу, выход из которого — смерть.

Но если я и впрямь приговорён...

— Тогда мне положено желание.

— Последнее? — подмигнул Киф.

— Пока не знаю. Я ведь ещё не взошёл на плаху.

Длинноносый расхохотался;

— А я, признаться, не поверил, когда Керр сказал, что свою рыбку в мутной воде ты выловишь всегда!

— Керр? Это ещё кто?

— Ты его знаешь.

— Тот золотозвенник, что отправил меня сюда?

— Ага, он самый.

— А ещё что-нибудь говорил?

— Всякое разное, — уклончиво ответил Киф, давая понять, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. — Итак, ты всё ещё уверен в своём жел... требовании?

— Да.

— Хорошо. — Он спрыгнул со стола, подтянул, ровняя, складки мундира, распахнул дверь и крикнул в коридор: — Эрте Иси, будьте любезны предстать перед нами для получения дальнейших указаний!

Эхо ещё не успело стихнуть, а коротышка уже стоял на пороге комнаты, сгибаясь в поклоне:

— Чего изволите?

— Пришлите сюда посыльного. А сами займитесь пока всем необходимым для принятия гостей.

— Их будет много?

Киф подумал и ответил:

— Двое.

Сереброзвенник понимающе кивнул и вприпрыжку куда-то ускакал. Ньяна, по-прежнему занимающая пост возле двери, вопросительно посмотрела на меня, но ответил ей мой собеседник, а не я:

— Вам, милочка, сейчас следовало бы найти укромное местечко и позаботиться о том, чтобы ничего лишнего в вас до начала выхода в отставку не осталось.

— Лишнего? — непонимающе подняла брови моя защитница.

— Именно, — подтвердил Киф и, видимо поняв, что выразился слишком туманно, пояснил: — Желудок почистите. И всё остальное. Надеюсь, не нужно учить как?

Ньяна замотала головой и покраснела.

— И учтите, что времени не так уж много. Вы всё ещё здесь?

Вот что-что, а командовать длинноносый умел. Мне наверняка пришлось бы рывкнуть, а тут совершенно невинным тоном заданный вопрос заставил предпринять предложенный действия без каких-либо колебаний, и мгновение спустя мы с Кифом снова остались одни в комнате. Правда, ненадолго.

Этого парня я уже имел удовольствие видеть, когда получал последние наставления от золотозвенника по имени Керр. Видимо, когда длинноносый упомянул про посыльного, он имел в виду именно кого-то подобного, а мне наконец-то удалось увидеть, каким образом голосовые послания отправляются адресату.

Парень снова убрал волосы за уши, на сей раз скрепив пряди заколкой, чтобы не мешали, и закрыл глаза. Киф подошёл к нему вплотную, положил ладони на ставшие заметными и похожими на лягушачьи пузыри припухлости, с минуту чего-то дожидаясь, а потом заговорил коротко и внятно, чётко проговаривая каждое слово:

— Нужен чистильщик. Место чистки: Литто. Степень сложности: третья. Вызывающий: Цапель.

И хотя я не понял почти ничего из произнесённого, наибольшее удивление, а вместе с ним и вопрос вызвало окончание послания.

— Цапель?

Киф с заметной брезгливостью встряхнул кистями рук, как будто и впрямь прикасался к лягушке:

— Потому что роюсь длинным носом во всяком дерьме.

Тому, кто придумал это прозвище, не отказать в умении посмеяться. Вот только интересно, было ли смешно самому Кифу, когда его в первый раз так называли?

— Как скоро послание будет принято?

— Уже, — ответил бронзовозвенник, открывая глаза. — Можно считать, что вам повезло, эрте.

И он откланялся, исполнив свою работу. А длинноносый хмыкнул:

— Повезло? Да уж! Оттрубить лишние сутки в этой дыре — куда ж больше везения?

— Почему сутки? Ты же всё сделал, зачем оставаться?

— Затем, что местный портал не то что столичный и в любой миг его не откроешь.

— Э-э-э...

Видя, что я совсем ничего не понимаю, Киф снизошёл до объяснений:

— Сейчас прибудет чистильщик, чтобы разобраться с твоей толстобокой телохранительницей. И когда всё будет закончено, он имеет право пройти вперёд меня. А это значит, что придётся ждать не менее двенадцати часов, чтобы снова воспользоваться порталом.

— А если до следующего портала верхом добраться? Или он дальше, чем на расстоянии суток пути?

Длинноносый что-то прикинул и сначала вроде бы согласился с моим предложением, но потом всё же отрицательно качнул головой:

— Не, отвык я задницу седлом натирать. Лучше тут подожду. Побездельничаю.

Судя по удовольствию, с которым было просмаковано последнее слово, перерывов на отдых моему собеседнику не полагалось, и я невольно ощутил нечто вроде вины. Лёгонькой такой, почти невесомой, но ясно определяемой.

Получается, моя участь не так и плоха по сравнению с Кифовой? Я могу в любой момент вернуться в зрительский дом, завалиться на кровать и дрыхнуть, пока дела, требующие исполнения, не закричат в голос. Или не завоюют. Могу плюнуть на всё и сбежать на рыбалку. А что, напрошусь в гости к коменданту Перевального форта, он не откажет. И ведь никто слова поперёк не вякнет. Не посмеет. Потому что Смотритель в Блаженном Доле всего один, ныне присно и во веки веков, пусть и недлинных.

— Ну что? Пора встречать тех, кого позвали, — решил Киф и уверенной походкой направился в сторону подвальной комнаты, которую я посетил при первом же прибытии в Литто.

Он был совершенно прав: у дверей мы столкнулись с сереброзвенником и женщиной, закутанной в мантию. Всё ту же, что досталась в своё время мне, некогда синюю, но сильно застиранную, а это значило, что незнакомка и есть искомый чистильщик, прибытия которого просил Киф, потому что явно путешествовала либо вовсе без одежды, либо, как и я, невольно привела то, что на ней было надето, в негодность. Немолодая, с бритой наголо головой и выражением непреходящей усталости на лице, вновь прибывшая не походила ни на вертляво-оживлённую сереброзвенницу, осматривавшую мёртвого юношу в тюремной камере, ни на степенно-важных прислужниц портала. Вообще при взгляде на женщину создавалось впечатление, что служба давным-давно ей наскучила и исполняется скорее по привычке, нежели из чувства долга или корысти.

Блекло-зелёный взгляд потоптался по мне, потом, видимо не найдя ничего примечательного, перебрался на Кифа:

— Кого нужно почистить?

— Защитника. Вернее, защитницу.

— Третья степень?

— Думаю, да.

— Думаете... — скривилась женщина. — Думаете вы, как правило, уже задним умом. Нужно было сначала оценщика вызвать.

— Дело срочное, — строго сказал Киф.

А вот тут ты лукавишь, Цапель. Просто, если нужно было бы вызывать ещё кого-то через портал, твоё ожидание затянулось бы ещё дольше, а тебе хоть и хочется побездельничать, но не настолько, чтобы увиливать от службы. Ответственный, да? Что ж, могу понять. А ещё допускаю, что не хочешь надолго оставлять без присмотра своих сослуживцев, которые наверняка не прочь подсидеть друг друга, а особенно того, кто отсутствует.

— И где оно само шляется? — недовольно спросила женщина, стараясь соорудить из поношенной и потерявшей прежнюю форму мантии что-то пристойное.

— Готовится.

— Ну хоть это сообразили сделать заранее, слава Богу, — выдохнула чистильщица, — Тогда сразу и приступим, когда моя чашка на ноги встанет.

Чашка? На ноги? Что за бред? Или ещё одно прозвище? Вот только для чего? Или для кого: пока я угадывал, что кроется за широко употребляемым словом, дверь портальной комнаты тихо приоткрылась и в коридор, медленно перебирая ногами, выбралась девушка.

Невозможно было сказать, юная она или не очень, потому что худенькое тело топорщилось костями, лицо не выражало вообще ничего, а тёмные глаза казались слепыми, потому что смотрели не по сторонам, а словно внутрь себя. Чуть сдавленная в области висков голова была чисто выбрита, но не только она одна: во всех прочих местах волосков

тоже не наблюдалось. Даже ресниц и тех не было. Как, впрочем, и грудей. Одни намёки на то, что вышедшее к нам существо принадлежит к человеческому роду и женскому полу, но не более.

— Сюда! — коротко приказала чистильщица, и девушка, неуверенно повернув голову на звук голоса, двинулась к своей...

Наверное, хозяйке, потому что не было похоже, что худышка способна самостоятельно принимать какие-либо решения. Сереброзвенник протянул обнажённой пришелице ещё одну мантию, но та будто не заметила подношения, проходя мимо.

— Ей это не нужно, — равнодушно пояснила женщина.

— Как скажете, — согласился коротышка.

Девушка тем временем застыла на месте, как статуя, и пробудилась только от очередного приказа.

— За мной! — велела чистильщица и, не спрашивая дороги, двинулась к лестнице так привычно, будто всю жизнь жила в Литто и знала каждый закоулок Наблюдательного дома.

Сереброзвенник отправился следом, словно приказ впрямую касался и его, а Киф, поймав мой недоумённый взгляд чуть помедлив, ответил на незаданный вопрос:

— Не думай о ней. Она давно уже не человек, а Сосуд.

* * *

Ещё в самом начале пути к должности сопровождающего когда ни я, ни кто-то другой из сотни моих соучеников не могли ещё осознать, зачем нам всё это сдалось, наставники уже старательно вдалбливали в наши непокорные головы из чего состоит мир вокруг. Но не абы какой, а мир, в котором мы должны действовать. Нас настойчиво предостерегали от пользования только одним из органов чувств, стараясь внушить, что только сумма частей даёт понимание целого. Помню, в те времена я не слишком-то задумывался о сути впитываемого душой и телом учения. Просто затверживал. А главное, привыкал к непонятному, но, надо сказать, не вызывающему противоречия знанию. Ничто внутри меня не бунтовало и не порывалось осыпать наставников вопросами или упрямо отказываться от усвоения уроков. Может быть, именно в те дни я упустил нить своей жизни из собственных рук, и всё же многократные занудные повторения позднее не раз помогли мне остаться в живых, поэтому были признаны полезными. А время, потраченное на них, язык не поворачивался назвать потерянным.

Ты должен увидеть, услышать, почувствовать и только потом, сложив воедино полученные твоими плотью и духом сведения, принимать решения. Да, звучит длинно и неуклюже, но на практике, когда проделываешь заученные упражнения в тысячный раз, всё происходит так быстро, что кажется: никаких ступенек не было и ты сразу перешагнул через нужный порог.

Вот и сейчас мгновение, небрежно увернувшееся от яркого света осознания, заставило вспомнить давнюю науку. Слова Кифа сопровождались, как водится, и изображением, но даже оттенков тона, которым были произнесены, хватило мне для того, чтобы войти в обстоятельства, а потом глубоко и серьёзно задуматься.

Услышано было много всего. Безразличие, правда, тщательно выпестованное, а не искреннее. Страх, вызванный то ли знанием, то ли полным непониманием потаённой сути происходящего. Стыд, родившийся не здесь и не сейчас, но почему-то пробудившийся ото сна. И, что любопытно, увиденное вполне соответствовало услышанному, а значит, требовало усиленного внимания.

Женщина из Цепи одушевления и вправду относилась к своей спутнице как к некоему предмету, необходимому для совершения определённого деяния, но не имеющему собственных желаний и мнений. Впрочем, та и не выглядела разумной или хотя бы осознающей, что происходит, зато слепо и мгновенно повиновалась приказам. Однако гораздо занимательнее было другое. Ни от кого не убыло бы, если бы девушку закутали в мантию, потому что погоды, конечно, весенние, однако в сырых коридорах Наблюдательного дома время года почти всегда одно, и не слишком уютное. А что я увидел? Полное пренебрежение здоровьем и прочими нуждами худышки. Это могло означать лишь одну-единственную вещь: безвольная девица не просто предмет, а предмет расходный. Что-то вроде того же бракка, оказывающегося на помойке, когда руки хозяина больше не могут его держать.

Обстоятельства коконом обернулись вокруг, туго спеленали, вдавились в то, что называется душой, а потом разорвали объятия, производя на свет вопрос:

— Это опасно?

Киф, уже повернувшийся, чтобы догонять далеко ушедшую по коридору процессию, заметно напрягся, но не решился сбежать от ответа. Пусть и невнятного:

— Ты о чём? О чистке? Да обычное дело.

— Я спросил не о том, как часто она происходит.

Он помолчал, видимо выбирая между честностью и служебным долгом, а потом беспомощно выдохнул:

— Не знаю.

Золотозвенник, и не посвящён в столь любопытные подробности?

— Я тебе не верю.

— Как хочешь. Только это правда. — И, словно сказанного было недостаточно, длинноносый добавил: — Моя правда. — А потом всё же обернулся, и я увидел прикушенную губу, — Чистка — дело «духовников». Не наше.

— А кто назначает людей защитниками?

Киф нехотя признал:

— Мы. Но я к этому делу не допущен.

О, всё ещё любопытнее, чем казалось сначала!

— Почему?

— Не гожусь.

Он произнёс это без какого-либо сожаления или негодования, а скорее с облегчением, как будто упомянутая обязанность была чем-то ужасным.

— Это опасно?

— Я же сказал: не знаю! Спроси у чистильщицы. Может быть, она тебе ответит.

А вот теперь явственно послышались сомнение и лёгкая виноватость. Предлагаешь то, что невозможно исполнить, Цапель? Что ж, посмотрим.

Я обогнул утратившего пыл к быстрым перемещениям золотозвенника, отправляясь следом за женщиной, отделяющей Ньяну от долгожданной свободы. Пришлось ускорить шаг, чтобы добраться до дверей одной из тех закрытых комнат одновременно со Звеньями Цепи одушевления. Я неприятно удивился тому, что худенькая девушка, истуканом стоящая за спиной своей хозяйки, и мною почти сразу же перестала восприниматься как человек. Впрочем, удивление было слишком мимолётным и неуместным, чтобы задумываться над причинами его появления.

— То, что вы собираетесь делать... Чистка. Она опасна?

Чистильщица, стоящая вполоборота ко мне, пока коротышка искал ключ и открывал, похоже, давным-давно оставленный в покое замок, безразлично произнесла:

— Не более чем каждый божий день.

Ясно. Лучше бы она промолчала, отшутилась или обманула.

— Ничего не должно случиться.

— Вы угрожаете? — Она всё-таки повернула голову, показав, что в мутном взгляде нет ни капли страха или чего-то похожего.

— Я высказываю пожелание.

— О, какое хорошее слово вы выбрали, — усмехнулась чистильщица и перешагнула порог наконец-то открытой для доступа комнаты.

Здесь было чисто, словно служки ежедневно мели пол, намывали поверхность длинного высокого стола и стирали пыль со склянок, скучающих в шкафах, из-за верениц которых невозможно было разглядеть стены. Женщина удовлетворённо огляделась вокруг, провела ладонью по столешнице, почему-то прикрыла глаза, принялась, потом кивнула:

— Можно начинать.

— Я схожу за ней, — услужливо предложил Киф, оставшийся за порогом.

Чистильщица кивнула, обходя стол по кругу, и остановилась, оказавшись как раз напротив меня. Приглашение к разговору? Обозначение границ дозволенного? Не узнать, если не разведать.

— Хорошее слово?

— О, да.

— А бывают плохие?

Она снова улыбнулась, и улыбка получилась намного менее вымученной, нежели предыдущие гримасы.

— Если бы вы произнесли слово «желание», я бы выставила вас вон.

— Разве есть разница? Звучат они очень похоже.

— Сколько лет вы носите знак Смотрителя? — вдруг спросила чистильщица.

— Не лет, а дней, — поправил я, ощутив некоторую неловкость. — Не много.

Странно, но она скорее обрадовалась, а не огорчилась:

— Это хорошо. Тогда сможете понять. Если захотите.

— Вряд ли я именно хочу этого.

И опять на лице чистильщицы расцвела улыбка:

— Да вы совсем молодец, как я погляжу!

Часть 6.6

Похвала прозвучала искренне и заставила меня немного смутиться. Где-то глубоко внутри, потому что лицо напрочь отказывалось хоть как-то отражать чувства, упираясь всеми мышцами.

— И всё-таки что мне надо понять?

Женщина поправила норвящую распахнутая мантию:

— Желания — очень опасная штука.

— Почему?

— Потому, что они порождаются не разумом, а чувствами. Мы не думаем о том, чего желаем, и, самое страшное, не владем собой за той гранью, где начинается страна желаний!

— Страшное?

Чистильщица внимательно всмотрелась в моё лицо:

— Вам никогда не хотелось чего-то так сильно, что потом не могли вспомнить целые минуты жизни?

Я честно задумался. А потом столь же честно признал:

— Нет.

— Значит, вы везунчик. А вот с другими людьми такое случается часто. И если в первый раз забытье длится несколько вдохов, то с каждой новой вспышкой желаний становится всё продолжительнее. И однажды из него можно попросту не выбраться.

Она говорила, не накаляя страстей, не ставя акценты на определённых словах, а монотонно, словно зачитывала урок. И всё же за каждым её словом отчётливо чувствовалось то, что заставляло поверить. Мгновенно и бесповоротно. Опыт.

Не знаю, собственный или заёмный, но большой, трудный и болезненный. Она прошла через то, о чём рассказывала. Или прошла мимо, но достаточно близко, чтобы обжечься и усвоить.

— Итак, желать нельзя?

— Это каждый решает для себя сам. Но пожелать не возбраняется.

— И моё пожелание будет учтено?

Женщина улыбнулась, правда на сей раз словно намекая, что это легкомысленное движение губ будет последним.

— Я сделаю всё, что зависит от меня. Но, как можно догадаться, не я одна в этом участвую.

Это точно. Вас будет трое. Вот только на всех ли можно положиться?

— Я сделала то, что велели, — робко доложила моя защитница, появившаяся в дверном проёме.

— Иди сюда, лапушка! Иди сюда, хорошая моя, покажись! — заворковала чистильщица, миглом становясь похожей на заботливую тётушку.

Ньяна подчинилась ласковой просьбе, подойдя ближе. Бритоголовая женщина прищурилась, осмотрела поле предстоящей деятельности с головы до ног и хлопнула в ладоши:

— Что ж, не будем терять времени! Раздевайся, лапушка.

— Раз... де...

— Не хочешь делать этого при мужчинах?

Защитница зарделась.

Не произнося ни слова, чистильщица повернулась к тем, кто являлся причиной смущения — ко мне, Кифу и коротышке, — и приподняла брови многозначительным домиком. Длинноносый убрался из комнаты первым, сереброзвенник тоже не особенно медлил. Собственно говоря, дольше всех задержался я, и то по причине слишком узкой двери, в которую не мог пройти одновременно вместе с кем-то. Но едва сделал шаг к порогу, услышал испуганное:

— Оставайтесь! Прошу вас...

Оставаться мне не хотелось. Особенно после того, как персоны, куда более осведомлённые о происходящем, нежели я, поспешили уйти при первой же возможности. Но глаза Ньяны умоляли.

— Я могу... присутствовать?

Чистильщица пожала плечами:

— Мне вы не мешаете.

Ну вот, последний повод отказаться выбили из-под ног.

— Хорошо. Я буду рядом.

— А теперь, лапушка, может, всё-таки разденешься?

* * *

На моей защитнице было надето немного. Наверное, потому, что она готовилась исполнять свои обязанности, а те требовали свободы движений. Пожалуй, если сравнить в наряде Ньяны собственно количество одежды и снаряжения, то доля последнего оказывалась намного больше. Одних только колчанов для арбалетных стрел я насчитал восемь штук, причём закреплённых на редкость разумно, удобно, а главное, с той заметной небрежностью, которая выдаёт сноровку. Вряд ли пышечку кто-то и когда-то учил всему этому, а потому вопросов без ответов стало только больше.

Арбалетов оказалось два, и оба были снаряжены по-походному. Оружие и всё, что к нему прилагалось, я сложил в углу на свою же расстеленную накидку. Снятую Ньяной одежду отправил вверх: куль получился увесистый и объёмный. Пока разбирался с вещами, защитнице поднесли кружку с каким-то питьём, и, когда я наконец повернулся к столу лицом, оказалось, что пышечка уже лежит на длинных лакированных досках, глядя в потолок туманным взглядом. Впрочем, тут же выяснилось, что слух её пока не покинул, потому что на звук моих шагов она откликнулась тревожным:

— Вы здесь?

— Да. — Я подошёл и взял ладонь Ньяны в свою.

— Почему я вас не вижу?

— Потому, что сейчас ты уснёшь и немного поспишь, лапушка, — пообещала чистильщица, тем временем роющаяся в одном из шкафов. — А когда проснёшься, всё будет так хорошо, как только возможно.

— Хорошо? — заплетающимся языком переспросила пышечка.

— Очень-очень, — подтвердила бритоголовая, возвращаясь к столу со склянкой, наполненной белесой мазью, и тонколезвийным ножом.

Присутствие смертоносного предмета побудило меня задать очередной вопрос на тему опасности, но чистильщица приложила палец к губам, кивая в сторону Ньяны. И была совершенно права: незачем волновать и без того испуганного человека. А спустя ещё минуту веки моей защитницы расслабленно опустились, и дыхание выровнялось, свидетельствуя о

пришествии сна.

То, что случилось потом, вызвало у меня недоумение, граничащее с отвращением. Чистильщица принялась обнюхивать лежащую девушку, словно собака, поводя неожиданно подвижным носом из стороны в сторону. Видимо, нюха хватало не всегда, потому что отдельные участки плоти бритоголовая вдумчиво исследовала с помощью языка, и, если бы обстоятельства происходящего были менее странными, а моя защитница не превратилась в еле дышащее бревно, можно было бы подумать, что женщины занимаются отнюдь не делами дарственной важности.

Наконец странные телодвижения закончились, и ловкие руки чистильщицы принялись растирать мазь, а когда бледная кожа Ньяны покрылась тонкой, чуть поблёскивающей плёнкой, в дело пошёл нож. Сколько всего было сделано проколов, я бы не успел сосчитать, даже если бы захотел: лезвие сновало туда-сюда с неуловимой быстротой. Понятно было, что действует чистильщица не наобум, а по строго определённым правилам, словно рисуя некий невидимый узор.

Наконец плоть моей защитницы вспухла комариными укусами почти во всех местах, к которым прикасался нож, включая лицо. Тогда чистильщица, не оборачиваясь, приказала:

— Сюда!

Худосочная девица послушно покинула угол, в котором дожидалась внимания своей хозяйки, и подошла к столу.

— Пей!

Пальцы безвольно протянутой руки сжались вокруг горлышка какого-то флакона, потом медленно поднесли питьё к пересохшим губам. В тёмных глазах по-прежнему не отражалось ни единой мысли, но мне почему-то показалось, что девушка не очень-то хочет утолять свою жажду таким способом. И всё-таки поднесённое зелье достигло места своего назначения, правда, часть его стекла густыми струйками по подбородку. Чистильщица недовольно поморщилась, однако не стала искать ещё один флакон в стенных шкафах.

— То, что вы увидите, вам лучше забыть сразу же по выходу из этой комнаты. Если сможете. А если не сможете, то постарайтесь хорошенько запомнить.

Произнеся эту загадочную фразу, бритоголовая встала за спиной худышки, крепко взяла её за плечи, повернула лицом к столу и прикрыла плотно сжатыми веками свои глаза. А ещё ровно через один вдох тёмный взгляд Сосуда осветила молния. Первая из многих, как оказалось.

Это было желание. В самом чистом виде, какой только возможен. И если представить, что с подобным пылом можно желать мужчину, то хотелось бы мне повстречать на своём пути такую умелицу. Чего желала худышка, я не знал, а угадать не получалось. Но дикая смесь голода и жажды, нашедшая воплощение во взгляде, не позволяла усомниться: это оно.

Свободное от приличий и прочих ограничений, навязанных находящимися вокруг тебя людьми и обстоятельствами.

Доведённое до крайней точки исступления.

Не просто всепоглощающее, а уже поглотившее своего... Нет, не хозяина. Оно ведь никогда не было слугой. Своего временного хранителя.

Никакого движения не происходило. Статуей с безумными глазами застыла худышка. Колонной, подпирающей своды храма, возвышалась за её спиной бритоголовая чистильщица. Надгробным изваянием лежала на длинном столе Ньяна. Но я всё равно был уверен: что-то происходит. Что-то очень важное, но только на том плане бытия, который

недоступен моему взгляду. А потом натянутый парус завесы, скрывающей тайну, лопнул.

Сначала это было похоже на то, как будто в плоти моей защитницы снуют туда-сюда мелкие горошины, и чем ближе они подбирались к коже, тем становились заметнее, но не увеличиваясь в размерах, а... Начиная светиться. Этакой едва уловимой синевой. В первые минуты свечение выглядело совсем слабеньким, но с каждым вдохом набирало силу, пока в конце концов лежащее тело полностью не оказалось окутано мутным мерцанием. Мне почему-то подумалось, что этот туман следует разогнать, и, вторя моим мыслям, крошечные искорки вдруг взвились в воздух, сливаясь в единый сияющий шарик. Небольшой, с кулак. Наверное, так могли бы выглядеть звёзды, если бы удалось подобраться к ним чуть поближе. Правда, вряд ли в мире найдётся хоть одна звезда, которая будет биться, как человеческое сердце.

А шарик именно бился. Сжимался, и тогда сияние начинало нестерпимо резать глаза. Расширялся, и тогда казалось, сквозь него можно ясно рассмотреть каждую чётточку лица худышки, как и я, зачарованно глядящей прямо в синий огонь.

Раз. Другой. Третий. Всё быстрее и быстрее. Меня бы такой пульс убил, а шарик, похоже, становилось всё лучше. И в какое-то мгновение он, вспыхнув особенно ярко и почти затопив своим сиянием комнату, ринулся к плоской, как доски стола, груди Сосула.

Коснулся.

Разлился синевой по коже.

Впитался, как вода впитывается в песок.

Осветил плоть изнутри.

Погас. А из тела Ньяны через надрезы, нанесённые тонким лезвием ножа, вдруг начал выступать гной: другого слова я не смог бы подобрать, даже если бы захотел.

Не белый, не жёлтый и не синий, подобно тому, что я видел на теле прибоженного, а похожий на перламутровую внутренность раковины. Переливающийся всеми цветами радуги, немного пузырящийся и наполнивший комнату странноватым запахом. Не противным или раздражающим, а скорее напоминающим то, чем пахнет воздух после грозы. Но главное, вместе с тем как густая жидкость покидала тело моей защитницы, менялось и само тело. Медленно уменьшалось в размерах, словно сдуваясь, как проколотый рыбий пузырь. И мне, пожалуй, больше не нужны были объяснения, почему тот сереброзвенник, что определил Ньяну на службу, велел ей набрать как можно больший вес...

На всё про всё понадобилось не более минуты. И вместе с исчезнувшим сиянием потух и взгляд худышки. Правда, чтобы тут же загореться снова.

На третьем повторении одной и той же картины мне стало даже скучно, и я перестал считать синие шарики. Зато когда веки чистильщицы дрогнули, а губы, своим цветом теперь напоминавшие синие бока шариков, выдавили: «Всё, чисто», стало понятно, сколько сил было потрачено. Бритоголовая уронила руки, да, именно уронила, а не опустила, и оперлась о край стола, потому что кресел, стульев или лавок в комнате не было, а ноги, судя по всему, плоховато держали свою хозяйку. Худышка осталась стоять истуканом, прежним бессмысленным взглядом уставившись в стену. Ньяна, ни разу за время проведения чистки не шелохнувшаяся, лежала всё так же неподвижно, но, как мне почудилось, задышала ровнее и глубже.

— Получилось?

Мой вопрос прозвучал глупо, но я должен был убедиться. Или хотя бы услышать успокоительную ложь.

— Да.

— Она скоро проснётся?

Чистильщица посмотрела на Ньяну, формами теперь, весьма похожую на худосочный Сосуд.

— Через несколько часов. Ей понадобится отдых. И тщательный уход.

Который можно наладить только в Блаженном Доле. Что же, значит, пора собираться в обратный путь. Или...

Нет. Я же приехал в Литто не только затем, чтобы освободить защитницу от службы.

— Вы пока присмотрите за ней? Мне нужно уладить одно дело. Всего несколько минут.

— Присмотрю, — тяжело выдохнула бритоголовая, — Хотя мне и самой сейчас присмотр не помешал бы.

Коротышка обнаружился в коридоре прямо у двери, что не могло меня не обрадовать, потому что бродить по Наблюдательному дому в безрезультатных поисках почему-то не хотелось.

— Как мне найти Сиенн Нодо со-Тавиар? От её имени пришло прошение на прибытие в Блаженный Дол, а сама она должна ожидать где-то здесь.

Лоб сереброзвенника покрылся было задумчивыми складками, но тут же разгладился.

— Просители, говорите? Да тут они, прямо при доме, в гостевых комнатах проживать изволят. Дело-то дарственное, а не от скуки заведённое, вот нам высочайшим распоряжением и предписано в случае возникновения надобности...

— И где эти гостевые находятся? — спросил я, обрывая поток совершенно ненужных мне и неуместных сейчас сведений.

— В правом крыле. Вы как до самой первой развилки дойдёте, направо поверните. Только направо, как если бы через главный вход только что вошли!

Последнее указание он кричал уже в мою удаляющуюся спину. И кричал не зря: добравшись до искомого места, я чуть было не перепутал «лево» и «право».

В столичном Наблюдательном доме мне не припоминалось никаких комнат, предназначенных для просителей. Хотя если принять во внимание размеры и статус Литто, как небольшого, затерянного в провинции городка, в котором и гостевых домов может толком не быть, а вот людей, нуждающихся в обращении к дарственным службам, наоборот, предостаточно... Интересно только, из чьей казны платится за содержание этих комнат, потому что само по себе прошение каждый житель Дарствия имеет право подать совершенно без всякой оплаты. А вот получить внятный и желаемый ответ на него уже стоит денег. В зависимости от аппетитов чиновника.

Литтовские гостевые комнаты особым уютом не отличались. Хотя справедливости ради стоило признать, что и то место, где дремал после своего первого далёкого путешествия я, тоже не располагало к отдохновению. Но зато скупое казённое убранство оказалось невероятно удачным обрамлением для просительницы.

Когда я переступил порог, на меня подняла взгляд молодая некрасивая женщина. Такие встречаются нечасто. Обычно внешность впервые увиденного человека или нравится, или не нравится, и только потом начинаешь размышлять над причинами своего впечатления, а тут сразу бросалась в глаза именно некрасивость. Зато она не позволяла полюбить или возненавидеть незнакомку с первого взгляда.

Ничем не примечательные черты, резкие там, где требуется плавность, и наоборот. Маленькие круглые глаза, то ли зелёные, то ли серые. Гладко причёсанные и скрученные в

тугой пучок длинные, но жалостливо тонкие, светлые, без единого золотистого оттенка волосы. Никаких румян, белил и прочих ухищрений, которые обычно используют женщины, чтобы утереть нос природе. Впрочем, я не смог бы представить незнакомку в раскраске столичной модницы. Стошнило бы. Зато так, простенько и живенько, можно было смотреть. А когда изучать лицо стало невмоготу — произошло это довольно быстро, я перевёл взгляд на одежду.

Вот так так! А ведь просительница явно прибыла не из захолустья. И не на последние монеты в кошельке. Дорожное платье из шерстяного сукна, выделанного не хуже шёлка, не вычурные, но дорогие, ослепительно-белые кружева, перчатки из тонкой тиснёной кожи. Украшений нет, зато за одну ажурную шаль уплачено по меньшей мере пятьдесят серебряных монет. Но хотя всё это женщина явно носила привычно и умело, я не смог отделаться от ощущения, что она вовсе не хозяйка своей жизни. И оказался прав.

— Вы спрашивали разрешения посетить Блаженный Дол. С какой целью?

Эрте Сиенн ответила. Но только после того, как я раздвинул полы накидки и показал глянцевою жучиную спинку, а до явления знака Смотрителя словно к чему-то прислушивалась, одновременно напряжённо вглядываясь в моё лицо.

— Я служу дому Мон.

Прозвучало довольно гордо и достаточно многозначительно, чтобы любой провинциальный олух мог сообразить: гостя важная.

— И что же нужно вашему дому в отданных под мою опеку краях?

Возможно, следовало спрашивать попроще, без вызова, но я слишком торопился, чтобы вести беседы издалека. Впрочем, женщина не обиделась на мою непочтительность и не разозлилась, а, кажется, напротив, услышала в моих словах что-то приятное для себя.

— Здесь изложено возмущение эрте Роханны, моей нанимательницы. — Она протянула мне запечатанный футляр. — Но если пожелаете, я могу пересказать. Вкратце.

— Если это возможно.

Сиенн посмотрела на меня с таким выражением в глазах, которому больше всего подходило словесное сопровождение вроде «для меня нет ничего невозможного, если просите вы».

— Эрте Роханна несколько лет пользовалась услугами мастера, проживающего в Блаженном Доле. Покупала мази и прочее для здоровья тела. Но последняя покупка оказалась худшей, нежели предыдущие. Не произвела нужного воздействия.

Понятно. Богатая старуха бодрилась-бодрилась и вдруг обнаружила, что прежние средства не помогают. Нет бы признать, что возраст берёт своё и с ним не справятся никакие притирания... М-да.

— Она желает получить назад свои деньги?

— И извинения. Либо объяснения, почему купленный товар оказался ненадлежащего качества.

Суть прошения понятна. Но стоит ли она того, чтобы приглашать эту женщину в Блаженный Дол?

— Я посмотрю, что можно сделать. И передам вам ответ. Если, конечно, вы не будете настаивать на личном общении с провинившимся мастером.

Женщина снова ответила не сразу, но теперь словно о чём-то глубоко задумалась, и мой вопрос оказался именно тем средством, что вывело её из оцепенения:

— Я всецело доверюсь вам, Смотритель. И буду ждать вас и ваше решение здесь. С

нетерпением.

Если бы она была чуть попривлекательнее, я бы расценил её последние слова как приглашение к более близкому знакомству. Хотя а почему, спрашивается, дурнушкам нельзя мечтать о любви?

Когда я вернулся в комнату, где проводилась чистка, бритоголовой и худышки там уже не было, одна Ньяна по-прежнему лежала, вытянувшись во весь рост, на столе. Я снял с себя накидку и закутал в неё бывшую защитницу, ставшую чуть ли не втрое меньших объёмов. Кости, конечно, сохранили прежние размеры, но создавалось ощущение, что мяса на них почти не осталось. Да и до кожи было страшновато дотрагиваться: припухлости под слоем мази и потёков гноя ещё оставались. Наверное, Ньяну следовало обмыть, но это задержало бы нас в Литто ещё на какое-то время, а день давно перевалил за свою середину, и оставшегося времени едва хватало, чтобы добраться в Блаженный Дол засветло.

Я поднял лёгкое как пушинка тело, пошёл к дверям и тут только сообразил, что придётся возвращаться ещё раз, за кулём с одеждой и оружием. А может, попробовать унести всё сразу? В конце концов, защитница весит так мало...

Но пока я раздумывал, к кулю протянулась рука, не менее крепкая, чем моя. С рыжими волосками на тыльной стороне ладони.

— Заботься о своей ноше, а эту понесу я.

Где-то...

Бож милостивый, ну зачем, зачем, зачем?! Почему ты позволил своей половинке задурить голову этому... этому... Кретину!

Надо же было додуматься избавиться от защиты! Кто теперь будет заботиться о безопасности его тупой головы? Да и я хорош, нечего сказать! Всего одним глазком не углядел, и на тебе! Подарочек... И как можно было предположить, что он потащится в Литто не затем, чтобы исполнять свои прямые обязанности, а затем, чтобы собственноручно забить гвоздь в крышку своего гроба? Никак. Я думал, что у такого человека чувство самосохранения намного сильнее, чем у многих других. А оказалось, что его нет вовсе.

Хотя вряд ли он думает об опасности. Надеется на свои прежние знания и умения? Кое-что, конечно, осталось при нём, но этого мало для того поля боя, к которому он неуклонно приближается. Он же видел, на что способны одержимые демонами. И понял если не всё, то главное: человеческих сил для победы над да-йином не хватит. Ни при каком раскладе. Видел, что девочка способна его защитить. И что? Поспешил отмахнуться от неё? Но почему?

Если братец не соврал, этот парень служил сопроводителем. Значит, он как раз должен хотеть иметь за спиной, кого-то похожего на себя прежнего. Но все его поступки приводят к обратному. Теперь он вообще остался один. Как там было написано на гербе мейенских помещиков? Один перед миром. Неужели рассчитывает выстоять? Нет, он всё же не настолько глуп. Не верю. Зачем же тогда постарался избавиться от своего ближнего окружения? А что, если...

Он не любит зависеть от кого-либо. Ненавидит. Всей душой. И это неудивительно, после стольких лет послушного исполнения чужих приказов. Может быть, сам не понимает, что делает, но чувствует необходимость. Отряхивает прах прошлого со своих сапог. А как же будущее? Или он не собирается жить долго?

Скорее, не умеет. Нельзя в один день сломать себя пополам и сложить заново. Даже если будут помогать. Можно думать, что ты изменился, но только пока под руку не подвернутся обстоятельства, похожие на прежние и требующие схожего решения. Вот тогда останавливаешься на полушаге и начинаешь лихорадочно осматривать себя снаружи и изнутри, чтобы понять: так случились изменения или нет?

Беда, что он не хочет учиться уметь жить. Наверное, ему кажется, что всё произойдёт само собой, незванно и нежданно. Конечно, бывает и так, но чаще приходится стараться. Из всех сил.

Сейчас он один. Легко повернуться к нему лицом, но он оттолкнёт любую помощь. Может быть, через день? Или через месяц можно попробовать, но не теперь. Он должен вылежаться в укусе, который сам для себя приготовил из отживших надежд. Должен как следует промариноваться в одиночестве, скуке, отчаянии, тишине и бездействии. Должен...

Хотя должен ли?

Это его жизнь. Его право жить или умереть. И его право жить так, как ему заблагорассудится.

Но пока он живёт, и пока живёт здесь, рядом, так близко, что можно протянуть руку и коснуться его нестигаемой спины, я не отойду в сторону.

Один перед миром?

Пусть.

Но против мира всегда веселее выступать в компании.

Здесь...

На поверхности трактирного стола не удалось найти ни одного хотя бы напоминающего чистое местечко, и Сиенн обречённо оперлась предплечьем о замусоленную столешницу, чтобы удержать вилкой кусок мяса, никак не желавший поддаваться разрезанию. Рукав снова придётся чистить. Конечно, можно было бы не обращать внимания на пятнышко, проступившее на тёмном сукне, но не в том случае, если чистота одежды — твоё единственное достоинство.

Сиенн Нодо знала, что некрасива, чуть ли не с самого, нежного возраста. Когда она, будучи ещё совсем ребёнком, удостоилась чести увидеть родного отца, то кричала благим матом на протяжении нескольких часов, не поддаваясь нянюшкиным уговорам. Детские впечатления намертво сплелись с памятью, и, став взрослее, девушка приняла знание о своей внешности со спокойствием рыцаря, отправляющегося на последнюю битву. Что поделать, если не в кого было уродиться красавицей?

Впрочем, отсутствие красоты сыграло в жизни Сиенн не самую дурную роль. По крайней мере, помогло получить место при Роханне Мон, завидное для многих недокровок: бессмертная не подпускала к себе никого, кто был хоть немного привлекательнее бревна. А иного способа выделиться из толпы себе подобных у отпрыска да-йна не было.

Вернее, иного безопасного способа. Можно было попробовать явиться с повинной перед грозные очи «багряных», но вряд ли кто-то из власти предержавшей решился бы довериться вольнорожденной недокровке. Для собственных нужд Цепи сами заключали союзы между демонами и людьми. Разумеется, при тщательном наблюдении и строжайшем контроле за происходящим. А пришелицу, невесть каким образом появившуюся на свет, скорее всего, отправили бы в расход, не раздумывая ни одной лишней минуты.

Сиенн ненавидела своих родителей. Особенно потому, что понимала: да-йин хоть и управлял духом и плотью её отца, но, сам не зная любви, упустил из виду тот миг, когда всё и свершилось. О чём думала её мать, девушка предпочитала не размышлять. В конце концов, безвестная женщина умерла родами и уже не могла ответить на вопросы к тому времени, когда они появились у ребёнка.

Возможно, злосчастное соитие было предопределено и намечено кем-то вроде Роханны Мон, но об этом Сиенн тоже предпочитала не задумываться. Девушка знала, что недокровки нужны обеим противостоящим сторонам, ведь только отпрыск демона, родившийся с проклятием неисполненного желания, мог распознать среди людей и подобных себе, и захваченных да-йнами. Но самое главное, недокровки ясно чувствовали желания, таящиеся в чужих душах.

Вспомнив недавнюю встречу, Сиенн сладко улыбнулась, испортив аппетит едоку, сидящему за соседним столом, но, к несчастью, лицом к богато одетой и при всём том отчаянно некрасивой девушке. Мужчина поперхнулся, закашлялся и поспешил сменить место, провожаемый новой довольной улыбкой. Чем меньше случайных свидетелей, тем лучше.

Трактирная дверь отворилась, пропуская нового посетителя, который, мгновенно выхватив взглядом в задымлённом пространстве трапезного зала знакомое лицо, направился

прямоком к Сиенн. Невысокий, поджарый, однако производящий впечатление крепыша за счёт неизменной толстой кожаной куртки с вшитыми за подкладкой стальными пластинами, Грев хоть и был не прочь заявить в разговоре, что принадлежит к знатному роду, но обликом всегда походил на обычного бродягу, не раз битого жизнью. Даже если надевал бархатный камзол. Правда, сейчас, под просторным плащом до пят, трудно было угадать, какую именно одежду предпочёл спешно вызванный на встречу мужчина, но то, что под складками ткани прячется любимая убийцей куртка, Сиенн не сомневалась.

Он прошёл между столами, исхитрившись не коснуться никого лапами развевающегося от стремительной походки плаща, и присел на край лавки напротив старой знакомой.

— Зачем звала? Самой не справиться?

Грев всегда и обо всём был осведомлён, когда дело касалось душегубства. Вот и сейчас он знал, что недокровку отправили нанести последний визит кому-то, кто не угодил своей службой эрте Роханне. Конечно, Сиенн Нодо была не столь искусна, как давным-давно занимающийся отъёмом чужих жизней наёмник, но с простыми вещами справлялась на раз. И если вдруг посылала восточку о встрече, это могло означать... Разное. Но Грев предпочитал не строить догадки, а спрашивать. Так всегда было вернее.

— Да вот, захотела разделить с тобой славу.

— Или нагоняй за провал?

Девушка растянула губы в лягушачьей улыбке:

— Провала не будет.

А вот чутью своей знакомой Грев доверял, хотя и сам не мог понять причины. Поэтому спросил:

— Что задумала?

Сиенн загадочно полусмежила веки:

— Тебе не надоело прислуживать старухе?

Убийца никогда не отвечал на подобные вопросы. Во-первых, потому, что он вечно кому-то прислуживал, ведь любая смерть должна быть оплачена, иначе зачем она вообще случается? Во-вторых, потому, что часто становился свидетелем того, как неуместно или необдуманно обронённое слово оказывалось причиной этой самой смерти. В-третьих...

— А вот мне надоело.

К откровенности Грев тоже не был готов, поэтому искренне удивился и, на всякий случай понизив голос, предупредил:

— Уверена, что здесь нет лишних ушей?

Сиенн провела пальчиком по кромке плохо отмытой глиняной кружки:

— В этом болоте? Не глупи. Я позвала тебя потому, что здесь чисто. Совсем-совсем чисто.

И девушка хихикнула, то ли глупо, то ли зло. В любом случае она хоть и казалась слегка выпившей но голову ей кружил вовсе не эль, и это Грев чувствовал яснее ясного. Несмотря на то что был просто человеком.

— Скажи прямо. Ты же знаешь, я не люблю ходить вокруг да около.

— Сейчас. Мне надо собраться с духом. Ты не представляешь, что я нашла... — Сиенн замолчала, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, а потом продолжила уже серьёзным тоном: — Вот мы с тобой прислуживаем старухе. Но кто сказал, что на ней свет клином сошёлся? Ведь есть и другие, такие же, как она.

— Есть, — согласился Грев. — Только наши услуги либо не нужны им, либо...

— Либо все они уже заключили соглашение между собой и не вмешиваются в дела друг друга. Важно, что есть хозяева, платящие больше и лучше заботящиеся о своих слугах.

— Но ведь мы всё равно не можем уйти от старухи. И потом, это не самая убыточная работёнка, что бы ты ни говорила!

Девушка поморщилась:

— Если она не самая худшая, это ещё не означает, что за неё нужно цепляться руками и ногами.

— Ты нашла нового хозяина?

Лицо Сиенн озарила очередная зловещая улыбка:

— Нет. Но я нашла человека, который может стать нашим хозяином. Если мы сами сделаем его таковым.

Грев рассеянно подпёр подбородок рукой:

— Сделаем?

— Да. И нам не понадобится прилагать много усилий. А если всё получится, как задумано, он станет основателем нового клана. Самого могущественного на все времена.

В чудеса наёмник не верил, потому сразу спросил о противоположном исходе событий:

— А если не получится?

Девушка чуть рассерженно махнула рукой:

— Такого не может быть!

— Ну лично я видел слишком много хороших затей, окончившихся бедами.

— Ты просто не понимаешь! — Сиенн, разгоряченно дыша, наклонилась над столом. — Это тот случай, когда шансы на успех не просто велики. Они огромны!

— Так что делать-то надо?

— Всего лишь войти в Наблюдательный дом, прикончить пару-тройку человек и взять один предмет.

— В Наблюдательный дом? — Грев возмущённо фыркнул, хотя предложение утереть нос цепным псам Дарохранителя не могло не привлекать. — С ума сошла?

— Нисколько. Я была там. Да, собственно, я там сейчас и живу, в гостевых комнатах. Никакой охраны, толком ни одного служки... Глухое тут место, дикое. Люди слушаются приказов. Скажут им не ходить куда-то без спроса, они и не ходят.

— Тогда зачем кого-то убивать? Не проще ли выкрасть то, что тебе нужно?

— Нет, — покачала головой Сиенн. — Сосуд хоть и не особо стерегут, но глаз всё-таки не спускают.

— Сосуд?! — Грев постучал согнутым пальцем по своему лбу: — Ополоумела совсем! Да и на кой ляд он тебе сдался? Или всё не оставляешь попыток стать одной из...

— Никаких попыток. И Сосуд нужен вовсе не для меня.

— А для кого?

Девушка выдержала зловещую паузу:

— Я встретила сегодня с одним человеком. И скажу честно: такого я никогда не чувствовала. Он переполнен желаниями! Представляешь? И все они одинаково сильны. Если нам удастся заполучить Сосуд и открыть его в присутствии того человека, мы получим...

Грев хоть и не был посвящён во все тайнства да-йинов, но основы знал. В том числе и запретные.

— Кучу демонов в одном теле?

— О да! — сладко выдохнула Сиенн.

— Это будет...

— Великолепно!

— Страшно это будет. И опасно, — заключил наёмник.

— Но не для нас с тобой, — заверила девушка. — Нам-то он будет благодарен. В смысле они. Все вместе. Хотя бы за освобождение из той тюрьмы, в которую их заключили.

Грев задумался. Надолго. На целую минуту. То, о чём твердила старая знакомая, выглядело безумством, однако вполне реальным и пьяняще заманчивым. А ещё будило давно уже спящий где-то в глубине души наёмника злой азарт молодости и желание доказать что-то важное всему миру. Попробовать можно.

— Тогда идём! — Сиенн торопливо поднялась на ноги.

— Прямо сейчас?

— Сосуд пробудет здесь ещё пару часов, не больше, пока чистильщица отдыхает. А потом они — фьють! — и сбегут через портал, одна Боженка знает куда. Нам нельзя медлить.

— Ну нельзя так нельзя, — согласился Грев, отправляясь следом за девушкой.

На Литто лениво опускался весенний вечер, приправленный сырым туманом, поэтому наёмнику не пришлось как-то по-особому прятаться, пока Сиенн Нодо стучала в дверь Наблюдательного дома, ждала привратника и показывала ему жетон гостя. Грев просто стоял рядом и, когда девушка прошла в любезно открытую дверь, повторил её движения. Правда, вместо жетона использовал один из своих ножей, да и не показывал долго, а сразу воткнул. Для мёртвого тела нашлось местечко в одной из многочисленных пыльных клетушек, а недокровка, уверенно потянув носом воздух, поманила своего спутника в коридор, уходящий налево от входа.

— Местные служки уже разошлись по домам, так что тут остались одни приезжие, — шепнула девушка.

— Слышу.

Перед одной из комнат Сиенн остановилась и, чуть помедлив, тронула дверную ручку. Замок оказался закрыт. Грев в ответ на вопросительно-выжидающий взгляд воспользовался одной из своих отмычек и после тихого щелчка осторожно распахнул дверь в комнату, в которой из мебели были только шкафы и высокий стол.

Пока наёмник скупающе осматривал окружающую обстановку, девушка нашла на одной из полок пару флаконов, связанных за горлышки полуистлевшей лентой.

— Вот. Довольно будет влить это в Сосуд, и тот разомкнёт свои объятия, — пояснила Сиенн, пряча зелья в рукаве.

Несколько следующих комнат они пропустили, но у пятой по счёту недокровка удовлетворённо кивнула и показала наёмнику ладонь с двумя выпрямленными пальцами. Грев скинул плащ на руки спутницы, освободив себе доступ к перевязям, на которых покоились метательные ножи, пригладил ладонью волосы, как поступал всякий раз перед исполнением заказа, считая это своей счастливой приметой, а потом, ощупав кончиками пальцев дверь, осторожно толкнул её внутрь.

Час не был совсем уж поздним, однако из двоих находившихся в комнате один вполне крепко спал, а второй был безучастен к происходящему, и это облегчало задачу наёмника. Как и то, что окон здесь не было, а единственный источник света представлял собой еле теплящуюся свечу. Грев в несколько шагов подобрался к кровати, откуда доносилось мерное дыхание спящего, и нанёс один-единственный удар стилетом. Под подбородок, почти на всю

длину лезвия.

Глаза спящей бритоголовой женщины широко распахнулись, увидели убийцу и тут же безжизненно застыли. Грев потянул оружие назад: стилет был его любимчиком, не то что ножи, которые часто приходилось оставлять на месте применения, но спустя вдох понял, что ошибся. Женщина охнула. Довольно громко. И почти сразу же вслед за сдавленным звуком раздались шаги в смежной комнате.

Дверь открылась, обнажая полосу света, посреди которой виднелся чей-то силуэт.

— Вам нехорошо, эрте?

Быстрая смена дня и ночи не самым благоприятным образом действовала на зрение, но слух наёмника был не худшим подспорьем в его делах. Одно скупое, словно сжатое тисками движение, и метательный нож достиг своей цели, вонзившись в грудь незнакомца, на свою беду оказавшегося слишком беспокойным соседом. Человек качнулся, попятился и осел на пол где-то у стены в одном из углов комнаты. На сей раз за оружием Грев не пошёл. Во-первых, потери было не жалко, таких ему выкуют ещё не одну сотню, а во-вторых, наёмник не собирался сразу после первой ошибки совершать вторую. Если тот человек ещё не умер, то умрёт в скором времени, а на помощь позвать всё равно не сможет, потому что любое напряжение мышц приведёт только к обострению боли и неминуемому беспометству.

Сиенн зажгла фитиль масляной лампы и довольно улыбнулась, рассмотрев мёртвое тело на кровати. Одной из недокровок, нарочно выращенных Цепью одушевления, на свете стало меньше, и уже одно только это не могло не радовать.

— Что дальше? — спросил наёмник.

— Забираем Сосуд и уходим.

О месте и времени будущей встречи со Смотрителем девушка пока не задумывалась. В конце концов, она всегда сможет отправить ему послание о том, что нашла себе другое пристанище, утомлённая скудностью дарственного.

Грев повернулся к сидящей у стены на корточках девушке, чьё тело, как ежовыми иглами, ошетинилось костями.

— Она сама-то идти сможет? Или нести надо?

— А ты проверь, коли не боишься, — язвительно предложили снизу.

Наёмник и вправду мало чего боялся на этом свете. Но он, как и ошеломлённая Сиенн, впервые в жизни слышал, чтобы Сосуд разговаривал.

А безволосая голова, прежде лбом уткнутая в колени, приподнялась, и на заговорщиков взглянули не пустые и тёмные, а горящие алым светом глаза.

— Я давно вас жду. Уже и соскучился.

И сейчас...

Натти правил лошадью иначе, чем в грентскую поездку, по ухабам коляску не тряс, и, если бы я вознамерился везти самый хрупкий хрусталь, не переложенный ни одной горстью стружек, всё доехало бы до места назначения в целостности и сохранности. Впрочем, спящая беспробудным сном Ньяна была не меньшей ценностью, чем безделушки, услаждающие взор богачей. По крайней мере, для меня.

— Можно спросить?

— Можно, — разрешил я, в очередной раз поудобнее перекладывая исхудавшее тело в своих объятиях.

Рыжий закрепил поводья на козлах и повернулся ко мне лицом.

— Зачем ты это сделал?

— Что именно?

Он указал на девушку.

— Ах, это... А зачем тебе мой ответ?

— Затем, — сурово сказал Натти. — Она ведь не кукла тебе, не игрушка.

— Знаю.

— Вот поэтому и настоял на своём. Неохота мне в куклы играть. Вырос я из того благословенного возраста, когда приятно чувствовать себя единовластным повелителем хотя бы одной, пусть даже и неживой души.

— Она для дела предназначена была.

Да уж. Для дела грязного и кровопролитного.

— Она своё отслужила.

— Отслужила? Так теперь, значит, можно выкинуть?

— Отпустить. На свободу. Позволить жить так, как ей самой того захочется.

Натти с явным раздражением мотнул головой:

— А о себе ты подумал?

В первую очередь. Я же не совсем дурак, чтобы думать сначала о чужой, а потом о своей выгоде. Но из уст помощника все эти вопросы звучали как-то странно. Казалось бы, он должен быть рад, что его товарищ по несчастью получил отставку от докучливой службы, а все выглядит ровно наоборот.

— При чём тут я?

Рыжий выдохнул что-то вроде беззвучного ругательства:

— Она тебя защищала.

— Угу. А потом будет другой защитник.

— Вот! Потом! Когда оно наступит, это «потом»?

Я вспомнил скороговорку коротышки и въедливые расспросы Кифа.

— Месяц. Два. Может, к осени.

— И всё это время ты будешь один.

Да. Верно. И буду молиться Богу, чтобы тот в милости своей посылал мне таких противников, с которыми я смогу справиться самостоятельно. А демоны и одержимые ими — не моя забота. На то другие охотники есть.

— Тебе-то что?

— А ничего. — Он будто обиделся, отвернулся и какое-то время смотрел на дорогу, медленно ползущую под копыта лошади, но потом не выдержал и продолжил разговор: — Я ведь тоже здесь живу. Хочу и дальше жить спокойно.

— А я при чём? Мешаю твоему спокойствию?

Натти перевёл взгляд на полог коляски и глубокомысленно заметил:

— Смотрители всегда разные.

— Ну да. Они же люди.

— Один лучше, другой хуже.

Интересно, к какой половине меня отнесут после моей смерти. Сейчас, по всей видимости и по мнению помощника, я, похоже, нахожусь во второй.

— Но ведь их назначают не просто так? Не тянут жребий из мешка?

— Так-то оно так... — протянул рыжий. — Да не совсем.

— Что ж, открой мне сию великую тайну!

— Смеяться потом будешь. Если захочешь — буркнул рыжий. — А тайны никакой нет, только подумать всем лень.

— Знаешь, мне тоже лень думать. Особенно сейчас.

— Оно и видно. Но раз уж дорога долгая, расскажу чуток.

Я изобразил проникновенного слушателя, чем вызвал на лице Натти новую недовольную гримасу, но рассказа всё-таки не избежал.

— В каждой сотне человек легко найти пяток таких, которые могут исправно делать одно и то же дело. Но человек не ярмарочная кукла, его за ниточки не потянешь, потому как порвать можно. Вот и получается, что на смотрительском месте есть, к примеру, эрте Ловиг, умелый, много знающий, только староватый. И есть ты.

— Только не говори, что молодоватый!

— Всякими мерками можно мерить... Так вот, вы оба одну и ту же задачу решите, коли вам её задать. Но решите-то по-разному!

— Это плохо?

— Не хорошо и не плохо. Жизнь это, вот и всё, — вздохнул рыжий. — Смотрителю что важно? Сделать дело. А чем оно закончится, предсказать заранее всё равно нельзя, потому и итог мало кого беспокоит. Всё равно что стражник городской: нужно ему на службу каждый день выходить, он и выходит.

— Даже если знает, что не вернётся?

Небрежное, вскользь сделанное замечание почему-то обрадовало моего собеседника.

— Ага, вот и ты догадался!

— До чего?

— До главной здешней заковыки. Вот лежит посреди дороги камень, а люди жалуются, мол, проехать не могут. Что можно сделать?

Просто звучащие загадки всегда самые трудные, это я знал наверняка. Но попробовал ответить:

— Убрать камень. Оттащить, расколоть, если слишком большой... Да мало ли что ещё?

— А ещё можно дорогу в обход проложить.

— Пожалуй.

— А ещё. — Натти хитро прищурился. — Можно сидеть спокойненько на заднице и ждать, пока людям просить надоест и они сами всё устроят, как захотят. Или как им сподручнее будет.

Неспроста он завёл эти речи, ох неспроста! Не хотелось бы ошибиться, но, похоже, рыжий намекает на то, что мой предшественник частенько выбирал именно третий способ борьбы с камнями на дороге.

— Вот ты теперь знаешь несколько ответов. Какой бы выбрал, если бы вопрос задали?

— Про камень?

— И про него тоже.

— Теперь даже и не знаю.

— Вот! — Он повернулся, чтобы хлестнуть замедлившую шаг лошадь вожжами по лоснящемуся крупу. — Чем дальше, живёшь и чем больше узнаешь, тем осторожнее становишься. Раздумывать начинаешь, прикидывать, то да сё... А потом и вовсе пропадает охота шевелиться.

— Как и получилось с эрте Ловигом?

Натти не ответил, но, впрочем, ответа не требовалось... Значит, последние годы правления в Блаженном Доле все заботы перекладывались на плечи его жителей? А может, это и правильно? В конце концов, местное рыжее племя лучше знает, что ему нужно. Уж всяко лучше, к примеру, чем я.

— Зато здешние жители могли делать всё что захотят.

Мой помощник улыбнулся, но улыбка получилась пугающе кривой.

— Захотят... Не всё так просто, как кажется.

С этими словами он отвернулся, видимо больше не горя желанием вести беседы, зато оставил меня в покое. Наедине с немногочисленными мыслями. Даже с вопросами. Причём не имеющими ни малейшего отношения к теме туманной беседы.

Почему Киф уступил моему требованию? Золотозвенник мог бы просто сделать вид, что не слышит меня, и, пожалуй, рукоприкладство тут мало бы помогло. Одно дело припугнуть назойливого коротышку, совсем другое принудить к чему-либо вышестоящее начальство, такие вольности обычно не прощаются. Но почему он согласился? Ведь доводы против меня были много убедительнее моих. Напрашивается только один ответ: длинноносый чувствовал

себя передо мной виноватым. За что? За лицедейство в мейенском поместье. За спешку своего приятеля, не позволившую сделать всё по правилам. Смешно? Да. Скорее можно поверить в то, что у «багряных» нет чести и совести, чем в то, что их могут одолевать вполне человеческие чувства. Даже если мы прошли через одну и ту же беду, вышли из неё с разными последствиями и никакого соучастия тут быть не может. Почему же тогда всё получилось? Какое значение имеют заботы Смотрителя Блаженного Дола для столичных Звеньев? Где они и где я! Во мне нет ничего драгоценного или хотя бы такого, что можно продать. И всё же я увидел потакание моим слабостям. Вернее, одной. Но кто сказал, что она окажется единственной в жизни?..

Ньяна дышала всё так же ровно, и я, убаюканный мерными движениями её грудной клетки, сам мало-помалу задремал, едва ли не видя неразборчивые сны, пока коляска резко не остановилась. Наверняка Натти поступил так нарочно, чтобы разбудить меня. Мог ведь и за плечо тронуть, так нет, предпочёл слегка нагадить. Как будто обиделся. Хоть бы объяснил, за что, а не дулся...

Я уже собирался сказать своему помощнику пару ласковых слов, но рядом с коляской раздался незнакомый мне доселе голос. Женский.

— Не слишком ли ты припозднился? Уже ко сну следует готовиться, а тут ещё и гости...

— Быстрее ехать не могли. Да ты сейчас сама всё увидишь.

Натти отдёргнул полог коляски, помогая мне вместе с моей ношей выбраться наружу и оказаться лицом к лицу с довольно молодой женщиной, одетой в просторное белое платье. Но гораздо сильнее мало уместного пока по весне цвета одежды меня удивило другое. Вокруг головы женщины был повязан того же целомудренного цвета шёлковый шарф, оставляющий открытым только лицо, от бровей до подбородка. И, надо сказать, весьма красивое лицо.

Если лисичка Нери была просто мила, то черты этой женщины заставляли восхищённо приоткрыть рот, хотя невозможно было понять, чем же они так замечательны. Вроде вполне обычные, они словно светились изнутри спокойствием и всепонимающей добротой, вызывая в памяти сказки о добрых волшебницах, наделяющих своими подарками послушных детей и отзывчивых взрослых. А ещё возникало острое ощущение, что сам ты, давно покинув ряды первых, на свою беду так и не попал к последним.

Возможно, во всём был виноват свет фонаря, обрывочный и дрожащий от ленивых вздохов тёплого ветра. Или разыгравшееся воображение. Но всё равно, глядя на женщину, кротко и заботливо улыбающуюся незнакомым и неожиданным гостям, верилось, что она никогда и никому не причинит вреда. Нет, даже намного точнее и определённое: не сделает больно.

— И кто же это у нас тут? — ласково спросила незнакомка, осторожно приподнимая край накидки, в которую была завёрнута Ньяна. — Ах ты ж бедненькая... Несите её в дом, эрте. Я тотчас займусь малышкой.

В любых других обстоятельствах подобные обращения звучали бы издевательски или лицемерно, потому что по возрасту моя бывшая защитница и женщина в белом платье были не так уж и далеки друг от друга, здесь же казались более чем уместными. А когда незнакомка, не заботясь о сохранности посуды, сгребла всю утварь с кухонного стола на пол, помогла мне уложить на освободившееся место Ньяну и начала осматривать спящую, я понял, почему происходящее не вызывает у меня удивления.

— Вы лекарь?

Женщина, не прекращая осмотр, молча кивнула. Зато Натти не поленился вставить своё словечко в разговор:

— И лекарь тоже.

— С ней всё будет хорошо?

Вместо ответа меня посредством ненадолго поднятой вверх ладони попросили подождать. Пришлось подчиниться и развеивать скуку наблюдением за быстрыми и сноровистыми руками лекарки, обмытыми от следов чистки погруженное в сон тело, а потом нанёсшими новый слой мази, правда, в отличие от того снадобья, которым пользовалась бритоголовая, это почти сразу же впиталось в кожу, на глазах сглаживая припухлости и успевшие образоваться кровоподтёки. А мне почему-то вспомнился Гирм. Наверное, потому, что его зелья обладали не менее чудесным действием. В своём роде.

— Ну вот, я закончила, теперь можете спросить, — разрешила женщина.

— Назовёте своё имя?

Она растерянно улыбнулась:

— А мне показалось, что вас больше волнует благополучие этой малышки.

— Я так понимаю, она в надёжных руках?

Женщина ответила новой кроткой улыбкой, а Натти, всё ещё подпирающий входную дверь, подтвердил:

— Надёжнее не бывает.

— Конечно, первым следовало бы представиться мне, но, думаю, вы и так знаете, кто я.

— Разумеется. Кто же не знает Смотрителя того края, в котором живёт?

— Зато я пока ещё знаю не всех своих... подопечных. Не успел узнать.

— Меня зовут Элса. Элса Квери.

— А родом вы?..

— Оттуда, где живу.

Только утром, пробудившись от крепкого, без сновидений, сна, я сообразил, что именно в словах женщины заставило меня насторожиться. Уж больно тон, которым она ответила на невинный вопрос, напоминал объяснение Кифом правил составления собственного имени. Создавалось впечатление, что эти двое если и не знакомы друг с другом, то явно какое-то время находились в обществе одного и того же человека, а то и нескольких одинаково себя ведущих, поскольку не просто переняли странную манеру именования, а научились её применять не задумываясь. Но где и каким образом могли пересечься пути настырного золотозвенника и кроткой жительницы Блаженного Дола?

Впрочем, не могу сказать, что сей вопрос занимал меня слишком долго: на дворе разгоралось яркое весеннее утро, и, чтобы не тревожить покой обитателей дома, в котором мне любезно предложили остаться на ночь, я, стараясь как можно меньше шуметь, вышел на свежий воздух под лучи озорно жгущего кожу солнышка. Чтобы заодно осмотреться и понять, куда меня вчера привела упрямая судьба в лице Натти.

Дом лекарки напоминал смотрительский своими очертаниями и размерами, стало быть, женщина жила в нём одна. Но если моё хозяйство только домом и ограничивалось, то тут всего было вдоволь и помимо огородных грядок: направо и налево крыльями расходились низкие, чуть выше человеческого роста, ряды пристроек, из крыш которых тут и там виднелись печные трубы. Я попробовал заглянуть в ближайшую приоткрытую дверь и тут же отпрянул назад, чтобы не захлебнуться густым ароматом сушёных трав. Так вот для чего все эти строения... Но так ведь и должно быть, наверное. Лекарю же надо из чего-то смешивать

свои снадобья?

— Что, крепковато для вас? — рассмеялась за моей спиной Элса.

— Пожалуй. И много у вас этого добра?

— На одном возу не увезёшь.

Она снова была одета в белое платье, но явно не вчерашнее, потому что я ясно помнил пятнышки мази, веснушками испачкавшие подол, а на этом полотне не было ни следа грязи. Конечно, можно было успеть выстирать и просушить. Если запас одежды скуден. Впрочем, моя новая знакомая явно не бедствовала. И самое загадочное, выглядела вполне выпавшейся, хотя вчера легла намного позже меня, а то и вовсе не ложилась, приглядывая за Ньяной.

— Давно на ногах?

— Да как петухи пропели.

А я вот ни разу за всё время пребывания в Блаженном Доле не слышал петушиной побудки. То ли сплю слишком крепко, то ли до смотрительского дома птичьих крики не долетают.

— Много забот?

— Пока не слишком. Вот когда новый урожай созреет, тогда все заботы и начнутся.

Она охотно отвечала и терпеливо ждала продолжения беседы. Сама кротости смиренности, даже по сравнению с Ньяной. А уж о Натти и вовсе говорить не стоит: он, если не желает отвечать, либо замолчит, либо тебя самого вопросами замучает.

Но, впрочем, ждала не бесконечно долго. Едва пауза с моей стороны стала непозволительно затягиваться, сама взяла слово:

— А вам какие дела не дают в постели подолгу нежиться?

— Да всякие разные... — Я нащупал в поясной сумке футляр, врученный некрасивой девушкой. — Вот, к примеру, одно. Некая богатая женщина недовольна купленным товаром и требует от мастера ответа. Либо словесного, либо денежного, либо ещё какого. Всё зависит от тяжести провинности.

Элса улыбнулась:

— И насколько провинность тяжела, как думаете?

— Пока не взвешивал. Собственно, даже и не читал ещё эти требования.

— Так прочтите.

У меня не было ни малейшего желания портить столь прекрасное утро знакомством со склочным характером неизвестной мне дамы, но лекарке невозможно было отказать.

Недовольство высказывалось на вполне обычной бумаге строками, явно вышедшими из-под пера не особенно высокооплачиваемого писаря, потому что и начертание букв не отличалось изысканностью, и выражения использовались самые обыденные. Ни тебе упоминаний о божьей милости, ни тебе перечисления всех моих регалий... Даже немного обидно. Безликое, сухое послание, об отправителе которого невозможно сказать ничего определённого. Впрочем, когда я дошёл до последней строчки, то удивлённо перечитал её раза три, прежде чем понять: нет, мне не мерещится.

А потом поднял взгляд на лекарку:

— Чем вы не угодили Роханне Мон со-Несс?

Элса не убрала с губ улыбку, отвечая:

— А разве она не указала причину своего недовольства?

— Речь шла только о том, что товар оказался неприемлемого качества.

— Ну вот, видите.

— Пока, признаться, не вижу ничего.

Она улыбнулась ещё смиреннее:

— Каким товаром может торговать лекарь? Неужто не знаете?

Понятно каким. Но от его снадобий слишком часто зависит человеческая жизнь, и одно дело, если неизвестная мне женщина перестала получать прежние ощущения от приёма лечебных зелий, и совсем другое, если её здоровье понесло убытки из-за оплошности лекаря. Элса не выглядела злоумышленницей, но мне почему-то захотелось убедиться в обоснованности отсутствия подозрений. Наверное, не давала покоя та невинная фраза про место рождения. И наверное, слишком громко весь облик невинно улыбающейся лекарки заявлял о её почти небесной благости. Та же Марис выглядела и поступала куда как обыденнее, хотя ей сами Бож и Боженка велели выделяться меж другими людьми.

— Что именно вы ей продали?

— То же, что и все предыдущие разы. Мази. Притирания. Капли. Настойки.

Она не отказывалась отвечать, но явно давала понять, что не скажет ничего лишнего. Ни словечка о том, о чём я сам не удосужусь спросить.

— Это я понимаю. Для чего они были предназначены?

Элса лукаво потупила взгляд:

— Я не вправе разглашать чужие тайны.

Кажется, настало время попробовать стать здешним хозяином. Хотя бы ненадолго.

— Зато я вправе их узнать.

— Вы прикажете мне отвечать? — Её ресницы чуть дрожали, но я мог бы поклясться, что она не оскорблена или испугана, а еле сдерживает смех.

— Отвечать вы будете, эрте. Непременно. Если и в самом деле совершили промах или намеренно причинили вред.

Она прикрыла рот ладошкой, но всё же не удержалась и прыснула.

— Вас что-то насмешило? Поделитесь?

— О, простите! — Элса рассмеялась уже открыто, — Вы... Вы совсем другой, чем я ожидала.

Вот ещё новость. Конечно, другой. Мои ожидания, к примеру, вообще никогда не сбываются, и что? Это повод для веселья? А мне кажется, наоборот.

— И что во мне не так?

— Разве я сказала, что это плохо? Прежний Смотритель, да будет Боженка снисходительна к изъянам его души, никогда не торопился оглашать своё решение, пока не выслушает все заинтересованные стороны. Да и потом приходилось подолгу ждать хоть какого-то исхода спора... А вы ещё до начала разбирательства готовы призвать к ответу любого.

— Потому что кому-то всё равно придётся отвечать.

— Хорошо, что вы это понимаете. Плохо, что не понимаете до конца: в ответе за всё

всегда будете и вы тоже.

Прозвучало как угроза, правда, такая добрая и ласковая, что аж скулы сводило от благодати, разливающейся вокруг. Пожалуй, вчера я погорячился, восхищаясь красотой лекарки. Да, эти нежные черты прекрасны, но их обладательница вовсе не невинная овечка. Она умеет или когда-то умела командовать людьми, и вовсе не по-лекарски.

— Итак, чем вы не угодили искательнице правосудия?

Вместо ответа Элса поманила меня за собой, направляясь по каменной тропинке к одной из дальних пристроек, и выглядел сей жест теперь уже неприкрытым приглашением в ловушку. Можно было отказаться. Можно было отписать эрте Роханне, что она сама в чём-то ошиблась. Можно было... Но мне требовалось узнать и понять. И я чувствовал, что вполне готов рискнуть. Готов заплатить за воплощение своих намерений.

Пристройка, снаружи ничем вроде бы не отличавшаяся от остальных своих соседок, внутри оказалась залита светом десятков ламп. Чем были пропитаны толстые кручёные фитили, оставалось только догадываться, но масло не коптило, не пахло горелым и давало яркий белый свет, похожий на дневной, позволявший во всех подробностях рассмотреть просторную грядку, приподнятую над каменным полом. Моё знание растений ограничивалось теми крохотными цветниками, что разбивала в саду матушка, но даже мне было ясно: нечто, колосющееся посреди пристройки, имеет мало сходства с обычной травой.

Листья размером не меньше сложенных вместе моих ладоней, похожие на кружево. Причём да, именно дырявые, с чётко очерченными краями отверстий, как будто кто-то взял тонкий нож и кропотливо изрезал каждое глянцево блестящее полотнище. А ещё ажурный узор смутно напоминал буквы, только сложить их в слова никак не удавалось.

Листья с бахромой, состоящей из словно нанизанных на невидимую нить капелек, мутных, прозрачных, алых, синих, золотых, сверкающих не хуже драгоценных камней.

Листья густо-красного цвета, похожие на куски мяса. Аппетитные в какой-то мере.

Листья узкие, как лезвие стилета, и такие же твёрдые, словно выкованы из стали, а не выросли из семян. Хорошо, ещё, что не острые, иначе я бы порезался, проходя мимо одного из кустов, особенно пышно разросшегося.

Листья молочно-белые, похожие на кисель, каким-то чудом удерживающий заданную форму, надо сказать, весьма замысловатую.

И аромат, витающий над всем этим. Аромат, не имеющий ничего общего со всеми знакомыми мне запахами. Тяжёлый. Приторный. Чужой.

— Что именно я должен увидеть?

Элса положила ладонь на деревянный бортик грядки, будто нуждалась в опоре.

— Это особые растения.

— Догадываюсь.

— Они обладают особыми свойствами.

— Какими?

Я приготовился услышать перечисление возможностей вроде тех, которыми славились зелья Гирма, но всё оказалось намного проще. И сложнее.

— Заживляют раны, оставленные временем. Ненадолго, разумеется.

— Не понимаю.

Женщина усмехнулась и продолжила свой рассказ тоном наставника, увещающего непослушных и несмышлёных учеников:

— Эрте Роханна, как и многие другие мои покупательницы, немолодая женщина. Очень

немолодая. Её тело, как ему и следует по законам божьим, стареет... Снадобья, которые я делаю, помогают ненадолго вернуть коже упругость, глазам блеск, членам подвижность. Они не лечат. Не могут, скажем, повернуть время вспять. Но могут создать видимость молодости.

— Значит, той женщине они...

— Перестали помогать. Либо ей захотелось большего.

— И вы способны дать ей это большее?

Элса посмотрела мне в глаза:

— Раньше я бы ответила: могу, но не хочу. Но теперь...

— Теперь?

— Уже не могу. И это самая лучшая новость, которую я только могла получить.

А ведь она на самом деле рада. Я бы даже сказал, счастлива.

— Я понесу любое наказание, которое вы назначите. Оно стоит хороших вестей, принесённых вами.

Если бы я ещё знал, чем они хороши!

— Не торопитесь. То, что вы признаете свою вину, наверное, правильно. Но для начала объясните мне, какова она на самом деле.

Элса удивлённо подняла брови:

— Разве мало того, что я сказала?

— Мне? Мало. Пока я понял лишь одно: вы не можете удовлетворить запросы покупательницы. Почему?

Она не ответила, продолжая смотреть на меня с явно нарастающим недоумением. Видимо, мой предшественник и впрямь приучил всех местных жителей к тому, что решение не зависит от истинных обстоятельств происшедшего. Ну так и жил бы тут вечно, а не оставлял на меня своё странное хозяйство!

Я двинулся вдоль грядки, поглядывая по сторонам. Травки, цветочки... Мерзостное зрелище, хотя и завораживающее. Есть в них какая-то неправильность. То, что растут не под открытым небом, неудивительно: зима была всё-таки, а морозы — не лучший спутник зелёной травы. Морозы... Хм. А печей здесь, в отличие от соседних пристроек, почему-то нет. Ни одной. Значит, не из-за холода вся эта зелень здесь спрятана. И грядка с полом не соприкасается, а на ножках покоится. И пол плитами выложен, одна к другой плотно подогнанными. И окон здесь отродясь не было. Всё больше и больше странностей, однако.

В конце прохода на очередном каменном возвышении громоздилась кадка с деревцем не менее загадочного вида, чем все прочие растения. Толстый ствол был словно сплетен из множества тонких стеблей, постепенно расходящихся во все стороны голыми ветвями, усыпанными кое-где шишковатыми наростами. Мне почудилось какое-то движение в безлистной кроне, и я подошёл ближе, присматриваясь.

Вблизи нарост был похож на бородавчатую шляпку весеннего гриба, изрезанную червячными ходами. Которые вдруг, будто нарост учуял мой запах, зашевелились, перетекли один в другой, где-то рассосались, где-то сжались, становясь глубже, пока с древесной ветки на меня не посмотрело уродливое личико, расплывшееся в умильно-зловещей улыбке. Почти точно такое же, что корчило рожицы с серединной части моего брака.

Но прежде чем я успел удивиться, Элса, всё это время терпеливо наблюдавшая за мной, успокаивающе заметила:

— Ваше тело пока ещё хранит следы юлоневого сока. Но не волнуйтесь, совсем скоро

всё выветрится окончательно.

* * *

В жизни подобные мгновения случаются нечасто. Наверное, это и хорошо, потому что, когда разрозненные и раскиданные по закоулкам памяти клочки сведений вдруг, словно подхваченные порывом неощутимого ветра, начинают кружиться в безумном танце, на втором или третьем кругу сливаясь воедино, приходит то самое чувство, которого любой человек отчаянно сторонится.

Страх. Но не тот, что сковывает тебя по рукам и ногам, не давая вдохнуть, а совсем другой.

Ты как будто внезапно оказываешься над бездной, на краю обрыва, носки твоих сапог уже висят в воздухе, лишённые опоры, и только здесь, на тонкой грани между уверенностью и паникой, становится ясно: всё это время ответы и разгадки были рядом с тобой, вокруг тебя, близкие настолько, что ты наверняка касался их много раз лапами своей накидки, только не находил времени или желания разглядеть, а теперь твой взгляд прояснился, но увидел в мельчайших подробностях вовсе не тот горизонт, о котором мечтал.

Я повернулся к Элсе и постарался сказать со всей возможной суровостью:

— Без объяснений не уйду.

— Это я уже поняла, — подтвердила лекарка.

Причём, судя по тому что черты её лица заметно расслабились, она ждала от меня именно такого требования.

— Тогда не тяните время.

Женщина кивнула, но прежде чем начать рассказ, развязала узел, скрепляющий концы шарфа. Белый шёлк, почувствовав свободу, плавно стёк на плечи, обнажая то, что я уже и так предполагал увидеть. Наголо бритую кожу головы.

— Я служила в Цепи одушевления.

Заметно. Можно было и не уточнять, показа вполне достаточно. Но почему в прошедшем времени?

— Вышли в отставку?

— Вроде того.

Я вздохнул:

— Хотите затянуть наш разговор? Я ведь буду переспрашивать тем больше, чем больше вы будете скрывать.

Элса подумала и ответила вопросом:

— А вы хотите знать всю правду?

Я задумался. Что-то подсказывало мне: объять искомое полностью не смогу. Или смогу, но не сразу, потому что для понимания, как и для осознанного действия, требуется привычка.

— Не всю. Но хотя бы столько, чтобы можно было принять решение.

Она улыбнулась и погрозила пальцем, как нянюшка проказливому ребёнку:

— Решение вы могли принять ещё за этими дверями. И сейчас можете.

Да, могу. Судьбу лекарки я могу решить как угодно и когда угодно. Но в том, что касается меня самого, поостерегусь решать, пока не узнаю всё что только возможно. Пока не войду в обстоятельства. Вот только, наверное, один Бож знает, как я не хочу в них входить!

И всё же это необходимо. Чем быстрее пойму, какой такой шлейф тянется за мной из Веенты, тем быстрее смогу оторвать его и развеять по ветру. Тем быстрее смогу стать

свободным, а свобода стоит боли. Причинённой и другим и самому себе.

— Вы не вправе говорить о том, что меня интересует?

Женщина подтвердила:

— Не вправе. За пределами Блаженного Дола. Но здесь и Бож, и Боженка, и Дарохранитель — одно и то же лицо, которое отменяет любые клятвы и обеты, кроме собственной человеческой воли.

— И ваша воля?..

— Не против разговора.

Элса присела на ларь, где, по всей видимости, хранился садовый инвентарь.

— Что вы знаете о Цепи одушевления?

Я вспомнил снадобья Гирма, фокусы пухленькой сереброзвенницы в тюремной камере, трудную работу чистильщицы:

— Она творит чудеса.

— Хороший ответ. Наверное, самый приятный из тех, что я когда-либо слышала. И в общем-то верный. Вот только в тех чудесах нет ничего по-настоящему волшебного.

Лекарка помолчала, чуть поморщилась, словно ей вдруг вспомнилось нечто дурное, но не отступилась от продолжения рассказа:

— Вы уже наверняка слышали о демонах. В столичных краях подобные истории считаются провинциальными сказками, выдуманными, чтобы избавиться от скуки, но демоны существуют в действительности.

Да уж. Я видел двоих. Во плоти. И мне не мерещилось.

— Откуда и как возникают эти порождения скверны, никто не знает, но время от времени они появляются среди людей. Раз в несколько десятилетий. Удивлены столь короткими сроками? Да, род людской подвергается этой угрозе часто. Но недостаточно часто, чтобы каждый человек знал о надвигающейся опасности и был готов ей противостоять.

Вот и я ничего не знал. Ни в детстве, ни в юности не слышал и словечка о страшных пришельцах. И, честно говоря, немного обижен тем, что только теперь, задним числом, получаю хоть какие-то сведения.

— А почему бы не рассказать? Почему бы не рассылать глашатаев на рыночные площади? Не проводить службы в кумирнях? Цепь одушевления ведь молчит как рыба. Да и все остальные, кто осведомлён, тоже не спешат поделиться своими знаниями. Почему?

Элса виновато развела руками:

— Рассказать можно. Но если уж начинать, то не останавливаться на полуслове, верно? Вы же потребовали от меня объяснений? Вот и остальные люди потребуют. А если придётся открыть все подробности, могут возникнуть беды пострашнее пришествия демонов.

Пожалуй, она права. Допустим, какой-то части людей будет довольно и того знания, что демоны опасны. Поверят на слово. Но среди каждой сотни человек непременно найдётся хотя бы один, который из упрямства или из вредности во всём и всегда сомневается. Кто-то поупрямее меня. И тогда он спросит.....

— А что за опасность-то?

— Вы встречались с одержимыми? — вместо ответа спросила лекарка.

Если бы я служил в одной из Цепей, мне было бы довольно подобного многозначительного намёка. Но новоиспечённому Смотрителю Блаженного Дола знаний всё ещё не хватало, а значит, беседу следовало продолжить.

— Да.

— Видели их в деле?

— Да.

— И не понимаете, чем они опасны?

— Я понимаю, что они могут причинить и причиняют вред другим людям.

— А почему они так поступают, понимаете?

И тут я осознал, что ответ, каким бы простым и одновременно ужасным ни казался, уже вертится у меня на языке.

Люди ведь тоже иногда убивают друг друга. В погоне за наживой, из мести, из обиды, из ненависти. Но жестокие войны чаще идут между жителями разных краёв, а не между соседями. Потому что твой сосед — почти что родственник. Почти что единокровник, даже если ваши семьи не породнились между собой ни в одном поколении. И мы чувствуем себя одним народом, когда мы вместе. Я мог презирать обитателей Сальных кварталов, но, если бы понадобилось защищать Веенту от захватчиков или какой-то иной напасти, я бы защищал всех. Потому что мы родились и жили в одном городе, дышали одним воздухом, топтали камни одних и тех же мостовых.

А демоны, откуда бы они ни пришли, попадая сюда, лишь острее чувствуют границу между своим и человеческим миром. Границу, за которой может находиться только враг.

— Мы для них ничего не значим.

— Да. И в то же время нет.

— Как это может быть?

Элса снова накинула шарф на голову, зябко ёжась:

— Сам по себе демон не способен жить в человеческом мире и, если не находит себе пристанище в течение нескольких минут, бесследно гибнет. Только тело человека даёт ему возможность жить. Поэтому они не считают нас достойными ни разговора, ни даже сражения. Мы для них — всего лишь сосуд. Но и самое лучшее вино не имеет ценности, если не заключено в объятия кувшина, а разлито по земле.

Знакомое словечко неприятно резануло слух, однако я не успел задать очередной вопрос, потому что лекарка продолжила:

— Правда, словно в благодарность, а на самом деле по какому-то неписаному, но непреложному закону демоны наделяют своего хозяина возможностями, вызывающими восторг и ужас.

О да! Ужасов было предостаточно. А насчёт восторга ещё не думал. Хотя...

— Например, силой?

— Силой. Быстротой. Ловкостью. Предвидением. Неуязвимостью. Всем, чего можно захотеть. Любая просьба будет исполнена. Особенно неистовая и отчаянная.

— Значит, если человек чего-то очень сильно хочет...

— Он становится уязвим перед демонами. И никакие доспехи не смогут его защитить.

— Но ведь каждый из нас всё время что-то желает!

— Именно так, — кивнула Элса, похоже довольная тем, в какой последовательности возникают мои вопросы. — Но, к счастью или по воле божьей, опасность грозит нам не на протяжении всей жизни. Только одно желание и только однажды: второго демона человеческое тело уже не примет.

— Но почему?

Элса грустно улыбнулась:.

— Ни в одной душе, одержимой демоном, больше не рождается ни одного желания, сходного по силе с тем, что открыло двери чужаку. Цепь одушевления наблюдает за одержимыми уже много столетий подряд, но ни разу не случилось такого, чтобы в одном теле оказалось хотя бы два демона сразу.

То, что она рассказывала, больше всего походило на страшную сказку, годную пугать не только детей, но и взрослых. Вот только не слышалось в голосе лекарки вдохновения, которое обычно сопровождает от начала и до конца выдуманные истории, а потому я верил каждому произнесённому слову. Даже если вера отчаянно сопротивлялась.

— И много бывает этих захваченных демонами?

— Одержимых? Думаю, что не очень. Хотя точно, разумеется, никто не знает. Демоны обычно появляются рядом с людьми, но, поскольку это всегда происходит в ночное время, многие попросту спят и не знают, какая беда прошла мимо.

— Значит, везёт лишь избранным?

Уголки губ лекарки печально приопустились, противореча смыслу ответа:

— Увы, нет.

— Увы?

— С первого дня, когда демоны начали приходить в мир людей и показали свою странную силу, люди стали искать оружие против них. А вскоре выяснилось, что для победы над противником нужно...

Вот эту истину я знал ещё со времени обучения. Горькая и суровая, она тем не менее всегда доказывала свою правоту. В любых обстоятельствах.

— Самому стать таким же.

— Да, — кротко согласилась Элса. — Но пускать в себя демона на его условиях было слишком опасно, и постепенно Цепь одушевления научилась обретать могущество иначе.

Правда, примерно той же ценой.

Можно было не требовать продолжения: мне и так многое стало ясным. Но всегда лучше услышать объяснение из уст мастера прежде, чем начать строить собственные неуклюжие догадки.

— Защитников именно так и делают?

— Да. И они как раз носят в себе нескольких демонов.

— Но вы же только что сказали, это невозможно!

— Для человека, находящегося в полном сознании. Для того, кто желает сам.

— Хорошо... Вы говорите, демон исполняет желание? Так что же, неужели у Ньяны не нашлось ни одного сильного желания за всё это время?

— Вы недослушали, — мягко пожурив меня Элса. — Если коротко, то будущего защитника погружают в сон, во время которого его сознанием командуют извне. Мастер Цепи одушевления внушает спящему необходимое желание, потом выпускает демона. Демон не может устоять и проникает в плоть, изменяя её, но от духа тотчас же оказывается отрезан. Всё это повторяется столько раз, сколько нужно добавить свойств и способностей. Потом человек просыпается, но, сколько бы и чего он ни желал, демоны в его теле уже связаны исполнением других желаний. Не свойственных тому, кто стал защитником.

Поверить в то, что ни один из них не хотел быть самым сильным или самым проворным? Ерунда! Или же...

— Защитников ведь подбирают не случайным образом?

— Разумеется, — подтвердила мои опасения лекарка. — Нужны люди мягкие, добрые, незлобивые, такие, кто никогда по собственной воле не поднимет ни на кого руку даже в шутку.

Теперь понимаю, почему меня наперебой уговаривали потерпеть и подождать. Не представляю, сколько понадобится времени и сил, чтобы найти замену Ньяне.

— И они могут убивать демонов?

— Не демонов, а одержимых ими. Только одержимых. И если в миг смерти поблизости случайно окажется человек, охваченный желанием, демон способен перейти в новое тело.

Я невольно начал вспоминать сражение на лесной поляне. Мне вроде тогда ничего не хотелось, да и солдатам из форта было не до желаний, потому что зрелище нашим глазам предстало странное и непонятное. А вдруг всё-таки... Как бы проверить?

— Получается, демоны бессмертны?

Взгляд лекарки торжествующе сверкнул:

— Нет. И это ещё одна божья милость, дарованная людям. Любого демона можно убить.

— Каким же образом?

— Об этом знает только охотник на демонов. Он умеет убивать демонов и... подчинять их.

*****
*****

Последние слова Элсы прозвучали с таким неприкрытым сожалением и завистью, что я не мог не удивиться, но предпочёл оставить своё удивление при себе, а вместо того спросить:

— Разве Цепь одушевления этого не умеет?

Женщина скупно признала:

— Не умеет.

— Странно. Вы же столько всего знаете о демонах!

— Но мы слишком мало знаем о людях.

Теперь я совсем перестал понимать происходящее:

— А люди-то тут при чём?

— Посмотрите на меня, эрте. Внимательно. Вы поверите, если я скажу, что ещё совсем недавно носила в своём теле демона?

Я исполнил просьбу лекарки. Посмотрел. А верить мне было уже всё равно во что.

— Вы были защитницей?

— Нет, моя душа не настолько чиста, — рассмеялась Элса. — Не каждый человек может стать воином. Да и не нужно, чтобы все подряд только и делали, что воевали. Кому-то ведь требуется и залечивать нанесённые раны, не правда ли?

Да. Мой старый знакомец Гирм как раз и занимался чем-то подобным. Правда, его зелья скорее помогали избежать получения ран, и всё же в случае необходимости бритоголовый меднозвенник мог не только заточить и начистить лезвие, но и выправить погнутую кромку.

— И как в этом деле способен помочь демон?

— Было замечено... Не сразу, конечно, хотя, может, и сразу, только эти сведения долго хранились в тайне... Неважно. Было понятно, что демон изменяет плоть человека, но позже выяснилось, что и сама изменённая плоть способна влиять на окружающий мир. Особенно легко — на растения.

— Хотите сказать...

— Да. — Она поднесла ладонь к листьям ближайшего цветка, и я с удивлением увидел, как мясистая тёмно-малиновая бахрома потянулась к кончикам пальцев лекарки. — Соки изменённого тела, будучи усвоенными растением, воздействуют на него. В первом поколении изменения могут не проявиться, но у последующих возникают свойства, ранее невозможные и не существовавшие.

Я представил себе, как Элса плюёт на какой-то из кустов, а то и... М-да. Соков в человеческом теле много. Причём все разные. И наверняка каждый из них по-своему влияет на несчастную траву.

— Вы тоже пользовались плодом одного из таких растений.

Я невольно обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на ухмыляющуюся деревянную рожицу, но та уже расслабила черты и перестала напоминать человеческое лицо.

— Да-да, я говорю о бракке. Боевые посохи в древности как раз вырезали из ствола и ветвей юлони. Но, разумеется, они не обладали какими-то чудесными свойствами, кроме прочности и гибкости.

И уж точно не умели травить людей одним касанием.

— Что же сделали с этим деревом, чтобы получить... такое?

Лекарка лукаво сощурилась:

— Что вы видите на его стволе?

— Наросты.

— И на что они похожи?

— На... лица.

— Человеческие. А вернее, детские — поправила меня Элса. — Вот вам и ответ.

Я начал было представлять последовательность действий и едва не поперхнулся, ужаснувшись:

— Но как?!

Она качнула головой:

— Вам не стоит знать все подробности этого занятия. Могу только сказать, что оно не особенно приятно и не повторяется многократно.

— Но это дерево... Оно ведь в вашем саду? Значит, вы тоже...

Элса посмотрела на безлистный скелет в кадке с какой-то отчаянной любовью:

— Это моё детище, да. Но оно никогда не сможет дать побеги, которые нужны для создания настоящего брака.

— Почему?

Мне вдруг подумалось, что произошла какая-то досадная случайность, но лекарка рассеяла опасения, сказав:

— Потому, что появилось на свет уже после чистки.

— Вас чистили?

Почему-то в отношении кроткой Элсы упомянутое действие показалось мне едва ли не кошунством.

— Да. Когда срок моей службы подошёл к третьему окончанию, я приняла решение уйти. О, вы не понимаете... Позвольте, объясню. Таков уж порядок, существующий давным-давно, со дня сотворения Цепей. Когда человек получает право стать Звеном, он перестаёт распоряжаться своей жизнью на долгие тридцать лет. По истечении первых и вторых десяти его заслуги и промахи рассматриваются на Внутреннем совете, и, если блага оказывается больше, чем вреда, Медное звено может стать Серебряным. А после и Золотым. Но может остаться неизменным, это уж как решит совет.

— И вы дослужились...

— До серебра.

— А из-за чего не дотянули до золота?

Лекарка стыдливо потупила взгляд:

— Уже после нескольких лет службы я поняла, что не хочу навечно оставаться одной из цепных. А Золотые звенья в отставку живыми не уходят. Только посмертно.

Ого. Значит, их должно быть очень мало. И многие из них, если не все, наверняка обладают дурным характером. Но не всегда же нужно ждать так долго, чтобы получить золотой знак? Керр, золотозвенник, с которым я разговаривал в столице, не настолько стар. А если уж завести разговор о Кифе...

И тут мне очень ясно вспомнилось, с каким удовольствием длинноносый говорил о вынужденном отдыхе. А ведь парню чуть больше двадцати лет от роду, и уже никакой надежды в будущем стать свободным от службы... Печально. Правда, у меня самого положение примерно такое же, если не хуже. Особенно мерзко, что подписался я на него сам, совершенно добровольно, хотя и по неведению. Впрочем, вряд ли Кифа тоже кто-то счёл нужным предупредить о последствиях повышения, а тот по молодости лет не постарался разузнать всё заранее.

— Итак, вы прослужили тридцать лет и ушли?

— Именно так.

Хм. Если я ничего не путаю, лекарке должно быть сейчас за пятьдесят. А выглядит она дай Бож! Не старше Ньяны.

Видя моё замешательство, Элса чуть укоризненно напомнила:

— Цветы, что растут здесь, дают... давали материал для чудодейственных мазей,

позволяющих казаться молодой много-много лет. Неужели вы думаете, что я сама не пользовалась плодами своего труда?

И то верно. Впредь, пожалуй, не стану восхищаться женской красотой, пока не узнаю, откуда она взялась.

— Вы были хорошим мастером. И вас просто так оставили от службы?

— С возрастом жизненные силы покидают нас, а соки тела истощаются. Разумеется, меня могли бы задержать на службе и дольше, если бы появилась такая надобность, но я приносила бы всё меньше пользы, и вскоре Цепь должна была бы содержать меня, а не жить за счёт моих трудов.

Разумно. Только немного странно, что столь опытное Звено отпустили, не позаботившись о сохранности тайных знаний. Или всё же позаботившись?

— Вам ведь наверняка известны многие секреты.

— И вам тоже, — улыбнулась Элса, — Вы же были сопроводителем, значит, должны знать и уметь намного больше, чем обычный солдат. Но скажите, что проку вам сейчас в тех навыках, которые тело могло применять только под воздействием особых снадобий?

Уела.

Да, я мало что могу повторить из прошлого. А большая часть повторенного окажется никуда не годной насмешкой. Пусть мне известно, как быстро и просто убивать людей, но в руках больше нет смертоносного и всецело преданного мне бракка, а тело стало неповоротливым и ленивым. Вообще неизвестно, на что я теперь гожусь.

— И как давно вы ушли со службы?

— Прошло больше трёх лет.

— А цветочки не выглядят настолько старыми.

Лекарка удовлетворённо прищурилась:

— Подмечаете то, что нужно. Да, это новые всходы. Несколько месяцев роста.

— Недовольство вашими мазями появилось только совсем недавно. Что же было раньше?

— Вы должны были по собственному телу заметить, что снадобья выводятся не за один день. Так же и со следами демонов: ещё какое-то время после чистки плоть сохраняет память о том, что в ней находилось. И старается соответствовать воспоминаниям. Но они постепенно стираются, пока не исчезнут вовсе... И то, что мой товар начал терять прежние свойства, означает совсем скорое расставание с наследием демона.

— Значит, вы больше никогда не сделаете ничего чудесного?

Вопрос вырвался сам собой, потому что я вдруг почувствовал острую жалость по утратам. И своим и чужим.

— Если Бож даст, сделаю. Но теперь я буду творить чудеса не отдельно от тех, кто пользуется моими снадобьями, не по собственной воле, не допускающей возражений, а совместно со страждущими. По взаимному согласию.

Наверное, так правильнее. Но, Боженка меня подери, странно и грустно сознавать, что тебя спихнули со ступеньки, от которой до неба оставался всего один шаг!

— Не жалеете, — полупопросила-полупредложила Элса. — Демоны дают многое, но отнимают ещё больше.

— Отнимают?

— И ещё как. Чем дольше демон остаётся в человеческом теле, тем глубже его когти проникают в душу. А когда смогут сомкнуться друг с другом, душа умирает.

— А тело?

— О, оно продолжает жить! Иногда очень долго. Но в таком теле демон — полновластный хозяин, и его более не сдерживают никакие обязательства. Представляете, что он способен сотворить с плотью, если будет действовать по собственному разумению и в собственных целях?

Я попробовал представить. Получилось плохо. Наверное, потому, что от обилия возможностей закружилась голова.

— Похоже, вы поняли, — заключила лекарка.

Да. Демоны страшны, опасны, жестоки, но... соблазнительны.

Трудность лишь в том, что в распоряжение человеку дано одно-единственное желание. Легко пожелать стать сильнее всех, быстрее или умнее, а если хочется всего и сразу? Как тогда быть? Надо желать каким-то особым образом, чтобы совместить все заманчивые возможности в одной просьбе. Интересно, возможно ли такое? И, если возможно, кто-нибудь и когда-нибудь, задававшийся тем же вопросом, что и я сейчас, уже попробовал исполнить не одно желание, а множество?

— Ну как, приняли решение?

Я растерянно нахмурился:

— Решение?

— По поводу письма, которое лежит в вашем кошельке.

Ах да, негодование некой Роханны Мон... На него нужно ответить. Чем я, пожалуй, и займусь, пока впереди целый божий день.

— Она может потребовать вернуть уплаченные деньги.

— Пусть. — Элса извлекала из складок платья и протянула мне кошелёк. — Возьмите. Здесь сверх того, что заплачено. Разумеется, покупательница не будет удовлетворена, но у неё, по крайней мере, не останется повода заявить, что потратилась зря.

Пожалуй, старуха будет просто в ярости, когда узнает, что источник молодости иссяк. Я бы тоже разозлился. Но против слова Смотрителя она не пойдёт. Проглотит любое моё решение. Только бы ещё удалось слова подобрать пожестче, чтобы ни у кого даже мысли не возникло перечить.

Лекарка, внимательно наблюдавшая за мной все последние минуты разговора, поднялась с лавки и ловко повязала шарф на голову, словно показывая, что беседа окончена. Однако когда я повернулся, чтобы уйти, то услышал тихое, но явственное:

— А когда наконец что-то понимаешь, главное — не останавливаться.

Нельзя сказать, будто я торопился обратно в Литто. Но и не медлил. Мне во что бы то ни стало требовалось поговорить с человеком, от которого зависела моя дальнейшая жизнь хотя бы в течение нескольких лет. И начать я собирался с извинений. Смиранных и нижайших.

Наверное, нет никакого смысла чувствовать вину уже после совершенного проступка, тем более узнавая подробности, необходимые для выбора того или иного действия, уже задним числом. Но мне было стыдно за свою настойчивость, мало того что вынудившую многих людей изменить планы, и уж куда более важные, чем исполнение моей просьбы, так ещё, что гораздо хуже, подставившую мою безопасность под удар. Причём с любого направления. Нет, демоны за каждым деревом мне не мерещились, слава Богу! Допускаю, они могли бы там быть, но на глаза показываться не спешили. И всё-таки что-то вроде страха заставляло всматриваться в каждую подозрительную тень. А заодно требовало принести извинения.

Меня же предупреждали! Да, лишь намёками и недомолвками, но упирали на то, что нужно подождать. Совсем немножко. А я нет чтобы послушаться, всё больше и больше сопротивлялся... Вот ведь дурак! И чего добился, спрашивается? Остался один перед миром. Как и хотел. Но надо же — вдруг выяснилось, что мир куда больше и заковыристее, чем мне казалось!

С Ньяной всё будет хорошо. Лекарка тоже прошла через чистку и жива-здорова. Значит, это не смертельно. Или не всегда смертельно, хотя меня здорово напугали туманными разговорами. Вот только теперь у Смотрителя Блаженного Дола нет никакой защиты, кроме редко бодрствующего жука и надежды, что сей знак сможет отпугнуть злоумышленников и приструнить ослушников. Остались лишь воспоминания да ворох снаряжения, из которого я прихватил с собой арбалет и колчан с короткими стрелами. Правда, на сопроводительской службе стрелять мне почти не приходилось, остаётся уповать лишь на юношеские умения, если столкнусь с противником.

От Натти помощи тоже ждать бесполезно. Он хоть и повёз меня в Литто, но кряхтел и вздыхал при этом так натужно, будто разваливается на части от малейшего движения, а за всю дорогу вопреки своему обыкновению и рта не раскрыл. А мне как раз хотелось поговорить. Правда, вовсе не с ним.

Битых два часа я напряжённо подбираю слова, которые помогли бы мне заручиться поддержкой длинноносого Кифа в деле добычи нового защитника. Об ожидающей ответа некрасивой девушке в мою голову не пришло ни одной мысли, кроме злорадства по поводу старухи, оставшейся без волшебных средств, туманящих мужские взгляды. Так ей и надо, нечего пытаться казаться тем, кем не являешься! Получит свои монеты обратно и пусть будет довольна, что не напишу в отчёте, какой именно товар вызвал недовольство. Хотя может, и следовало бы. Не уверен, что Элса получала разрешение на торговлю благами, оставшимися от дарственной службы, иначе жалобы попросту не смогли бы появиться...

До Наблюдательного дома я добрался уже за полдень, как раз в разгар обеденной трапезы, потому предполагал, что никого не застаю на месте, но чуть ли не за миг до того, как мои ноги ступили на крыльцо, парадная дверь открылась и появившийся на пороге человек в мундире привратника, неловко поклонившись, сообщил:

— Вас ждут. Следуйте за мной.

Лицо было незнакомым, впрочем, я и не мог знать всех местных служек наперечёт. Откуда? А вот приглашение удивило несказанно. Наверное, за мной кто-то посылал, но гонец запоздал и уже не застал меня в Блаженном Доле, а по дороге легко было разминуться: мало ли кто едет в крытой коляске? На ней ведь не написана моя должность. Но если и правда посылали, то зачем? Объявить выговор? Выгнать взащей? Нет, последнее вряд ли. Значит, первое. Ещё больше в сделанных наспех предположениях меня уверило то, что направились мы не в правый коридор, ведущий к гостевым комнатам, и не в левый, где располагались рабочие кабинеты, а в серединный. Туда, куда обычно приглашали только по особым случаям, надобностям и торжествам.

Главное церемониальное помещение Наблюдательного дома. В столице на моей памяти подобное место принимало гостей всего несколько раз, по пальцам одной руки можно пересчитать. И разы эти сопровождалась не награждениями, а наказаниями.

Я невольно передёрнул плечами, чем вызвал быстрый настороженный взгляд со стороны своего провожатого, но поразмыслить над странным поведением привратника, коротким движением зачем-то пригладившего и без того не шибко топорщащиеся волосы, не успел, потому что тот уже распахивал передо мной дверную створку.

— Сюда, прошу вас.

Зал, в котором меня ожидали, чем-то походил на тот, где новоявленному Смотрителю устраивала пышную встречу лисичка Нери. Не такой длинный, конечно, и с узкими оконными проёмами, забранными стальными прутьями, между которыми удалось бы протиснуться только скелету, но не человеку во плоти. Сами окна были распахнуты, пропуская внутрь свежий и тёплый весенний ветерок, одновременно задерживая дневной свет: чтобы избавить все уголки зала от сумерек, были зажжены десятки свечей на стенах. Мебели не было, кроме большого письменного стола и массивного кресла за ним. Кресла, слишком большого для...

— Здравствуй, дяденька.

Бритоголовой чистильщицы поблизости видно не было, зато Сосуд присутствовал во всей красе. И действовал вполне осмысленно: склонившись над большим серебряным блюдом, медленно, с явным наслаждением отрывал полоски мяса от жареной куриной тушки и отправлял в свой, как я теперь заметил, беззубый рот. На голое тело была накинута застиранная мантия, правда, она бесстыдно распахивалась на плоской груди при каждом движении, но, похоже, худышку это ничуть не беспокоило.

Громкий двойной щелчок сзади возвестил, что дверь зала заперта и пути к отступлению у меня нет. По крайней мере, пока. Сосуд на зловещий звук не обратил ровным счётом никакого внимания, из чего становилось понятно: в неведении относительно происходящего находился только один человек. Я.

Крупная капля жира не удержалась и сорвалась с клочка куриной кожи на стол. Худышка вдумчиво проследила за её полётом, пальцем растёрла образовавшуюся лужицу по кожаной обивке, полюбовалась на лоснящееся пятно и спросила:

— Здоровкаться не умеешь, что ли?

— Умею.

— Так чего молчишь?

Молчу, потому что не хочется желать здоровья странному созданию, с которым явно что-то неладно. Хотя раньше, если задуматься, Сосуд выглядел ещё страннее.

— Кто ты?

Худышка, не поднимая головы, прожевала куда-то в глубь полуобъеденного скелетика:

— А кого видишь?

Понять, что попал в ловушку, сумел бы на моём месте, пожалуй, любой олух. Но при кристальной чёткости ощущения опасности я до сих пор не мог сообразить, с чем оно связано. Мои глаза на самом деле не усматривали в окружающей обстановке ничего угрожающего, знания, как старые, так и полученные совсем недавно, почему-то перемешались между собой до невнятной кашицы, а вот опыт отчаянно вопил: «Берегись!» Но кого или чего я должен беречься?

— Сосуд.

— Ага, — кивнула безволосая. — Тогда зачем спрашиваешь?

— Вчера ты не произнесла ни слова.

— А повод был?

Главное, не дать себя сбить с пути насмешливыми и бессмысленными вопросами.

— И всё делала только по приказу.

— Вчера прошло, — глубокомысленно заявили мне, воздевая над столом обглоданную кость. — Наступил новый день!

Всё это походило на сумасшествие. Но окончательно меня добило то, что из-за высокой спинки кресла выступила вперёд та самая дорого одетая дурнушка, и её некрасивое лицо, казалось, стало ещё отвратительнее, охваченное...

Нетерпением?

Жаждой?

Желанием?

— Наступил новый день, — напевно повторила эрте Сиенн, не сводя с меня проникновенного взгляда. — Новый для всех нас.

Для меня уж точно, если вспомнить рассказы лекарки. За одно утро я узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь, правда, в очень ограниченной области знаний. Демонической.

— Боишься нового? — вдруг спросил Сосуд, впервые с начала разговора поднимая взгляд, и я понял: боюсь.

Особенно алого огня в неожиданно глубоких глазах.

— Кто ты?

— Ты сам сказал. — Худышка скучаяще зевнула.

— Сосудом ты была вчера. А кем стала сегодня?

Она отодвинула курицу в сторону, развалилась в кресле и улыбнулась, не разжимая губ.

— Если ты имеешь в виду это убогое тельце, то оно кем было, тем и осталось. Пока и так сгодится. А я ещё совсем недавно двигал руками и ногами твоей незабвенной и необъятной защитницы. Припоминаешь?

Демон? Но как и почему он вдруг смог...

— Потом меня переместили в это несчастное создание. Не скажу, что сильно упирался, особенно когда почувствовал... — Сосуд сально осклабился, смакуя собственные достижения. — Когда почувствовал, что к желанию, которого мне не послушаться, примешивается и другое. Совсем слабенькое, ничтожное, еле живое. Но оно осталось единственным, когда переход был полностью завершён. А в крошечной тьме даже крохотного язычка свечи довольно, чтобы служить маяком. И хвостом для костра.

А степень сложности-то оказалась вовсе не третьей! Не знаю, сколько их вообще

имеется, только Кифу всё же стоило вызвать оценщика. Чтобы потом не пришлось платить слишком много.

— Она хотела так мало... Всего лишь, чтобы её избавили от власти чистильщицы. И конечно, она не понимала, что абсолютной свободы не бывает, бывают лишь хозяева, определяющие длину поводка.

Демон, захвативший в свои, руки заполненный Сосуд... — Должно быть, это опасно.

— Опасно, — небрежно согласилась с моим выводом худышка.

Он что, легко копается в моей голове?!

— Я не читаю твои мысли, если это тебя заботит. Но знаю, о чём ты думаешь, потому что каждая мысль эхом отдаётся в той яме, которую вырыли посреди твоей души желания.

Да я вовсе ничего не хочу!

— Их так много, и все они такие... мм... вкусные... Мне, право, даже жаль, что свой шанс я уже израсходовал. Но мои друзья по несчастью будут довольны. И благодарны.

Последнее замечание было обращено уже не ко мне, а к дурнушке, пожирающей меня взглядом.

— О чём ты говоришь?

Женщина по имени Сиенн взяла на себя труд торжественно ответить:

— О вас. Мы говорим и будем говорить только о вас, пока всё не свершится к всеобщему удовлетворению.

Несуразица какая-то. Бред. Безумие. Меня даже никто не купит, потому что я ничего не стою!

— Что свершится?

Сосуд мерзко хихикнул, а дурнушка томно сузила глаза:

— Сев. Многократный и единовременный.

Если бы сегодня было не сегодня, а вчера, я бы легко и спокойно решил, что передо мной устраивают дурацкое представление два сумасшедших, сбежавших из Заботного дома. А с безумцами разговор обычно короткий: или сдать обратно на руки лекарям-стражам, или собственноручно прекратить страдания заблудшей души посредством умерщвления тела. Но две одинаково отвратительные женщины, объявившие, что имеют в отношении меня далеко идущие намерения, если и были безумны, то не более, чем я сам.

Предупреждали же меня умные люди, что от большого количества знаний голова рано или поздно распухнет и не сможет удерживаться на плечах! Зачем я старался залезть во все тёмные углы, которые только встречал на своём пути? Теперь мне известно многое, это да. Теперь я могу войти в предложенные жизнью обстоятельства. Но, видит Бож, именно теперь я отдал бы всё, что ни попросят, лишь бы снова вернуть блаженное неведение вчерашнего утра!

Кто играет против меня? Одержимый и его подручная. Истинное назначение и возможности дурнушки по имени Сиенн покрыты для меня мраком, но она, судя по всему, кто-то вроде осведомителя, возможно, ищейки. Кроме того, женщина вполне способна воткнуть кинжал мне под рёбра, правда, на моё счастье нас пока разделяет спасительное расстояние, не являющееся преградой для арбалетной стрелы. А как быть со вторым противником?

Демон завладел телом совсем недавно. Наверное, вскоре после того, как я уехал. А что, момент был подходящий, ведь чистильщице требовался отдых. Но если те одержимые, которых я уже встречал, всё же сохраняли в себе человеческие черты, то это существо вряд

ли осталось человеком. Разве только внешне. Сознание Сосуда было подавлено, и ничто не могло помешать демону полностью захватить свободную территорию. Значит, мне довелось познакомиться с самым настоящим, чистейшим демоном во плоти? Но я даже на пределе всего имеющегося воображения не могу угадать, в какую сторону изменилось тело худышки: вот как раз для этого знаний недостаточно.

— Примериваешься, куда ударить? — подмигнул демон тёмно-алым глазом Сосуда.

И да, кроме всего прочего он ещё чувствует, о чём я думаю. Значит, лгать нет смысла.

— Да.

— Ну если тебе нечем больше заняться, сойдёт и такое развлечение. Только я бы на твоём месте расслабился.

— Почему?

— Меня тебе убить не удастся, — проникновенно заявила худышка. — Не того полёта ты, дяденька. Да и... — Она заговорщицки распласталась над столом. — Тебе наверняка уже успели рассказать, что, если носитель умирает, да-йин выходит из его тела и может вселиться в новое. В тело человека, у которого есть хотя бы одно желание. У тебя ведь есть желание?

Я приоткрыл было рот, чтобы ответить, убаюканный вкрадчивым голосом демона, но так ничего и не произнёс, потому что вконец запутался.

Желание есть. И не одно. Только их никак не удаётся, да и ранее не удавалось выразить словами. Это было что-то вроде ощущения на самых кончиках пальцев, неуловимое, казалось бы, ясное и красочное, но стоило приглядеться повнимательнее, и взгляду представал только туман, сотканный из мятущихся теней.

Я совершенно точно чего-то хочу. Но если и сам не понимаю, чего именно, то как демон сможет понять и... исполнить?

— Не трудись, не надо, — разрешила худышка, снова откидываясь на спинку кресла. — Слова не нужны таким, как я, хоть верь, хоть не верь. Там, откуда я вырвался, вообще не существует слов, только... Вы бы назвали их чувствами.

М-да, если ещё минуту назад у меня оставалась крошечная надежда на спасение, то теперь и она рассеялась.

— Не нужно упираться, дяденька. Тебе упрямство не поможет, нам не мешает. А вот тело твоё может пострадать.

Ну и что? Какое мне будет дело до собственной плоти, когда Сев состоится?

— Думаешь, я просто взмахну рукой, ты провалишься в небытие и больше ничего никогда не будешь чувствовать? — усмехнулась худышка. — Поверь, это было бы лучшим выходом для всех нас. Но так не случится.

Возможно, демон лжёт. Возможно, говорит правду. Способа проверить нет, потому что лекарка могла бы рассказать лишь о том, что чувствуют люди с насильно подсаженными в их плоть демонами. А что происходит, когда желание исполняется по-настоящему?

— Тебя никто не собирается выгонять прочь. Хотя бы потому, что это убило бы сразу и тело и душу. Тебя только чуть-чуть подвинут в сторонку. — Сосуд сложил большой и указательный пальцы правой руки вместе, а потом немного раздвинул. — Но ниточки, связывающие тебя с чувствами, не порвутся. Телу будет больно, и ты будешь чувствовать боль. Телу станет хорошо, и ты будешь нежиться от удовольствия. Ведь одного исполнения желания мало, нужно, чтобы наниматель принял результат нашей работы.

Если так, то всё выглядит ещё запутаннее. Что же получается? Убивая одержимых, мы

всё-таки убиваем людей?

— Тебе даже позволяют принимать решения. Некоторые, — уточнила худышка. — Но главное, ты в полной мере ощутишь всё могущество твоего изменившегося тела, а это ни с чем не сравнимый восторг. Это свобода. Ты же хочешь стать свободным?

Зачем?

Я оставил службу сопровождающего и до сих пор не могу найти берег, к которому можно было бы прибиться, стену, которая дала бы мне опору.

Я отказался от услуг защитницы и почти сразу же понял, что совершил ошибку.

Я уже был свободен те несколько дней, что ждал отставки. И мне не понравилось быть свободным.

— Понимаю, о чём ты думаешь, — кивнул Сосуд — Только у каждого своя свобода. Ты не хочешь выбраться за границы. Ты хочешь занять посреди этих границ достойное место. Ты хочешь иметь возможность выбирать, а истинный выбор может сделать только свободный человек.

Он очень умён, этот демон. И он слишком много знает обо мне. Хотя неудивительно: именно он управлял действиями Ньяны, а значит, не дремал ни единой минуты нашего совместного времяпрепровождения. Пожалуй, столичный золотозвенник мог бы попробовать поспорить со столь красноречивым и искусным собеседником. Но не я. Мне не справиться.

— Вижу, тебе трудно понять. А всё слова виноваты... Целый лес, в котором можно заблудиться. Не слушай их. Слушай, как звенит натянутая струной тишина. Слушай себя.

Он замолчал, и все звуки словно разом оборвались. Мне даже показалось, что я не слышу собственного дыхания. Но никакого внутреннего голоса не возникало. Зато, переместив всё внимание на указанный демоном предмет, я чуть было не проворонил собственную судьбу.

Худышка, сделавшая вид, будто и не смотрит в мою сторону, положила правую руку на стол. Сжала пальчики в кулак, о чём-то задумалась, да так, что свет её алых глаз чуть поблек, а потом раскрыла ладонь. Сначала я увидел только еле заметное сияние, но с каждым вдохом плоской груди оно становилось всё ярче и гуще, в конце концов разделившись на пригоршню уже знакомых мне синих звёздочек.

— Ну как, услышал? — поинтересовался демон.

— Нет.

— И это хорошо. Так тебе будет легче принять моих друзей.

Я откинул полу накидки и медленно поднял взведённый арбалет. Взвод случился сам собой, в тот момент, когда я услышал щелчок закрывающегося за моей спиной замка: палец дёрнулся, опуская скобу. А стрела с самого начала находилась на положенном месте.

Конечно, против демона моё оружие бессильно. Зато против его намерений — вполне действенно. Лучше и быть не может.

— Всё-таки решил попробовать удариться головой о стену? — спросил Сосуд, зевнув во весь беззубый рот. — Упорный ты, дяденька. Но если это тебе так уж нужно...

Худышка свободной рукой бесстыдно оголила остренькое плечико, а вместе с ним и большую часть груди.

— Стреляй. Хотя бы ради того, чтобы убедиться: всё напрасно.

Да, я думаю примерно о том же. Напрасно. Что бы я ни попытался сделать, выйти из этого зала мгновенно не удастся, а любое промедление принесёт выгоду лишь демону. Поэтому выходить не буду.

Лучше уйду.

Я поднял арбалет ещё выше, разворачивая наконечником стрелы вверх, но не к потолку, а к собственному подбородку. Поднёс так близко, чтобы чувствовать кожей горла чуть зазубренную кромку стального лезвия.

— Неправильное решение, — заметил Сосуд.

Мне и самому не нравилось то, что я собирался сделать. Но позволить, чтобы в моё тело

ворвались демоны... А хуже всего было ощущение упущенных возможностей. Оно нарастало, как снежный ком, пущенный вниз по склону горы.

Почему всё это не случилось незаметно, когда не нужно было думать или понимать? Ночь Сева прошла мимо, и даже в той тюремной камере, когда ничего не понимающий юноша умер, из его тела наверняка вырвался на свободу демон, но не тронул меня. Почему? Побрезговал? Или в те минуты я ничего не желал? Наверное, так и было. Я прошёл мимо своего шанса в который уже раз. Но если тогда чудо могло случиться самостоятельно, то сейчас мне его навязывают, причём так упорно, что оно вызывает только отторжение и ничего больше.

Да, я хочу занять достойное место в жизни. Хотел, по крайней мере. Думал, что заслуживаю этого. А теперь получается, гожусь быть только безвольной куклой. Даже хуже того: всего лишь... Сосудом.

Если бы желание и вправду было одно, можно было бы попробовать поверить демону. Но он сам сказал, во мне много желаний, а это значит, что мою душу раздербанят на кусочки. Я всё равно умру. Перестану быть единым целым. Так не лучше ли умереть сразу, а не по частям? Тот прибоженный знал, что значит быть всего лишь половиной. И умер в отчаянной попытке обрести целостность. Так неужели я окажусь настолько глупым, чтобы расстаться с уже имеющимся сокровищем?

Всё, что делает дурак, всё он делает не так... Любой другой на моём месте слушался бы старших и по возрасту и по званию, сидел бы тихо и не пытался барахтаться. Ведь у меня же всё было: должность, послушно исполняющие мою волю люди, покой, наконец. Так ведь нет, всё это казалось чужим, не принадлежащим мне. И сейчас кажется. У меня так и не появилось дома. Места, где я могу просто быть. Так зачем мне тогда быть вообще?

— Тебе не нравится?

— Нет, — подтвердил демон, но почему-то не продолжил свою песнь о том, что всё напрасно.

Значит, я выбрал правильный путь. Теперь только бы не упустить мгновение, когда нужно сделать первый шаг.

— Вы же не хотите умирать! — почти взвизгнула дурнушка.

Конечно, не хочу. Я хоть и дурак, но не сумасшедший. Был бы безумен, давно уже проглотил бы синие искорки.

Сосуд сузил нестерпимо пылающие огнём глаза:

— Надеешься оказаться быстрее? Что ж, давай сыграем в твою игру.

Его рука напряглась, готовясь отпустить в полёт охотников по моё тело, я сглотнул, прижимая вспотевший от ожидания палец к спусковому крючку. Время замерло, затаив дыхание, словно азартный зритель, даже движение воздуха остановилось, опустив на зал гробовую тишину, в которой яснее ясного прозвучало ленивое:

— Эх, дети, дети, нашли себе противников по разуму... Не бойтесь, что придёт кто-то взрослый и отшлёпает вас от всей души?

* * *

Он прятался за одним из окон. Всё время нашего разговора? Или подошёл только сейчас? В любом случае убирать арбалет я не спешил, хотя добавившаяся в противостояние третья сторона явно собиралась выйти из сражения победителем. Причём единственным.

Высокая фигура просочилась сквозь прутья решётки так легко, как будто могла изменять размеры по малейшему желанию. Трёхцветные пряди чуть приподнялись и тут же

вновь тяжело рассыпались по плечам. Охотник скрестил руки на груди и скучаясь прислонился к стене.

— Ну давай выпускай своих птенчиков.

Сосуд зло раздул ноздри:

— Ты не сможешь проглотить их всех. Подавишься!

— Проверим?

Как я понял потом, выбора у демона всё равно не было, и он резко выпростал руку с огоньками. В мою сторону конечно же.

Синие звёзды взметнулись вверх, но вместо того, чтобы ринуться ко мне, растерянно подёргиваясь, зависли в воздухе, потому что зал накрыло шквалом желаний, каждое из которых по силе было не чета моим.

Да, я тоже всё это ощущал, хотя скорее зрением, нежели другими органами чувств. Достаточно было посмотреть на охотника за демонами, расслабленно и вроде бы неподвижно стоящего у стены, чтобы осознать всё его могущество. Нет, даже черты его лица не дрожали. Волосинки с места не страгивались. Но в глазах, вдруг ставших бесконечно многоцветными, горел огонь, по сравнению с которым алый взгляд демона казался всего лишь потухшим угольком.

Наверное, я никогда бы не смог так желать. Да, мне хотелось жить. И жить лучше, чем мнилось в воображении. Но в то же время я был готов отказаться от своих же сокровенных желаний. Готов уступить. Чему? Службе. Заботам других людей, которые казались мне более важными, чем собственные. Всегда ведь казались. Сопроводительская ли служба искромсала того, кем я был в детстве и юности, или так было предначертано задолго до моего рождения, не знаю. Но мне довольно было услышать слово «надо», и спрашивать согласия уже не требовалось.

Значит, я не просто дурак, а дурак безвольный. Находка для любого командира. Вот только ухитрился по глупости сделать так, что даже эти весомые достоинства померкли перед непредсказуемостью моей дурости. И зачем меня тогда спасать?

Хотя вряд ли охотник спасал именно меня. Ему нужно было обезопасить мир от кучки демонов, собравшихся в одном месте, и он это делал. Блестяще. Я бы даже сказал блистательно: облако синих искр дрогнуло, разорвалось, и огоньки один за другим покорно полетели к охотнику, чтобы раствориться в сиянии его взгляда. Наконец демон в зале остался только в единственном числе, но попытаться бежать или спастись иным образом не попробовал. Наверное, потому, что от охотника для него спасения не было.

— Я не слишком долго заставил тебя ждать?

Сосуд презрительно сплюнул на стол кусочек непрожёванного мяса:

— Да я и не тороплюсь.

— Пора присоединяться к друзьям.

Демон кивнул, поднимаясь на ноги. Выпрямился во весь рост, выпятив плоскую грудь, замер на мгновение, а потом с сухих губ сорвалась последняя синяя искорка, и худышка, судорожно дёрнувшись, безжизненно осела на пол. Охотник вздохнул, протянул ладонь навстречу огоньку демона, поймал звёздочку, стиснул в кулаке, а когда разжал, синих отсветов в зале больше не осталось.

Дурнушка, обречённо наблюдавшая за происходящим, всхлипнула, но не испуганно, а скорее обиженно, как поступают дети, не получившие желанного подарка, воткнула себе под подбородок стилет, незаметно появившийся из узкого рукава, и тихо опустила рядом с

Сосудом. Иттан бесстрастно посмотрел на два неподвижных тела и спросил:

— Ты за ними отправишься или останешься?

Только тут я сообразил, что всё ещё прижимаю наконечник арбалетной стрелы к своему горлу, и опустил оружие.

— Откуда ты взялся?

— Проходил мимо. И, как оказалось, не зря, — ответил охотник, приблизившись к двери и коротким ударом выбив запертый замок вместе с обломками досок наружу. — Прогуляемся?

Я шагнул через порог зала, чтобы едва не споткнуться о тело привратника. Успокоительно мёртвое.

— Ты его прикончил?

— Больше некому было.

Пожалуй. Вот только как он успел повсюду, ума не приложу. Хотя, как вскоре выяснилось, даже охотник не смог быть вездесущим, когда это требовалось.

Трупов оказалось немного, но, наверное, именно малое количество и заставляло каждый из них принимать особенно тяжело. Несколько служек, изломанными куклами навечно застывшие в коридорах Наблюдательного дома. Кто-то из местных Звеньев, попавшийся под горячую руку убийцы. Коротышка с накинутой на голову всё той же мантией, испачканной пятнами, к которым теперь прибавилось ещё одно, большое и кровавое. Чистильщица, вытянувшаяся на кровати и пустыми глазами глядящая в потолок. Киф, скорчившийся в углу смежной комнаты...

Киф?!

Я остановился в паре шагов от длинноносого, боясь услышать уже многократно повторенное охотником: «Мёртв», но слишком долго не нарушаемое словами молчание заставило обернуться и вопросительно посмотреть на Иттана, получая в ответ:

— Он ещё с нами.

Я присел рядом с золотозвенником, стукнувшись коленями об пол, и осторожно коснулся прожилки, прячущейся под посеревшей кожей шеи. Пульс нащупывался очень тихий, но он был. Так же как был и никуда не хотел деваться нож, рукоять которого насмешливо торчала из груды длинноносого. О таких ранениях нам рассказывали во время обучения. Особенно о том, что ничего нельзя сделать, пока оружие не будет удалено из раны, но как раз его удаление и убьёт человека.

— Что, стыдно?

Я, растерянный от того, что меня застали врасплох, поднял голову:

— О чём ты говоришь?

— Да у тебя просто такой вид, как будто ты виноват в его... неприятностях.

Но ведь так и есть. Киф вполне мог ещё вчера днём благополучно оказаться в столице, живой и невредимый. Хотя... В конце концов, решение было не только моим, но и его тоже. Потому что он, как и я сейчас, чувствовал себя необъяснимо виноватым. Но куда больше меня обеспокоило и одновременно обнадежило слово, произнесённое охотником.

— Неприятностях? Он же при смерти!

— Ага. Точно так же, как ты при должности.

— Которую я не могу оставить.

— А кто же намерен собирался проткнуть себе голову стрелой? — хмыкнул Иттан.

Ничего не понимаю. Не могу даже заставить себя понимать.

— Что ты хочешь сказать?

— Есть один способ... — туманно протянул охотник, выходя в коридор. — Сейчас вернусь, только кого-то из посыльных найду. А ты пока тут посиди да пригляди, чтобы он ненароком не шевелился.

Его шаги быстро стихли за поворотом, и я остался наедине с Кифом, синеватые губы которого вдруг дрогнули и прошептали:

— Может, всё-таки вынешь его?

— Кого?!

— Нож. Я сам не могу. Пробовал, только от боли рука отнялась.

Длинноносый имел право умереть так, как желает, но мне почему-то вдруг захотелось повторить слова демона про «неверное решение».

— Я этого не сделаю.

— Ну и гад.

— Знаю.

Он помолчал, потом, собрав ещё одну горстку сил, сказал:

— Я всё равно не выживу.

— А мне обещали другое.

— Кто?

— Охотник на демонов. И знаешь, я ему верю. Особенно после того, как остался жив благодаря его помощи.

— Охотник! — брезгливо выплюнул Киф. — Он никогда и никому просто так не помогает.

Об этом я догадывался. Нет, знал наверняка. Потому что сам задолжал Иттану уже не одну ответную помощь.

— Если есть шанс остаться в живых, им надо воспользоваться.

— Шанс... Если бы ты знал, о чём говоришь, — выдохнул длинноносый, явно собираясь что-то рассказать, но не успел, потому что в комнату весёлым вихрем ворвалась уже знакомая мне низенькая толстушка в ярко-синей мантии.

— Что же это тут у нас? Ага, негодный мальчишка, из-за которого пришлось проделать не самый приятный путь! Ну ничего, вот на тебе сейчас всё недовольство и вымещу!

Она щёлкнула пальцами, подзывая к себе безволосое создание, очень похожее на давешнюю худышку, но вполне одетое и не выглядящее истощённым.

— Поди сюда! Нет, не настолько близко. Вот так, хорошо, — одобрила дёрганные действия Сосуда сереброзвенница и обратилась к Кифу: — А ты сейчас малость подремлешь, и всё будет исправлено.

Тот попробовал отшатнуться, но наткнулся на мою руку.

— Не надо, прошу вас...

— Это ещё почему? — удивилась толстушка.

— Я не хочу, чтобы во мне был... один из...

— Боишься! — понимающе заключила женщина. — Так это неудивительно. Все боятся. Поначалу. Ничего, привыкнешь!

— Нет... — Длинноносый умоляюще взглянул на меня. — Выдерни его. Или мы никогда не станем друзьями.

— Врагами тоже не станете, — спокойно сказал с порога мой знакомый золотозвенник, явившийся в Литто не при всём параде, как Киф, а в невзрачном тёмно-сером костюме. —

Не позволю. Как не позволю тебе взять и уйти. Молод ещё, чтобы принимать такие серьёзные решения. А вы придержите его. — Эти слова уже предназначались мне и дополнились репликой толстушки:

— Только осторожно!

В следующее мгновение я понял почему: серебрязвенница вдунула в ноздри Кифа какую-то пахучую пыль, и парень закатил глаза, расслабляя все мышцы разом. Женщина не мешкая положила одну свою ладонь на лоб длинноносого, второй коснулась щеки Сосуда, и уловить, как и когда синяя искра переместилась с места на место, оказалось почти невозможно. Был только короткий росчерк крохотной молнии, следом за которым толстушка отточенным движением вырвала нож из раны.

По телу Кифа тут же прошла судорога.

— Держите крепче!

Он не пытался вырваться. Разве что потом, когда начал приходить в себя. Зло скинул мою руку со своего плеча, поднялся, опираясь о стену, хмуро посмотрел на золотозвенника по имени Керр.

— Я это запомню.

— Надеюсь, — довольно улыбнулся тот.

— Ну вот, все живы, все здоровы! Больше желающих на мои услуги нет? — игриво осведомилась серебрязвенница.

Ответом послужило дружное молчание. Женщина усмехнулась, помахала нам всем ладошкой и, смешно переваливаясь с ноги на ногу, всё столь же быстро и энергично вышла из комнаты, как будто только что не совершала никакого чуда. Следом, чуть не втыкаясь в нас, отправился и Сосуд, чьи глаза, в которые я невольно заглянул, были пустыми по-настоящему.

— Тебя ждут в столице, — сказал золотозвенник Кифу, — Ты и так уже запоздал с отчётом.

Длинноносый промолчал, хотя по губам было видно, что он многое хочет сказать своему начальнику. Причём вовсе не лестное.

— Давай-давай, не задерживайся! Я притащил сюда порталную группу, так что отправишься сразу.

— Как прикажете.

— И не дуйся заранее. Ещё будет повод, и не один! — пообещал золотозвенник в спину Кифу, потом повернулся ко мне и спросил: — Ну как, исполнилось ваше желание?

***

Сначала я вообще не понял, о чём он говорит, потому что беседа, проводившаяся в одной из комнат Наблюдательного дома Веенты, ушла в слишком далёкое прошлое относительно сегодняшнего дня. В прошлое, которое, похоже, покинуло меня безвозвратно.

— Покой обрели? — уточнил Керр.

— Хм... Да. Чуть было не обрёл. Причём вечный.

Золотозвенник рассмеялся, и теперешнее его поведение так резко противоречило прежнему, что можно было подумать: передо мной тогда и сейчас были совершенно разные люди.

— Довольны?

И как ответить? Всё, что просил, получено. Хотел высокую должность? В Блаженном Доле и нет никого выше меня. Хотел покоя? Вон он был, совсем рядом, на блюдечке, только

руку протяни и бери. Хотел чего-то замечательного и чудесного? Насмотрелся за несколько дней на чудеса так, что уже отпрыгивается.

— Наверное, должен быть.

— А вот это вряд ли. Никому вы ничего не должны. Даже мне, хотя ни за что не смогли бы получить свою должность без моего участия.

И ведь он не намекает, что рассчитывает на мою благодарность. Нет, всего лишь упоминает о своём участии в деле. Небрежно так, мимоходом, будто то, к чему он приложил руку, не требовало усилий. Почти никаких.

— А зачем вы вообще меня сюда отправили? Неужели не было других кандидатов? Более подходящих?

— Имеющейся у вас подготовки вполне достаточно, — заверил золотозвенник — Так что из всего ряда людей, способных принять должность Смотрителя, вы ничем не выделялись в худшую сторону.

О, как это мне знакомо! Не выделялся. Вот чему я выучился исправно. Но он упомянул лишь об одной границе.

— А в лучшую?

Керр на мгновение отвёл взгляд, словно прикидывая, говорить всю правду или обойтись её кусочком.

— В вас было и есть некое благоприобретённое качество, лично для меня перевешивающее многие способности других достойных людей.

И хотя казалось, что он говорит искренне, я всё же усомнился:

— Что-то не верится.

— Вы помните ночь, проведённую в тюрьме? Ночь, когда мы с вами впервые встретились?

— Разве такое забудешь!

— То была ночь Сева. — Он испытующе всмотрелся мне в глаза, проверяя, значит ли для меня что-то упомянутое слово, и, получив безмолвный ответ, удовлетворённо кивнул самому себе. — Они всегда случаются неожиданно, через разное количество времени от предыдущего.

— Да, об этом мне уже рассказывали. Некая Элса Квери.

— Как у неё дела? — тут же тепло и с интересом осведомился золотозвенник.

— Живёт не тужит. И почти распрощалась с наследством, оставшимся от службы.

— Замечательная новость! Надо будет непременно передать её... — Он осёкся и вернулся к прежней теме: — Так вот, в ту самую ночь неизвестное количество демонов нашли себе пристанище. Да, на всех людей их бы не хватило, но я мог быть уверен только в одном человеке, что он совершенно чист. Догадываетесь, о ком я говорю?

Понятно, что обо мне. Но дальше-то куда двинемся?

— Демоны обошли меня тогда стороной, верно. Но что в этом хорошего для вас?

Он с притворной строгостью сдвинул брови:

— Неужели не понимаете? Только не говорите «да», иначе я в вас разочаруюсь!

— Да пожалуйста. Разочаровывайтесь. Божа ради.

Золотозвенник хохотнул:

— Теперь эта маска упрямого невежества вам уже тесновата. Вы показали себя если и не в лучшем виде, то вполне достойно. Да, я говорю обо всём, что вы успели натворить в должности Смотрителя. Спросите, откуда знаю? Есть разные способы. Один, например,

стоит сейчас за дверью и подслушивает.

Охотник оскорблённо поправил, выглянув из-за косяка:

— Не подслушиваю, а слушаю!

Они что, вместе ведут свои дела? Ну ничего себе...

— Но главное ваше достоинство, как я уже сказал, состоит именно в том, что демоны прошли мимо. По какой именно причине, сейчас уже неважно. Зато вы остались человеком.

То ли на своё счастье, то ли на свою беду. И не поймёшь сразу. Да и человек-то из меня всё такой же, не выделяющийся.

— Впрочем, хватит шуток. — Золотозвенник тревожно посерьёзnel. — Сев прошёл, а это означает, что скоро начнётся война.

Равнодушный всплеск на границе слуха. Война? Это нам знакомо. Это привычно. Только врага назначьте, а уж мы ату его, ату! Та же самая служба, на которой не нужно думать, кто прав, а кто виноват.

— Людей с демонами?

— Если бы... Тогда всё было бы куда проще. Нет, сражаться эти твари будут между собой. Делить захваченное добро. Но людям, конечно, при этом не поздоровится. В такое время мне важно знать, что есть те, кого можно будет призвать...

— В ополчение?

— И туда тоже. Видите ли, помимо Сева у демонов очень мало возможностей попасть в человеческое тело, и, если кто-то уцелел в Ночь синих звёзд, он драгоценен, как корона Дарствия.

— Даже если бесполезен?

— Пользу можно извлечь из чего угодно, — заявил золотозвенник. — Но, разумеется, обученные и неглупые люди будут и вовсе на вес золота. Именно поэтому я так спешил отослать вас из столицы в то единственное место, где появления демонов не могло случиться.

— Ну как это не могло? — Я вспомнил спятившего пастуха. — И там до одного добрались.

— В горах, уже за границей Дола, — сказал охотник. — Если бы он не забрёл так далеко, остался бы цел.

— А что такого в Блаженном Доле, если демоны туда не суются?

— Его жители не объята желанием, — улыбнулся Керр.

— И этого достаточно? Ведь бывают же случаи, когда...

— А на всякие другие случаи есть я, — просто и одновременно гордо сказал Иттан.

— Блаженный Дол всегда находился под покровительством охотников за демонами, — пояснил золотозвенник. — Так уж повелось. Там вы могли находиться в полной безопасности.

— Тогда вы выбрали мне не самую подходящую должность. Смотрителю ведь часто приходится отлучаться.

— На такие случаи есть защитники.

Керр словно намеренно, чтобы я не мог не обратить внимания, произнёс это слово во множественном числе. Ну насчёт Няны всё понятно, и даже спрашивать не нужно. А как меня мог защитить Натти? Натти, которого уложила в постель странная лихорадка? Натти, в чьих волосах появилась и пропала серебряная седина, очень похожая цветом на треть прядей из шевелюры охотни...

Рядом с физиономией охотника в дверном проёме возникла ещё одна, венчающая плотную фигуру в кроваво-белом мундире.

— Все на местах и ждут распоряжений, — доложил «багряный». Золотозвенник кивнул и, словно разом растеряв весь интерес к разговору со мной, стремительно шагнул за порог комнаты, но прежде, чем последовать за своим подчинённым, строго сказал Иттану:

— Не забудь сдать расходники.

— А зачем? — широко улыбнулся тот и похлопал ладонью по животу.

— У меня целее будут.

Керр нахмурился было, но охотник, почувствовав, что его собеседник на какое-то время перестал воспринимать шутки, добавил:

— Да сдал уже, не волнуйся!

— Не шути так. Не надо, — тихо попросил золотозвенник и поспешил туда, где его, судя по всему, настойчиво ждали. Пока я наблюдал за исцелением Кифа, оказывается, кто-то уже прибрался в смежной комнате: ни трупа чистильщицы, ни прочих следов убийства нигде не было видно. Словно ничего и не происходило. Охотник проследил направление моего взгляда и подтвердил:

— Быстро работают. И на совесть.

— Ты работаешь вместе с ними?

Иттан скривился в попытке улыбнуться:

— Нет. Я сам по себе.

— Что-то непохоже!

— Цепи и рады бы заполучить меня к себе. Особенно «духовники». Но нам с ними не бывает долго по пути.

— А что так?

Он хмыкнул:

— Не люблю делиться секретами.

— Это я заметил.

— Ты насчёт того маленького обмана?

Ничего себе маленький! Взять хотя бы фокусы с изменением внешности.

— А кстати, как это тебе удаётся?

— Что? — спросил охотник, глядя на меня ржаво-карим взглядом.

— Ну вот так... меняться?

— Ах это... — Он пожал плечами. — Я думал, ты уже догадался. Способ-то тот же.

Тот же? Возможно. Да не совсем.

— Элса сказала, что охотники умеют не только убивать демонов, но и подчинять их. Каким образом?

— Убить-то? Легко! — ответил он, ловко обойдя вниманием вторую часть моей фразы. — Заполучить демона можно на сильное желание, как на крючок с наживкой. А потом остаётся только подсечь и вытащить из воды. Вернее, из того тёплого местечка, где Семя может прорасти.

— А попроще можешь объяснить?

— Проще? — Иттан, теперь уже наполовину являвшийся Натти, чуть подумал и улыбнулся: — Пожелал. Поймал. Перестал желать.

Я представил себе все перечисленные шаги и недовольно качнул головой:

— Чистильщики тоже так делают, когда наполняют свои Сосуды. Но ведь в них демоны

продолжают жить, а не умирают.

Охотник глубоко вдохнул, выдохнул и очень серьёзно сказал:

— Переставать желать нужно полностью. Совсем, понимаешь? Никаких желаний. Ни одного. Кромешная пустота.

— Всё, больше ничего не говори! — взмолился я — Мне и этого хватит на неделю ночных кошмаров.

— Да ладно тебе, ничего тут страшного нет! Только привычка нужна. И сноровка, — подмигнул теперь уже точно Натти, прислушиваясь к отдалённому гулу голосов в лабиринте комнат и коридоров. — Пойду попрошу, чтобы тебя до Дола проводили.

— А почему не...

Он понял, о чём я хотел спросить, и виновато вздохнул:

— Надо с братцем поболтать, пока он тут, а не там. Узнать, чем столица дышит, да и вообще...

— Не надо мне провожатых.

— Обиделся, что ли?

— Какие обиды? Прогуляюсь пешком. До развилки найду попутчиков, а оттуда пройду. Погода хорошая. Да и вообще...

Рыжий хмыкнул, услышав из моих уст свои же слова, но спорить не стал. Только, уходя, повернулся и ткнул пальцем в воздух на уровне моей груди: мол, мы с тобой ещё не закончили. Жаль, моего ответного жеста охотник уже не увидел...

Наверное, я по природе своей слишком туп, чтобы замечать очевидное и находить ему верное объяснение. Всё это время меня водили за руку, как маленького мальчика, вроде и позволяя играть любыми игрушками, но не спуская глаз. Ко мне было приставлено столько пастухов, что даже если бы я захотел, всё равно не смог бы наделать непоправимых глупостей.

А что, вполне разумно. И, как ни странно, ни капельки не обидно. Даже немного жалко сознавать: больше присмотра не будет. Потому что мальчик подрос настолько, чтобы сам мог присматривать за кем-либо.

Потому что мальчик переболел желаниями и, проходя через граничную заставу Блаженного Дола, наконец-то почувствовал, что возвращается к чему-то понятному, родному и близкому.

Потому что, идя по тропинке следом за закатным солнцем, мальчик ничего не желал, ведь у него всё уже было или могло появиться, если вдруг потребуется.

Потому что после долгой дороги перед мальчиком открывалась дверь дома, который мог стать крепостью, но в котором уютнее было жить без замков и засовов...

Рассвет я встречал, сидя за столом и глядя в распахнутое окно. Просто смотрел, как потихоньку светлеет небо, перенимая розовые оттенки у яблоневых цветов, а потом перекидывается в синеву, но не ту, что несёт с собой опасность исполнения желаний.

Всю ночь я не смыкал глаз, думая обо всём сразу и в то же время не думая вовсе ни о чём. Спать не хотелось, потому что тело и разум балансировали на лезвии, разделяющем два бездонных моря. Блаженное спокойствие и азартное ожидание бились упругими волнами в тонкую преграду, которая очень скоро должна была уйти у меня из-под ног, как нож из груди Кифа.

Что-то обязательно должно измениться. С минуты на минуту. И я был готов встретить будущее, крадучись подбирающееся к зрительскому дому. Но, конечно, я не знал точно,

что отвечу и как поступлю, когда...

Когда за окном прошелестят по каменным плитам тропинки лёгкие быстрые шаги.

Когда полоса солнечного света, льющегося в окно, дрогнет и разорвётся струями, огибая знакомый силуэт и золотом вспыхивая в рыжих волосах.

Когда локти натруженных рук выжидательно упрутся в подоконник.

Когда широкий рот растянется в улыбке.

Когда прозвучат слова, которых я больше не ждал и не боялся, потому что нет смысла ждать предначертанного и бояться неизбежного...

Не знал, пока не услышал:

— Нужна твоя помощь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net